

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1–2(124)

Выходит 4 раз в год. Год издания 24-й

Январь–июнь 2017

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ПОПУЛИЗМ В РОССИИ И МИРЕ: ТЕМА НОМЕРА	
От редакции	15
Борис МАКАРЕНКО. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива	15
Андрей МЕДУШЕВСКИЙ. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе	28
Андрей РЯБОВ. Парадоксы современного популизма. Причины его взлета в развитых демократиях и отсутствия на постсоветском пространстве	48
Георгий ЧИЖОВ. Украина в объятиях популизма: Предпосылки политического популизма в Украине	57
Александр КЫНЕВ. Электоральный популизм на российских выборах	65
Алексей БЕРЕЛОВИЧ. Путин – популист на фоне западных лидеров	82
Лев ГУДКОВ. Особенности российского популизма	91
СО СТОЛА СОЦИОЛОГОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Денис ВОЛКОВ, Степан ГОНЧАРОВ. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ	105
Карина ПИПИЯ. Структура образа мигранта в российском общественном мнении	130
Екатерина КОЧЕРГИНА. Как общество отвечает на неотрадиционалистскую политику государства на примере отношения к абортам	141
Ольга ГОЛЬДМАН, Елена БЕРДЫШЕВА. Система онкопомощи в России: о некоторых результатах мониторинга пациентов в г. Москве	152
К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
Лев ГУДКОВ, Наталия ЗОРКАЯ. Вытеснение истории: что осталось от мифа революции?	161
ВЫСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ ЮРИЯ ЛЕВАДЫ	
Анастасия КАЗУН. Откуда берется повестка дня?	182
Роль СМИ в конструировании значимости событий	
Елизабетта КОРСИ. Проблемы повседневной жизни трансгендера в России	190
Нина АРТЕМЬЕВА, Михаил БОГДАНОВ, Даниил ЛЕБЕДЕВ, Алина НАЗИМОВА. Факторы, определяющие тип потребления алкоголя среди студентов	203
Памяти Алексея Гражданкина (10.10.1959 – 07.07.2017)	233
Авторы номера	234
SUMMARY	235

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
О.Н. Крендясова

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1–2(124)

Quarterly

January–June 2017

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

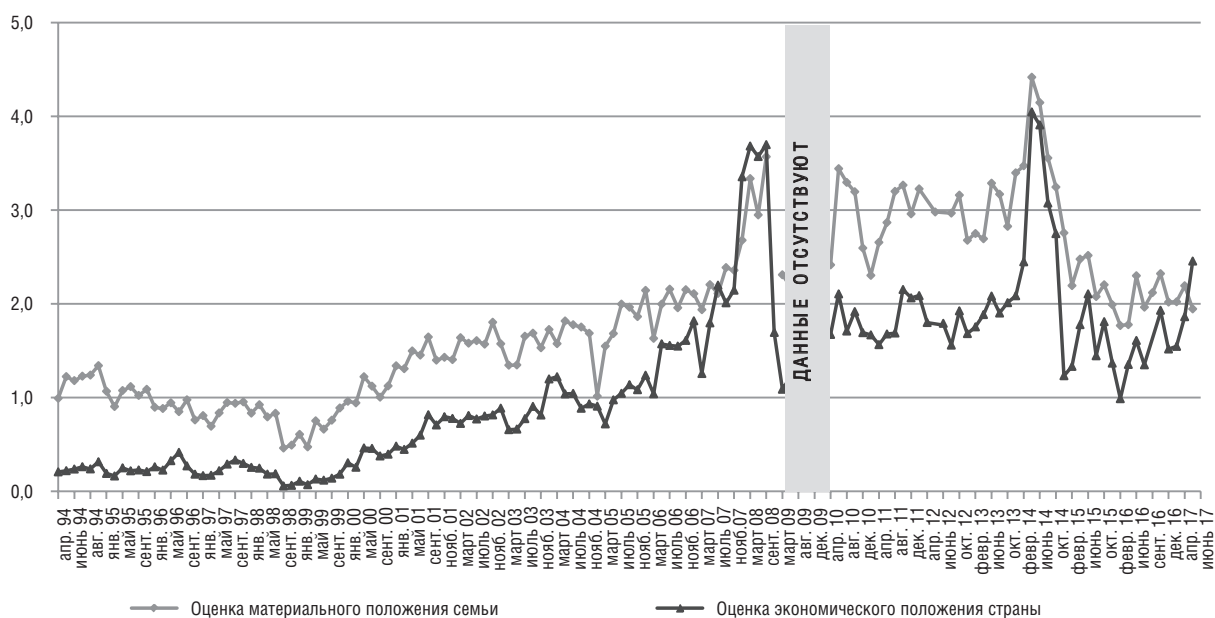
CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
POPULISM IN RUSSIA AND IN THE WORLD	
From editors	15
Populism and Political Institutions: A Comparative Perspective (by Boris Makarenko)	15
Populism in Western Europe and Russia: common traces and peculiarities in the comparative perspective (by Andrey Medushevsky)	28
Paradoxes of modern day populism. The causes of its upsurge in developed democracies and lack thereof in the former USSR (By Andrey Ryabov)	48
Ukraine. Embraced by populism: Preconditions of political populism in the Ukraine (by Georgiy Chizhov)	57
Electoral populism on Russian elections (by Alexander Kynev)	65
Putin – the populist in comparison to European leaders (by Alexis Berelowitch)	82
Peculiarities of Russian populism (by Lev Gudkov)	91
FROM THE DESK OF RESEARCHERS: EMPIRICAL STUDIES	
Russian Media-Landscape: Main Trends in Media-Consumption (by Denis Volkov and Stepan Goncharov)	105
The structure of migrant's image in the Russian public opinion (by Karina Pipiia)	130
How Russian society responds to the neo-traditionalist politics of Russian state: attitudes towards abortions (by Ekaterina Kochergina)	141
Anticancer Care in Russia: Some Results of Moscow Cancer Patients' Survey (by Olga Goldman and Elena Berdysheva)	152
CENTENNIAL ANNIVERSARY OF OCTOBER REVOLUTION	
The wiping out of history: what is left of the revolutionary myth? (by Lev Gudkov, Natalia Zorkaya)	161
WORKS OF YOUNG RESEARCHERS PRESENTED ON THE CONFERENCE IN THE MEMORY OF YURI LEVADA	
Where does agenda come from? The role of the media in setting the importance of events. (by Anastasia Kazun)	182
Daily life problems of a transgender person in Russia (by Elisabetta Corsi)	190
Factors determining the type of alcohol consumption among students (by Nina Artemieva, Mikhail Bogdanov, Daniil Lebedev and Alina Nazimova)	203
IN MEMORIAM	
Alexey Grazhdankin (10.10.1959 – 07.07.2017)	233
Authors of the issue	234
SUMMARY	235

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

«Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»
«Как бы Вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

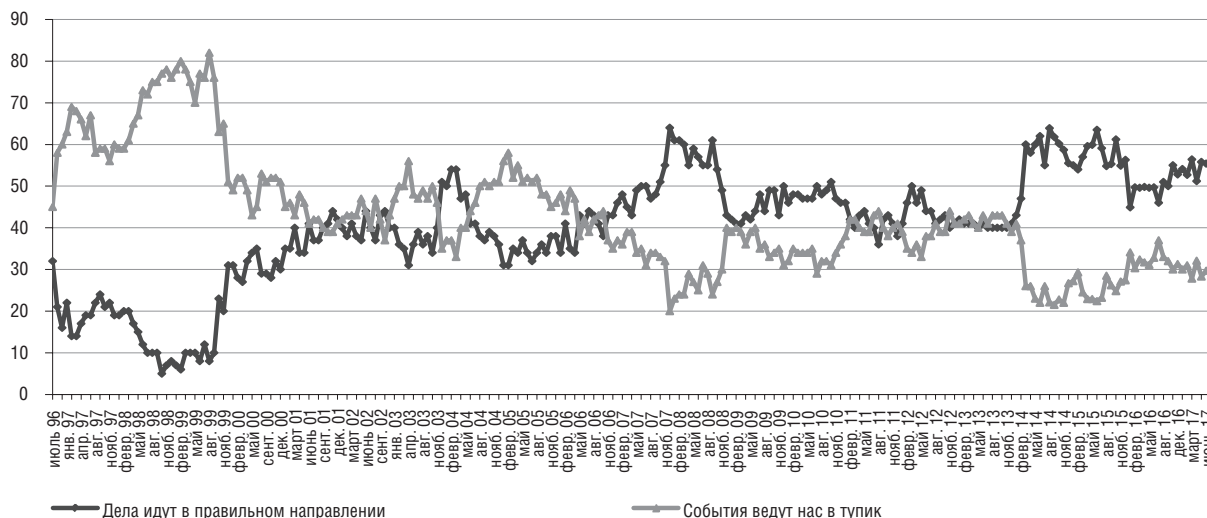

В 1994 г. N=3000, в 1995 2001 гг. N=2400, в 2002 2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

После присоединения Крыма к России в марте 2014 года показатели резко поднялись, достигнув к июню максимума за весь период наблюдений (1994–2014 гг.), но уже в августе начали снижаться, переходя в стремительное падение в ноябре и декабре. На протяжении 2016 года оценки экономического положения семьи оставались ниже уровня 2010-х годов. С апреля 2017 года восприятие общего положения дел в экономике стало более позитивным, но оценка материального положения семьи остается без изменений.

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

А. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

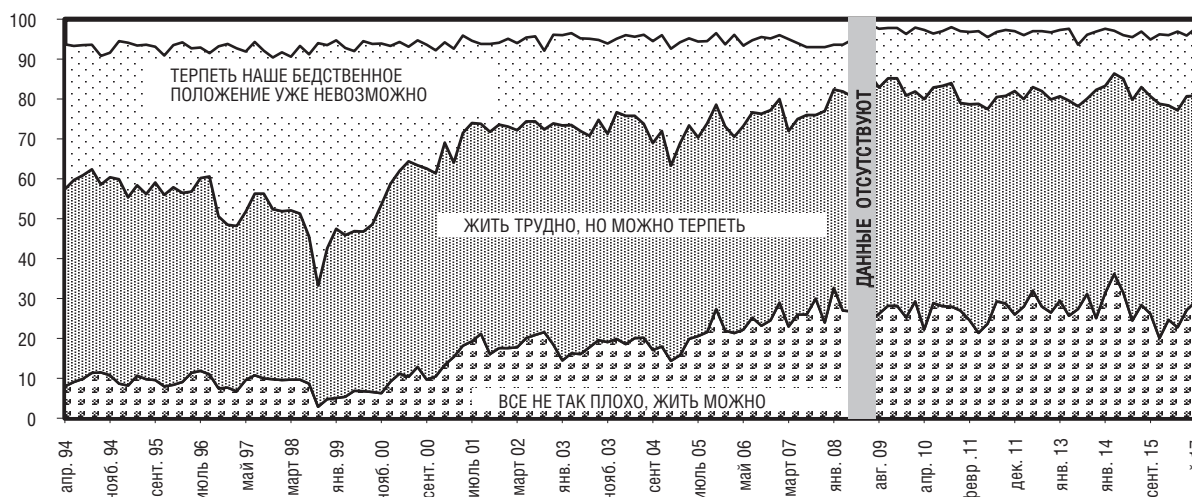

N=1600.

С началом событий на Украине, после присоединения Крыма к России и развертывания пропагандистской антиукраинской и антизападной кампании в СМИ доля одобряющих «дела в стране» быстро выросла до уровня предкризисного лета 2008 года. Критические настроения резко ослабли. Весь год общие позитивные оценки («правильный курс развития страны») держались с некоторыми колебаниями на отметке 60%. К концу 2015 года показатели начали снижаться, а с весны 2017 года — чуть расти, что можно рассматривать как определенную адаптацию к кризису.

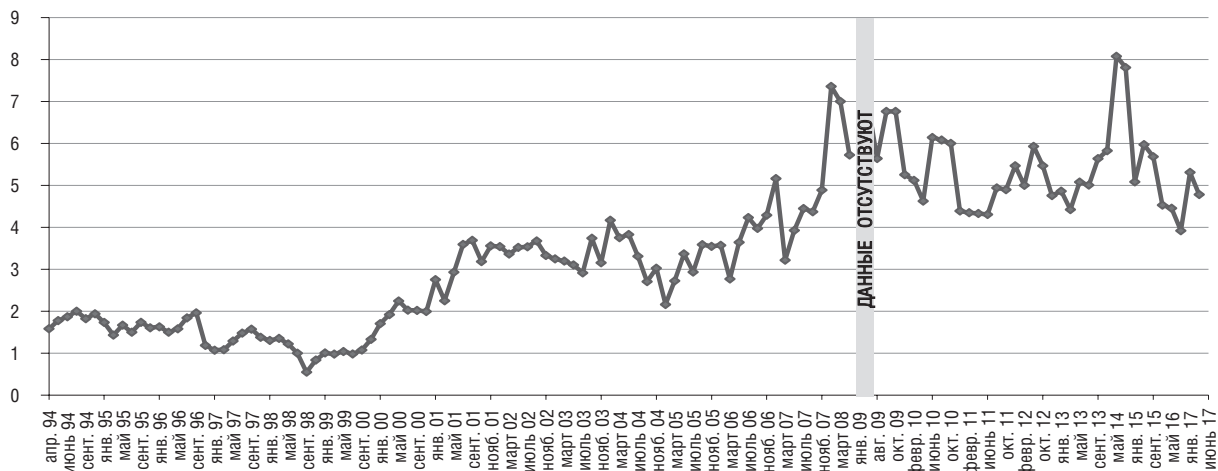
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ

А. «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?»

В 1994 г. N=3000, в 1995—2001 гг. N=2400, в 2002—2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Б. Отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (затруднившиеся с ответом не учитывались)

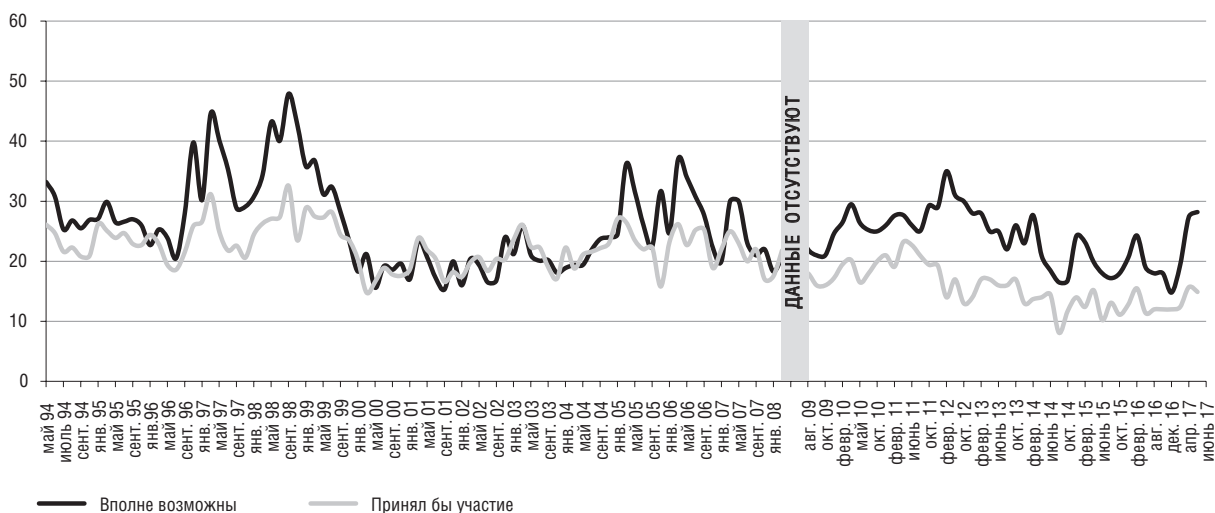

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

А. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

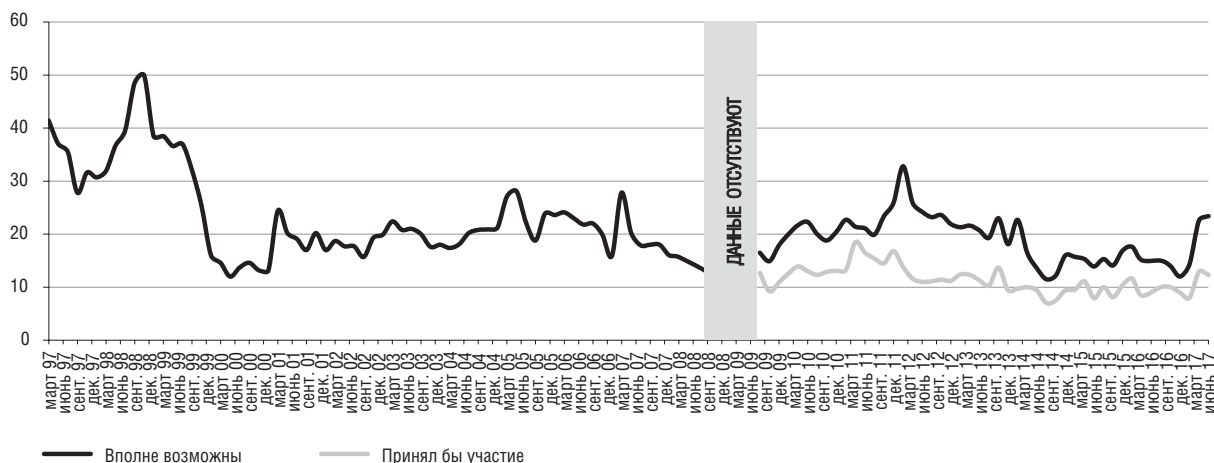

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

Б. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

**«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*;
«Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)**

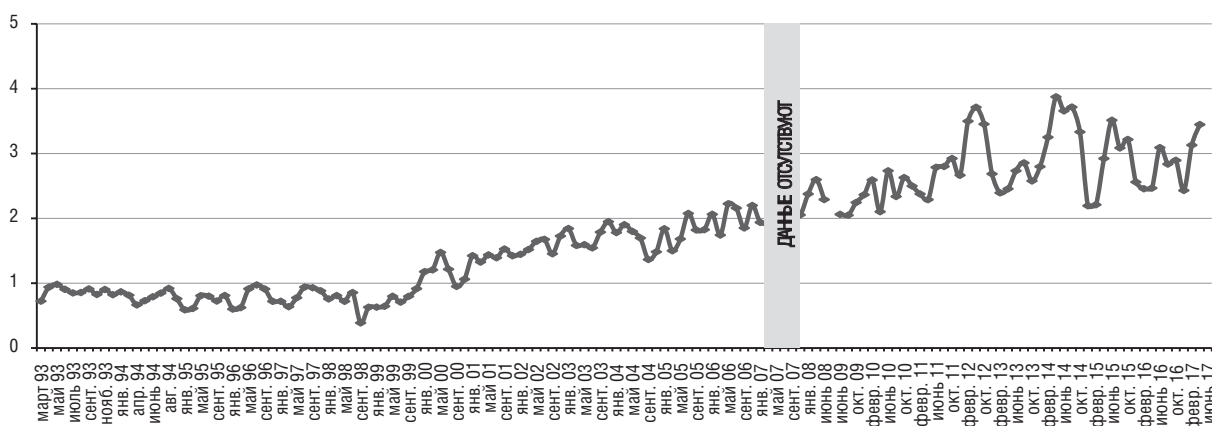

В 1997–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Снижение показателей экономического оптимизма сопровождается – с некоторым запозданием – снижением «запаса прочности». Население после паники в ноябре-декабре 2015 года возвращается к прежним моделям «пассивной адаптации» после длительного периода «потребительского бума», к установке – «надо терпеть». Хроническое массовое недовольство происходящим в экономике и общественной жизни сопровождается отказом от действий, направленных на изменения социально-политической системы. Однако ожидания массовых протестов заметно выросли весной 2017 г., хотя готовность участвовать в них самих респондентов мало изменилась.

5. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

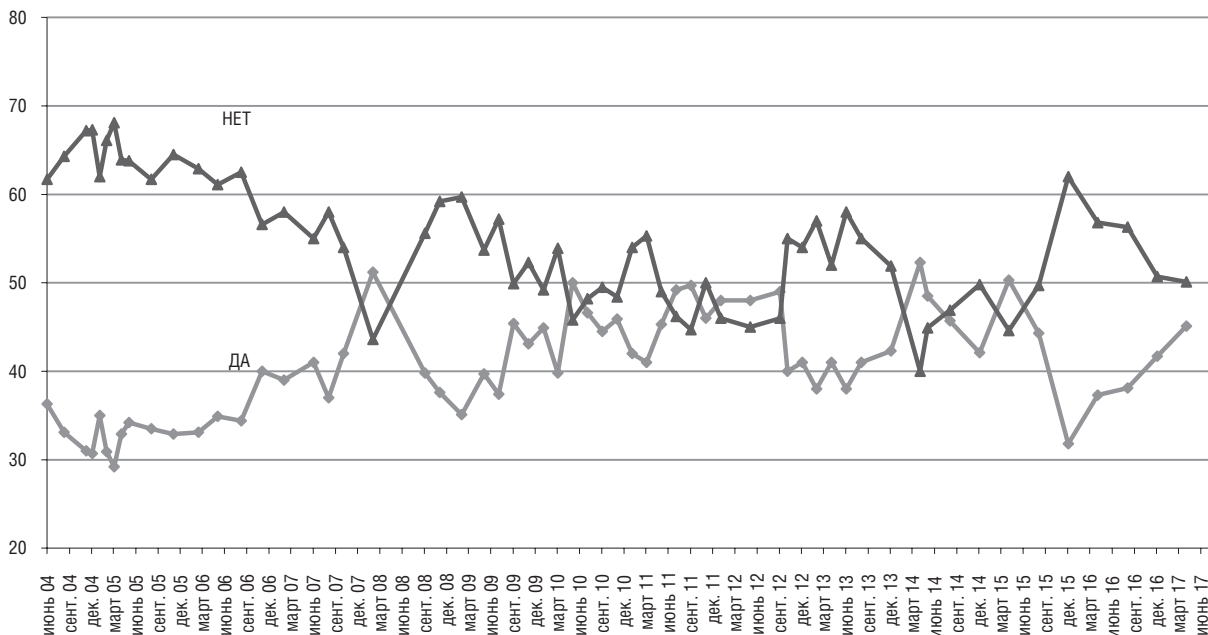

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Период 2012–2017 гг. демонстрирует крайнюю нестабильность эмоциональных состояний общества – короткие циклы переходов от возбуждения к быстрому психологическому спаду.

6. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

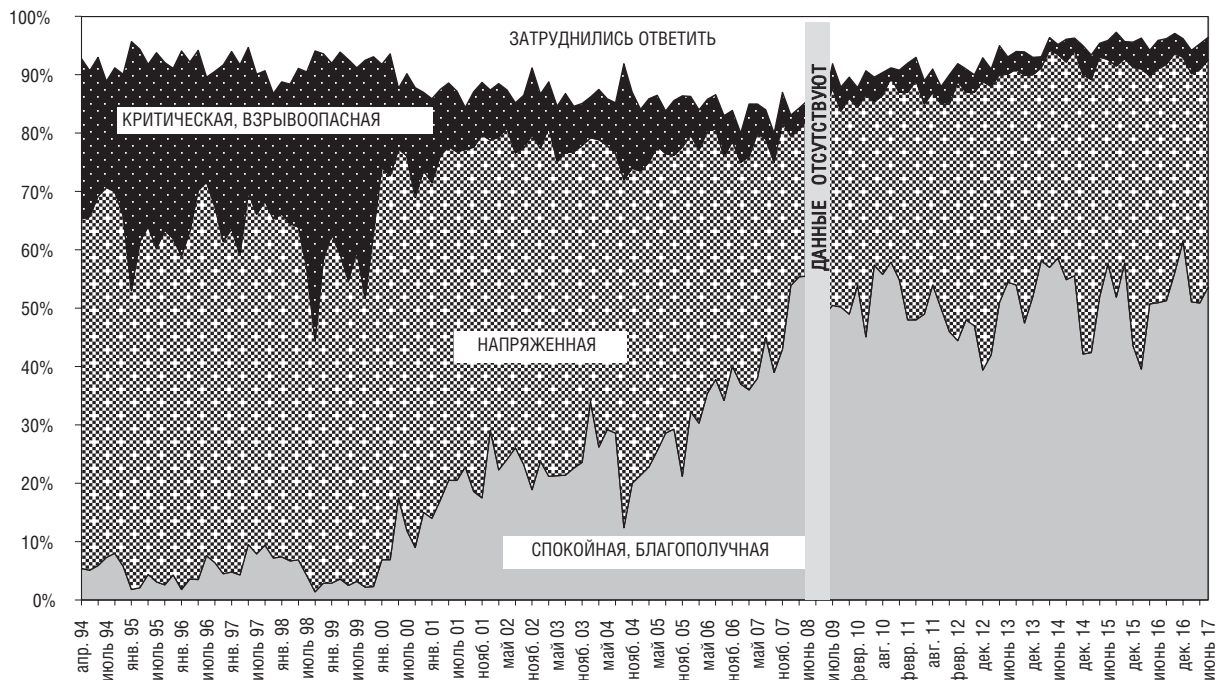

N=1600.

«Крымский синдром» и патриотическая мобилизация закончились, но уверенности в будущем нет.

7. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

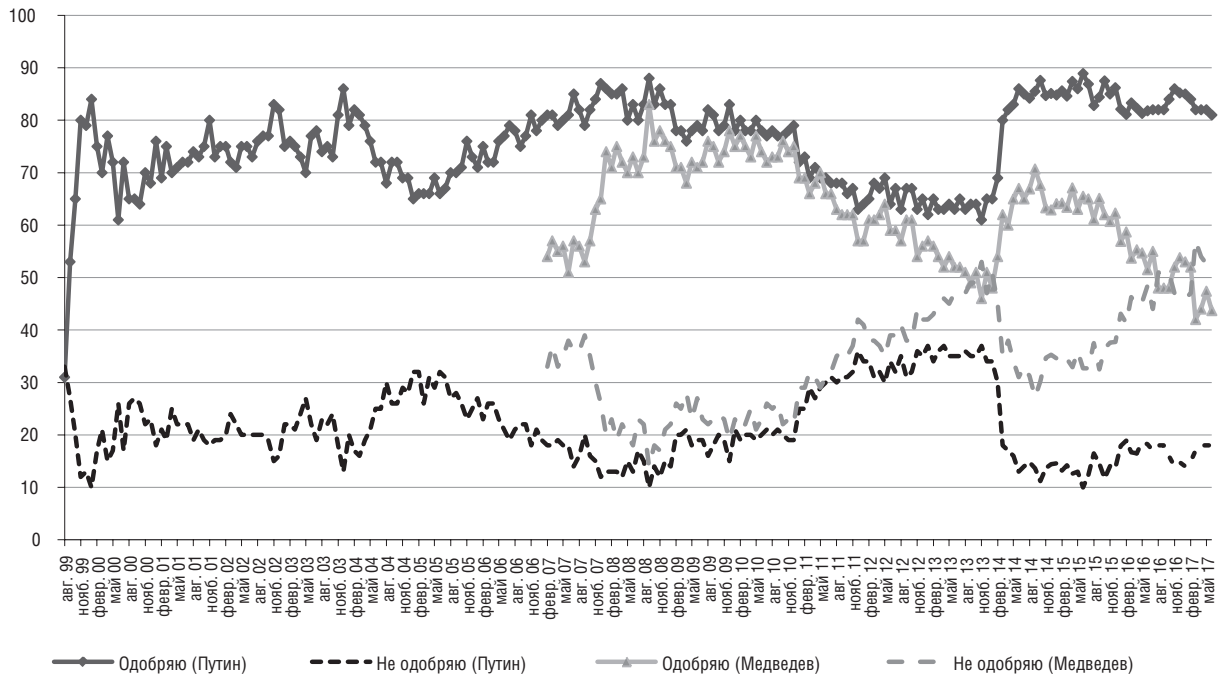
Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

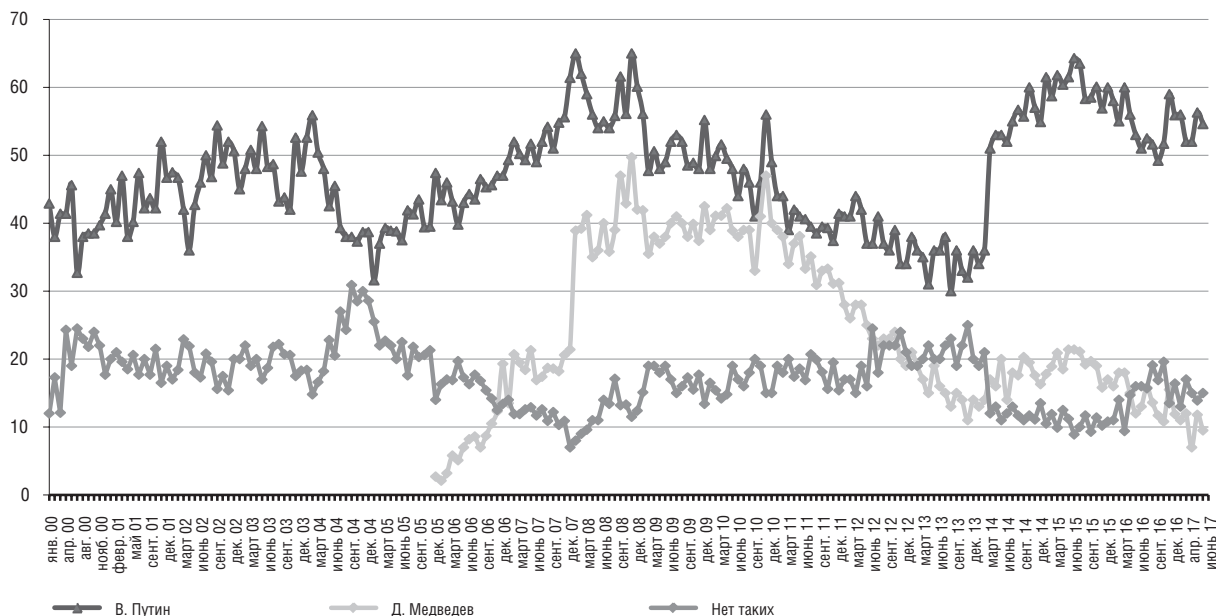
8. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

А. «Одобряете ли Вы деятельность Владимира Путина?»; «Одобряете ли Вы деятельность Дмитрия Медведева?»

N=1600.

Б. Доверие к Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву (в % от числа опрошенных, по данным открытого вопроса: «Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете»)

N=1600.

9. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете

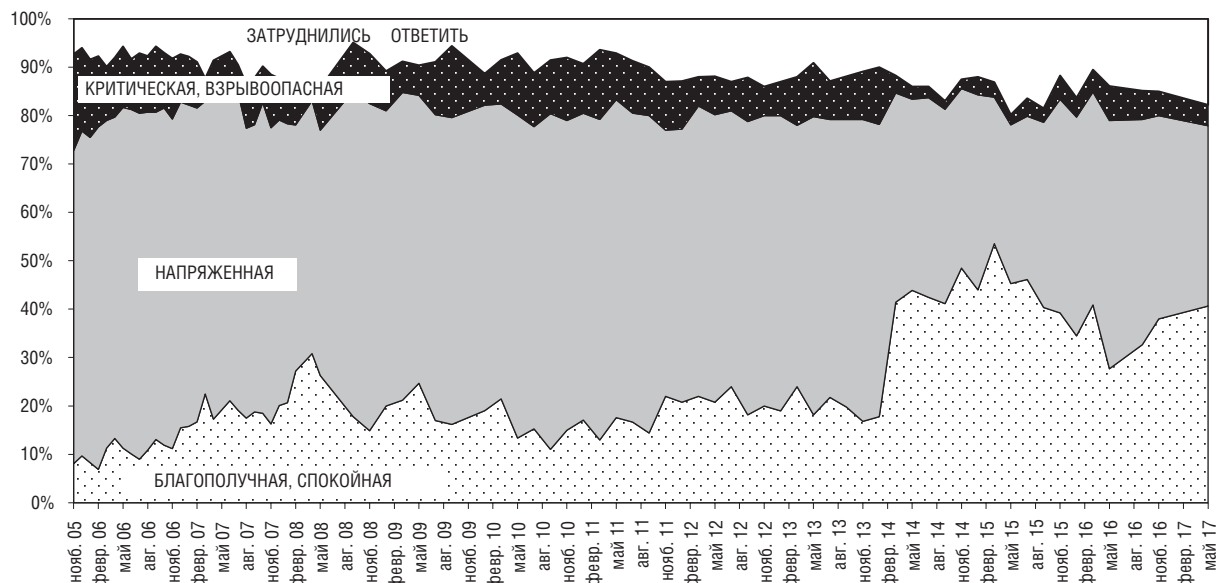
(в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравших от 2% и более в последних трех замерах, открытый вопрос)

Вариант ответа	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016			2017				
	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	I	VII	XII	I	II	IV	V	VI
Жириновский Владимир	11	10	14	10	9	11	14	11	15	13	14	14	13	13	12
Захарова Мария	-	-	-	-	-	-	-	1	1	3	3	2	2	3	3
Зюганов Геннадий	9	9	11	11	10	10	11	10	11	9	9	9	8	8	8
Иванов Сергей	6	6	3	2	1	2	4	4	2	2	2	2	1	2	2
Кадыров Рамзан	-	-	2	-	-	-	3	3	4	3	3	3	4	6	5
Кудрин Алексей	3	3	2	3	3	2	2	3	1	2	2	2	2	2	2
Лавров Сергей	6	6	8	4	4	16	16	20	21	20	21	22	21	26	21
Лукашенко Александр	4	2	2	1	2	4	4	3	3	3	2	1	2	3	2
Матвиенко Валентина	6	3	8	3	4	5	6	5	4	3	3	3	3	3	3
Медведев Дмитрий	41	39	35	22	15	18	21	16	16	12	11	12	7	12	10
Миронов Сергей	3	3	5	4	3	3	3	3	4	4	3	4	3	4	4
Навальный Алексей	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	2	3
Патриарх Кирилл	-	-	7	3	5	4	4	7	3	4	3	4	4	5	4
Песков Дмитрий	-	-	-	-	-	-	-	2	2	2	4	3	3	3	4
Путин Владимир	53	48	40	41	38	55	64	58	53	56	56	52	52	56	55
Рогозин Дмитрий	2	2	1	1	2	2	3	3	1	2	-	-	-	3	2
Собянин Сергей	-	-	4	3	4	4	5	4	5	4	3	3	3	5	5
Шойгу Сергей	16	15	21	11	18	22	1	1	24	23	24	22	23	30	26
Нет таких	15	16	21	18	18	13	13	26	16	16	13	17	15	14	15
Не интересуюсь политиками, политикой	13	17	15	16	22	14	10	11	13	12	14	15	14	13	12
Затрудняюсь ответить	6	6	5	7	4	6	4	2	5	5	7	5	7	4	5

N=1600, - вариант не был назван.

10. ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Как Вы оценили бы сейчас обстановку на Северном Кавказе?

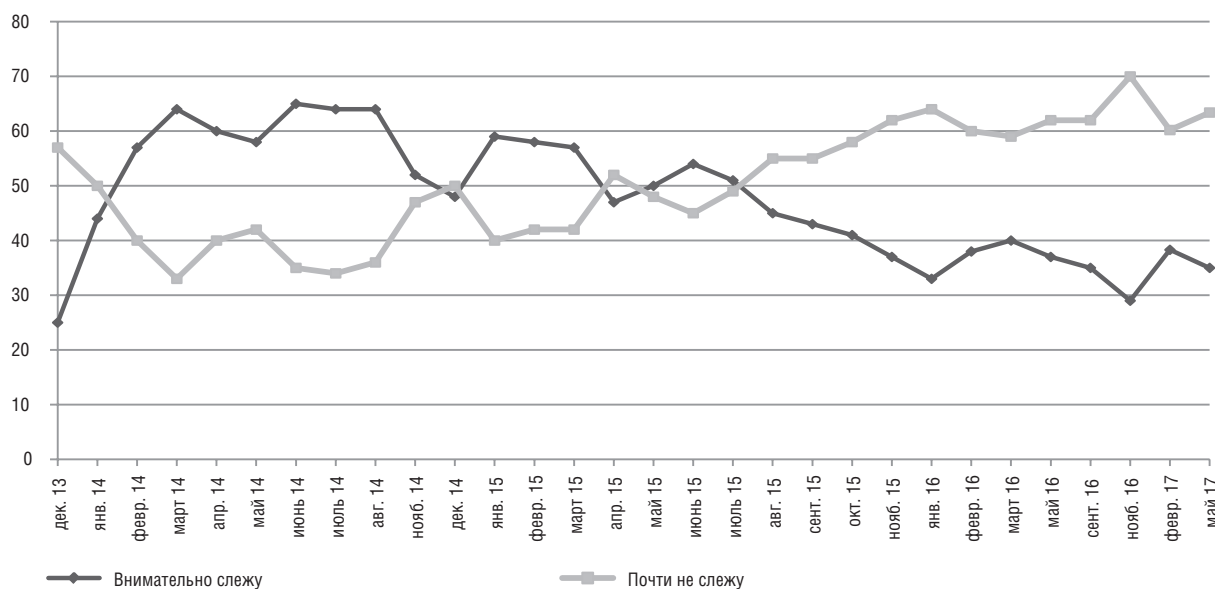

N=1600.

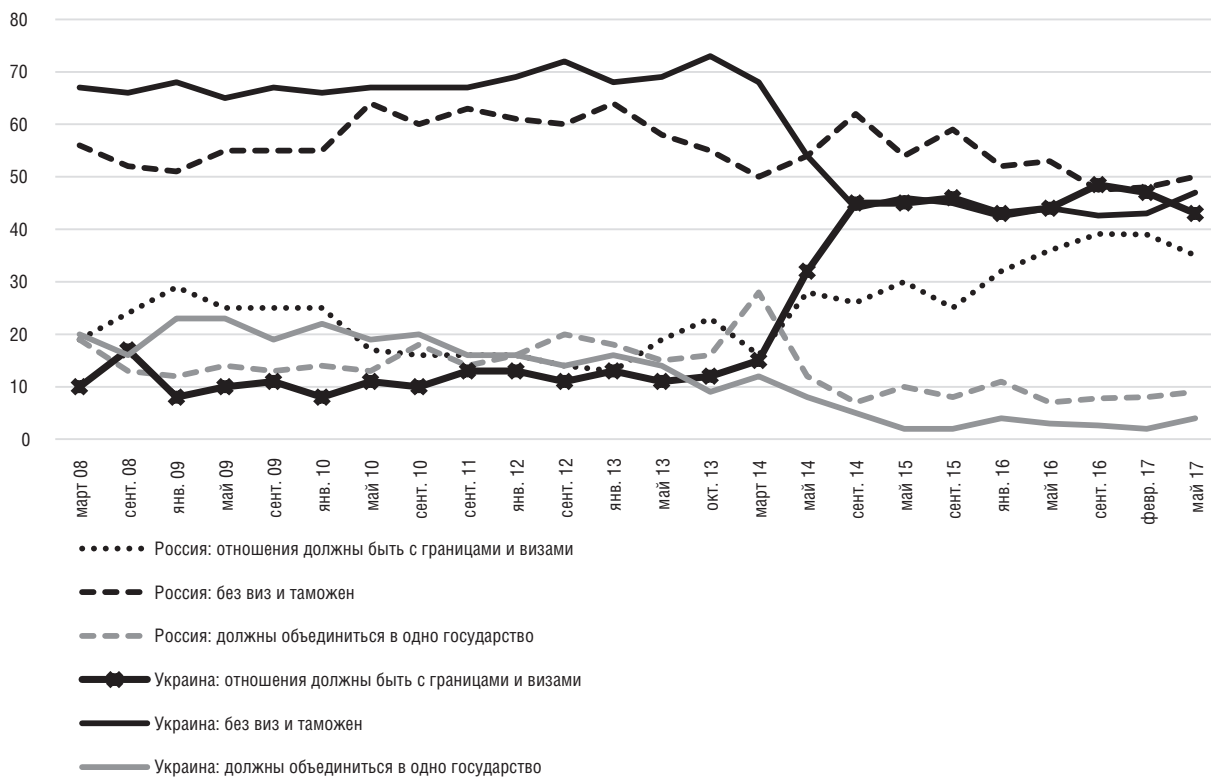
Общий рост поддержки власти и «социального оптимизма» весной 2014 г. сказался и на оценках положения дел на Северном Кавказе – доля людей, считающих, что на Северном Кавказе царит благополучие, остается высокой. Это указывает на переключение общественного мнения с Кавказа на другие проблемы, ослабление интереса к положению дел в этом регионе и косвенную поддержку режима Кадырова, обеспечивающего «порядок» в Чечне.

11. РОССИЯ И УКРАИНА

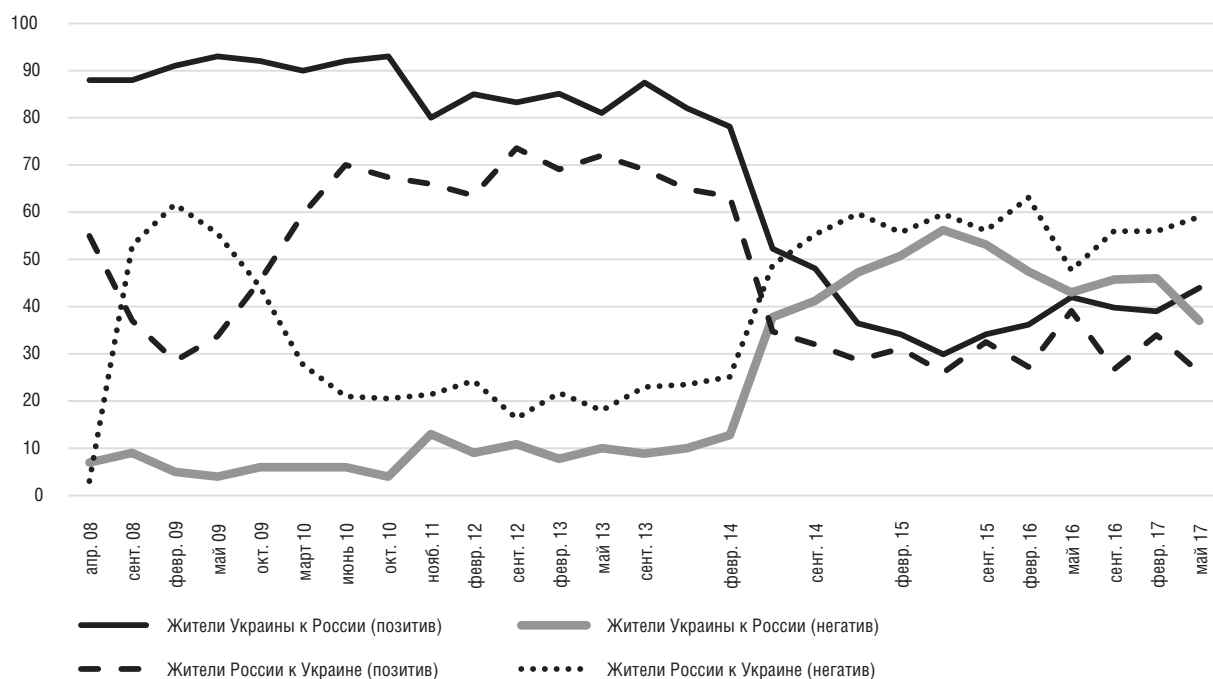
А. «Следите ли Вы за последними событиями на Украине?» (отношение положительных оценок – «очень внимательно» и «довольно внимательно» к отрицательным – «без особого внимания» и «совершенно не слежу»); затруднившиеся с ответом не учитывались)

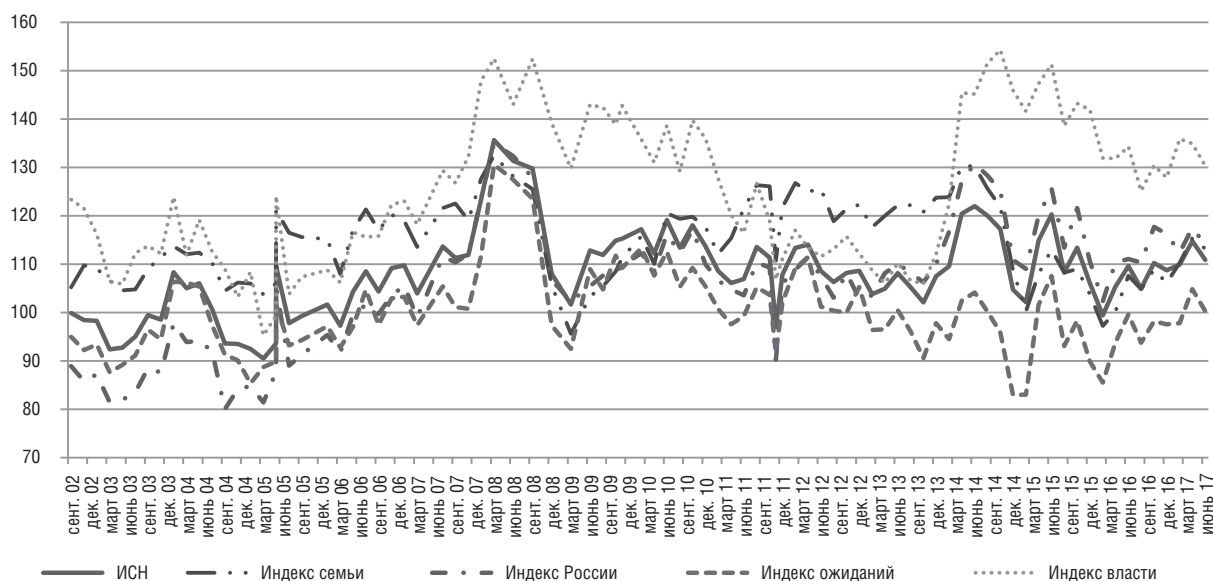
Б. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной Вы бы скорее согласились?» (данные Левада-Центра и КМИС)

В. «Как Вы в целом относитесь сейчас к России? ... к Украине?» (данные Левада-Центра и КМИС). (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

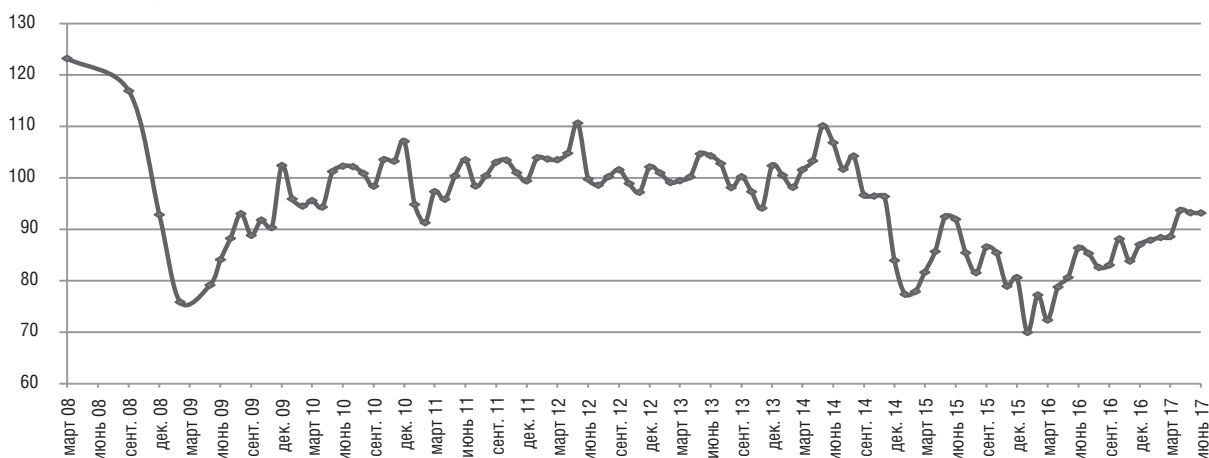

12. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

В первой половине 2017 г. происходило незначительное улучшение общественных настроений, благодаря которому частично компенсировано снижение индексов ИСН и ИПН в предыдущие месяцы. В первую очередь речь здесь идет о динамике социальных настроений (ИСН). Еще в августе 2016 г. значение индекса снизилось до 105 пунктов, затем стало понемногу восстанавливаться. С начала нынешнего года значения ИСН увеличились со 109 в феврале до 115 пунктов в июне. Однако это по-прежнему заметно ниже, чем два года назад (июнь 2015 г. — 120 пунктов), не говоря об историческом максимуме значений перед кризисом 2008 г. (ИСН март 2008 г. — 136 пунктов). Характерное для периода двухлетней давности заметное преобладание оптимистических оценок действий властей постепенно сокращается, и это становится одним из важных факторов, сдерживающих позитивную динамику сводного индекса. В ожиданиях на будущее продолжают преобладать пессимистические оценки.

13. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Потребительские настроения тоже демонстрируют вялую динамику. Значение индекса с января по июнь увеличилось на 5 пунктов, причем весь этот рост пришелся на апрель и полностью объясняется сезонными факторами. Остаются негативными оценки текущих условий на потребительских рынках. Только каждый пятый опрошенный считает, что сейчас подходящее время для крупных покупок, в то время как доля сторонников противоположного мнения в полтора раза выше. Частный потребительский спрос сейчас не является источником экономического роста и, судя по динамике настроений потребителей, не сможет им стать в ближайшем будущем.

14. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

А. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее близкими друзьями, союзниками России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным открытого вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май	2017 Май
Беларусь	46	47	38	50	49	35	34	46	51	55	50	46
Китай	12	24	19	18	16	18	16	20	40	43	36	39
Казахстан	20	33	39	38	32	33	28	31	37	41	39	34
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10	15
Индия	16	15	14	12	14	16	9	7	13	18	18	14
Армения	9	14	15	15	15	11	11	12	15	18	13	12
Куба	-	-	-	8	10	13	8	9	10	14	10	11
Узбекистан	4	6	6	9	5	7	5	5	6	8	9	9
Таджикистан	3	3	7	9	4	5	4	5	8	7	6	9
Азербайджан	5	7	5	10	8	9	9	8	9	11	7	9
Киргизия	5	7	7	9	4	6	5	5	6	10	7	8
Молдавия	4	4	4	5	3	4	4	6	7	2	2	8
Сербия	3	4	3	5	5	4	4	3	5	8	6	5
Болгария	11	10	9	9	8	9	7	10	8	4	4	4
Грузия	-	-	-	-	-	2	1	2	1	3	2	4
Иран	2	4	3	2	2	1	2	1	2	2	2	4
Япония	4	6	5	5	5	5	4	4	4	2	5	4
Италия	6	7	8	5	8	6	7	5	3	1	3	4
Туркмения	2	2	8	5	1	3	2	2	3	4	2	4
Монголия	-	-	-	3	4	5	2	3	3	6	3	3
Венесуэла	-	-	2	8	10	6	5	6	5	9	6	3
Северная Корея	-	-	-	-	-	4	1	1	3	3	3	3
Израиль	5	3	3	3	4	5	4	3	4	2	3	3
Египет	2	1	2	2	2	5	2	2	2	4	3	2
Германия	23	22	24	17	24	20	17	14	4	2	2	2
Чехия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	2
Франция	13	8	9	9	11	9	9	4	1	1	2	2
Украина	17	10	11	3	20	21	13	16	1	1	2	2
Нет таких/ Затруднились ответить	24	28	28	27	23	26	35	29	29	25	25	26

N=1600.

Б. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным открытого вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май	2017 Май
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9
Турция	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29	8
Франция	<1	1	1	1	<1	1	1	2	5	7	4	8
Япония	6	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5	6
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4
Канада	1	1	<1	1	<1	1	1	1	7	8	6	3
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2	3
Ирак	10	9	8	5	9	9	8	7	3	2	2	3
Иран	6	7	7	3	7	7	7	5	2	2	2	2
Румыния	2	2	2	3	3	3	1	2	2	3	2	2
Саудовская Аравия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	2
Нет таких/ затруднились ответить	20	23	19	18	21	15	28	31	20	17	15	14

N=1600.

ПОПУЛИЗМ В РОССИИ И МИРЕ: ТЕМА НОМЕРА

От редакции:

Проблема популизма в последние годы получила неожиданную актуальность в разных странах, с разными политическими и институциональными системами. Эта тема стала предметом дискуссий в рамках совместного проекта Фонда Конрада Аденауэра в Москве и экспертной группы «Европейский диалог» (Москва). По инициативе Е.Ш. Гонтмахера, с одной стороны, К. Кроуфорд, с другой, в апреле в Москве, в мае в Берлине прошли две конференции, где с докладами и сообщениями выступили А. Берелович, П. Бурас, К. Грабов, Й. Клозе, Р. Поленц, А. Умланд, С. Фишер, И. Хоффман и другие исследователи из разных стран Европы. Им предшествовали рабочие встречи политологов, социологов, юристов в Москве под руководством Н.В. Петрова, на которых обсуждались различные концептуальные подходы к изучению популизма. Мы публикуем полные тексты нескольких докладов, подготовленных для берлинской конференции. Сокращенные варианты всех выступлений будут представлены в сборнике «Правый и левый популизм в России и в мире: вызовы и варианты ответов», готовящемся к изданию на английском языке.

Борис МАКАРЕНКО

Популизм и политические институты: сравнительная перспектива

Популизм с институциональной точки зрения

Все политологические определения популизма так или иначе строятся вокруг дихотомного противопоставления элит и народа¹. На обиходном же уровне популизмом именуют циничные, демагогические заявления политиков с целью завоевать или сохранить поддержку народных масс. Популизм, как будет показано ниже, цельной идейно-политической доктрины не имеет; упрощением было бы приравнивать к популизму любые проявления демагогии и цинизма в политике. Корректнее определить популизм как *качественную характеристику* политических доктрин, партий и движений, для которых противопоставление элит и масс является центральным или одним из важнейших пунктов повестки дня, а также как *метод и стиль* мобилизации массовой поддержки таких

сил и доктрин. Популистские движения и доктрины — это синтез такого противопоставления с иными политическими программами, которым популизм придает дополнительную мобилизационную силу и остроту.

По своей сути популизм — проблема институциональная. Его основной посыл — о качестве представительства интересов в политике. Адекватное политическое представительство обычно понимается как максимально точный учет различных мнений и интересов, существующих в обществе, политике власти². С этой точки зрения популизм — борьба против неадекватного представительства интересов широких слоев населения элитами, но в то же время главная институциональная особенность популизма — неуважение плюрализма. Апеллируя к массе, большинству, он стремится наполнить этим нарративом всю политическую арену, освободить ее от всех посредующих институтов (в первую очередь

¹ Например, определение в Wordnet Принстонского университета: populism (the political doctrine that supports the rights and powers of the common people in their struggle with the privileged elite): <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn?s=Populism&sub=Search+WordNet&o2=&o0=1&o8=1&o1=1&o7=&o5=&o9=&o6=&o3=&o4=&h=>

² Farrell D. Electoral Systems: A Comparative Introduction. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 10–11.

партий), процедур. Таково резюме обзора теоретического знания о популизме в работе Н. Урбинати¹.

Таким образом, в самой природе популизма заложены глубокие институциональные противоречия. Во-первых, он по определению «антиэлитарен», но его проповедниками в политическом пространстве является некая часть политической элиты, которая и становится благоприобретателем народной поддержки антиэлитарных идей. Во-вторых, принижая роль институтов, он ставит под угрозу цельность всей политической системы, особенно той ее составляющей, которая обеспечивает ответственность власти и защиту интересов меньшинств. Если же в политической системе плюрализм неразвит, популизм фактически монополизует власть.

Популизм часто атрибутируют обществам демократическим или во всяком случае таким, где власть, хотя бы формально, обретается и теряется через выборы. Недаром популизм часто именуют «симптомом демократии» или, точнее, симптомом «болезней демократии» — коррупции, неэффективности управления, разрушения обратных связей между властью и обществом². Однако и «спрос», и «предложение» на антиэлитарную политику, на апелляцию к населению «поверх голов» привилегированных слоев могут возникать и в других типах обществ, в том числе авторитарных. С еще большей вероятностью популизм будет востребован в обществах гибридных и переходных, в которых происходит масштабная ротация элит, где нет устойчивых крупных партий «истеблишмента». Разумеется, это иной тип популизма, и требуется серьезная дискуссия о том, насколько целесообразно рассматривать два явления «вместе» или изучать их как два разных политических феномена.

К популизму может прибегать как сама истеблишментная элита, так и периферийные группировки элиты, стремящиеся потеснить истеблишмент. Возможен и популизм контрэлиты, которая стремится не просто изменить политический режим, но радикально трансформировать его. Особый, очевидно, подвид популизма связан с харизматическим типом лидерства, чаще присущим недемократическим или гибридным режимам, но отнюдь не невозможным и в демократиях. Разница лишь в том, что в конкурентных политических режимах по-

пулизм — заявка на смену или видоизменение элиты, в неконкурентных же он фактически отрицает элиту как автономный политический институт: власть подразумевается как «всенародная», доверенная высшему правителю или бессменно правящей партии.

Важной переменной при описании конкретных моделей популизма является политическая культура общества. Там, где, в терминах Алмонда и Вербы³, развита участническая субкультура, избиратели более требовательны к собственному влиянию на политику и строже спрашивают с партий за выполнение предвыборных обещаний. Как свидетельствует новейший опыт многих старых демократий, это не является надежной «прививкой» от популизма, однако служит его ограничителем. Там же, где доминирует субкультура подданных, вероятность высокой и устойчивой популярности популистских политиков гораздо выше. Еще один фактор, связанный с политической культурой, — определение понятия «народ», очень важного для выстраивания дихотомии «власть — массы»: в участнической культуре это, скорее, гражданская нация, “we, the people”, источник легитимности власти; в подданической — этнический «национализм крови» или земли, «народность» из уваровской триады с православием и самодержавием. Оговоримся, понятия «народ», «массы» в политических программах и публичной риторике популистов употребляются как антитеза «элитам», главная цель популистов утилитарна: мобилизовать и удержать поддержку большинством своей политической позиции.

Тип политической культуры исключительно важен для долгосрочной судьбы «популистского проекта» в конкретной стране. При сильной гражданской культуре популизму труднее подняться в «высшую лигу» политики (как в Германии), даже завоевав ощутимую поддержку, он будет маргинализироваться всем остальным политическим истеблишментом (Франция, Австрия, Голландия, Швеция, с оговорками — «кейс Трампа» в США), в случае вхождения в правительство популистов будут судить на следующих выборах более, а не менее строго (Австрия, Финляндия). Впрочем, «противоядием» популизму даже развитая гражданская культура не является (Великобритания, США).

Там, где гражданская культура не доминирует, популизм, утвердившийся у власти, «замораживает» в обществе подданический тип политической культуры: отношения власти

¹ *Urbinati N.* Democracy Disfigured: Opinion, Truth and the People. Harvard University Press, 2014. P. 131–145.

² *Populism on the rise: Democracies under Challenge?* A. Martinelli (ed.). Milano: Edizione Epoke, 2016. P. 113.

³ *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.

с обществом выстраиваются плебисцитарно; не создается стимулов для «разметки» политического пространства (то есть размежеваний) и шире — политического плюрализма, в обществе не воспитывается навык спроса с власти. В такой ситуации возможно укоренение популистских режимов на длительный срок даже там, где существовала традиция сменяемости власти через выборы, но не было полноценной гражданской культуры (Венесуэла, Венгрия, Польша).

Вопрос (на который вряд ли можно дать однозначный ответ) о формате популизма в обществах, где политическое сообщество строится на патрон-клиентских отношениях, в том числе современных неопатримониальных. «Патрон» — феодал, лендлорд — это, с одной стороны, угнетатель, с другой, в приходской (в смысле теории Алмонда — Вербы) и вообще традиционной субкультуре, — защитник, покровитель, предоставляющий социальные и общественные блага. Эти отношения во многих переходных обществах, не исключая, к примеру, Индию и Японию не более поколения назад, Бразилию и Аргентину, не говоря уже о Центральной Азии или Ливане сегодня, воспроизвелись и в моделях современного, хотя и несовершенного политического плюрализма. Очевидно, что в подобных ситуациях не выстраивается единой дихотомии «элиты — народ», но «патрон» имеет возможность выступить защитником своей клиентелы от иных элит. Это оставляет место для специфической формы популизма: «свой патрон за нас, народ, против чужих элит».

Важным институциональным параметром является инклюзивность демократии. До второй половины XX века демократия как общественный строй ассоциировалась с «перераспределительными» требованиями со стороны бедных слоев общества, и боязнь популизма являлась ограничителем расширения избирательного права¹. Имущественные и иные избирательные цензы были призваны ограничить «выборку» избирателей «информированными и рациональными», то есть «имущими» гражданами. Принцип «конкуренция предшествует инклюзивности» — одно из ключевых условий становления полиархии². Популизм чаще возникал именно там, где это условие не соблюдалось, например при модели резкого расширения избирательного права (именуемой

«романской»)³. Напротив, в большинстве стран Западной и Северной Европы, по наблюдению Ч. Тилли, «парламентское представительство началось при ограниченном электорате»⁴. Этот исторический опыт значим для современной политики: там, где плюрализм возникает с нуля, сегодня ограничители активного права недопустимы, а значит, популизм практически неизбежен. Это демонстрирует как Латинская Америка, так и посткоммунистические страны, особенно западная их часть.

Институциональный характер носит и исследование вопроса о «политической платформе» разных видов популизма, преобладание в каждом конкретном «популистском кейсе» идей левых, правых, националистических. Некоторые исследователи характеризуют популизм как «тонкую идеологию»⁵ или выделяют в нем лишь три «коренные» общие черты: «антиистеблиментность, авторитарность, нативизм [признание предпочтительных прав коренного населения]»⁶; в ряде работ⁷ современный европейский популизм трактуется как проявление нового — *транснационального* в определении Хооге и Маркса — размежевания, основанного на евроскептицизме и противопоставлении традиционных и постмодернистско-либеральных (по Инглхарту) ценностей.

Американский политолог Н. Урбинати резюмирует популистскую идеологию как: а) «превознесение чистоты народа», противопоставляемое компромиссу и переговорам; б) апелляцию к правоте большинства при дискриминации меньшинства; в) конструирование «нас» против «них»; г) «канонизацию единства и однородности народа, противопоставляемых любой его части»⁸.

Подчеркнем, что внимательное прочтение этих, во многом пересекающихся и взаимодополняющих характеристик все же указывает,

³ Colomer J. Political Institutions: Democracy and Social Choice. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 41–45.

⁴ Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг./ пер. с англ. А.А. Калинина. М.: Изд. дом Гос ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 340.

⁵ Martinelli. Op. cit. P. 15.

⁶ Muddle C. Populist Radical Right Parties in Europe. NY: Cambridge University Press, 2007.

⁷ Inglehart R. Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 243–246; Inglehart R. and Norris P. Trump, Brexit and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. Faculty Research Working Paper Series, Harvard Kennedy School. August 2016. URL: <https://research.hks.harvard.edu/publications/workingpapers/Index.aspx>; Hooghe L., Marks G. Cleavage Theory Meets Europe's Crises. Lipset, Rokkan and the Transnational Cleavage. Forthcoming in Journal of European Public Policy.

⁸ Urbinati. Op. cit. P. 151.

¹ Acemoglu D. and Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. NY: Cambridge UP, 2006.

² Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Heaven: Yale University Press, 1971.

что популизм не имеет цельной доктрины, во многом ситуативен и стоит вне традиционной парадигмы соперничающих идеологий: противопоставление (острое, порой манихейское) общества «злонамеренным» элитам — это фактор, консолидирующий (и/или мобилизующий) широкую массовую поддержку для разрешения других конфликтов, существующих в обществе.

Оборотная сторона такой «всеядности» популизма — неизбежный «программный флюс» популистских движений. Приоритетом их программ становится именно то, что связано с «антиэлитным» месседжем, атака на истеблишмент слева или справа. Остальные разделы программы остаются вторичными, зачастую непроработанными. В этом в современных условиях заключается сила популизма: когда ведущие, мейнстримовские партии ограничены узким коридором в выборе социально-экономических политических решений и не способны предъявить обществу успехи в этой области, популизм предлагает привлекательную, манящую альтернативную повестку. Но в этом и слабость популизма: в демократиях — в необходимости предъявить обществу к следующим выборам результаты своего правления, в недемократиях — в усугублении кризиса неэффективности режима, отвлекающего общество популистской повесткой дня и не решающего конкретные вопросы развития страны.

Если обратиться к привычной схеме общественно-политических размежеваний¹, то почти для каждого из них можно найти примеры оставивших след в политической истории популистских движений. На протяжении большей части XX века доминирующую роль в разграничении политического пространства, роли «оси», вдоль которой выстраиваются остальные размежевания, играло социально-экономическое. Однако в современных условиях оно утрачивает главенствующую роль. Основная причина этого — долговременное (на протяжении полувека) повышение жизненного уровня и создание социального государства, сгладившие социальные противоречия в западных обществах. По наблюдению британского политического философа Дж. Данна, «в течение двух последних третей столетия такого рода сочетание политического и экономического устройства предложило... основания для удовлетворенности большому количеству людей на больших территориях, чем любые другие устройства прежде»².

¹ Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Heaven: Yale University Press, 1999. P. 78–89.

² Данн Дж. Не очаровывайтесь демократией / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 17.

С другой стороны, те же процессы глобализации и европейской интеграции привели к сокращению маневра национальных правительств в социально-экономической политике, ограниченной рамками единой фискальной политики Евросоюза. Взаимоусиливаясь, эти процессы привели, по высказанному полвека назад провидческому выражению Р. Даля, к становлению «нового Левиафана», который многим гражданам европейских стран стал казаться «слишком отдалившимся и бюрократизированным, слишком погрязшим в сделках и компромиссах, слишком сильно превратившимся в инструмент политических элит и технократов»³.

Прекращение роста благосостояния, усугубленное социально-экономическим кризисом 2008–2009 годов, обострило социально-экономическое размежевание, однако канализация этого конфликта выражалась через иные «точки напряжения»: там, где решение социально-экономических проблем кажется невозможным, на первый план выходят «проблемы идентичности»⁴, которые вытекают из иных размежеваний. Рост актуальности проблем европейской интеграции (и евроскептицизма) и миграции порождает концепции нового, «транснационального», размежевания, выросшего из прежнего социально-экономического⁵. Все эти темы имеют высокий «популистский потенциал» — логичную возможность манихейского противопоставления «своего» и «чужого», обвинения за содействие последнему возлагается на элиты:

- «культурная идентификация»: включает в себя множественные компоненты. С одной стороны, это конфликт традиционных ценностей с либеральными — толерантность, «недискриминация» меньшинств ни по одному основанию, более свободные моральные нормы (в том числе в области сексуальных отношений). Особую остроту конфликту придает резонирование этого водораздела с противостоянием религиозной и светской субкультур — также одного из главных и «старых» размежеваний. С другой стороны, это реакция на массовый приток мигрантов (тоже противопоставляется либерально-толерантной позиции): мигранты воспринимаются и как угроза безопасности, и как нарушение привычного культурно-бытового жизненного уклада. Это накладывается на давно существующее представление о мигран-

³ Dahl R. Reflections on Opposition in Western Democracies // Government and Opposition. 1965. 1:1. P. 21–22.

⁴ Krastev I. The Unraveling of the Post-1989 Order // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 4 October. P. 11.

⁵ Hooghe and Marks. Op. cit. P. 25.

тах как нахлебниках, паразитирующих на системе социальной защиты;

- «государственно-цивилизационная идентификация» — именно на государство, точнее на правящие элиты и мейнстримные партии, возлагается вина и за неудовлетворительное материальное положение, и за «предательство» ключевых параметров национальной идентичности, в том числе за потакание мигрантам. Будучи спровоцированной социально-экономическими причинами, политическая эмоция общества восстает против утраты национального, требует его сбережения в неблагоприятных условиях. Эта особенность общественного запроса играет на руку популистским политикам: за них голосуют не потому, что они предлагают рациональную и реалистичную экономическую программу, а потому, что точно «попадают» в общественный запрос на сохранение и укрепление культурно-национальной идентичности, а если и «сдабривают» ее обещаниями поднять экономику простыми решениями, то критика этих «рецептов» почти не воспринимается сторонниками популистов. Самый яркий пример такого позиционирования популистов — брекзит, но и успех Д. Трампа вполне объясняется этой логикой. Как писал американский аналитик Жамель Буйе, «на выборах 2016 года борьба строилась не вокруг политических проблем, а вокруг ценностей и приоритетов»¹;

- следующая из предыдущей идентификация «свои» и «чужие» во внешней политике. «Предательство национального» и в Европе, и в США ассоциируется с интеграционными тенденциями: в первом случае — с делегированием части национального суверенитета наднациональному Евросоюзу, во втором — с бременем глобализма и глобального лидерства. Правящий истеблишмент ассоциируется с некой внешней силой, навязывающей нации вредные решения и ущемляющей ее интересы. Тем самым манихейское противопоставление элит и масс только усиливается.

Резюмируя эти факторы, можно сказать, что сравнительное исследование популизма обязательно должно отталкиваться от анализа институциональных факторов: типа политического режима, особенностей государственного строя и избирательной системы, а также от «стажа» демократического развития и конфигурации политических субкультур.

¹ http://www.slate.com/articles/news_and_politics/politics/2016/12/donald_trump_is_unpopular_and_so_is_the_gop_agenda.html?wpsrc=newsletter_tis&sid=57b2f2011e560357738b477d Donald Trump Is Unpopular, and So Is the GOP's Agenda How can Democrats capitalize?

Триумфы и поражения популизма: критерии оценки

Возвращаясь к отмеченному выше противоречию между «антиэлитарным» посылом популизма и его носителями, принадлежащими к элите, мы должны дифференцировать и понятия успехов или побед популизма. Исторически «победы» в виде прихода к власти через выборы для популистских движений были возможны либо на выборах с предельно низкой конкуренцией, в переходных режимах, либо, как исключения, в условиях острого политического кризиса (например, победа НСДАП на выборах в Веймарской республике). Первый сценарий — победа популизма, закрепляющегося у власти на долгий срок, — был доминирующим для недемократических режимов разных видов.

В упрощенном виде успех популизма в недемократических или гибридных режимах состоит в долгосрочном удержании власти и относительной государственной стабильности правящими режимами, практикующими популистские доктрины. В таком случае популизм является не «симптомом болезней демократии», а инструментом поддержания недемократического строя.

Сложнее определить успешность популизма «антиистеблишментных» сил в демократиях. Исторически такие популистские движения были недолговечными, они оказывали влияние на политику страны и поведение основных партий, но, как правило, распадались и поглощались ими (как Народная или Популистская партия в США конца XIX века, слившаяся с Демократической партией).

В современном мире в большинстве случаев речь пойдет об успехах относительных: редких приходах к власти, после которых популистские силы переживают сильные «мутации вписывания во власть» (СИРИЗА в Греции), порой заканчивающиеся быстрым разочарованием электората с неизбежным в демократиях поражением на следующих выборах. Однако в переходных режимах партии с сильным популистским компонентом могут вырастать до масштабов правящих или даже доминирующих. Там, где традиции гражданской субкультуры слабы, а демократия не до конца консолидирована, может не срабатывать главное «демократическое противоядие» популизму — привлечение политиков к ответственности. Так, в Польше партия «Право и Справедливость» возглавила правительство в 2005 году, неудачи привели к ее поражению в 2007-м, но еще через одни выборы (2011) она в 2015-м вернулась к власти. В Венгрии партия «Фидес» получала уверенное преимущество по

итогах выборов 2010 и 2014 годов. Особый случай – победа Д. Трампа в США: президент, победивший на явно популистской повестке дня, отправляет свой курс с «исполнительной командой» из традиционной элиты и опорой на мейн-стримовскую (хотя и существенно сдвинувшуюся вправо) Республиканскую партию в конгрессе и правительствах штатов.

В более широком смысле успешность популизма следует оценивать не по электоральным результатам, а по «титальному критерию»: насколько популистским политическим силам удалось изменить элиты или их политический курс. О сколь-либо значимой смене элит в случаях современного «демократического популизма» говорить не приходится (хотя точечные подвижки и подъем в элиту отдельных популистских фигур, разумеется, имеют место), а динамика элит в недемократических и гибридных режимах вряд ли значимо зависит от публичной политики в целом и ее популистской составляющей в частности. Политическое влияние партий, относимых авторитетными экспертами к популистским, действительно выросло с 1960-х по 2016 год: вдвое – по голосам избирателей (с 5,1 до 13,2%), втрое – по местам в парламентах (с 3,8 до 12,8%)¹.

Что касается политического курса, примеры продвинутых популистами значимых решений не очень многочисленны, но весьма резонансны. Это состоявшийся брекзит, проведенные в Польше и Венгрии конституционные реформы, существенно ослабившие систему сдержек и противовесов и тем самым закрепившие власть большинства, ожидаемые от администрации Д. Трампа перемены как во внутривнутриполитической, так и внешнеполитической сферах. Труднее оценить влияние популистских партий на решения, принимаемые стоящими у власти. Ограничение миграции, отход от политики мультикультурализма, затруднение мигрантам доступа к социальной помощи – все эти меры активно продвигались популистскими партиями, но они в любом случае стояли в повестке дня европейской политики и востребовались значительной частью обществ. Однако на фоне главных «побед» популизма в 2016 году общественное мнение склонно атрибутировать и решающую роль в воздействии на перечисленные выше проблемы политической повестки дня. Наблюдатели отмечают и другие случаи, когда правящая, обычно правая, партия принимает решения, явно опасаясь роста популярности

своих популистских «соседей» по партийной системе. Это и тот же референдум по брекзиту, решение о проведении которого принимала Консервативная партия Великобритании, и запреты на выступления турецких политиков в Голландии накануне недавних выборов.

Формат и масштаб электорального успеха популизма зависят и от такого институционального фактора, как принятая в обществе избирательная система. С одной стороны, пропорциональные системы выгодны для «периферийных» популистских партий, поскольку гарантируют им представительство в парламентах при преодолении умеренного (3–5%) отсекающего барьера; парламентская фракция становится плацдармом, с которого такая партия может со временем развернуть экспансию на позиции центристских сил и/или войти в правящую коалицию в роли младшего партнера. С другой – при пропорциональной системе труднее поляризовать повестку дня избирательной кампании (что выгодно для популистов с их манихейским видением политики) и, соответственно, добиться большинства. Стимулируя сотрудничество и коалиционное строительство, пропорциональная система умеряет популистский запал, принося результат, скорее, в виде коррекции политического курса, чем его радикального пересмотра. Впрочем, Венгрия (смешанная система) Орбана и Польша (пропорциональная система) «Права и Справедливости» являют собой знаковые исключения из этого правила. Правда, в 2017 году пропорциональная система не позволила популистской партии в Нидерландах войти в правительственную коалицию даже при высоком результате на парламентских выборах, тот же сценарий выглядит вероятным и на предстоящих осенью выборах в Германии.

Мажоритарная система одним из своих свойств имеет отсечение радикальных крайностей и поощрение центризма. Именно поэтому во Франции и Великобритании мощный подъем электоральной поддержки популистских сил (UKIP и Национального фронта соответственно) не трансформировался в сравнимое представительство в парламентах, а в США не привел к появлению новой популистской партии. Однако благодаря биполярному и остроконкурентному стилю политики, порождаемому мажоритарной однотуровой системой, при критическом обострении биполярного противостояния популистские силы одержали в 2016 году две ошеломительные победы: успех референдума по брекзиту в Великобритании и победа Д. Трампа на президентских выборах

¹ Inglehart R. and Norris P. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. Harvard University 2016. URL: <https://research.hks.harvard.edu/publications/workingpapers/Index.aspx>.

в США. Лишь Франция стоит в этой модели несколько особняком. С одной стороны, двухтуровая система выборов уже давно дает Национальному фронту возможность собрать солидную электоральную поддержку в первых турах любых голосований, что повышает «шантажный потенциал» партии. Однако против такого шантажа столь же безотказно включается так называемый феномен «республиканской мобилизации»: неприятие авторитаризма является консенсусным для всех системных политических сил принципом, стоящим выше противоречий между левыми и правыми. Так сработал этот феномен в 2002 году против неожиданно вышедшего во второй тур президентских выборов Ж.-М. Ле Пена, так же и против его дочери в аналогичной ситуации в 2017-м. Несмотря на то что кандидаты от правого (М. Ле Пен) и левого (Ж.-Л. Меланшон) популизма в первом туре выборов набрали в сумме 40,9% против 26,4% у кандидатов от крупных право- и левоцентристских партий и 24% — у центриста Э. Макрона, именно вокруг последнего во втором туре объединилось 66,1% избирателей против 33,9% у М. Ле Пен.

«Институциональная картография» популизма: режимы и элиты

1. Режимы с предельно ограниченным или отсутствующим плюрализмом

В режимах без политического плюрализма, авторитарных, тем более тоталитарных отсутствует кажущееся ключевым условие для популизма: институционализированные размежевания, в том числе на элиту и массу; диктатор и правящий класс позиционируются как представители интересов всей нации (особенно в режимах с националистическим уклоном), ее абсолютного большинства или «правильных классов»; возможности для социализации и мобилизации оппозиционных власти антиэлитарных движений в легальном поле отсутствуют. Однако популизм в подобных обществах весьма распространен. Его основные черты и особенности:

— часто «революционная легитимность» или ее аналоги. Элита подает себя как «вышедшая из народа», победитель старой (аристократической, колониальной, коррумпированной), «спаситель» от пагубного кризиса, к которому страну вело предыдущее руководство;

— потребность в «перманентной»¹ или «харизматической»² легитимации. Если в демо-

кратиях легитимность власти обеспечивается свободными конкурентными выборами и, кроме случаев тяжелых политических кризисов, не нуждается в ее подкреплении в межвыборный период, то в авторитарных режимах роль выборов ритуальна, что побуждает власть к перманентному напоминанию о своей легитимности через пропаганду (в случае персоналистских режимов неизбежно включающую вариации культа личности), организованные демонстрации лояльности различных групп элит и общества и т.п. Ключевой темой такой «перманентной легитимации» является «единство власти и народа», защита первой интересов всего общества;

— обратная сторона такой легитимности режима — потребность во «враге», реальном или искусственно выведенном, от которого правящий режим защищает народ. В большинстве случаев «враг» совмещает черты «внешнего» и «внутреннего»: в логике такого популизма «англо-саксоно-масонская» угроза, «американский империализм», бывшие «колониальные хозяева» или «враждебное море капиталистического окружения». Враг имеет свою «пятую колонну» внутри страны — «недобитую», лелеющую планы реванша или подкупаемую врагами. Такие построения можно найти не только в тоталитарных режимах — фашистских или коммунистических, но и в самых разных вариациях режимов корпоратистских или неокорпоратистских, которые рассматривают все общество как единое тело, «мозгом» которого является элита (лидер), «членами» — все разряды общества, повинующиеся командам мозга, а неповинующиеся представляет собой чужеродную заразу, отравляющую этот организм (аллюзия, приписываемая Муссолини, но повторявшаяся и творцами концепции «суверенной демократии» в России в недавние годы)³;

— персоналистский характер: указанные выше факторы зачастую усиливаются наличием харизматичного лидера, выстраивающего плебисцитарную связь с народом поверх голов всех элит. Плебисцитарность власти ограничивает роль общества *аккламацией*, разовым одобрением лидера и де-факто полным карт-бланшем на осуществление любого политического курса, ответственного спроса за который общество осуществить не может.

Итак, в недемократических режимах популизм власти — это скорее норма, чем исключе-

¹ Гельман В. Трешины в стене // Pro et Contra. 2012. Янв.-апр. С. 94–115.

² Баунов А. Хожение в народ и обратно: российская власть между профессионалами и энтузиастами. М.: Московский центр Карнеги, 2016. URL: <http://carnegie.ru/2016/10/24/ru-pub-64815>.

³ «Наша российская модель демократии называется "суверенной демократией"». Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента — помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года. URL: <http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>.

ние. Его отличие в том, что он направлен не на изменение отношений между элитами и обществом, тем более не на смену власти (или властных элит), а на их консервацию, обеспечение массовой поддержки власти. Его смысл — внушить народу мысль о безальтернативности правящей элиты, недопустимости ее смены на другое руководство.

2. Режимы с развитым политическим плюрализмом

По сути, речь идет о консолидированных демократиях. Поскольку власть в них обретается благодаря поддержке большинства населения, некоторый элемент популизма не может не присутствовать у всех участников электорального состязания. Для демократической публичной политики естественно и неизбежно стремление *любых* партий понравиться избирателю: акцентирование электорально выигрышных тем, включение в предвыборные программы популярных (в том числе умеренно перераспределительных) обещаний, оттачивание навыков публичной риторики и дебатов с оппонентами (включая намеренную демонизацию своих оппонентов, но в рамках допустимого культурой публичного дискурса в данной стране). Как отмечают исследователи, язык демократической политики — «банальный», «неуникальный», «обычный», в нем повышена частота слов из базового словаря языка¹. Образ лидера вигов У. Гладстона с топором лесоруба в руках — классический пример «мимикрии под простого человека». Этот стиль можно назвать «естественным минимальным уровнем популизма» демократической политики.

Данный уровень неодинаков для правящих партий и оппозиции. У последней, включая и «истеблишментную», элементов популизма больше: сам статус оппозиции располагает к тому, чтобы обвинить власть в «элитизме» и защите интересов привилегированных слоев и «вступить за народ». Сегодняшние западные лидеры, вполне компетентные управленцы и государственные деятели, проигрывают по энергетике и харизматичности «новым популистам», что является одним из симптомов кризиса современной публичной политики². Характерно обвинение со стороны популистского британского политика Н. Фараджа в адрес тогдашнего главы Еврокомиссии Х. ван Ромпёя: «У вас харизма мокрой половой тряп-

ки и вид мелкого служащего банка». Элемент популизма можно усмотреть и в нечастых, но регулярно возникающих в разных контекстах персоналистских феноменах в демократических странах. Сильный политик с чертами харизматика предстает в глазах избирателей как «отец нации», «спаситель» от тяжелых испытаний, реформатор, достижитель: он (редко она) — «плебисцитарный вождь» в состоянии «общественного договора с нацией поверх голов элит. Такой феномен привычен для латиноамериканской политики: Х. Перон, А. Фухимори, У. Чавес, супруги Киршнер. Но эти же черты можно наблюдать и в Европе: У. Черчилль, Ш. де Голль, С. Берлускони — примеры таких харизматиков.

С этими оговорками, современные мейнстримовские партии в демократических режимах не являются популистскими: их верхний эшелон — отряды элиты (возможно, периферийные). Во главе же популистских движений вставали группировки, которые можно охарактеризовать как «альтернативные» или «периферийные» либо «контрэлитные». Первые стремились к существенным переменам в общественном строе (и в демократической политике, вхождении во властную элиту), но не помышляли о полном его демонтаже или революционном переустройстве. Вторые, даже если «играли по правилам» электоральной демократической политики, в пределе стремились именно к революции, свержению существующего строя.

До появления «новых партий» (в смысле типологии Гюнтера — Даймонда³) популизм был делом двух типов партий, у которых антиэлитарность, противопоставление массы, идущей за такой партией или движением, привилегированным классам, была ключевой составляющей политической платформы. Первый — популистские в самом прямом смысле слова массовые движения, базой которых были либо аграрные производители, либо низший средний класс в городах (в США — Популистская партия в конце XIX века, движение Хьюи Лонга «Поделится нашим богатством», прогрессисты Р. Лафоллета, во Франции — пужадисты). Второй тип — коммунистические (по Гюнтеру — Даймонду, «ленинистские») партии, которые в последние десятилетия утратили роль контрэлиты («революционные» планы и заявления у таких партий в этот период встречаются, но, скорее, как артефакты), а многие из выживших партий, особенно после окончания «холодной войны», стали периферийной альтернативной элитой (Фран-

¹ Anderson R. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics In Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton UP. 2001. P. 112.

² Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / под ред. Б.И. Макаренко. М.: Альпина Паблишер, 2015. С. 57.

³ Species of Political Parties / R. Gunther, L. Diamond // Party Politics. 2003. Vol. 9. № 2. P. 167–199.

ция, Германия, Португалия, Греция) либо вписались в широкую левую коалицию (Италия). К этому типу контрэлитных партий, равно как и к фашистским партиям прежней эпохи, интерес, скорее, исторический, для исследования современного популизма они не очень релевантны.

Исторический тип популизма, ныне сохраняющийся в виде рудиментов, — антиколониальные и иные национально-освободительные движения (и их «мягкая версия» — этнические партии в самых разных странах). Под определение популистских они попадают по формальному, но бесспорному признаку: их политическим приоритетом является противопоставление интересов этноса (или конгломерата этносов в случае партий-конгрессов типа ИНК или АНК Южной Африки) доминирующей «иной» элите — колонизаторам или центральной власти в этнически фрагментированной стране.

Наибольший интерес представляют «новые левые» и «новые правые» партии. До последних лет они располагались на периферии партийных систем; даже если проходили в парламенты, оставались меньшинством, случаи вхождения в правительственные коалиции были единичными. Они, в логике типологии партийных систем Дж. Сартори¹, почти никогда не располагали «коалиционным потенциалом», несколько чаще претендовали на «шантажный потенциал». По сути этот феномен сравним с тем, что при описании российской политической системы называется «протестным голосованием»: граждане голосуют против власти за иные партии, не надеясь, что они придут к власти, а просто выражая свое недовольство властью предрержащими.

Современный этап развития популизма и сдвигов в партийных системах наступает после кризиса 2008–2009 годов. Происходит подъем новых левых и новых правых партий, вызванный описанными выше сдвигами в структуре размежеваний на волне последствий кризиса (разочарование обществ в сломе модели «постоянного роста» и социального государства либо, как следствие из предыдущего, кризиса модели евроинтеграции, что радикально усилило евроскептицизм, а также миграционного наплыва, особенно в 2015–2016 годах). Сумма этих явлений была воспринята заметной частью западных обществ как угроза не только благосостоянию, но и идентичности, образу жизни и безопасности.

Вопрос о том, почему за популистской повесткой дня пошла значительная часть обществ

в государствах со стабильной либеральной демократией и развитой гражданской политической культурой, требует обширных исследований. В предельно упрощенном виде можно говорить об эффекте резонанса различных факторов. С одной стороны, это растущее разочарование ухудшением материального положения и иных условий жизни (безопасность, привычная социальная среда и т.п.), то есть классическая ситуация относительной депривации². С другой — это иные механизмы получения и осмысления информации об общественно-политической сфере, настрой на вынесение самостоятельных суждений и недоверие к мейнстримовской информации. Состав этой «популистской коалиции» может существенно различаться от страны к стране, но основное размежевание — это «победители против проигравших» в новой экономике, то есть за популистами идут те слои, которые испытывают наибольшие трудности в адаптации к новым вызовам — это, скорее, не самые бедные, а «предпоследние двадцать процентов [по уровню доходов] постмодернистского общества, слой, относительно защищенный от бедности, но все же боящийся еще что-то потерять»³.

Многие описанные выше тренды и предпосылки подъема популизма были практически общими для разных стран Европы и США, однако конкретная конфигурация «триггеров» и приоритетов «популистской повестки дня» имела существенные различия. С определенной долей условности можно выделить три разные модели современного западного популизма:

а) «староевропейская»: сильные антимигрантские настроения, евроскептицизм, то есть сильное раздражение на бремя, наложенное на «старую Европу» средиземноморскими странами ЕС (и, в меньшей степени, новыми членами), сильные страхи по поводу утраты идентичности. Главный тренд — подъем «новых правых», основной идеологический месседж — антилиберальный и «антикосмополитический». Это — Германия, Нидерланды, Швеция, Норвегия, Великобритания, Финляндия, Бельгия, со спецификой Франция. К этому же типу близок и популистский тренд, принесший в США победу Д. Трампу;

б) «посткоммунистическая»: в западных посткоммунистических странах, во-первых, ускорилось исчерпание феномена «посткоммунистического человека», радующегося тому,

¹ Sartori G. Parties and Party System: Volume 1. A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

² Gurr T. Why men rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.

³ Minkenberg M. The renewal of the radical right: between modernity and anti-modernity // Government and Opposition. 2000. Vol. 35. Issue 2 April. P. 170–188; 187.

что он «ушел от Москвы и пришел в Европу»¹. Это означало повышение скептичности в отношении модели развития страны и, в частности, ее членства в ЕС и вытекающих из этого обязательств. Во-вторых, сказалось недостаточное качество демократии (политического представительства), когда можно сменить правительство, но нельзя сменить политический курс, то есть удовлетворить чаяния граждан на перемены, учет своих интересов. В-третьих, проявились и антимиграционные настроения: в этих странах они вторичны — массовой иммиграции в них нет, но страхи сильнее, чем в «старой Европе» и отличаются более высокой ксенофобией и агрессивностью — следствие неукоренности ценности толерантности. Кризисные явления привели к почти повсеместному упадку левоцентристских сил, и симптоматично, что именно здесь случились победы правых популистов — в Венгрии и Польше, однако неполный набор перечисленных факторов можно наблюдать и в других странах (в частности, Чехия, Словакия, Хорватия);

в) «средиземноморская»: главный шок — провал экономики, резкий рост безработицы, сокращение социального государства, падение уровня жизни. Во всех случаях наблюдается подъем популизма левого (СИРИЗА в Греции, «Подemos» в Испании) или «всеохватного» («5 звезд» в Италии) толка, серьезное переопределение партийных систем, резкое усиление евроскептических настроений, поскольку именно от Евросоюза исходили требования жесткой экономии и сокращения социальных расходов. В Греции популисты пришли к власти, что, однако, не повлекло радикальной смены курса. Страны: Греция, Италия, Испания.

3. «Промежуточные» типы режимов: гибридные, переходные и т.п.

Даже в режимах с развитой или, напротив, предельно ограниченной конкуренцией популизм может принимать разные формы и наполняться разнообразным содержанием. Еще сложнее ситуация в средней части условного континуума «демократия — авторитаризм». Однако сложность эта — следствие большей вариативности и более сложных сочетаний тех же моделей актуализации противоречия «элиты — массы», которые наблюдаются соответственно в авторитарных и демократических странах.

«Популизм власти» в таких контекстах не отличается по своей природе: власть пытается себя представить безальтернативной «у кормила», представляющей интересы всей (или по-

давляющего большинства) нации, разыгрывающей тему защитника от внешних и внутренних врагов и решающей стратегические задачи развития в общенациональных интересах. Однако эта «популистская игра» ограничивается наличием в стране других политических сил, также эксплуатирующих популистскую тематику, а потому должна быть более изощренной. Частой «технологией» такого «властного популизма» становится корпоративистский прием: все легально действующие в стране политические силы находятся под сильным влиянием власти, а потому объявляются «конструктивными», «патриотическими», а фактически младшими партнерами власти, обеспечивающими минимальный плюрализм и служащими «клапанами для выпуска пара» критических эмоций. Соответственно, последние, то есть легальные «младшие партии», становятся чисто популистскими: не имея шансов прийти к власти, они позиционируются как «народные альтернативы» правящей элите. Если что и сдерживает их критику политического курса, размах обещаний и остроту противостояния правящей элите, то это не страх ответственности перед избирателем за невыполненные обещания (они неисполнимы по определению, поскольку такие партии не имеют возможности войти в правительство), а опасение выйти за рамки «дозволенной» властью оппозиционности.

Сказанное выше относится к более жестким моделям «промежуточных» режимов. В более «мягких» не исключается наличие реальной (то есть не контролируемой властью и потому ставящей себе целью, по крайней мере в пределе, завоевание власти) оппозиции. Она также является популистской, поскольку настроена на смену власти: в отличие от консолидированных демократий, где сменяемость у власти мейнстримных партий означает ротацию, но не смену элит, в «гибридных» режимах такое позиционирование означает заявку на существенную мутацию всего политического режима, в том числе существенное видоизменение конфигурации политической элиты. Иными словами, подобные партии в гибридных режимах — это «альтернативные элиты», а потому они подходят под определение популистских (что не исключает наличия у них реальных политических программ).

Перспективы и прогнозы

Резкий подъем нынешней популистской волны основан на объективных факторах и явлениях западной политики. Усложнение системы общественно-политических размежева-

¹ Krastev. Op. cit. P. 13.

ний — давно идущий (но ускорившийся) объективный процесс, обусловленный комплексом причин. Объективны и замедление роста экономики и благосостояния западных обществ, и последствия кризиса 2008–2009 годов, и возросшие масштабы процессов миграции. Иррациональность и эмоциональность реакции на них определенной части обществ подчас неожиданны для наблюдателей, но это не отрицает объективного характера предпосылок подобных явлений.

Политологи много говорили о симптомах снижения качества представительства интересов через традиционные партийные системы (снижение явки, ослабление партийных машин и т.п.), но редко оценивали их как кризис системы представительства, а он усугублялся углубляющимся противоречием между абсолютным доминированием истеблишмента (как правило, право- и левоцентристского) и диверсификацией и фрагментацией общественного запроса к политикам. Обществом — или, по крайней мере, его значимой частью — это не могло не прочитываться как отчуждение масс от политики.

На протяжении нескольких предыдущих десятилетий в западных демократиях наблюдалось усиление либерализма как в экономической, так и общественно-политической жизни обществ, причем эти процессы были взаимосвязаны: затяжной подъем экономики и уровня благосостояния ознаменовывался ростом чис-

ленности и достатка средних классов. Это означало снижение антагонизма между традиционными «левыми» и «правыми», конвергенцию этих двух лагерей (что и породило упомянутый выше «центристский истеблишмент»). С другой стороны, именно этот средний класс (по мере бурной урбанизации, во все большей степени городской) востребовал либеральные нормы в политике, культуре и морали.

Пока эти процессы были на подъеме, описанное противоречие оставалось латентным, но ситуация изменилась, когда истеблишмент продемонстрировал неспособность справиться с последствиями социально-экономического кризиса, а поток иммигрантов из «ручейка» не превратился в «полноводную реку». Создалась критическая масса недовольных из тех, кто занят в наиболее пострадавших отраслях, выбыл или оказался на грани выживания из среднего класса: либерализм экономический и либерализм политический оказались главными объектами критики за создавшееся положение.

С известной долей условности нынешний кризис партийных систем и, шире, институтов демократической политики можно сравнить с межвоенным временем, когда после Первой мировой войны и большевистской революции существенному переопределению подверглись партийные системы большинства европейских стран, на политической арене появились и социал-демократы, и коммунисты, и фашистские партии и движения. Если в том случае

Таблица

ПОПУЛИЗМ: РАЗНЫЕ РЕЖИМЫ, РАЗНЫЕ ЭЛИТЫ

Тип политической элиты	Уровень конкурентности политического режима		
	Конкуренция отсутствует	Ограниченная конкуренция	Полноценная конкуренция
Монолитная несменяемая элита	Властный популизм Правящая элита позиционируется как выражающая интересы всей нации, слуга народа	Властный популизм vs Популизм «дозволенной оппозиции»	Невозможна по определению
Конкурирующие мейнстримные элиты (ядра сменяющихся правительственных коалиций)	Невозможна по определению	Невозможна по определению	«Естественный уровень минимального популизма», более высокий у оппозиции
Альтернативные элиты: стремятся стать новым мейнстримом	Невозможна по определению	Маргинальны. Популизм — важная составляющая альтернативной повестки дня	Популизм — «главное политическое оружие», центральный элемент программ. Сложности в случае прихода к власти
Контрэлиты (ленинисты, фашисты, ультраправые): стремятся к радикальной смене режима	Если существует, то нелегально	Маргинальна или отсутствует	Маргинальна или отсутствует

сдвиги были ответом на кризис классической модернизации, переход к современному индустриальному обществу, то нынешний подъем популизма – ответ на «кризис постмодерна»: политическая система, породившая этот постмодерн, сталкивается с его «термидором» – накопившимися издержками и разочарованиями «проигравших».

Было бы ошибкой видеть в подъеме популизма исключительно негативный феномен. Он частично разрешает описанное противоречие, давая политическое представительство и влияние на политическую повестку дня существенным сегментам населения: лучшее тому свидетельство – небывало высокая явка на референдум по брекзиту. Популизм посылает убедительный сигнал властным элитам, меняет систему приоритетов, то есть популисты исполняют функции, присущие партиям по всем классическим теориям.

Минусы популизма также очевидны. Во-первых, популизм максимизирует одну, хотя и «первую», функцию демократии – власть большинства, но он куда менее внимателен к другим ее функциям, которые принято называть либеральными: выверенный баланс сдержек и противовесов, роль судебной ветви власти, толерантности и недискриминации (каковые стали существенными чертами либеральной демократии в последние полвека), популизм стремится «заместить равенство единством»¹. Если плебисцитарная демократичность западной политики благодаря популистской волне повышается, то либеральность этих режимов снижается, что разбалансирует всю институциональную систему, на которой строилась политическая жизнь этих государств на протяжении десятилетий.

Во-вторых, популизм, поднимаясь на сочетании нескольких приоритетных запросов, уводит на второй план социально-экономическую программу. Электоральные успехи популистов – триумф, скорее, *политической воли*, каковая и выражается актом голосования на выборах: в президентской избирательной кампании во Франции мотивация избирателей к такому выбору получила название «дегажизма» (от глагола *d gager* – «уходить»); под кратким лозунгом «Уходи!» (*D gage!*) на французском же языке проходили в 2012 году демонстрации в первой стране «арабской весны», в Тунисе, где демонстранты требовали ухода непопулярного президента Бен Али. «Совпадение эмоций» граждан старой европейской демократии и арабской страны, никогда не знавшей демо-

кратического правления, вряд ли можно объяснить лингвистической общностью: скорее, оно объясняется схожей утратой доверия общества к правящему истеблишменту. В какой степени сможет удовлетворить *долгосрочные интересы* избирателей другая власть, которая придет на смену «изгнанной», – будь то стихией демонстраций или результатами голосования, – пока неясно. Во всяком случае, эмпирических данных о реальной экономической политике пришедших к власти популистских сил явно недостаточно: оценивать экономический эффект брекзита или администрации Д. Трампа слишком рано, относительно успешной парадоксальным образом можно считать смягчение социально-экономических проблем Греции при правительстве, возглавляемом СИРИЗА, но оно в целом следовало рекомендациям кредиторов из Евросоюза. Как и с либерализмом в политике, привычные схемы экономической жизни находятся под ударом, а новые рецепты политиков-популистов еще не прошли «клинические испытания» практикой.

Вместе с тем было бы неправильным автоматически предрекать экономическим платформам популистов скорый провал, который привел бы к утрате их электоральной популярности. Как указывает чилийский политик и политолог Андрес Веласко, опыт латиноамериканских правителей (Х. Перона в Аргентине, Ж. Варгаса в Бразилии, У. Чавеса в Венесуэле и др.) показывает, что реализация популистской экономической политики в долгосрочной перспективе действительно чревата серьезными кризисами и спадами, но краткосрочный эффект и экономическое самочувствие населения могут, напротив, быть положительными².

Нерешенность социально-экономических проблем «замораживает» конфигурацию факторов, породивших популизм. Можно сказать, что для популизма «чем хуже [экономика], тем лучше» – тем больше спрос на «импрессионистские» программы популистских партий. Масштаб урона либеральным институтам и степень неадекватности социально-экономической политики, диктуемой популизмом, на сегодняшний день не поддаются эмпирической оценке, но о серьезном вызове сложившейся системе институтов либеральных демократий можно говорить с высокой долей уверенности.

В оценках перспектив «популистской волны» следует избегать крайностей: подъем популизма не пройдет сам в краткосрочной перспективе, но и пророчество «победоносного

¹ *Urbinati. Op. cit. P.152.*

² <https://www.project-syndicate.org/commentary/economic-populism-temporary-success-by-andres-velasco-2017-02>.

шестивия» и катастрофических последствий скорее основано на испуге мейнстримных и либеральных элит от успехов популизма в 2016 году, чем на рациональном анализе ситуации. Ключевые электоральные события 2017 года — недавние выборы во Франции и Нидерландах, предстоящие в Германии — не принесут популистским партиям символически значимых достижений, подобных брекзиту или победе Д. Трампа (хотя их результаты оказываются достаточно высокими). Там, где популисты входят в правительство (Греция, Швеция, Финляндия) или правительство действует по навязанной им повестке (брекзит, США), еще предстоит увидеть реакцию избирателей на следующих выборах, но, очевидно, популистские правители в той или иной степени будут вынуждены подстраиваться под мейнстримовскую повестку, что им невыгодно с точки зрения электоральных перспектив. Более сложная, но также непредсказуемая ситуация складывается в двух центральноевропейских странах, где популистские партии находятся у власти (Венгрия, Польша).

Однако на жизнестойкость популизма также будут работать значимые факторы. Во-первых, преодолеть реальные социально-экономические предпосылки подъема популизма (экономическую стагнацию, «вписывание» мигрантов» в западные общества) в краткосрочной перспективе не удастся. Во-вторых, как отмечают многие наблюдатели, даже экономический подъем вряд ли быстро погасит протестные настроения избирателей популистских партий. В-третьих, на настоящий момент у нас недостаточно информации, чтобы оценить глубину воздействия популистского меседжа на электоральные настроения: разные исследования показывают потенциал роста популярности популистских партий.

Резюмируя вышесказанное, можно предсказать, что «популистская волна» в странах Запада — это среднесрочный фактор, оказывающий существенное воздействие на институт политического представительства и, опосредованно, на политическую конфигурацию европейских и североамериканских обществ, серьезный вызов для их политических систем. Популизм останется таким фактором, покуда мейнстримовские политические силы не наш-

ли адекватные — и понятные для большинства общества — ответы на вопросы, породившие взлет популистских настроений. Важную роль в противостоянии популизму сыграло бы и восстановление реальной конкуренции программ право- и левоцентристских партий, поскольку именно их конвергенция создала у части обществ ощущение того, что политический мейнстрим един в своем игнорировании запросов общества.

Однако против популизма работают наметившийся экономический подъем в странах Евросоюза и «прохождение пика остроты» проблемы миграции: они не устраняют запроса на популизм, но могут положить конец его экспансии. Серьезным ограничителем для популизма, как указывалось выше, является и «испытание властью» или даже пребыванием в парламентах популистских политиков, и рациональные критерии оценки политиков обществом, и работающая система институциональных сдержек и противовесов (особенно наглядно проявившаяся в США в первые месяцы правления Д. Трампа).

Что же касается популизма в «недемократических» режимах, то его судьбы зависят от конкретных конфигураций политики в разных странах. Если говорить о постсоветском пространстве, большинство режимов выглядят достаточно стабильными именно потому, что власти в целом удается «заморозить» плебисцитарную модель отношений с обществом и становление более требовательной культуры граждан. Угрозы для стабильности таких режимов двояки: с одной стороны, это возможный раскол элит, который поставит под сомнение консолидированность верхов, однако сам по себе такой раскол с большей вероятностью приведет к верхушечному перевороту и становлению аналогичной популистской модели, но с иным лидером и обновленным набором «меседжей». Качественный сдвиг гипотетически возможен, если «альтернативным» — скорее всего, тоже популистским — политическим силам удастся утвердить себя в качестве значимых игроков на политической арене, способных включиться в процесс демократизации. С долей условности, примером (заимствованным из опыта «арабской весны») первого пути можно считать Египет, второго — Тунис.

Андрей МЕДУШЕВСКИЙ

ПОПУЛИЗМ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Популизм как социальный феномен новейшего времени проявил себя и на Западе, и в России. Сопоставление западной и российской форм популизма важно для выяснения общих и особенных черт, идеологических и политических проявлений, а также для изучения возможностей эффективного противодействия популизму.

Для решения поставленных задач в данной статье рассмотрены следующие вопросы: что такое популизм и каковы общие параметры его проявления в истории и современности; каковы особенности конструируемой популистами когнитивно-информационной картины мира — мифов, социально-психологических установок и образцов социального поведения; возможно ли выстроить типологию форм современного популизма; каким образом правый поворот в общественном сознании привел к установлению связи популизма с идеологией консервативного национализма; какую роль в подъеме популизма сыграли ошибки либерального мейнстрима.

В этой сравнительной перспективе мы реконструируем основные параметры российского популизма, его связь с советской легитимностью, вклад в трансформацию постсоветского российского политического режима. В заключении мы суммируем предложения для ограничения популистского тренда.

1. Что такое популизм и каковы общие параметры его проявления

В данном исследовании автор исходит из того, что популизм — не идеология, а система социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества и элиты на быстрые и раздражающие социальные изменения — форма их психологического освоения и преодоления (метод, стиль, технология). Это тип негативной (протестной) социальной мобилизации, возникающий в результате кри-

зиса завышенных общественных ожиданий в условиях эрозии привычной социальной идентичности. Популизм выражается в различных формах иррационального антиэлитарного коллективного действия во имя справедливости, осуществляемого посредством качественной трансформации ценностей, норм и институтов действующего правового порядка, но не предусматривающего конструктивной рациональной программы социальных преобразований (появление такой программы неизбежно противостоит спонтанности и иррациональности популистского протеста). Поэтому наиболее определенное выражение популизма — конфликт права (позитивного права — действующих норм) и абстрактных представлений о справедливости (часто аморфных и неартикулированных), являющийся мощным драйвером протестных акций, осуществляемых под лозунгами различной идеологической направленности или даже без ее обоснования (как, например, борьба с «коррупцией» действующей элиты)².

Основными элементами популистского феномена, исходя из этого понимания, должны быть признаны:

1) кризис идентичности общества или его значительной части — ситуация когнитивного диссонанса, означающая утрату обществом привычных ориентиров социального поведения, глубокое разочарование существующими порядками;

2) идеологическая аморфность популизма, способного интегрировать в свою повестку положения различных традиционных идеологий, как правых, так и левых, создавать гибридные идеологические конструкции и достаточно произвольно менять их содержание на семантическом уровне (популизм не имеет «идеологов» в традиционном смысле слова, эту роль берут на себя лидеры протестных акций);

3) появление некоего мифа (то есть квази-идеологической конструкции или представлений, принимаемых на веру, а не доказываемых

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 17-01-0048) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

² Медушевский А.Н. Право и справедливость: российский процесс общественного развития нового и новейшего времени // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 62–72.

научно), способного аккумулировать энергию социального протеста против истеблишмента (принципиальным для его распространения становятся альтернативные официальным коммуникативные системы);

4) спонтанность массового популистского феномена и неспособность традиционных элит противостоять ему в рамках существующих системных правил;

5) эскалация социальных ожиданий, связанных с немедленным осуществлением популистских лозунгов («завышенные», то есть в полной мере не реализуемые, ожидания);

6) более или менее выраженные признаки негативной социальной мобилизации на основе популистских лозунгов (протестное голосование, акции гражданского неповиновения, остракизма или, наоборот, социальной поддержки популистских лидеров против «системных»);

7) общая деструктивная направленность популистского движения на разрушение доминирующих ценностей и принципов правовой системы (или ее элементов), причем, как правило, готовность использовать для этого неправовые и даже антиправовые средства («давление масс на институты»);

8) эгалитаристская (то есть антиэлитарная) направленность движения (не исключая того, что действующие элиты или их отдельные группы способны использовать его в своих интересах);

9) необремененность социальной и исторической ответственностью за свои действия — неспособность видеть их последствия в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе (очень узкий горизонт проектирования).

В крайних формах популизм выражается в отрицании существующего политико-правового порядка, стремлении к его переустройству, утрате легитимности правящих элит. Можно констатировать, что современное общество развитых стран оказалось плохо подготовленным к этим спонтанным реакциям: доминирующие ценности идеологии прав человека столкнулись с трудностью их практической реализации (неизбежное «лицемерие» как следствие этого противоречия); правовая система не содержала адекватных защитных механизмов (перед лицом массовых традиционалистски мотивированных протестных акций); устойчивая система политической конкуренции и многопартийности оказалась неспособной (или недостаточно способной на сегодняшний день) элиминировать влияние несистемных партий, отстаива-

ющих антилиберальную систему ценностей; элиты своевременно не выдвинули адекватных концепций выхода из кризиса (официальное признание провала программы мультикультурализма лидерами Германии, Франции и Соединенного Королевства). В России правопопулистский тренд оказался еще более заметным, определив возникновение невиданной прежде «симфонии» власти, элитных групп и населения в новом «неоконсервативном консенсусе», основанном на долгосрочных интересах самой власти, поддержке элитных и бюрократических кругов, эффективной мобилизационной пропаганде, охранительных ориентациях средних слоев, а также доминирующих массовых настроениях¹.

В целом популизм и основанные на нем политические режимы являются непрочными образованиями: приход популистов к власти означает отказ от всей или части утопической программы по мере рутинизации харизмы, то есть столкновения мифа и политической реальности.

2. Популистская картина мира: ценности, психологические установки, формы социальной мобилизации

Социальные предпосылки роста популистских настроений связаны с общими процессами глобализации, информатизации и конфликтом культурных стереотипов. *Первый из этих процессов* выражается в изменении экономического баланса различных регионов мира — последовательном включении национальных экономик в мировое разделение труда с сопутствующими как позитивными, так и негативными социальными изменениями (проблемы деиндустриализации, вывоза капитала и технологий, ослабление вертикальной социальной мобильности, падение роли и престижа традиционного среднего класса в развитых экономиках и особенно в России, где он исторически слаб и связан с государством, проявления феномена социального инфантилизма избирателей во многих странах, представленные ростом абсентеизма и непредсказуемостью выборов в рамках так называемой спирали умолчания и т.п.).

Второй процесс означает резкое изменение коммуникативных отношений — пересмотр традиционных форм информационного доминирования западного общества с включением в информационное пространство новых (в том

¹ Мельвил А.Ю. Консервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. 2017. № 1. С. 29–45.

числе вполне традиционалистских) акторов, выдвигающих и отстаивающих собственную информационную повестку (переход власти от политиков традиционного партийного типа к новому классу медиаполитиков — системно-коммуникационных менеджеров, блогеров, создателей интернет-контента в соцсетях, визуальных образов, троллинга, «мемов», «жаб» и тому подобных инструментов эмоциональной мобилизации электората, прежде всего его молодежной части).

Третий процесс выражает отказ от европоцентризма в культуре — начало сложного и конфликтного взаимоотношения между разными культурами, имеющими неодинаковую степень развития, локализации, системы доминирующих ценностей и образцов поведения, далеко не все из которых совместимы с представлениями о гражданском обществе, демократической системе и правовом государстве (конфликт, четко проявившийся в ходе миграционного кризиса в Западной Европе и выраженный в понятии «иной культуры» или образе «другого»). Вместо укрепления традиционной единой концепции прав человека идет процесс диверсификации прав, причем с упором на защиту «прав меньшинств», которые противостоят «правам большинства», размывая тем самым единство и легитимность всей конструкции¹. Массовая миграция стала триггером этих процессов дестабилизации, отразив неспособность существующих элит адекватно решить проблему интеграции беженцев и мигрантов — кризис мультикультурализма, официальное признание которого стало свершившимся фактом и, что очень показательно, поставило под вопрос ценности секуляризма и либерализма, превратив самих мигрантов в ресурс консервативного популизма². Такие изменения оказались настолько значительными, что вызвали «информационный шок» — когнитивный диссонанс, естественной реакцией на который со стороны массового сознания в западном обществе стала защитная реакция (брекзит — вершина и наиболее яркий пример этого когнитивного поворота в массовом сознании).

Та система ценностей, которую отстаивает современный популизм, имеет мало общего с рационально конструируемым общественным идеалом. Общее выражение популизма есть *политическая романтика*, то есть не научное, а эмоциональное отношение к действительно-

сти. Ее появление в общественном сознании — отчуждение индивида и поиск простых решений в сложной (переходной) ситуации — форма сублимации социальных неврозов. Самим фактом своего общественного подъема данный феномен (определяемый часто в категориях К. Шмитта) сигнализирует о неустойчивости общественного сознания и поиске социальных ориентиров в глобализирующемся мире. Романтизм как упрощенный объяснительный инструмент и в то же время как эмоциональная реакция на фрустрацию переходного периода выступает главным когнитивным ответом на этот социальный запрос³.

Природа популизма выявляет связь его проявлений как с общими социальными тенденциями, так и с особенностями ситуации в разных регионах: он исходит из положения, что воля народа всегда права, а побеждают те, которые понимают «настоящую» волю народа. На этой волне быстро поднимаются правые популистские партии и их лидеры — евроскептики в Великобритании и Голландии, «Народный фронт» во Франции, АДГ в Германии, «Пять звезд» и «Лига Севера» в Италии. Особая ситуация существует в странах Восточной Европы, где консервативные импульсы исходят из трудностей ЕС и одновременно аккумулируют традиционные настроения постсоветского электората. Показательно, что это происходит именно в тех странах, где в период декоммунизации гражданское общество отличалось высокой степенью самоорганизации, переживших «бархатные» революции и следовавшие за ними «бархатные контрреволюции» (в Венгрии — «Фидес», в Польше — «Право и Справедливость», приход к власти которых означал радикальные конституционные контрреформы). Сходный тренд в странах Прибалтики и на Украине выражается в росте этнонационализма и правого радикализма — противопоставлении «коренного населения» «некоренному», граждан «негражданам», официального языка неофициальному, и в попытках представить национализм как политику культурной идентичности с параллельным переписыванием истории и индоктринацией так называемой исторической памяти и образа врага.

В Южной Европе (странах Средиземноморского региона), напротив, популизм имеет левую (и более идеологическую) окраску, но

¹ См.: *Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. М.—СПб., 2012.

² См.: *Малахов В.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015.

³ Подробнее см.: *Medushevsky A.* Conservative Political Romanticism in Post-Soviet Russia // Power and Legitimacy — Challenges from Russia. Ed. by Per-Arne Bodin, Stefan Hedlund and Elena Namli. London and New York, 2012. P. 169–187.

по сути эксплуатирует инфантилизм и безответственность масс (в Греции СИРИЗА, в Испании «Подemos» и др.). Можно констатировать ряд отличий левого популизма от правого: левопопулистские течения имеют более выраженную идеологическую ориентацию, могут рассматриваться как пример достаточно успешного антисистемного движения, выступающего против глобализации, капитализма, финансовой олигархии и в целом неолиберального мейнстрима, использующего в своей стратегии опыт соответствующих течений в Латинской Америке. Они предлагают альтернативный глобалистский проект the global anti-establishment rebellion и разрабатывают интернациональную программу его осуществления, представленную, например, рядом авторов в рамках проекта «Синдикат»¹. Несмотря на критику евроинтеграции и решений, принимаемых в ЕС (Брюсселем), они не призывают к отказу от ЕС или выходу из него своих стран. Их протест — скорее форма давления на институты с целью их перестройки в ином идеологическом ключе и получения экономической автономии². При внешнем различии, все европейские популисты используют сходные методы — требования восстановления «суверенитета» (утраченного в результате поглощения глобалистскими структурами или отдельными странами — США и ФРГ), «уважения» к стране и ее народу, критику традиционных элит, будто бы сдавших страну «транснациональному капиталу», и эксплуатацию ущемленности — реального ощущения населения, что национальные элиты не защищают народ от новых вызовов.

Причины и параметры популистского протеста могут быть различны — ответ на глобализацию (опасения утраты культурной, религиозной, языковой идентичности), экономика (зависимость от ведущих держав), политика (балансирование между конкурирующими акторами европейской и мировой политики). Различна и тактика — апелляция к непосредственной демократии в противовес «застывшим» парламентским формам и системным партиям (референдум в Великобритании) либо, напротив, ограничение свободы прессы и судебной автономии (как в Центральной и Восточной Европе), даже требования изменения формы правления под угрозой дестабилизации (Турция).

¹ См. Выступления таких авторов, как Theda Scocpol, Ricardo Hausmann, Yanis Varoufakis // Project-Syndicate.org.

² Павлова Е.Б. Механизм нормативной силы. Образ «другого» и партия «Подemos» // Политика. 2017. № 1. С. 144–158.

Метод разрешения конфликта, предложенный популистами, — националистическая мобилизация против «евромобилизации» и связанных с ней ограничений, обязанностей и издержек, а также действительных трудностей — размывание идентичности (культурной, национальной, религиозной); «дефицит демократии», вполне естественный при более централизованной системе; миграционный кризис (культурная несовместимость, необходимость платить за мигрантов, потеря рабочих мест, криминалитет, представление малых народов о том, что их мнение игнорируют).

3. Правый поворот: консервативные ценности на службе современного западного популизма

Правый поворот — очевидная тенденция современного политического развития на Западе и в России. Его наиболее заметными проявлениями стали критика доминирующей либеральной парадигмы как основы конструирования общественного идеала (отказ от универсальной модели общества потребления как «безыдейного консюмеризма» во имя торжества духовности); возрождение консервативных ценностей как основы конструирования альтернативного проекта социальной справедливости; рост ксенофобии и традиционного национализма в противоположность космополитическим тенденциям предшествующего периода; растущий скептицизм в отношении той международно-правовой конструкции, которая возникла с окончанием Второй мировой войны и до последнего времени не ставилась под сомнение в рамках мирового мейнстрима; критика глобализации как процесса, в котором заинтересованы только транснациональные корпорации; пересмотр основ интеграционных процессов на Западе в пользу децентрализации под лозунгом защиты традиционных ценностей и национального суверенитета; готовность значительной части традиционного демократического электората пожертвовать фундаментальными ценностями прав человека (неприкосновенность частной жизни, свобода слова и др.) во имя сохранения стабильности (оказавшейся под ударом из-за волн миграции) и защиты от экстремизма («терроризма»); устойчивая динамика роста популярности правых партий во всех государствах западной демократии, приобретая характер качественного скачка в последнюю декаду³.

Почему в Европе преобладает не левый, а правый популизм? Культурная гегемония той

³ Констатация этих тенденций: Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе. М., 2015.

модели либеральной демократии Запада, которая господствовала последние полстолетия, опиралась на идеологию социального либерализма (социал-демократии, левых, зеленых, успешно эксплуатировавших идею социализма с человеческим лицом в условиях, когда тоталитарный коммунистический проект не предполагал его соединения с гуманизмом). Но их идеи, во-первых, уже получили реализацию — идеи социального государства, прав человека, глобального рынка, свободного информационного обмена, открытости границ; во-вторых, уперлись в барьер реализуемости (заставив отказаться от наиболее утопических социальных постулатов о братстве народов, провозглашенных еще в период Великой французской и русской большевистской революций); в-третьих, оказались в настоящее время для многих практически неприемлемы: требуют отказа от либерального доминирования (которое, по мнению критиков, дошло до исторических и географических границ своего господства). Отсюда популярность именно правых идей, и это, вероятно, только начало реставрационных процессов.

В истории мы знаем две различные формы романтики — революционную, преобладающую в эпохи радикальных социальных перемен (когда жива вера в быстрое осуществление социального идеала), и консервативную, преобладающую в эпохи стагнации, когда опасение этих революционных перемен заставляет видеть социальный идеал в достижении стабильности, искать его не в будущем, а в прошлом. Они едины в одном — в отрицании социальной реальности во имя ретроспективного идеала социальной справедливости, стабильной и гармоничной системы, будто бы существовавшей в прошлом, но разрушенной в результате нравственной деградации, экономических или технологических изменений последующего времени (примером может служить тезис Ж.-Ж. Руссо о том, что возникновение неравенства и деградация общества связаны с прогрессом наук и образования)¹. Выражением этого социально-психологического срыва в XX веке стал эпохальный конфликт фашизма и коммунизма, а также стремление элит опереться на различные комбинированные модификации популизма (в виде пужадизма, перонизма, кемализма, маккартизма, голлизма и т.п.)², общей особенностью которых стал поиск прагма-

тических решений при опоре на традиционные средние (и отчасти низшие) слои общества.

Это стремление вернуться к утраченному идеалу сближает представителей левого и правого популизма, определяя возможность появления амальгамы революционного радикализма и консерватизма (пример — так называемые исламские революции, учение идеологов национал-социализма о «консервативной революции» и сходные идеи ее современных западных и российских adeptов). Агрессивные формы политической романтики (и основанные на них популистские концепции социального переустройства) могут интерпретироваться как результат отсутствия реального обмена информацией, отчуждение индивида и поиск простых решений в сложной ситуации, форма сублимации настоящих социальных невротозов.

Это сравнение показывает, что кризис либерального проекта в начале XXI века, ставший предметом современной интернациональной дискуссии, хотя и происходит в других социальных условиях, имеет определенные черты сходства с кризисом начала и середины XX века. В длительной исторической перспективе это позволяет предположить, что речь идет не об окончательном отказе от либерального проекта, но о поиске новых форм его реализации.

4. Типология популизма: формы, стиль, технологии воздействия

В основу общей типологии популизма положим те основные параметры, которые были выделены в первом разделе для определения природы данного явления.

Все проявления популизма как массового движения могут быть разделены следующим образом:

— по характеру их генезиса на спонтанные и более организованные формы: первые представляют собой движение «снизу» (в виде массовых протестных акций гражданского неповиновения вплоть до революций), выражая реакцию массового сознания на социальные раздражители; вторые — стремление правящего класса, элиты или отдельных ее групп приспособиться к изменению социальных настроений или даже возглавить их проявления. Эти два направления способны развиваться параллельно, расходиться или сливаться (в случае обретения популистами власти);

— по степени артикулированности их программы или того мифа о достижении справедливости, который определяет социальную энергетику движения: от неопределенного со-

¹ *Rousseau J.-J.* Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Discours sur les sciences et les arts. Paris, 1971.

² Подробнее об этих исторических формах популизма: *Липсет М.* Политический человек. Социальные основания политики. М., 2015.

стояния социальных ожиданий (в виде «бытовых проявлений» в общественном сознании) до программ политических партий (и их медиаресурсов), ставящих задачей их практическое осуществление. Водораздел в артикуляции чрезвычайно важен. Момент появления таких программ есть когнитивный поворот, означающий фиксацию квазиидеологических установок, институционализацию их проявлений и переход к целенаправленной деятельности по их реализации. Пример — институционализация правых партий в странах Западной Европы как альтернативных в отношении партийного мейнстрима. Прохождение популистов в парламенты есть «качественный момент», поскольку превращает антисистемных маргиналов в полноправных участников политического процесса и, следовательно, теоретически открывает перспективы их вступления в правящие коалиции либо превращения в сильные оппозиционные партии, способные влиять на законодательный процесс, как было продемонстрировано на последних парламентских выборах в Греции, Испании, Голландии и на президентских во Франции);

— по степени радикальности запроса на социальные изменения правопопулистские проявления разделяются на консервативные (защита существующих порядков против их искажения); умеренные (предполагающие их частичную корректировку) и радикальные (революционное изменение существующей системы для возврата вспять). К первой категории относится старомодный консервативный популизм (в стиле ценностей британской Консервативной партии, немецких и итальянских христианско-демократических партий), ко второй — современный популизм (выдвигающий в Европарламенте и национальных парламентах «альтернативу» ЕС по ключевым вопросам национальной повестки дня), к третьей — особый мессианский популизм (ассоциирующийся с экстремистскими праворадикальными националистическими партиями);

— по степени потенциального деструктивного воздействия на систему: движения, готовые действовать в рамках ценностей, норм и институтов демократического общества; те, которые ставят под сомнение эти институты (говоря о необходимости их корректировки с учетом новых реалий путем референдумов, изменения избирательных систем либо информационной политики) или, наконец, однозначно отвергают их рациональность (например, в рамках требований о выходе из ЕС, междуна-

родных экономических, политических и военных союзов, изменения формы правления внутри страны). Пример в Европе — идея перехода к Шестой республике во Франции с ревизией конституционных принципов. Ключевым критерием разделения трех видов популизма является отношение к праву, прежде всего наиболее идеологизированным его отраслям — конституционному, уголовному, административному, например, в вопросах гражданских прав, образования, миграции, предоставления политического убежища, регулирования трудовых и семейных отношений, а также самих протестных акций (характерно, что повышенный интерес к этой проблематике проявлен именно в конституционных контрреформах стран Центральной и Восточной Европы и, конечно, России);

— по характеру взаимодействия с государственной властью: все популистские движения по определению являются антиэлитарными, но одна их часть готова к взаимодействию с действующей элитой, другая стремится занять ее место, третья является ее порождением. В случае, если парламентские дебаты оказывают минимальное влияние на принимаемые законы, риторика популистов может быть более жесткой, но практический эффект значительно менее выражен. Если в странах Запада популисты стремятся к власти, то на Востоке они уже располагают ею;

— все популистские движения могут быть разделены на три группы в соответствии с критерием их политической успешности — удалось ли прийти к власти; оказать такое давление на нее, которое привело к смене или корректировке политического курса; вообще не затронуло его. Радикализм популистских программ обратно пропорционален степени отдаленности от власти. Чем дальше популисты от власти, тем выше их свобода в выражении популистских идей (не скованы социальной ответственностью), чем ближе к ней, тем больше вынуждены отказаться от части популистских лозунгов в силу их утопичности либо практической нереализуемости в текущей политической ситуации;

— по институциональным рамкам деятельности: популистские движения в демократических странах вынуждены считаться с логикой электорального процесса (и возможностью утраты власти на выборах в случае потери социальной поддержки); популистские движения в странах с режимами ограниченной демократии или авторитаризма менее скованы этими институциональными ограничениями (точнее, имеют более широкий набор инструментов их

преодоления, от мобилизационной пропаганды до подвергания остракизму оппонентов). В результате в западных демократиях именно популисты являлись до последнего времени маргиналами, в странах Восточной Европы ими все более становятся представители либеральной оппозиции популизму (это особенно ясно в России, где либеральные партии вынуждены действовать как внепарламентская оппозиция);

— по применяемым технологиям воздействия на сознание и возможностям манипулирования им популизм может быть разделен на традиционные его проявления и новые, особенностью которых является широкое использование новых информационных технологий и медиакоммуникаций. Актуальное политическое использование консервативно-реставрационных стереотипов включает не только их простое тиражирование. Речь идет о перепрограммировании массового сознания с использованием информационных технологий и приемов манипулирования массовым сознанием. Особенность современных манипулятивных технологий по сравнению с традиционными формами пропаганды состоит в том, что они не просто навязывают обществу определенные представления путем их многократного повторения, но действуют на когнитивном уровне конструирования потребностей, установок и определения мотивации поведения (запросов общества к власти). Противопоставить подобным манипуляционным технологиям (транслирующим суррогатную информацию) можно только научный профессионализм, основанный на доказательных методах ее добывания и критического анализа (они показывают фиктивность самих навязываемых запросов, предлагают другую иерархию приоритетов и, следовательно, отстаивают более реалистическую политическую повестку дня);

— по степени консолидации популистского проекта: представлен он традиционными политическими силами, включает появление новых или выражен одной силой — партией или движением, способным интегрировать различные проявления популизма (также вопрос об интернациональном взаимодействии популистских партий и поддержки их извне). В этом отношении особого внимания заслуживают те области общественного сознания, в которых представлен синтез идей и требований правого и левого популизма, иногда в мессианской и романтической форме. Особенно четко это прослеживается в радикальных течениях, настаивающих на пересмотре существующих правовых институ-

тов и резком изменении внешней политики, — феномен, который сегодня можно наблюдать в дебатах кандидатов на выборах в США, Франции, Германии, Голландии с соответствующими реминисценциями в отношении прошлого страны, заимствованием лозунгов из одних программ в другие, со ссылками на результаты выборов в других странах. В случае прихода популистов к власти (как в странах Восточной Европы) их главная цель — переформатирование сознания, прежде всего картины прошлого и будущего в новых романтических понятиях;

— они могут быть классифицированы на основании такого интегрирующего критерия, как стиль популизма. Стиль выражает особенности устойчивых форм популизма в сравнительной перспективе. Согласно этому критерию (выражающему соотношение центра и периферии глобализационных процессов) в рамках современного популистского феномена можно выделить ряд модификаций — популизм в классических западных демократиях (США, Великобритания, Франция, Германия, Скандинавские страны); популизм в странах Южной Европы (Испания, Греция, Италия с их влиянием на сходные течения в Латинской Америке); популизм в постсоветских странах Восточной Европы (Польша, Венгрия, Прибалтика), популизм в России и других странах постсоветского региона (включая полупатриархальные светские режимы Центрально-Азиатского региона).

5. «Рациональное зерно» популизма и ошибки либерального мейнстрима

Общая иррациональность популизма не означает присутствия в его проекте рациональных аргументов. В этом контексте важен анализ ошибок современного либерального мейнстрима: они стали продолжением его успехов, но действительно сыграли значительную роль в усилении консервативно-популистского тренда.

Новейший период социальной трансформации определялся отказом от коммунистического проекта в его наиболее амбициозных формах (в результате крушения СССР), отрицанием двухполярного мира и тенденцией к глобализации на основе либеральных принципов. Символическим выражением конца «холодной войны» и торжества либеральных ценностей стало падение Берлинской стены и воссоединение Германии. Кульминацией явился проект евроинтеграции — создание ЕС как модели интеграции не только для Запада, но и для всего

мира: эти идеи, выдвинутые в послевоенный период, достигли пика формы с принятием Маастрихтского договора 1992 года и последующими волнами присоединения к нему новых государств Европы. В настоящее время, однако, выяснились пределы и трудности этого процесса. Евроинтеграция столкнулась с проблемой кризиса европейской идентичности (отказ от принятия Европейской конституции 2004 года на референдумах в Голландии и Франции)¹, неопределенности перспектив интеграции (Лиссабонский договор 2007 года как «навязанный» компромисс)², растущих тенденций к сепаратизму, национализму и распространению «евроскептицизма» — правых идей и течений практически во всех странах Запада.

Сама интерпретация понятия идентичности различна в зависимости от того, идет ли речь о бывших империях (Британской, Французской, Португальской и др.) или странах, ранее входивших в состав империй (Ирландия, Польша, Венгрия и др.); различны и предлагаемые решения — либеральный космополитизм или приоритет национальных традиций³. Поэтому одна страна (как Великобритания) может демонстрировать скептицизм в отношении евроинтеграции (неприятие Конституции ЕС) и, одновременно, стремление к этой интеграции внутри страны (как показала, например, дискуссия о понятии *Britishness* в период начала девальютивных реформ Тони Блэра, напоминающая соответствующие споры в России 1990-х о понятиях «соотечественники», «россияне» и пр.). Соответственно, популизм в этих двух случаях получает различное выражение — от стремления к восстановлению утраченного «великодержавия» или «исторических скреп» (в имперском понимании) до абсолютизации этнонациональной самобытности, причем не исключает когнитивного переключения с одного понимания на другое или их гибридных вариантов.

Ознаменовав победу либеральной идеологии над коммунизмом (наивно интерпретированный как конец истории), либеральный поворот привел в 1990-е к завышенным ожиданиям в отношении возможностей быстрого распространения западной мессианской идеи прав человека на весь мир. Идея о том, что «Европа

заканчивается там, где заканчивается юрисдикция государств — участников Европейской конвенции прав человека» (1950), теоретически открывала возможность присоединения к ней всех регионов мира, стала основой активного продвижения либерального мессианства по всему миру⁴, в том числе в форме экспорта либеральных «цветных революций».

При этом упускались из виду три принципиальных фактора: качественный характер социальных изменений подменялся их количественным выражением — стремлением охватить как можно больше стран, в том числе за пределами Западной Европы (выстраивание очереди кандидатов в члены ЕС); не был просчитан масштаб традиционалистской реакции на европейский проект социальной трансформации (она изначально присутствовала в ЕС, но резко возрастала по мере удаления от границ исторического Запада); стали явно преувеличенными темпы этого продвижения, а во многом и его формы (размывание традиционных ценностей, «дефицит демократии» в Европе, критика «евробюрократии» Брюсселя).

Изоляционистские тенденции последовательно нарастали в Европе на всем протяжении существования ЕС. Если в 1990-е доминирующей была идеология открытости Европы в отношении миграции, основанная на идеалистическом представлении о способности демократии абсорбировать неограниченные потоки мигрантов, то в дальнейшем, когда выяснилась практическая невозможность добиться этого, в ход пошли «двойные стандарты». Поворотным пунктом стал миграционный кризис 2014–2017 годов, последствия которого оказались непредсказуемы. Выяснилось, что Европа не подготовлена к приему миллионов беженцев из Африки, Средиземноморья, Восточной Европы, отсутствует единая концепция решения проблемы, которая, очевидно, стала долговременным фактором европейской политики. Не решены фундаментальные проблемы сохранения европейской идентичности, стабильности границ, защиты от исламского терроризма, а в конечном счете гарантий тех ценностей и правовых принципов, которые были закреплены в качестве системообразующих в европейском интеграционном проекте.

Выход Великобритании из ЕС, обструкционистская политика ряда новых демократий (Венгрии, Польши), растущее подспудное недовольство и массовые протесты против ми-

¹ Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы. М., 2005.

² Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора. М., 2008.

³ См.: *Collective Memory in Ireland and Russia*. Moscow-Dublin, 2007. P. 11–36.

⁴ *Нуссберггер А.* Революционная философия европейской Конвенции о защите прав человека // СКО. 2011. № 1(80). С. 86–93.

грантов в Германии, Франции, Голландии, Скандинавских странах, — все это поставило под вопрос перспективы евроинтеграции (все чаще определяемой как «немецкий» проект). Выход из кризиса, предложенный действующими элитами, оказался лишен концептуальной целостности и перспективного видения, он ограничивался защитной реакцией на новые вызовы, попытками их тактической нейтрализации, поиском образа «врага» (в виде путинской России или исламского радикализма), фактически воспроизводя старую идеологию «стены», отделяющей традиционный Запад от внешних деструктивных вызовов, — позиция, едва ли приемлемая в условиях глобализации и свободы информационного обмена. Не замечать реальные проблемы или демонизировать внешние силы есть форма коллективной терапии, но не содержательного решения.

Игнорирование этих очевидных факторов привело к подмене концепции либеральной интеграции новым изданием проекта европоцентризма, политического диалога монологом, толерантности как этического принципа, свободно избираемого индивидом, его официально санкционированным квазиправовым субстратом, демократического участия (принцип субсидиарности) бюрократической централизацией, реальной политики ее идеологизированными формами, высокомерию европейских элит в отношении «культурной периферии» (в которую последовательно включались страны Южной и Восточной Европы, Турция и Ближний Восток, а затем и Украина), издержки построения демократии в которой рассматривались скорее как технические и временные трудности, нежели системные препятствия. Одним из следствий стало то, что Запад в очередной раз «проиграл» Россию, схематично усматривая в ее несовершенных демократических преобразованиях 1990-х исключительно неудачную версию европейского либерального проекта, а не попытку выйти на новый уровень цивилизационного развития. Очевидно, все эти ошибки Запада были следствием «головокружения от успехов», но в разных регионах мира создали благоприятную атмосферу для торжества реставрационных настроений, конвертировавшихся в разные формы популизма и евросепаратизма. Правый популизм, возникший как противовес либеральному мейнстриму, сегодня претендует на то, чтобы стать этим мейнстримом. В США, Великобритании, странах Южной и Восточной Европы он уже стано-

вится им (победа левого популизма в Греции, правого — в Польше, Венгрии, на Украине и в странах Балтии).

Правый поворот стал системной реакцией на либеральный поворот по тем ключевым параметрам, которые были торжественно заявлены учредителями ЕС, но оказались не реализованы за истекший период. «Рациональное зерно» концепций правого популизма состояло, следовательно, не столько в отрицании модели евроинтеграции, сколько в выяснении ошибок ее проведения — форм, методов и темпов реализации. Правый поворот — не финальный диагноз, но скорее запрос на корректировку системы (изменение форм интеграции), а популизм — спонтанное, эмоциональное и преходящее выражение реакции традиционного сознания на трудности глобализации и модернизации.

Причины торжества популизма в текущей европейской перспективе: 1) ограниченность массового сознания; 2) связанная с этим безответственность со стороны политического руководства (демагогия); 3) провал либеральных элит в репрезентации либеральных ценностей в условиях кризиса. Эрозия традиционных форм репрезентации в политике (в виде партий и идеологий, отражающих весь спектр слева направо), размывание разделительных линий между популизмом и популярностью, между правящей партией и ее парламентской фракцией, между партией (ее программой) и лидером, представляющим имидж организации. Этот феномен определяется как медиакратия с ее технологиями информационного манипулирования, соотношением спроса и предложения на определенные политические проекты (которые в значительной степени навязываются избирателям), ростом мнимой информации и, как следствие, отчуждением (человек перестает ощущать, что его мнение представлено во властных структурах, а сам он способен влиять на принятие решений). Возможность такой ситуации (размывания программных положений, электората и партийных структур) предвидел еще М. Острогорский, говоривший о закате традиционного партийного представительства с переходом к массовому обществу¹, но в наше время она достигла нового качественного уровня за счет IT-технологий и манипуляций (это явление неточно определяется как «постправда» и «фейковая информация»).

¹ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 2010.

Представительство социальных инициатив в медиасреде требует новых качеств от политических лидеров, которые артикулируют не столько политическую программу, сколько имидж и стиль движения. Используя терминологию В. Парето, востребованы оказываются не «львы», но «лисы», способные обещать, но не сдерживать обещания, использовать «двойные стандарты», вступать в беспринципные коалиции, заигрывать с маргинальными слоями (говорить с ними на понятном языке), быстро менять свою позицию на противоположную (с учетом текущей политической и медийной конъюнктуры), вербально демонстрировать качества сильных лидеров (не являясь таковыми), переводить популизм в свою медийную «популярность» (феномен Сильвио Берлускони, Дональда Трампа), оставаясь при этом вполне системными персонажами. Но эта «игра» имеет ограниченный ресурс поддержки в долгосрочной перспективе — театральные инсценировки такого рода обладают свойством превращаться в реальные политические проекты, осуществление которых предполагает появление настоящих политических режиссеров спектакля — «львов», отбрасывающих картонные декорации имитационной политики.

Важная проблема — при каких обстоятельствах действующие элиты западных стран готовы принять популистские программы или их элементы: такая ситуация возникает в условиях преобладания в обществе популистских настроений. С позиций реальной политики определяющим становится выбор не между популизмом или отказом от него, а между более или менее выраженным популистским трендом, принятие некоторых его установок для сохранения действующими элитами собственного доминирования. Эта ситуация представлена в странах Запада в виде предпочтения одних популистских партий другим (как «меньшего зла»), созданием партийных коалиций (включающих партии с умереннопопулистскими лозунгами), эволюцией партийных программ правящих партий (в завуалированном виде учитывающей внутренний раскол или острые разногласия в их руководстве), изменением режима СМИ (вплоть до табуизации некоторых тем или демонизации отдельных партий и персоналий). В целом медиатизация и примитивизация массового сознания — серьезный вызов либеральным партиям, способный ограничить их роль «беспристрастного» медиатора и навязать дискуссию по неудобным темам, раскалывающим общество и ведущим к его негативной мобилизации.

6. Российский консервативный популизм: структура мировоззрения и типология проявлений

Российский правый популизм в сравнительной перспективе предстает, во-первых, как часть общей мировой тенденции; во-вторых, заимствует свой багаж из идеологии европейских консерваторов как классических, так и новейшего времени; в-третьих, имеет существенную дополнительную основу в трудностях и противоречиях постсоветского периода, связанных с разрушением привычных форм социальной адаптации, когнитивным диссонансом и ростом социальной агрессии как компенсаторной реакции. Консервативный тренд в России стал магистральным направлением в современной общественной жизни, получив выражение в философских, культурных и политических представлениях, типологии основных течений российского популизма.

В философии и идеологии основы российского консервативного тренда представлены тремя постулатами: 1) метафизическая идея постоянных и неизменных ценностей каждой цивилизации, которые не могут быть преодолены эволюционным путем (неизбежный «конфликт цивилизаций»); 2) жесткое разграничение моральных и правовых типов социального существования (моральные нормы выше правовых и должны определять последние); 3) холистический или интегралистский подход к отношениям общества и государства в России (идея самобытности российской цивилизации, неизбежности постоянного самовоспроизводства «русской системы» в мировых отношениях). Эти конструкции определяют общий оборонительный вектор консервативной идеологии — отрицание конструктивного диалога и правовых форм разрешения конфликтов, эксплуатацию старых стереотипов государственного патернализма, закрытого (автаркического) государства, вплоть до фильтрации информации, поступающей из внешнего мира.

В культуре проявлениями консервативного тренда стали рост интереса к консерватизму и его истории, подчеркивание геополитики и социального дарвинизма, идея морального возрождения нации и патриотизма в его национально-ориентированной и антизападной трактовке, роль религии (православия) и расширение места РПЦ в публичном пространстве при поддержке государства (Церковь выступает по всем значимым социальным и политическим вопросам), культ традиционных моральных ценностей (в семейной и сексуальной морали), борьба за отказ от индивидуализма, пересмотр

истории страны в мировом контексте с позиций национальных интересов, реформа русского языка (очистка от иностранных слов), отрицание модернизации в форме европеизации и таких «лицемерных» ценностей, как терпимость, права человека и защита меньшинств.

В историографии — целенаправленные усилия по реконструкции исторического прошлого с целью обосновать идею «особого пути» России в мире. Наиболее четкое выражение данное представление получило в концепции так называемой русской системы, которая в ее консервативной интерпретации отличается последовательным детерминизмом. В России, следуя данной логике, исторически всегда были соединены власть и собственность, государство всегда подавляло общество, а значит, так будет и в дальнейшем, причем никакой альтернативы деспотизму не существует. Вся российская история, исходя из этого, предстает как ряд периодов разрушения (в результате либеральных реформ) и восстановления деспотической стабильности (в условиях контрреформ), а общество делится на людей, которые поддерживают эту стабильность или мешают ей¹.

Реципируются консервативные теоретические конструкции, получившие распространение в Германии эпохи Веймарской республики и Третьего рейха: геополитические доктрины, требования восстановления исторического пространства, «незавершенного государства» и т.п., представления о возможности обретения национальной идентичности через реализацию мессианской националистической (а в крайних формах даже расовой) программы. Осуществление подобной программы предполагает отказ от демократического государства и возвращение к империи в той или иной форме. Радикальный пересмотр этих концепций в послевоенной Германии (в рамках известного «спора об истории») выявил их вклад в «немецкую катастрофу» — роль имперских авторитарно-милитаристских стереотипов в крушении национальной идентичности: срывах исторической преемственности, провалах государственности, поражениях в войнах. Подобный пересмотр исторического прошлого, начавшийся с крушением СССР, не завершился в России принятием официальной демократической парадигмы исторического прошлого: вместо отказа от советско-имперских стереотипов имеет место их направленное воспроизводство, а десталинизация сменилась идейной реанимацией сталинизма и вообще авторитарных стереотипов.

¹ См.: Историческое знание как фактор развития. М., 2014.

Консервативно-популистский вектор выражается в официально принятой концепции преподавания истории — утвержденном «историко-культурном стандарте», концепциях курсов и учебниках истории. Общий тренд — в критике либеральных реформ в истории и современности, интерпретация крушения СССР как глобальной катастрофы XX века, а демократических преобразований конца XX века — как «Смуты», крушения государственности, за которым неизбежно следует восстановление «сильной власти» в ее существующих формах. Манипулирование историей облегчается, с одной стороны, неподготовленностью массового сознания к критическому обсуждению этих вопросов, с другой — дезориентацией научного сообщества, часть которого отрицает научный характер истории, с третьей — стремлением политической власти использовать эту неопределенность для воспроизводства идеологических стереотипов, которые способствуют ее легитимации, не задумываясь об их научной состоятельности и негативном вкладе в сознание общества².

В сфере правового регулирования консервативный тренд отстаивает отмену ценностно-беспристрастного характера позитивного права. Исходя из этого выдвинуты идеи отказа от светского характера государства и образования, принципа плюрализма (идеологического и духовного многообразия) как основы политико-правовой системы и пересмотра идеологии прав человека и либеральных свобод. В этом контексте показательны предложения по реформированию международного, конституционного, гражданского, уголовного, семейного, административного права, законодательства о СМИ и интернете (в направлении ограничения информационного обмена). Среди важнейших предложений доминируют те, которые направлены на изменение соотношения международного и национального права, ослабление независимых институтов гражданского общества и прав оппозиции на легитимное выражение протеста, усиление государственного контроля (демонстративные антикоррупционные меры), ограничение внешних подрывных влияний с помощью информационного контроля обмена информацией. Выражением этих идей становятся предложения о поправках в доктрины государственного суверенитета, государственной безопасности и информацион-

² Мой опыт информативен: *Медушевский А.Н.* Мои бои за историю. Как я был главным редактором журнала «Российская история» // Вестник Европы. 2012. Т. 33. С. 147–159.

ной безопасности. В концентрированном виде представления консерваторов выражены в концепции конституционной и судебной реформы, точнее, контрреформы, смысл которой состоит в ее радикальном пересмотре с позиций консервативных моральных ценностей и усиления государственного контроля над обществом.

В политике стержнем консервативного тренда стала борьба с западным (либеральным) влиянием в общественной мысли, идея возврата к единой национальной (консервативной) идеологии («Единая Россия» и «Народный фронт»), идея экономической автаркии и «опоры на собственные силы» (экономический протекционизм как ответ на санкции), пересмотра отношения российского и международного (европейского) права, в крайней форме – выхода из европейских институтов (ПАСЕ, Европейский суд по правам человека), ограничения НКО, предложения ввести цензуру в СМИ и интернете, апология сильной власти и «национального возрождения». Определение политики, данное Министерством юстиции по требованию НКО, не сужает, а расширяет это понятие, интерпретируя его как возможность оказывать влияние на принятие решений: оно соответствует концепции Макиавелли и Вебера, но не современным трактовкам публичной политики в демократическом обществе, предполагающим участие общественных институтов в обсуждении и критике законодательных и судебных решений и их реализации.

Характер позиционирования этих идей позволяет провести типологию современного российского популизма. Он включает три основных течения. Первое – «чистая форма» старомодной консервативной романтики как воплощение аутентичного российского дореволюционного консерватизма (или консервативного либерализма), который определенно противостоял революции и видел культурную и политическую альтернативу в национальном духе, исторической идентичности и общей ностальгии по историческим формам допетровской социальной и политической организации. Второе – неоконсервативный тренд, направленный на решение современных проблем глобализации, поиск идентичности и национализма с позиций постмодернистского философского релятивизма, конвенционального антиамериканизма и авторитаризма, имеющих как европейское, так и российское происхождение. Третье – радикальная версия правого популизма, близкая идеям раннего фашизма, – крайний национализм (вплоть до расизма), ин-

терпретация политики в категориях парадигмы «друг-враг», авторитаризм как исторически предопределенная судьба России. Политическая цель этого направления есть «консервативная революция» – радикальная трансформация политического режима с целью осуществления «национальной миссии» в мире и создания национальной (этнически «Русской») Империи с государственной идеологией путем жесткого подавления оппонентов (интеллектуальной оппозиции, либералов, мигрантов, различных меньшинств). Маргинальный характер данной модификации популизма не исключает его активного позиционирования в информационном пространстве.

Главные противоречия между этими тремя течениями охватывают важнейшие темы конструирования новой политической теологии российского популизма. *Во-первых*, концепция особой «русской цивилизации» (должна ли она базироваться на религиозных, национальных или этнических приоритетах), русской нации (культурная, гражданская или этническая интерпретация нации, различные видения исторических стадий развития и будущих перспектив в свете этого критерия), концепция государства (должно ли оно быть многонациональным, национальным или этническим) и суверенитета (противоположные трактовки демократии и империи или их примирения в гибридных формах). *Во-вторых*, вклад исторической традиции (возможность использовать ее в пассивной или активной форме), природа правосудия и справедливости в российском контексте (правовая, распределительная и традиционная формы аргументации), концепция развития (вопрос о внутренних и внешних формах). *В-третьих*, понятие предполагаемой реставрации (как постепенного возврата к историческим формам или как радикальной консервативной революции), природа «русской системы» и возможности трансформировать ее в будущем (архаическая и модернизированная версии интерпретации отношений общества и государства), концепция закрытого государства (различные мнения об интеграции страны в глобализированный мир), умеренные или радикальные программы культурных, социальных и правовых реформ.

Важнейшими идеологическими документами консервативного популизма, где предлагается эта реставрационная программа, выступают проекты Института социально-экономических и политических исследований, доктрины Изборского клуба, в более интеллектуальных

формах – «Тетради по консерватизму», в более случайных и маргинализированных формах – «Манифест просвещенного консерватизма», проект «Россия» или так называемая «Русская доктрина» и т.п. С точки зрения интеграции правого и левого популизма характерно положение программы «Русской партии» о создании «Соборной социальной системы России» (СССР). Несмотря на то что эти документы не имеют официального характера, некоторые их идеи проникли в официальную риторику и были востребованы деятелями, представляющими современный истеблишмент. О том, что они в большей или меньшей степени затрагивают официальную повестку, свидетельствуют доклады Валдайского клуба, в том числе по вопросам внешней политики.

Таким образом, современный российский консервативный популизм не является оригинальным мировоззрением: он опирается в целом на идеи западного происхождения (с упором на более архаичные их проявления), предлагает их эклектическую комбинацию, а его мировоззрение находится на стадии формирования.

7. Непреодоленная советская легитимность и особенности современного российского популизма

В основе конструирования популистских проектов в постсоветской России лежит непреодоленная советская легитимность. Истоки дебатов относятся к началу постсоветской трансформации, проходившей в острых спорах сил старого порядка и демократических реформаторов о соотношении права и справедливости. В настоящее время эти споры не только сохраняют значение, но и приобрели большую актуальность в контексте пересмотра Ялтинско-Потсдамской системы и фактически начавшегося нового передела сфер влияния ведущих держав.

Констатируется, что, во-первых, «базисные ценности российской культуры» остались практически неизменны. Конфликт права и справедливости в постсоветском обществе разрешается с позиций эгалитаристской трактовки социальной справедливости, отторгая идеи либеральной демократии, правового государства и приоритеты свободы личности¹. Во-вторых, в трактовке принципов свободы, справедливости и равенства, а также социальных и политических прав сохраняется устойчивое влияние со-

ветских правовых стереотипов². В-третьих, до конца не решена проблема правопреемственности: Россия, став правопреемником СССР, взяла на себя бремя постсоветского урегулирования (в отличие от западных государств, расставшихся с колониальным наследием). В этих условиях сохраняется угроза подмены демократической гражданской консолидации общества новой имперской идентичностью с выстраиванием соответствующей силовой политики³. В-четвертых, признается, что искусственность советской модели федерализма (построенной по национально-территориальному признаку) не была преодолена в его постсоветской конструкции⁴. Нерешенность этой проблемы ставит проблему идентичности (идеи конструирования новой гражданской нации), ограничивает масштабы демократических преобразований и способствует авторитарному вектору. В-пятых, показано, что в экономическом регулировании имеет место «разрыв между юридической (писаной) конституцией и конституцией фактической (с учетом правоприменительной практики и состояния экономической системы)⁵. Сохраняет значение особый вариант решения проблемы Китая, где трансформация экономики проходила без радикальной отмены институтов советского типа, демонстрируя роль государства «в сборе информации, координации процесса и компенсации внешних факторов»⁶, – идеал современных российских сторонников теории авторитарной модернизации. В-шестых, подчеркивается незавершенность преобразования советской судебной системы, которая «по-прежнему ориентирована на принцип жесткого централизма, в конечном счете обеспечивающий управление системой»⁷. Наконец, в-седьмых, отмечаются опасные тенденции трансформации российской системы разделения властей в направлении персоналистского режима⁸.

Констатируется незавершенность модернизации российского общества. На исходе XX века в ходе либеральных рыночных преоб-

² Права человека и правовое социальное государство в России. М., 2011. С. 140–141.

³ См.: Наследие империй и будущее России. М., 2008.

⁴ Захаров А. «Спящий институт». Федерализм в современной России и в мире. М., 2012.

⁵ Конституционная экономика. М., 2010. С. 29.

⁶ Йифу Лин Д. Демистификация китайской экономики. М., 2013. С. 161.

⁷ Абросимова Е.Б. Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. М., 2009. С. 169.

⁸ Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008.

¹ Степин В. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 330–341.

разований удалось добиться «решительного, но мирного, эволюционного по сути, хотя и революционного по форме, изменения»¹. Как же результат? Характерно признание современных реформаторов: «Мы не решили тех фундаментальных задач, которые стояли перед Россией сто лет назад». — «Ни экономических, ни политических, ни социальных»². После всех экспериментов постсоветского периода перспективной задачей по-прежнему выступает «модернизация страны путем реформ на основе универсальных ценностей гуманизма, прав и достоинства человека, доверия, сотрудничества и солидарности граждан», а споры охватывают концепцию реформ, их приоритеты и информационную повестку³.

Можно констатировать принципиально различные результаты посткоммунистического переходного периода в России и большинстве стран Восточной Европы, где принципы правового государства стали основой современной политической системы⁴. В целом констатируется низкое доверие к политическим институтам и общая культурная и кадровая преемственность современной российской элиты в отношении советской⁵. Представлен вывод, что «советская имитационность обладает сильной инерцией, которая до сих пор блокирует становление правовой государственности в России»⁶.

Подъем популизма — объективный фактор современного развития России. Он связан с кризисом общественного сознания в результате распада Советского Союза, преодолением трудностей экономических и политических реформ последующего времени и в этом смысле представляет собой известную системную реакцию на кризис. Приводившиеся данные социологических исследований (Лев Гудков)⁷, по-видимому, подтверждают этот вывод: значительный процент населения поддерживает авторитарные стереотипы и «сильную власть», видя в ней антитезу анархии. Эти представления

оказываются питательной почвой для консервативно-романтических настроений с их концепцией социально-политической реставрации и апелляцией к историческим стереотипам авторитарной власти. Широкое распространение данных представлений связано с их простотой (легкостью восприятия) и одновременно неспособностью широкого массового сознания критически осмыслить новую информацию, его зависимостью от манипулятивных технологий.

Российский популизм прекрасно использует «советский миф» для достижения своих целей. Доказательством является: а) попытки его ревитализации на общегосударственном уровне; б) обращение к нему популистов всех идеологических направлений (между прочим, и окололиберальных); в) соединение данного мифа с картиной будущего (проекты социальных преобразований и прежде всего политических реформ).

8. Реставрационный импульс русского популизма: споры о конституционной реформе

Конфликт позитивного права и правосознания в переходном обществе находит в популизме последовательное выражение. Конституционный кризис в принципе включает три основных параметра: отрицание легитимности действующей конституции (например, проблемы, приведшие к отказу от принятия Конституции ЕС); появление в обществе раскола представлений об объеме и смысле основных правовых ценностей и принципов (таких как права человека — входят ли в них права мигрантов, политических беженцев, и в какой мере они должны быть защищены); утрата соответствия конституции и реальности (например, так называемое селективное правосудие). Эти проблемы известны в Западной Европе, но они еще более остро представлены в Центральной и Восточной Европе и особенно в России и ряде стран постсоветского региона.

На этом основании некоторые делают вывод о несопоставимости европейского и русского консервативных трендов и их политического значения: в Европе, считают они, исторический выбор в пользу либерализма и прав человека уже сделан, в России — нет, и, напротив, имеет место вектор перехода от мягкого авторитаризма к жесткому⁸. Но согласиться с этим тезисом, значит, встать на проторенную дорогу

¹ Гайдар Е.Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2010. С. 239.

² Мау В.А. Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы // История России. Теоретические проблемы. М.: РАН, 2015. С. 121.

³ Предложения III Общероссийского гражданского форума 21–22 ноября 2015 г. М., 2015. С. 1.

⁴ См. материалы интернациональной дискуссии: Путь в Европу. М., 2008.

⁵ Властные структуры и группы доминирования. СПб., 2012.

⁶ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2013.

⁷ Гудков Л.Д. Особенности российского популизма. См. статью в настоящем издании.

⁸ См.: Шейнис В. Консервативна ли нынешняя «консервативная волна» в России? Россия и Европа — общий ли тренд? // Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе. М., 2015. С. 72–82.

«исключительности» России, хоть и с другим, либеральным, знаком. Решение проблемы — не в особом характере русского консервативного популизма, а в признании факта его исторической смещенности, вызванной не в последнюю очередь длительностью советского эксперимента¹.

В целом новейшие исследователи констатируют нереализованность основных принципов действующей российской Конституции². Этот результат переходного процесса нуждается в систематическом объяснении, идет ли речь о перерождении новых демократических институтов или о воспроизводстве традиционной российской матрицы политического устройства? Эмпирический анализ проблемы выявляет систематическую эрозию основных конституционных принципов³. Поэтому подведение итогов конституционной трансформации, причин их сбоев и определение их перспектив — центральные вопросы как научных дебатов, так и политических программ⁴.

В настоящее время в российском обществе конкурируют два типа реставрации — по отношению к советскому и досоветскому прошлому. Первый тип связывает перспективы общества с возвращением к ценностям и институтам советской системы, второй говорит о важности восстановления досоветских (дореволюционных) традиций, включая традиции русского имперского наследия. Социальными носителями реставрационной идеологии выступают две социальные силы — левые (реставрация в коммунистическом понимании) и правые (почвенники различных направлений, от умеренных консерваторов до сторонников полного возврата к исходным цивилизационным «архетипам»). Они, конечно, выражают несовместимые идеологические постулаты и выдвигают различные концепции политических реформ — первые выступают за возвращение к институтам «советского парламентаризма» типа квазидемократической системы, прикрывавшей однопартийную диктатуру, вторые апеллируют к «соборности», а некоторые даже к восстанов-

лению имперской модели. Однако их объединяет то общее, что присутствует в обоих типах реставрационного сознания, — концепция государства неоимперского типа.

Консервативно-популистский подход, как показывают предложения, появившиеся к 20-летию действующего Основного закона, выдвигает наиболее жесткую критику Конституции как результата некритического заимствования западного опыта и отстаивает идею ее радикального пересмотра с национальных позиций: необходимость единой государственной идеологии, приоритет социальных обязательств перед нормами свободной экономики, критический пересмотр всей системы прав личности (ограничение свободы совести, возвращение цензуры, восстановление смертной казни), корректировку принципа светского государства (в рамках партнерства государства и Церкви); плюрализма (который не может быть «безбрежен»), ограничение федерализма и переход к фактическому (если не юридическому) унитаризму в форме государства с единой властной вертикалью, преодоление принципа разделения властей в рамках возрождения государственности имперского (иногда квазисоветского) типа, в целом — отказ от принятых в 1990-е либеральных ценностей и институтов, которые якобы отторгаются российской почвой. Конструирование легитимности режима в этой парадигме должно строиться не на основе демократического выбора, а на лояльности подданных суверену — государственной власти.

При обсуждении стратегии развития конституционного строя принципиальное значение имеет сопоставление консервативного и либерального подходов к конституционной реформе. Радикально-консервативная позиция исходит из того, что действующая Конституция — утопия. Она была навязана стране силой в 1993 году, не соответствует реальности и отторгается российским обществом. Конституция поэтому должна быть радикально пересмотрена в направлении российской исторической реальности: следует двигаться к традиционным формам народного представительства — «парламентаризму» в его российской специфике (то есть советской системе или земским соборам). Поскольку Конституция и политический режим несовместимы, нужна новая конституционная революция или радикальная реформа — созыв Конституционного собрания для возвращения исторической легитимности, утраченной властью в 1993-м, если не в 1917-м. Данная позиция выдвигается представителями

¹ Медушевский А.Н. Консервативный тренд и институциональное развитие политического режима России // Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе. М., 2015. С. 83–99.

² См.: Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М., 2013.

³ Конституционный мониторинг: концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года. М., 2014.

⁴ Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад. М., 2014.

радикальной оппозиции — критиками современного политического режима как справа, так и слева. Радикализм требований, заявляемых почвенниками разных направлений, возрастает по мере их удаленности от власти и желания воспользоваться ее плодами.

Умеренно-консервативная позиция полагает, что Конституция в силу ее символического значения может быть сохранена как юридический феномен, но ввиду ограниченной социальной поддержки должна быть существенно реформирована на уровне ценностей, принципов и норм в направлении консервативного пересмотра конституционных принципов. Методом такого пересмотра выступает внесение поправок в преамбулу, раздел о переходных положениях или дополнение Конституции новыми главами. Преимущество данного решения усматривается его сторонниками в отказе от радикальных методов конституционного пересмотра — созыва Конституционного собрания при фактическом проведении поправками всех значимых содержательных модификаций принципов. Но проблема легитимации данных изменений сохраняет значение: если Конституция была принята на всенародном голосовании, то для изменения ее ключевых принципов необходимо его повторение или проведение референдума. Это делает актуальной постановку вопроса о референдуме и даже созыве Учредительного собрания в будущем. Данная позиция близка консервативной части бюрократии и духовенства, настаивающих на приведении Конституции в соответствие с «требованиями жизни» с параллельным ограничением независимого судебного контроля конституционности принимаемых законов. Она напоминает конституционные контрреформы, уже осуществленные консервативно-популистскими правительствами в Венгрии и Польше.

Либеральная позиция, напротив, настаивает на том, что Конституция — полноценная основа правового развития, она вполне адекватна социальной реальности, но ее положения существенно деформированы на законодательном уровне и правоприменительной практике. Эти деформации объясняются, во-первых, несовершенством юридических формулировок некоторых положений Конституции, во-вторых, противоречиями институциональных параметров развития, в-третьих, дисфункциями правоприменительной практики. Целесообразны поэтому выверенные точечные изменения Конституции, связанные прежде всего с трактовкой разделения властей, а точнее, созданием эффективной системы сдер-

жек и противовесов¹. Представленная позиция характерна для либеральной части научного и экспертного сообщества юристов. Однако оно также не едино: одна его часть выступает за радикальную трансформацию политических институтов, другая считает, что сохранение авторитарной модели власти есть гарантия стабильности в переходный период.

Характерно сходство этих дебатов с конституционно-правовыми построениями эпохи Веймарской республики, стран Южной Европы периода авторитарных режимов межвоенного периода, обращением к голлистским традициям «республиканской монархии», а также это может восприниматься как отсылка к различным консервативно-либеральным доктринам и практике имперского периода русской истории. В таком контексте показательны поправки к конституциям Франции и России 2008 года и способы их интерпретации: при внешнем сходстве выясняется противоположность заданных векторов². Популизм берет из этого теоретического инструментария необходимые ему аргументы. Концепция президентского авторитаризма (вертикали власти) выступает как стержень этой тенденции. Окационализм — магическая воля случая и вера в провиденциальную личность — ее романтическое выражение.

9. Вклад популизма в трансформацию постсоветской российской политической системы

Русский популизм выполняет ряд социальных функций, некоторые из которых сходны с западными версиями, в то время как другие отличны от них. Это поиск национальной идентичности в меняющемся мире, осуществление социальной терапии перед лицом неприемлемой или раздражающей социальной реальности, социальной мобилизации перед лицом внутренних и внешних вызовов (образ «врага»), легитимации политического режима. Это определяет соотношение популистских программных установок с задачами модернизации страны и динамикой политического режима постсоветского периода.

Природа современного российского политического режима определяется постреволюционной стабилизацией. Эта система может быть определена как плебисцитарная демократия, или, точнее, демократический цезаризм.

¹ Medushevskii A. Problems of Modernizing the Constitutional Order: Is it Necessary to Revise Russia's Basic Law? / Russian Politics and Law. 2014. Vol. 52, № 2, March-April. P. 44–59.

² Сравнение поправок и реакции на них см. в кн.: Политические институты России и Франции. Традиции и современность. М., 2014. С. 81–112.

Данный режим (при всем различии его исторических модификаций) имеет существенный общий признак — он сочетает новую демократическую легитимность с сохранением старой системы сверхпредставительной власти главы государства, позволяя преодолевать раскол в обществе переходного типа при осуществлении неизбежных, но непопулярных социальных преобразований. Именно поэтому он получил столь широкое распространение в постреволюционных обществах, став во многих формой воспроизводства режима личной власти.

Российский вариант «республиканской монархии» имеет сходные исторические задачи. Эта система предлагает эффективное решение проблем переходного общества с позиций центризма: идеологическому утопизму она противопоставляла прагматизм, традиционализму — рационализацию (технологическую модернизацию), коммунизму — национализм (в форме гражданского патриотизма), революции — эволюцию (реформы сверху), коллективизму — укрепление частной собственности, социальному (классовому) расколу — единство общества, распаду государства — сохранение незыблемости его исторических границ, социальной анархии — правовую стабильность (диктатура закона), определяемую как «сильное государство» — «суверенная демократия» (с экспериментами во внешней политике). Данная модель политической власти является исторически новой для России — она не могла быть реализована в полной мере ни в эпоху абсолютизма, ни в эпоху сменившей ее однопартийной диктатуры.

Существенный фактор развития российского популизма — конкуренция его различных проектов, связанных с многонациональным, многоконфессиональным и регионально разнообразным характером страны, а также незавершенностью (в отличие от национальных государств Запада) формирования единой гражданской нации (дискуссия о конструировании которой — тема актуальных дебатов). Распад СССР и последующий феномен национально-республиканского сепаратизма в самой России остро поставили проблему национального единства, сделав интеграционный вектор определяющим, а возрождение централизованного государства с авторитарным вектором практически неизбежным в условиях переходного периода. В этом отношении понятен конфликт региональных и общенациональных популистских проектов, который завершился с отказом от договорной модели федерализма и принятием ее конституционной модели (в рамках про-

цесса выстраивания единой властной вертикали в 2000-е). Данный вектор (особенно с отказом от региональных политических партий) вел к преобладанию унификаторских тенденций, но вместе с тем означал концентрацию популистских проектов на национальном уровне с параллельным вытеснением национально-региональных форм мобилизации общероссийскими.

Российский популизм опирается на реальную ситуацию в стране. Российский политический режим остается сверхцентрализованным и характеризуется отсутствием полноценных институтов социального контроля. Несмотря на все изменения формы правления в XX веке, фактическая власть главы государства остается практически неизменной в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме. Начало и конец революционного цикла XX века совпадают в одном отношении: в обоих случаях представлена фактически неограниченная власть главы государства. Единственное реальное достижение революции в этой области состоит в том, что по сравнению с поздним монархическим режимом в настоящее время власть не наследственная, но теоретически избираемая. Данная конструкция и структура власти определяют параметры информационного контроля и централизованного характера всех реформационных инициатив. Это общая предпосылка реставрационного тренда и когнитивного редуционизма, замены подлинной модернизации ее имитационными формами.

Данная логика политического режима определяет его отношения с популизмом. Использование популизма характерно для всех этапов постсоветского развития, но в разной степени и в неодинаковых формах. Во-первых, следует различать две его формы — «народный популизм» и «властный популизм» (в 1990-е между ними существовало противоречие, связанное с активными усилиями режима по противодействию консервативно-реставрационным представлениям, но в дальнейшем два течения тесно смыкаются). Во-вторых, соотношение популизма и власти не оставалось неизменным: следует выделить как минимум три основные фазы взаимодействия — «демократический популизм» 1993–1997; «центристский популизм» первой декады 2000-х; «консервативный популизм» (начиная с 2008-го и особенно после 2014-го по настоящее время). В-третьих, менялась содержательная основа популистских идей, востребованных властью, и, соответственно, выдвигались на первый план разных его носителей (общая тенденция к усилению более консерва-

тивных групп). В-четвертых, эволюционировала легитимирующая роль популистских идей, что видно в интерпретации роли главы государства (глава государства — «президент Всея Руси» как гарант либерально-демократических реформ; президент как гарант стабильности и, наконец, непререкаемый национальный лидер как выразитель национальной идентичности). И в-пятых, трансформировались социальные функции популизма (от легитимирующей к мобилизационно-охранительной).

10. Основные характерные черты и особенности российской версии популизма в сравнительной перспективе

Суммируем различия русского и западного популизма. Популизм в Европе и России различается задачами, которые он стремится разрешить, реальными вызовами, с которыми столкнулось общество. Для Западной Европы это кризис национальной идентичности в условиях глобализации (прежде всего решение проблемы миграции из стран Африки). Для России — решение проблем постсоветского урегулирования, выстраивания отношений со странами постсоветского региона, которые сами находятся в мучительном поиске национальной идентичности (а часто видят решение в механическом противопоставлении себя России и наивном переписывании истории).

На Западе ключевой объект критики — евроинтеграция, а решение усматривается популистами в дезинтеграции объединения стран, входящих в ЕС. В России это критика деструктивных тенденций, приведших к распаду СССР (ранее Российской империи), ностальгия по утраченному сильному единому государству, а решение усматривается в интеграции постсоветских государств в орбиту российского влияния (проекты Евразийского союза и «Русского мира» как способы достижения этой цели). Таким образом, ключевой лозунг западных популистов — больше децентрализации, российско-го — больше унификации и централизации.

Западный популизм опирается на идеологический конгломерат постмодернизма, в частности, соединяет идеи консервативного национализма с идеями антиглобализма и анархического протеста против капитализма, атлантизма, транснациональных монополий и обезличивания индивида европейской бюрократией. Российский популизм, хотя и отдает дань этим идеям (в основном для критики однополярного мира и американского доминирования), по своим идейным основам гораздо

более традиционен и опирается на консервативно-романтические идеи европейского популизма 1920–1930-х (ассоциирующиеся с дискуссиями Веймарской Германии), клерикализма («духовного возрождения нации»), соответствующие стереотипы в русской постреволюционной эмиграции (евразийства) и вообще идеологию самобытности и особого пути (эмоционально окрашенную односторонней трактовкой патриотизма), характерную, впрочем, для многих развивающихся государств в разных регионах мира.

Различие западной и российской версий популизма связано с особенностями политических режимов. Западные популистские движения, вынужденные действовать в условиях представительной демократии, используют ее механизмы действия — апеллируют к массам, стремясь завоевать их голоса на выборах. Российские популисты, действуя в условиях более традиционного общества и системы ограниченного плюрализма, ассоциируют свой приход к власти с политикой государства и фигурой его главы — президента, гаранта Конституции, определяющего вектор внутренней и внешней политики. Характерная черта российского популизма в европейской сравнительной перспективе — его тесная связь с институтами имитационной демократии. В отличие от функционирующих демократий Запада, российский популизм не представлен независимыми партиями — все они интегрированы в единую вертикаль власти (в случае роста их популярности они начинают рассматриваться как дестабилизирующие и «самораспускаются»). Происходит, так сказать, делегирование «народных» популистских инициатив самой власти.

Поэтому в России популистские импульсы, исходящие «снизу» (от общества), питают популизм власти, открывают возможности лавирования (выбора между более и менее жесткими версиями), но одновременно ограничиваются ею во избежание утраты контроля над ситуацией (подавление крайне правых и левых движений экстремистского характера, ставящих под вопрос сохранение стабильности — межконфессионального и межнационального консенсуса, социальной стабильности, и оспаривающих с этих позиций легитимность существующего режима). Позиционируя себя как центристский, политический режим эволюционирует вправо, подменяя конституционную легитимность популистской и последовательно включая в официальную риторику аргументы своих консервативно-популистских оппонентов.

Поэтому различен вклад двух видов популизма, западного и российского, в идеологию государства и динамику политического развития. Опасность популизма выше в демократических политических режимах, где массы непосредственно влияют через выборы на принятие решений, и меньше выражена в режимах ограниченного плюрализма, где власть способна нейтрализовать и корректировать крайние проявления популизма.

Если в демократиях жизнь популизма ограничена (по крайней мере, в неизменных формах) одним или несколькими электоральными циклами, то в режимах ограниченного плюрализма она более устойчива, поскольку ответственность перед избирателями размывается между партиями и режимом (в рамках контролируемых государством общественных движений и организаций). Показательно создание «Народного фронта» как альтернативы традиционным партиям, в том числе правящей «Единой России».

Различны функции западного и российского популизма — в одном случае это форма аккумуляции протеста против несовершенных институтов с целью прихода к власти, в другом — мобилизация в поддержку действующего режима, инструмент его легитимации. Схематично, на Западе популизм есть инструмент прихода к власти (смены элит), в России — ее сохранения (удержания власти действующей элитой). В этом контексте популистские режимы в Восточной Европе — это своеобразный промежуточный вариант, поскольку соответствующие партии уже пришли к власти демократическим путем, но стремятся закрепить свое доминирование в обществе, в том числе ограничением демократических процедур. Различно и отношение политических элит к данному феномену — восприятие его в качестве реальной угрозы своему господству (в западных демократиях) или как инструмента, в целом служащего укреплению режима (в России).

Если на Западе популизм — это, скорее, побочный эффект демократии (столкнувшейся с трудностями глобализации), то в России это бастион традиционного авторитаризма, полноценная основа идеологии политического режима.

Заключение. Перспективы преодоления популизма

Очевидно, для преодоления популизма важно определить, что такое антипопулизм. Он может быть определен как «ответственная политика». Это политика, опирающаяся не на

эмоции, но на знание, не на изменчивые коллективные настроения, но на профессиональное научное прогнозирование, это политика, отстаивающая не краткосрочные, но долгосрочные интересы общества. Общая предпосылка преодоления популизма — ликвидация отчуждения общества и власти, выстраивание стабильной правовой и институциональной системы, преодолевающей разрыв позитивного права и представлений о справедливости, формально-правовых и неформальных социальных практик, ведущих к «дефициту демократии» и социальной атомизации индивида. Важно преодолеть порочный круг воспроизводства популистских стереотипов, которые, отвечая на внутренние вызовы, заимствуются одними странами у других, порождая кумулятивный эффект их применения (усиливающийся за счет применения новых технологий). В этой логике актуальны следующие предложения.

1. Переосмыслить представление о возможности победить популизм его же методами. Заколдованный круг популизма в этой интерпретации есть «мертвая петля»: чтобы удержать позиции, современные демократии должны прибегнуть к популизму (для завоевания масс), но, прибегнув к нему, они становятся заложниками данных (и невыполнимых) ожиданий, а отказ от их реализации ведет к росту протеста, который приобретает более радикальные формы. Традиционные элиты должны при этом инкорпорировать в свой состав представителей контрэлит от популизма, в конечном счете испытывая процесс маргинализации. Этот процесс завершится не обязательно полной, но частичной победой популизма (что означает эрозию политических институтов), вариативностью предложенных решений и функциональным разнообразием популистских инициатив. В любом случае следствием становится деградация «политического класса» и лидерства.

2. Западные демократии стоят перед необходимостью достойно встретить новые вызовы — не игнорировать существующие реальные проблемы, раскалывающие общество (от информационного отчуждения и потери идентичности до проблем миграции и политического участия маргинализированных социальных слоев). Выход заключается не в замалчивании проблем или попытках их преодоления на вербальном уровне, но в такой перенастройке либеральной парадигмы, которая учитывала бы эти новые вызовы.

3. Перспективно обоснование предложений по противостоянию популизму по линии «мыслящей демократии», это система барьеров и фильтров, позволяющих отсеять популизм и обеспечить приход к власти ответственных политиков, то есть партий и лидеров, отвечающих за обещания электорату своей репутацией и политическим авторитетом.

4. Когнитивная перенастройка либерально-демократической парадигмы предполагает уход от драматического противопоставления идеологизированных клише, возникших в период «холодной войны» и ранее, в имперский период, движение к профессиональному, прагматическому и достаточно конкретному конструированию понятий, с одной стороны, доступных массовому сознанию, а с другой — способных противостоять импульсам реакционной реставрации. Это значит дать убедительные ответы на острые вопросы идентичности, миграции, финансовой зависимости, границ, визового режима и т.д., способные сохранить либеральный вектор в партийной конкуренции.

5. Важен содержательный диалог власти и общества по важнейшим проблемам: проведение социологических опросов (консультативных локальных референдумов?) с четко поставленными аналитическими задачами перед их вынесением на решающее голосование (парламентские или президентские выборы). Данный подход позволяет повысить информированность электората, показать реальную цену решений и их возможные последствия до принятия окончательного вердикта. И напротив, демонстрация ошибок популизма, оказавшегося у власти в отдельных странах или регионах (победа популистских сил выявляет, как правило, их общий непрофессионализм и узость горизонта планирования, ограниченного по большей части механической реакцией на острые текущие вызовы).

6. Принципиален пересмотр тезиса об исключительности российского развития — традиционной идеологизированной формулы о фатальном историческом выборе России между Западом и Востоком, сводящейся к схемам некоей неизменной «цивилизационной матрицы», колеи, особой «русской системы», предопределяющей будто бы неизменность возврата к авторитарному вектору. С этих позиций актуален критический пересмотр всей советской легитимности в контексте ее влияния на общественное сознание и институты. В действительности речь сегодня идет об определении места России в глобализирующемся пространстве,

информационной сфере, интеграционных процессах, предполагающих не столько отторжение, сколько прагматическое использование культурных и технологических достижений других стран, направленное применение стратегий и технологий преобразований, способных трансформировать политическую и правовую систему России в направлении устойчивого демократического развития.

7. Практические шаги и направление действий в России могут быть обеспечены следующими мерами: четкой фиксацией целей (и цены) реформ в доминирующем проекте преобразований, предложенном элитой, — его положения целесообразно разрабатывать на профессиональном экспертном уровне (возможно, даже в закрытом режиме во избежание популизма), однако с последующим широким общественным обсуждением итогового продукта для понимания обществом и легитимации; заключением соглашения (договора) о неизменности соблюдения его базовых принципов в длительной перспективе (с возможной формальной или неформальной фиксацией условий подобного договора между партиями и общественными объединениями); введением в действие процедур общественного контроля и медиации в разрешении конфликтов (неизбежно возникающих в силу разнородности социальных интересов и необходимости «расчета согласия» акторов политического процесса); созданием автономных от государственной власти институтов мониторинга реализации доминирующего проекта реформ (экспертные оценки эффективности реформ по ходу их реализации призваны выявлять проблемные ситуации, а не выступать формой легитимации власти); обеспечением преемственности элиты реформ, то есть созданием ясных каналов ее формирования и мобильности состава в направлении меритократии, предсказуемости процедур смены лидерства.

8. Преодоление когнитивной редукции, неоднократно приводившей к подмене фундаментальных целей преобразований декларациями или средствами их осуществления, предполагает создание такого механизма инновационных реформ, основным элементом которого стало бы автопрограммирование элиты на последовательное и долговременное осуществление фундаментальных целей доминирующего проекта демократических реформ. Это открывает путь к нейтрализации популизма и проведению ответственной политики.

Андрей РЯБОВ

Парадоксы современного популизма.

Причины его взлета в развитых демократиях и отсутствия на постсоветском пространстве

Критерии определения популизма

Популизм как общественно-политическое явление имеет чрезвычайно широкое толкование в литературе. В настоящей статье объектом внимания являются популистские партии, лидеры и движения, которые оказывают реальное влияние на внутривнутриполитические процессы в своих странах. Иными словами, популизм рассматривается сквозь призму акторного подхода, и при этом в поле зрения остаются лишь те «игроки», которые участвуют в формировании политики тех или иных государств. При таком подходе для понимания сути популизма важнейшими представляются две его особенности. Во-первых, популистские движения и партии на стадии возникновения и восхождения к вершинам власти, закрепления в центрах принятия решений, если таковое удастся, всегда направлены против существующего истеблишмента. Во-вторых, бросая вызов властным элитам и стремясь получить протестные голоса избирателей, популисты обычно предлагают решения, опирающиеся на упрощенные представления и стереотипы, бытующие в массовом сознании. Впрочем, в практической политике решения такого рода редко удается реализовать, не дезорганизовав при этом экономическую, социальную и политическую жизнь страны (наглядный пример – системный кризис в современной Венесуэле, сопровождающийся развалом потребительского рынка).

Взлет популизма как явления наблюдается в условиях, когда политическая система, и прежде всего институты представительной и исполнительной власти, традиционные политические партии утрачивают способность решать проблемы, остро затрагивающие интересы широких слоев населения. В результате в обществе возникает кризис доверия к существующей политической системе и ее институтам и формируется запрос на перемены. Популизм появляется как попытка предложить ответ на этот запрос, «вырастающий» из недовольства снизу.

Нынешний интерес к популизму среди академических экспертов и политических наблюдателей связан в первую очередь с тем, что популисты резко усилились в той части планеты, где этого меньше всего ждали, – в наиболее развитых странах Европы и США. Контрастом выступает постсоветское пространство, в странах которого, несмотря на слабость политических институтов и кризис доверия к ним, несмотря на стагнацию экономики и социальную пропасть между бедными и богатыми, популизм как значимый фактор внутренней политики отсутствует. В статье предпринята попытка выяснить, почему при внешней схожести экономических и общественно-политических причин, порождающих его, наблюдается взлет популизма в одной части планеты и его отсутствие в другой.

Стадии и формы развития популизма

Популистские партии и движения проходят разные стадии развития и используют разные формы политической самореализации. Некоторые, если говорить о Европе, понимая трудную выполнимость своих программ, стремятся к тому, чтобы ограничиться ролью парламентской оппозиции или, в крайнем случае, младшего партнера по правящей коалиции. Это, с одной стороны, позволяет им снимать с себя ответственность за нереализованность предвыборных обещаний, но, с другой – иметь хорошие институциональные условия для продвижения популистских идей в общество и демонстрации избирателям усилий хотя бы по частичному осуществлению своих программных установок, несмотря на мощное сопротивление партий, представляющих интересы истеблишмента. До последнего времени большинство право- и левопопулистских партий в странах ЕС придерживались именно такой линии (Австрия, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Франция). Однако сейчас ситуация стала стремительно меняться, и некоторые популист-

ские партии и движения настолько приблизились к получению власти, что это открывает перед ними уже другие перспективы.

Одна из них состоит в том, что, добившись власти, популисты со временем под давлением обстоятельств и прежде всего нереалистичности данных ими обещаний нередко отказываются от их исполнения, сохраняя за собой лишь соответствующую политическую стилистику. В результате происходит их постепенная интеграция в существующую политическую систему, которую они с таким пылом ранее критиковали. В этом смысле они сами становятся частью истеблишмента, выталкивая на периферию политического процесса его ослабевшие фракции. Яркий пример тому дает эволюция правящей ныне в Греции партии СИРИЗА. Поначалу она позиционировала себя чуть ли не как антисистемная сила, отказывавшаяся платить долги Греции и даже допуская выход страны из зоны евро. Но, победив на парламентских выборах 2015 года и сформировав коалиционное правительство, СИРИЗА фактически отказалась от большинства предвыборных обещаний и вскоре заняла в политической системе Греции место некогда могущественной левоцентристской партии – Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК).

Альтернатива для популистов заключается в том, что если они все-таки пытаются осуществить свои программные установки на практике в течение относительно длительного периода времени, то рано или поздно это приводит к росту проблем в обществе и усилению кризисных явлений. Чтобы удержаться у власти, популисты начинают систематически нарушать демократические процедуры и переходить к авторитарному правлению. В современном мире наглядными примерами такой эволюции популизма являются чависты в Венесуэле и президент Белоруссии Александр Лукашенко. Усиление авторитаризма в этих странах происходило по мере углубления социально-экономического кризиса, роста недовольства (в Белоруссии) и сопротивления (в Венесуэле) политическому курсу правящих режимов со стороны различных общественных групп.

В том же направлении – к монополизации власти и ущемлению демократических прав и свобод – двигаются правящие в современной Венгрии и Польше партии ФИДЕС и «Право и Справедливость» (ПиС), в деятельности которых немало элементов популизма. Однако в отличие от мировой Периферии и Полупериферии, к которым относится постсоветское

пространство и большая часть Латинской Америки, в государствах ЕС существуют жесткие ограничители, препятствующие демонтажу демократических режимов. Поэтому усилия популистов произвольно трактовать и использовать законы в интересах своей партийной политики имеют вполне определенные пределы.

Таким образом, современная политика предоставляет аналитику возможность наблюдать популизм в разных формах и на разных стадиях его существования. Заметим, что в Большой Европе, в которую помимо развитых западных государств входит также и периферия ЕС, и часть постсоветского пространства, географически расположенная на европейском континенте, представлены все три стадии возможного развития популизма.

Кризис современного капитализма, дефицит проектов будущего и «зазоры» для популизма

Если говорить о современных развитых странах, то следует отметить, что широко распространено мнение, будто подъем популизма там вызван лишь неспособностью некоторых общественных групп, число которых в последнее время неуклонно увеличивается, адаптироваться к условиям глобализации, информатизации, изменению соотношения культур в государствах Запада, вызванному массовыми миграциями. На мой взгляд, причины этого явления гораздо глубже.

Всемирная история в ушедшем XX веке в решающей степени определялась конкуренцией и противоборством двух проектов – советского (социалистического) и западного (американского, капиталистического). Первый апеллировал к идеям создания общества, основанного на социальном равенстве, и всемирного братства трудящихся. Второй был ориентирован на рост материального благосостояния всех членов общества на основе неуклонного роста пространства свободы и исходил из безусловного права народов на самоопределение¹. В 1991 году после распада СССР социалистический проект потерпел поражение и сошел с исторической сцены, хотя отдельные страны фактически продолжали следовать проложенному Советским Союзом пути развития (Куба, КНДР). Западная общественно-политическая и экономическая модель оставалась единственным глобальным проектом (проект радикальных исламистов в то время еще только формировался), к тому

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эйдельмана. М.: Книга по требованию, 2006. С. 110–112.

же не имевшим себе равных по привлекательности среди прочих общественных моделей, существовавших тогда на нашей планете. Это дало повод для появления популярного в конце 1980-х и начале 1990-х годов мнения о наступающем «конце истории», под которым понималась окончательная победа либеральной идеи и универсализация «западной либеральной демократии как окончательной формы правления»¹. И в дальнейшем как само собой разумеющееся эта модель воспринималась как наивысшая на сегодняшний день и на обозримую перспективу форма организации человеческого общества. Для понимания причин нынешней волны популизма, захлестнувшей развитые западные страны, остановимся на наиболее существенных ее особенностях.

Модель социально-либерального капитализма образца второй половины XX века, победившего в историческом соревновании с советским социализмом, отличалась высокой занятостью населения, надежной системой социальной защиты, эффективными механизмами обеспечения прав и свобод человека и представительной демократии. Это был «золотой век» среднего класса, составлявшего большую часть населения развитых стран. Капитализм той поры отличался комфортностью проживания и был обществом стабильности и предопределенности². Основу мировоззрения этого социума составляли леволиберальные представления о политическом и социальном порядке, согласно которым по мере усложнения общества пространство свободы в нем постоянно увеличивается.

Однако, начиная с 1980-х, в недрах этого общества возникают и набирают силу тенденции, которые в первые десятилетия нового века приведут модель социально-либерального капитализма к глубокому системному кризису. Под влиянием «четвертой промышленной революции» рынок труда стал более гибким. В процессе роботизации и информатизации различных видов человеческой деятельности произошло существенное сжатие сферы занятости, которое в первую очередь затронуло представителей неквалифицированного и монотонного труда и нетворческих профессий. «Массовизация высшего образования приво-

дит к тому, что выпускники зачастую не могут найти работу, соответствующую их ожиданиям по квалификации и оплате труда»³. Безработица в развитых странах по некоторым профессиям приобрела хронический характер. Особенно значительным оказался рост безработицы в странах Южной Европы (Греции, Испании, Италии и Португалии). Это обусловлено тем, что южноевропейский капитализм из-за широкого распространения семейно-родственных и клиентелистских отношений, nepoтизма в хозяйственной сфере и в обществе в целом, не обнаружил должной гибкости при адаптации к быстро меняющемуся рынку труда. Кстати, не случайно, что в трех странах Южной Европы популистские движения в последние годы приобрели большое влияние. В Италии Movimento 5 Stelle («Пять звезд») и в Испании Podemos («Можем!») стали мощными парламентскими силами. В Греции СИРИЗА, как отмечалось выше, пришла к власти и с 2015 года возглавляет правительство страны.

В контексте технологических и социальных изменений в развитых странах широкое распространение получила вынужденная частичная и временная занятость. Число частичных и временно занятых в странах Евросоюза за первые десятилетия выросло на несколько миллионов человек. Причем этот процесс затронул и наиболее успешные страны Центральной и Северной Европы (Германию, государства Бенилюкса, Скандинавские страны). В результате всех этих изменений возник новый социальный класс – прекариат, состоящий из работников с временной или частичной занятостью, которая носит постоянный и устойчивый характер⁴. Его характерными чертами являются «урезанный» социальный статус⁵, слабая социальная защищенность и отсутствие многих социальных гарантий, профессиональная дисквалификация. Это ограничивает для прекариата возможности доступа к пользованию многими благами современной цивилизации. И не случайно, по-видимому, отличительной чертой психологии этого класса является то, что он не видит будущего для себя при существующем социальном и политическом строе. И это создает объективные предпосылки для развития популистских движений.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 85.

² Фишман Л. Почему постфордизм? Рец. на кн.: Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартынова. М.: РОССПЭН, 2015. 279 с. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 125.

³ Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Прекариат и профессиональная занятость в контексте институциональных изменений // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 2. С. 163.

⁴ Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный характер // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

⁵ Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС», 2014. С. 23.

Еще одним важным симптомом кризиса социально-либерального капитализма второй половины XX века стало постепенное размывание и сокращение численности среднего класса. Одновременно в условиях повсеместного доминирования неолиберальных моделей развития экономики в развитых странах быстрыми темпами происходило увеличение социального разрыва между богатыми и сверхбогатыми, с одной стороны, и остальными группами населения, с другой. В глобальном масштабе возникла замкнутая экономика потребления для богатых и сверхбогатых, в то время как потребление массовых слоев зачастую сдерживается стагнацией и даже сокращением реальных доходов различных групп населения. Попытки сократить разрыв в доходах методами традиционной социал-демократической политики не приносят успеха. Это, в частности, подтвердило президентство Франсуа Олланда во Франции (2012–2017 гг.), которому так и не удалось остановить рост социального неравенства. То же самое уместно сказать и о президентстве Барака Обамы в США (2008–2016 гг.), который активно использовал арсенал средств социал-демократической политики для решения социальных проблем. Однако социальное неравенство в США по итогам его президентства только увеличилось. Подобные «незапланированные» результаты были обусловлены тем, что экономика стала глобальной, а все институты социал-либерального проекта созданы для национальных государств. Поскольку глобальные (наднациональные) институты слабы, а возможности национальных правительств оказываются ограниченными, предпринимаемые ими попытки решения сложных социально-экономических проблем заканчиваются безрезультатно.

Рост социального неравенства, сопровождаемый «закупоркой» каналов вертикальной мобильности, переориентация части экономики исключительно на интересы богатых и сверхбогатых порождает среди части общественных слоев ощущение несправедливости существующего социального порядка, что объективно подрывает его легитимность. В этом плане нынешняя ситуация начинает чем-то напоминать «прекрасную эпоху» конца XIX – начала XX века, которую британский историк Э. Хобсбаум определил как «мир, созданный буржуазией и для буржуазии»¹. Но та эпоха закончилась крупнейшим за всю историю кризисом капитализма, породившим советский проект.

¹ Хобсбаум Э. *Век империи. 1875–1914* / пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 12.

Важным проявлением кризиса в политической сфере является набирающий силу процесс обособления правящих элит от общества, усиление их замкнутости и клановости. Этот процесс сопровождается ростом коррумпированности политических кругов, усилением влияния на осуществление политического курса теневого (в смысле невыборных) структур (PR-менеджеров, политконсультантов, специалистов по медийным технологиям, групп, обеспечивающих связи политиков с большим бизнесом). Многократно усиливают власть элит и их автономность от общества современные медиа, от национальных телеканалов до сетевых СМИ, позволяющие целенаправленно манипулировать общественным мнением. Все эти изменения, разворачивающиеся в условиях нормально функционирующих демократических институтов и регулярной сменяемости власти, в конечном итоге ведут к снижению ее ответственности перед обществом. Эта новая реальность, все более расходящаяся с нормативными моделями демократии, получила название постдемократии². Эффективного противодействия отмеченным тенденциям, ведущим к эрозии демократических систем, пока не предложено.

Модель социально-либерального капитализма не смогла абсорбировать чужеродное культурное давление, исходящее от многочисленных диаспор мигрантов-мусульман. Концепции «мультикультурализма», «матчевой встречи культур» не сработали. В результате у части населения развитых стран возникла стойкая реакция отторжения мигрантов как чужеродного элемента для обществ Запада. Это обстоятельство также внесло заметный вклад в формирование общественно-политической среды, благоприятной для роста влияния популистских движений. Возможно, что неудача политики интеграции мигрантов в значительной мере была обусловлена доминированием леволиберальных представлений о справедливом социальном порядке в политическом дискурсе стран Запада. Согласно этим представлениям, меньшинство всегда право по отношению к большинству и население развитых стран должно ощущать вину за угнетение Западом в прошлом народов Азии и Африки, которое и стало причиной их отсталости. Такого рода установки оказались на руку представителям агрессивного исламизма, пустившего глубокие корни в мигрантской среде, которые шаг за ша-

² Крауч К. *Постдемократия* / пер. с англ. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. 192 с.

гом усиливали влияние на социальные и культурные процессы в развитых странах.

Таким образом, явления и тенденции, о которых шла речь выше, указывают на то, что у социал-либерального капитализма второй половины XX века возникли сложности с адаптацией к реалиям начала нового столетия. Образовавшиеся «зазоры» между новыми проблемами и отсутствием со стороны политических систем развитых стран эффективных решений, которые помогли бы устранить эти проблемы, и создают питательную среду для возникновения и развития популистских движений как правого, так и левого толка. Ее можно было бы описать с помощью следующих критериев: усиление социальной напряженности и конфликтности в обществе между высшими и низшими классами; утрата доверия к существующим политическим партиям и элитам; потеря значительными социальными группами веры в будущее; возникновение чувства уязвимости и незащищенности перед лицом агрессивного поведения со стороны некоторых «пришлых» культур. Что же касается глобализации, маркетизации, информатизации, миграций, то эти явления существенно усиливают кризис социал-либерального капитализма второй половины XX века, но отнюдь не являются его первопричиной. Не глобализация как процесс, которому, очевидно, нет альтернативы, обрекает некоторые социальные группы, не способные встроиться в новую реальность, на маргинальное положение, а отсутствие на планетарном уровне эффективных институтов регулирования социально-экономическими и политическими процессами. Не миграции, которые в глобализирующемся мире носят естественный характер, являются источником межкультурной и междивизиональной напряженности, а отсутствие у рассматриваемой модели эффективных механизмов интеграции носителей иных культур, действенной идеологической «рамки», способной обеспечить взаимодополняемость этих культур.

Популизм пытается восполнить образующиеся «пустоты», предлагая либо нереалистичные картинки будущего, которые в силу многих причин невозможно воплотить в жизнь, либо готовые рецепты из прошлого, хорошо зарекомендовавшие себя в былую эпоху, но оказывающиеся бесполезными для решения проблем современности. При этом важно подчеркнуть, что сам по себе кризис социал-либеральной модели капитализма не ведет автоматически

к подъему популистских движений, который становится реальностью лишь в условиях высокой гражданской активности населения, присущей развитым демократическим странам. Высокий уровень гражданского и политического участия, таким образом, представляет собой важнейшую предпосылку, без которой трудно представить увеличение влияния популизма.

Возникновение условий, благоприятствующих росту популистских движений в развитых странах, нельзя признать уникальным случаем в их истории. Неожиданным оказалось то, что популизм вновь стал развиваться в рамках общественной модели, которая, как считалось, с ее эффективно работающими институтами и рационализированным массовым сознанием не оставляет места для усиления влияния популистов. Однако кризис этой модели и породил взлет популизма. Впрочем, важно отметить, что далеко не каждый кризис в развитии западной цивилизации оборачивался мощным подъемом популистских движений. Кризис «организованного», «монополистического» мирового капитализма первой трети XX века также носил системный и глубокий характер. Однако он не сопровождался сколько-нибудь значимым ростом популизма в мире, за исключением США (губернатор Луизианы Хью Лонг и его движение *Share Our Wealth*). Дело в том, что в ту эпоху «спросу» на новые идеи и проекты будущего соответствовало богатое предложение на политическом рынке. Это были как полностью альтернативные капитализму проекты (советский социализм, анархо-синдикализм в Испании), так и попытки «социализировать» капитализм (социал-демократические модели в Европе, «новый курс» Ф. Рузвельта в США). К сожалению, частью политического рынка того времени стали также человеконенавистнические проекты (национал-социализм, итальянский фашизм) и откровенно реакционные корпоративистские модели (Португалия Антониу ди Салазара). Места для популизма таким образом не оставалось.

Ныне спрос на перемены и реформу существующего порядка есть, но в отличие от первой трети XX века предложение на политическом рынке в виде реалистичных альтернативных проектов будущего отсутствует (различные «кабинетные» и утопические социальные теории не в счет). Возникающий «зазор» между высоким спросом и нулевым предложением и пытаются заполнить популистские движения. Примеры последнего времени хорошо известны: избрание президентом США До-

нальда Трампа, который в ходе избирательной кампании активно апеллировал к промышленным рабочим Америки, фактически обещая им вернуть времена утраченного «золотого века» 1950–1960-х, когда американские заводы и фабрики были главными производителями индустриальной продукции в мире; следует упомянуть брекзит и активизацию различных антиевропейских популистских движений в странах Западной Европы, исходящих из постулата о том, что полное восстановление национального суверенитета в результате разрыва с Евросоюзом якобы поможет эффективно решить накопившиеся социальные, экономические и культурные проблемы. Любопытно, что программы этих политических сил вдохновляются прошлым, или, точнее, идеализированными представлениями о нем, что еще раз указывает на дефицит проектов будущего в современной повестке дня.

Вопреки широко распространенному мнению современные популистские движения на самом деле не только вступают в противоречие с интересами истеблишмента, но и помогают ему создать иллюзию существования альтернативы (хотя властным элитам понятно, что никакой реальной альтернативы популисты не предлагают). Иллюзия же альтернативы дает возможность сохранить общественно-политическую стабильность и уберечь общество от углубления конфликтности.

Однако нет оснований полагать, что обращение к политическим решениям и инструментам из арсенала ушедших эпох позволит придать новый импульс развитию западных обществ и будет способствовать их модернизации в соответствии с потребностями XXI столетия. Скорее всего, дрейф вправо в его популистской трактовке, осуществляемый ныне в США, Великобритании и, возможно, в ближайшем будущем и в некоторых других западноевропейских странах, завершится неудачей. Это со всей очевидностью усилит спрос на новые левые (но не левопопулистские!) проекты будущего, которые должны будут стать альтернативой не только правому популизму, но и модели социально-либерального капитализма второй половины XX века как таковой. Подобное предположение можно сделать исходя из анализа чередования периодов доминирования правых и левых проектов в политическом развитии Европы и Северной Америки в предшествующем столетии. Налицо определенная смена циклов в политике. Так, после окончания Первой мировой войны, несмотря на победу в России боль-

шевиков с их проектом советского социализма, в целом в Европе преобладают различные правоавторитарные, тоталитарные и правокорпоративистские политические режимы. Смена тенденции происходит только в результате завершения Второй мировой войны и поражения германского нацизма и японского милитаризма, когда на первые позиции в странах Европы выдвигаются левые (социал-демократические и коммунистические) проекты преобразования общества. Этот период длится до конца 1970-х годов, когда под влиянием неолиберальной социально-экономической политики Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в США начинается разворот западного мира вправо. Происходит отказ от идеи государства всеобщего благосостояния (вместо нее возникает концепция «общества 2/3»). Правительства повсеместно освобождаются от бремени многих социальных обязательств, делая ставку на поощрение сильных и успешных. В общих чертах эта политика доминировала вплоть до последнего времени и, как мы видим, на сегодняшний день уже демонстрирует неспособность эффективно решать накопившиеся социальные, политические и культурные проблемы. Исходя из описанной выше цикличности уже в ближайшие годы следует ожидать появления на политическом горизонте новых левых проектов. Их контуры и структурные особенности пока даже не просматриваются. Но с большей или меньшей точностью можно предположить, что эти проекты будут учитывать достижения и социально-политические последствия технологических революций – энергетической, цифровой и биологической. По всей видимости, такие последствия (в первую очередь в энергетике) ослабят централизаторские функции государства. Власть во все большей степени будет сдвигаться вниз, на уровень общин и местного самоуправления. Возможно, достигнутый уровень материального благосостояния позволит развитым странам содержать за счет общественных фондов значительные группы населения, которые не найдут себе места в новой экономике, а продление продолжительности человеческой жизни в условиях роботизации увеличит свободное время и создаст условия для формирования гораздо более гибкого и комфортного для работников рынка труда. Не вызывает сомнений и то, что в новом левом проекте центральное место будет занимать идея свободы и прав человека, среди которых повышенное внимание будет снова уделяться его социальным правам.

Постсоветская действительность: почему популизм неинтересен?

На фоне возрождения популизма в Западной Европе и США может показаться удивительным отсутствие сколько-нибудь заметных популистских движений и фигур в политической жизни стран постсоветского пространства. Использование лидерами некоторых государств этого региона мира популистской риторики или других приемов работы с массами не в счет. Можно говорить лишь о том, что популизм оставил заметный след только в Белоруссии, в какой-то мере в Грузии во время президентства Михаила Саакашвили и на Украине в деятельности некоторых парламентских партий и политических объединений, оказывающих определенное влияние на политику этой страны («Блок Юлии Тимошенко», партия «Свобода» и др.).

Хотя популистские партии довольно часто возникают и в других государствах постсоветского пространства, они не имеют там серьезного политического влияния. Такие партии или быстро перерождаются (Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского в России), или оказываются в положении маргиналов (Народное движение «Антимафия» в Молдове).

Лидерам же большинства стран региона свойственна иная, монархическая стилистика. Они предпочитают возвышаться над обществом, нередко отождествляя себя с государством, его традициями и устоями. В тех же странах, которые взяли курс на демократизацию и евроинтеграцию, политические лидеры, напротив, страстно пытаются продемонстрировать, что, будучи демократами по убеждениям, они готовы действовать только в рамках строго рационального понимания целей и объективных возможностей для своей политики и только по правилам, которые диктуют демократические процедуры. И в том, и в другом случае лидеры постсоветских государств явно не стремятся быть популистами. В этой связи возникает вопрос: почему при столь значительном социальном неравенстве, при тотальной коррумпированности политической сферы, массовом недоверии к политикам из истеблишмента, повсеместном отсутствии независимого правосудия постсоветские общества так и не сформировали отчетливого запроса на популизм?

Ответ, думается, весьма прост. Популизм как политическое течение востребован только при высоком эмоциональном состоянии населения. Его развитие возможно лишь в условиях

социального и политического активизма у массовых слоев, их готовности к быстрым политическим мобилизациям. Однако на протяжении почти двух десятилетий политическую жизнь большинства государств характеризует как раз обратное явление — хроническая пассивность населения, обусловленная его неверием в возможность что-то изменить в обществе к лучшему. В массовом сознании господствует иная установка: «Все перемены к худшему».

В 1990-е в ситуации перехода к рынку, сопровождавшегося значительными социальными издержками, во многих постсоветских странах возобладали индивидуалистские поведенческие модели адаптации к изменившимся условиям жизни. Они не оставляли места для солидаристских действий, для совместной борьбы ради достижения общих целей. В таких условиях участие в выборах со временем стало принимать формальный характер и уже не связывалось избирателями с возможностью позитивных перемен. Властные же элиты становились фактически независимыми от общества и в отношениях с ним все чаще полагались на административные ресурсы государства и современные манипулятивные технологии, что в совокупности позволяло им быстро и эффективно задавить любые попытки независимой от правительства политической деятельности. В таких системах для популизма не оставалось места.

Одновременно на постсоветском пространстве помимо авторитарной, неразрывно связанной с политической иммобильностью населения и социальной пассивностью, представлена и другая, плюралистическая тенденция развития, которую часто отождествляют с демократической. Для этой тенденции характерны периодические всплески бурной политической активности. В таких странах, как Украина, Грузия, Молдова, Киргизия, внутривнутриполитические изменения неоднократно приводили к революционной смене власти при активном участии массовых слоев населения. Впрочем, новые правительства, приходившие к власти в результате «цветных революций», в большинстве случаев быстро разочаровывали общество и в значительной мере начинали воспроизводить политику своих предшественников. Причины этого явления следует искать в результатах специальных исследований, которые были бы посвящены изучению трудностей демократических трансформаций на постсоветском пространстве. В рамках же контекста данной работы важно подчеркнуть другое: даже на волне

повышенных ожиданий в условиях революционной смены власти и при активном участии масс в политической жизни стран, придерживающихся ориентиров плюралистического развития, в них так и не появилось ни одного по-настоящему влиятельного популистского течения. Одна из причин этого заключается в том, что, как и в постсоветских странах с авторитарным правлением, в государствах с плюралистическим вектором развития все политические, экономические, информационные и административные ресурсы концентрируются в руках властных элит, объединяющих под своим началом власть, деньги и государственное принуждение. Истеблишмент же не заинтересован в длительных политических играх с массовыми слоями. Эти игры жестко ограничиваются рамками конкретных политических кампаний.

Вторая причина заключается в том, что даже в странах с относительно высокой, по постсоветским меркам, активностью населения она, как правило, не носит постоянного и целенаправленного характера. После революционного смещения коррумпированных режимов массы очень быстро возвращались с улиц домой, делегируя новым властям возможность распоряжаться их судьбами. Даже активная часть населения не продемонстрировала умения воспользоваться гражданскими инструментами контроля за властью, поскольку за семидесятилетнее господство советского социализма массовые слои в принципе не могли накопить никакого опыта солидаристских гражданских действий. Поэтому элитам так легко удавалось освободиться от каких-либо зависимостей от продвинувших их к вершинам власти революционеров из массовых слоев.

Отдельный вопрос касается причины «истории успеха» популизма в Белоруссии. Представляется, что это стало возможным лишь в уникальных условиях первых лет перехода к рынку. По моему мнению, в конце 1980-х перспективы подъема популистских течений существовали во многих республиках Советского Союза. Его социальной базой могли бы стать традиционные для советской системы социальные группы, опасавшиеся, что в результате демократических реформ они утратят свои социальные статусы и материальное благосостояние, но при этом и потерявшие веру в способность Коммунистической партии удержать в стране порядок и сохранить советский общественный строй. Этим слоям хотелось в целом сохранить данный строй, но избавиться от его наиболее раздражающих и архаичных черт: за-

силья бюрократии, стремления государства регулировать частную жизнь граждан, многочисленных запретов и ограничений. Они хотели бы придать советскому социализму новый импульс развития, приблизить государственные институты к интересам обычных граждан. В их представлении осуществить это мог новый энергичный лидер, «близкий народу», который мог бы обуздать произвол чиновников, заставить их бояться власти. Теоретически на такую роль в России вполне мог подойти Борис Ельцин, если бы он решил связать свою жизнь не с демократическим движением, а со стремлением сохранить прежнюю систему, модернизировав ее в соответствии с пожеланиями консервативно настроенных массовых групп, пришедших в движение в ходе горбачевских реформ вместе со всей страной. Борис Ельцин мог бы возглавить Компартию Российской Федерации и повести ее по пути левого популизма.

Белоруссия, считавшаяся одной из наиболее успешных в социально-экономическом отношении советских республик, настороженно относилась к курсу Михаила Горбачева на проведение демократических реформ и без энтузиазма встретила распад СССР. В Белоруссии не было сильного запроса на создание независимого национального государства, и долгое время сохранялись иллюзии по поводу возможности восстановления нового Союзного государства на базе бывшего СССР¹. В этом контексте появление сильного и яркого популистского лидера Александра Лукашенко, выступившего за сохранение государственной экономики и взявшего курс на союз с Россией, полностью соответствовало надеждам большинства населения. Однако по прошествии целого периода постсоветской истории воспроизведение популизма такого же масштаба представляется невозможным не только в Белоруссии, но и в других государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР. Общество стало более рациональным, пассивным и не питающим иллюзий в отношении сохранения хотя бы «кусок» прежней советской жизни.

В Грузии некоторые решения президента Михаила Саакашвили, особенно связанные с развитием отдельных территорий, кадровые назначения также испытывали на себе влияние популистских подходов. Президенту к тому же импонировала популистская стилистика взаимодействия с массами. Такое стало возможно

¹ Подробнее об этом см.: *Коктыш К.Е.* Трансформация политических режимов в Республике Беларусь, 1990–1991. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 80, 82.

как противопоставление, альтернатива правлению предшественника – президента Эдуарда Шеварднадзе, при котором реальную власть осуществляла прежняя советская номенклатура, а коррупция достигла огромных масштабов. При режиме Эдуарда Шеварднадзе в стране отсутствовала какая-либо политическая динамика. В этих условиях молодой и энергичный Михаил Саакашвили оказался в нужное время и в нужном месте. Сказались и особенности грузинской политической культуры. В ней традиционно высоко оценивается роль политического лидера в развитии страны, а активное политическое участие не мыслится без высокоэмоционального подъема. Впрочем, и этот всплеск незавершенного, неоформившегося популизма оказался недолговечным. После прихода к власти в Грузии в 2012 году коалиции «Грузинская мечта» он сошел с политической сцены.

Заключение

В современных условиях популизм как политическое явление становится результатом комбинаторики и взаимодействия различных факторов. Во всех странах этот политический актор пытается ответить на вызовы XXI столетия, с которыми не справляются существующие политические институты и властные элиты.

При этом взлет популизма не зависит от уровня социально-экономического и полити-

ческого развития страны, а важнейшим условием роста влияния популистских движений является высокая гражданская и политическая активность населения. Она есть в Европе и отсутствует в странах постсоветского пространства.

Взлет популизма в развитых странах Запада происходит в условиях *кризиса их развития*, знаменующего переход от социально-либерального капитализма второй половины XX века к иной общественной модели, отвечающей реалиям нового столетия. Сила популизма на современном этапе не в характере предлагаемых им идей, сводящихся к простым решениям либо обращенных в прошлое, когда эти идеи были действенным инструментом преобразования действительности, а в отсутствии серьезных проектов будущего на политическом рынке. Поэтому нынешний взлет популизма в развитых демократиях, скорее всего, будет недолговечным.

На постсоветском пространстве, в условиях другого типа кризиса – *стагнации и упадка*, переживаемого странами этого региона, нет условий для развития популизма. Элиты здесь автономны от общества и не нуждаются в массовых политических мобилизациях, а массовые слои пассивны и в лучшем случае лишь эпизодически демонстрируют высокое политическое участие.

Георгий ЧИЖОВ

УКРАИНА В ОБЪЯТИЯХ ПОПУЛИЗМА

Предпосылки политического популизма в Украине

С момента возникновения (или восстановления) украинской государственности в конце XX века роль популизма во внутренней политике оказалась весьма ощутимой. Отчасти это можно объяснить неготовностью значительной части общества к уходу из советской реальности наряду с наличием у другой заметной общественной группы иллюзорного представления, что независимость сама по себе способна обеспечить достойное и безбедное существование стране и ее жителям.

По мнению украинского исследователя Олеся Лесничука, превращение популизма в политический мейнстрим стало возможным благодаря длительному институциональному кризису, когда значительная часть общественных запросов остается неудовлетворенной. В этих условиях популизм расширился за рамки собственно политики на иные дискурсы: медийный, экспертный, научный, юридический, дипломатический. Сами призывы к «борьбе с популизмом» традиционно провозглашаются и используются в соответствии с теми же популистскими канонами. Расширение популизма довольно быстро привело к его доминированию в политической сфере, и сегодня, уверен политолог, уже можно говорить о переходе доминирования в гегемонию¹.

Одной из причин такой ситуации, как ни странно, стала победа в 2014 году Революции Достоинства – победа, которая привела к повышению политической субъектности как общества в целом, так и организованных активных представителей его отдельных групп. Фактически власть вынуждена считаться с позицией протестующих активистов, когда эта позиция пользуется значительными общественными симпатиями, даже если она противоречит некоторым формальным требованиям закона и экономической целесообразности. В качестве примеров можно привести прекращение поставок электроэнергии на Крымский полуостров,

запрет на перемещение грузов через линию соприкосновения на Донбассе, санкции против дочерних структур российских банков.

Институт Горшенина на базе своих исследований, проведенных в 2016 году, назвал следующие причины роста популистских настроений в Украине:

- политическая фрагментированность общества;
- недоверие к институтам власти;
- отсутствие основы для национального консенсуса;
- бедность (точнее, обнищание – резкое снижение уровня жизни большинства украинцев в последние годы)².

Один из основателей украинского *Bendukidze Free Market Center* Владимир Федорин считает, что страна дважды попадала в ловушку популизма: в 1992–1994 и в 2003–2004 годах³. Вторая ловушка очевидна: ближе к окончанию правления Леонида Кучмы резко обострилась политическая борьба, и политики у власти, пытаясь удержаться на плаву, начали повышать государственные расходы. Это не предотвратило привычной для Украины смены власти, однако раскрутило спираль «повышения ставок». Спрос на популистские шаги власти рождал предложение, экономическая конъюнктура сначала (до 2008 года) позволяла демонстрировать все новые «широкие жесты», а потом даже разразившийся кризис не мог остановить властную популистскую спираль. Лишь вынужденное бегство Виктора Януковича в 2014 году остановило популистский цикл в уже изрядно обедневшей стране.

По поводу первой ловушки можно спорить – гиперинфляция и деградация экономики Украины в начале 1990-х были связаны скорее с реформатированием внутреннего и внешнего рынков после распада СССР. Однако первые зерна политического популизма были брошены в благодатную почву уже тогда: в предвыборных программах замелькали обе-

¹ Лисничук О. Популізм в Україні: теоретичні засади і проблеми вивчення феномену // Наукові записки ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса. 2015. Випуск 4(78).

² https://lb.ua/news/2016/08/10/342294_populizm_fenomen.html.

³ <http://www.epravda.com.ua/rus/publications/2015/10/1/561862/>.

шания легко и быстро решить возникшие социально-экономические проблемы.

Именно в 1990-е в украинском обществе сформировался сильный патерналистский запрос. Идеализация недавнего социалистического бытия с наделянием его гипертрофированными позитивными чертами наблюдалась во многих постсоветских странах. Особенностью Украины стало то, что крупные кластеры ностальгирующих по прошлому, которого не было, выделялись не только по возрастному признаку (старший возраст), но и по территориальному (Автономная Республика Крым и восточные области), а также по градопоселенческому (сельская местность).

Последнее особенно удивляет, ведь украинское село (кроме территорий, присоединенных к СССР начиная с 1939 года) чудовищно пострадало в результате коллективизации и голода (Голодомора) начала 1930-х. Воспоминания о тех страшных событиях по-прежнему сохраняются, как иногда говорят, «на генетическом уровне» — живых свидетелей уже практически не осталось. При этом даже в 2010-е среди селян (преимущественно украиноязычных во всех регионах, кроме Крыма) и на степном юге, и в центральной части страны социологами фиксировались сильные ностальгические настроения в отношении советских времен.

Феномен массовой ностальгии по прошлому в Крыму нуждается в отдельном изучении. Он, несомненно, был связан и с подогревавшимся изнутри и извне ощущением «неукраинскости» региона, и с большим количеством военных пенсионеров, и с низким даже по украинским меркам уровнем жизни большинства. Следует отметить, что в отличие от шахтерских городов и поселков Донбасса, где горняки хотя бы получали во времена СССР высокую зарплату, уровень и качество жизни в Крыму и в украинских селах до 1991 года также были достаточно низкими. Однако миф (в данном случае о социалистическом благополучии) на то и миф, чтобы не нуждаться в фактической базе.

На таком, казалось бы, благоприятном фоне левый фланг политического спектра Украины на протяжении всех 25 лет независимости демонстрировал нестабильность, слабость и неготовность партий принципиально придерживаться определенных позиций. Самой успешной среди левых партий предсказуемо была Коммунистическая партия Украины, ставшая правопреемницей республиканского отделения КПСС. На пике популярности

в 1998 году КПУ даже заняла первое место на парламентских выборах, набрав 24,65% голосов, однако не получила практически никаких рычагов реальной власти. В 1999-м лидер партии Петр Симоненко вышел во второй тур президентских выборов, но больше подобных успехов партия не повторяла. Да и избирателям становилось все очевиднее: несмотря на оппозиционную риторику, КПУ в парламенте всегда дает недостающие голоса в интересах олигархов, в первую очередь из так называемого донецкого клана.

С 2004 года партия и Симоненко откровенно подыгрывали Виктору Януковичу, и скрывать это становилось все сложнее. В результате в 2006-м партия едва прошла в Верховную Раду при тогдашнем 3-процентном барьере (3,66% голосов), а после последнего успеха в 2012 году (13,18%), на досрочных выборах 2014-го, вовсе оказалась за бортом парламента. Наиболее последовательным электоратом КПУ оставались уже не столько левые, сколько пророссийски настроенные избиратели, а в 2014-м ни Крым, ни часть Донецкой и Луганской областей участия в выборах не принимали.

Еще более причудливой оказалась судьба Социалистической партии Украины. СПУ имела значительное влияние с середины 1990-х до середины 2000-х, но затем запуталась в собственных политических маневрах, поддерживая то Виктора Ющенко, то его оппонента Януковича, и в итоге растеряла большинство своих знаковых фигур и остатки доверия избирателей. Прочие левые проекты порой заставляли говорить о себе, однако быстро уходили в политическое небытие. Обобщая, можно предположить, что по-настоящему левых партий в Украине просто не было и нет до сих пор: лидеры коммунистов, социалистов и прочих лишь симулировали верность принципам, цинично эксплуатировали популистскую риторику и патерналистские упования части электората.

Ненадолго получила статус парламентской и Прогрессивная социалистическая партия Украины (ПСПУ) во главе с Натальей Витренко. Созданная в 1996 году как альтернатива КПУ и СПУ, партия не только декларировала марксистскую платформу, ностальгию по СССР и стремление к сближению с Россией, но и проводила множество ярких акций. Стокилометровые марши, массовые голодовки, одновременные акции в 402 населенных пунктах и даже заплывы в пограничных реках активно освещались украинскими СМИ и повышали

узнаваемость партии и ее лидера. В 1998 году ПСПУ получила на выборах 4,04% голосов (при 4-процентном барьере) и сформировала небольшую фракцию в Верховной Раде. Более поздние попытки попасть в парламент оказались неудачными — 3,32% в 2002-м и 2,93% в 2006-м при сниженном до 3% барьере, однако партия долго оставалась активным политическим игроком.

Содержательно ПСПУ практически ничего не предлагала, ограничиваясь набором лево-популистских лозунгов. За трудовой народ — против олигархов, за союз с Россией — против НАТО и т.д. Яркая риторика и смелые ходы на грани и за гранью фола, с одной стороны, сразу же сделали Витренко маргиналом, с другой — обеспечили интерес и поддержку со стороны определенной группы избирателей. Неугасающий интерес СМИ к партии многие объясняли финансовой поддержкой из России. Уход ПСПУ в тень после поражения в 2006-м (при попадании партии в парламент там удалось бы сформировать «антиющенкоовскую» коалицию) тоже принято связывать с прекращением российской поддержки. Впрочем, по времени это совпало с общим падением интереса к левым и обострением борьбы между крупнейшими политическими игроками, практически не оставившими места мелким партиям.

Ностальгические и патерналистские взгляды — не единственная причина расцвета политического популизма в Украине. Как это ни парадоксально, свою роль играют и устоявшиеся в стране демократические практики. Хотя по результатам различных международных исследований Украину никогда не относили к полностью демократическим странам¹, смена власти здесь происходит с высокой регулярностью — как правило, каждый электоральный цикл, а то и чаще. Так, из четырех завершивших свои полномочия президентов Украины лишь один — Леонид Кучма — избирался на этот пост дважды. Виктор Ющенко занимал высшую государственную должность в течение одного конституционного срока, а Леонид Кравчук и Виктор Янукович в силу разных причин покинули президентский пост досрочно. Даже во время рекордного по украинским меркам — 10,5 года — правления Л. Кучмы власть в стране, по сути, не консервировалась: парламентские выборы и бурная политическая жизнь неоднократно меняли ее конфигурацию.

¹ <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>.

Оборотной стороной состояния перманентной избирательной кампании, в котором находится украинский политикум, оказалась ставка большинства политических сил на громкие лозунги вместо содержательной и ответственной дискуссии о путях развития страны. Как показывает опыт, попытки начать подобную дискуссию не находят поддержки у большинства электората и не приносят инициаторам желательных политических дивидендов. В качестве недавнего примера можно привести кампанию Геннадия Корбана на пост мэра Киева, которая велась с позиций современной урбанистики, привлекала серьезную экспертизу, анализировала стоящие перед городом вызовы и искала ответы на них. Такой интеллектуальный подход не только не привел кандидата к успеху (Корбан занял лишь десятое место), но и не вызвал заметного общественного интереса, несмотря на немалые средства, вложенные в кампанию.

Соответственно, предвыборные программы почти всех украинских партий характеризуются крайне слабой, декларативной содержательной частью и вообще оказываются сугубо вторичными на фоне громких лозунгов и фигур партийных лидеров. Несмотря на богатые традиции конкурентных выборов в Украине, партийная система в стране так и не сложилась: наиболее влиятельные политические партии, за редкими исключениями, являются лишь «клубами поддержки» своих лидеров. Это своего рода «вождизм по-украински», когда на того или иного политика уже не уповают, как на чудотворца (вера в «чудотворцев» отошла в прошлое в годы президентства Виктора Ющенко), но пытаются сопоставлять его хлесткие призывы с личными приоритетами, зачастую игнорируя реальную деятельность партии.

Лидер и его партия, таким образом, оказываются освобожденными от политической ответственности за невыполнение обещаний: поддерживая радикальные лозунги, избиратель в принципе понимает, что они не очень-то реалистичны, — скорее, он ориентируется на них как на вектор. «У нас почти на всех выборах побеждает оппозиция, — говорит Ирина Бекешкина, директор фонда «Демократические инициативы». — А ведь выборы у нас — это лишь конкурс обещаний»². Если же политик, получив определенные рычаги власти, пытается развить успех за счет какого-либо яркого практического популистского хода, отложен-

² <https://focus.ua/country/354230/>.

ные негативные последствия вовсе не берутся во внимание, поскольку избиратель обычно демонстрирует короткую память и не склонен «предъявлять счета».

Вторично заняв должность премьер-министра Украины, Юлия Тимошенко поспешила начать выплаты компенсаций по вкладам в Сбербанке СССР. Конечно, называть это компенсациями не совсем верно: всем бывшим вкладчикам, попадавшим под определенные критерии, просто выдали по тысяче гривен (около 200 долларов США по тогдашнему курсу). Остальное пообещали когда-нибудь потом. Раздача «Юлиной тысячи», как ее прозвали в народе, не урегулировала проблему девальвации советских вкладов, не повысила сколько-нибудь заметно благосостояние украинских семей, зато существенно подтолкнула инфляцию и обескровила бюджет накануне экономического кризиса 2008 года.

Немного позже Партия регионов, располагая самой большой фракцией в Верховной Раде и готовясь к президентским выборам, сумела «продать» не основанное на экономических реалиях повышение социальных стандартов, которое очень скоро нанесло удар не только по правительству Тимошенко, но в конечном счете и по «облагодетельствованным» простым украинцам.

Примером «нефинансового» популизма власти явилось принятие Закона «Об основах государственной языковой политики», известного как Закон Кивалова – Колесниченко. Закон содержал ряд противоречивых норм, в частности вводил понятие региональных языков национальных меньшинств. Стремясь склонить на свою сторону большинство русскоязычных избирателей накануне парламентских выборов 2012 года, правившая на тот момент Партия регионов проголосовала за весьма лояльные условия признания того или иного языка региональным, однако закон так и не заработал. Полномочия признать язык национальных меньшинств региональным сохранялись только за Верховной Радой, но она этими полномочиями ни разу не воспользовалась – президент Янукович опасался практической реализации закона. Зато его принятие вызвало, с одной стороны, массовые протесты сил националистической и национально-демократической ориентации, с другой – волну противоправных объявлений русского и некоторых других языков региональными со стороны местных советов. Все это серьезно накалило и без того не-

простую обстановку в стране и способствовало расколу общества.

Популистским настроениям способствует также специфическое восприятие элит украинским обществом. Здесь еще нет отчетливого сословного деления, сами сословия и механизмы взаимодействия между ними только складываются. Большинство политиков и бизнесменов, что называется, «из народа». Почти у всех есть «родовые» села, где живут родственники (а понятие родства в Украине включает весьма широкий круг людей), кумовья, друзья семьи, подчас находящиеся на очень разных ступенях социальной лестницы. Знаменитая теория «шести рукопожатий» действует в стране с уменьшенным размером цепочек. Хотя строгих доказательств этого не существует, эмпирически можно утверждать, что почти любой простой украинец связан с любым представителем власти цепочкой из двух-трех знакомств. Для жителей столицы эта цепочка зачастую сокращается до одного звена.

Таким образом, жизнь элит проходит практически на виду общества, однако колоссальное имущественное расслоение порождает отчуждение простых людей, приводящее к тотальному недоверию. Имея представление о жизни элиты, рядовой украинец заведомо не доверяет никому из ее представителей, а потому не воспринимает исходящих от них сложных сообщений. Смысловую пустоту заполняют сообщения попроще, которые не требуют доверия, если совпадают с эмоциональным восприятием самого человека. Возникает простейшая маркировка «свой-чужой», которая не имеет под собой содержательного основания (поскольку «чужие» – все!) и оттого базируется на формальных признаках: женщина, русскоязычный, образованный, уроженец южных областей и т.д. Уже упоминавшийся В. Федорин замечает, что «избиратели все равно голосуют за тех, кто... производит впечатление более независимого от элиты»¹.

Абсолютно популистский инструментальный использует в Украине и политический национализм. Прежде всего следует отметить, что в украинском языке, в отличие от русского, сам термин «национализм» имеет не только негативную, но и позитивную коннотацию, связанную с верностью и преданностью своей нации, с трудом на благо собственного народа. Кроме того, во времена СССР украин-

¹ <http://www.epravda.com.ua/rus/publications/2015/10/1/561862/>.

ский национализм ассоциировался с борьбой за независимость страны и, по определению, имел антисоветскую направленность. Современный украинский национал-популизм, или правый популизм, лишь отчасти наследует этой традиции, утверждая, что недостаточные успехи в развитии страны объясняются доминированием неукраинских интересов и неукраинских персон в отечественной экономике и политике. Таковым обычно противопоставляются некие патриотические, проукраинские идеи, люди и практики. При этом вопрос этнической принадлежности при определении критериев «украинскости» и «неукраинскости» обычно микшируется, поскольку кажется зыбким даже самим националистам.

Националистические организации выделились из национально-демократического движения в первые годы после обретения Украиной государственной независимости. Их спектр оказался достаточно пестрым, однако наибольший вес в украинской политике приобрели организация УНА-УНСО и партия «Свобода» (до 2004 года – Социал-национальная партия Украины). Если УНА-УНСО за годы существования совершала политические кульбиты, раскалывалась, вновь объединялась, меняла лидеров, но так и не добилась успеха в качестве политической партии, «Свобода» действовала более целеустремленно. Партия сменила лидера лишь раз (вместе с названием), когда ее возглавил Олег Тягнибок – единственный на тот момент член парламента от СНПУ. В 2012 году партия в первый и пока единственный раз прошла в парламента, набрав 10,44% голосов избирателей, а после победы Революции Достоинства ненадолго вошла в правящую коалицию (на досрочных выборах 2014 года в Верховную Раду попали лишь семь членов «Свободы», избранных в мажоритарных округах).

И политическая, и социально-экономическая программа партии однозначно оценивается как популистская. Предлагаются «простые» и чаще всего невыполнимые шаги: от восстановления ядерного статуса Украины до национализации собственности зарубежных компаний, основанных украинскими олигархами. Как у многих националистических партий Европы, пристальное внимание уделяется борьбе с иммиграцией, хотя для Украины эта проблема практически неактуальна. Кстати, после прохождения партии в парламента из речей ее лидеров почти исчезла антисемитская и ксенофобская риторика, прежде весьма для них характерная.

Ряд маргинальных и малочисленных националистических организаций после начала массовых протестов осенью 2013 года объединились в «Правый сектор», получивший известность и определенную популярность в первую очередь благодаря настойчивым упоминаниям в российских СМИ. Следует отметить, что на пике популярности в 2014–2015 годах «Правый сектор» не был классической националистической организацией, в частности, многие его активисты общались между собой на русском языке. При этом в программных документах и лозунгах ПС декларировал простые и радикальные способы решения сложных проблем, что характерно для правых популистов.

Современная ситуация

Согласно прошлогодним данным Института Горшенина, популистские партийные проекты в Украине могут рассчитывать на кластер избирателей в 30–33%¹. Даже поверхностный анализ партийного спектра заставляет считать эту оценку существенно заниженной.

Партия «Батькивщина» во главе с Юлией Тимошенко считается эталоном популизма уже второй десяток лет (хотя это не помешало ей в определенный исторический момент быть ведущей оппозиционной демократической силой). Наиболее ярко публично высказался 14 февраля 2017 года премьер-министр Украины Владимир Гройсман: «Я считаю, что мамой украинской... коррупции, популизма и неэффективности является Юлия Тимошенко»². Партия оказалась в Верховной Раде нынешнего созыва, едва преодолев в 2014 году 5-процентный барьер, но сегодня, по данным различных опросов, она вновь выбралась в лидеры электорального рейтинга. В первую очередь благодаря грамотной популистской политике. «Батькивщина» последовательно критикует все непопулярные решения властей, утверждая, что без очередного повышения тарифов, сужения льготных категорий и пр. вполне можно обойтись. В последнее время лейтмотивом выступлений представителей партии стала борьба за снижение тарифов на услуги ЖКХ. Следует отметить, что, хотя поэтапное подорожание «коммуналки» больно ударило по кошелькам украинцев, тарифы все еще не вышли на экономически обоснованный уровень.

¹ https://lb.ua/news/2016/08/10/342294_populizm_fenomen.html.

² http://news.liga.net/news/politics/14691048-groysman_timoshenko_mama_ukrainskoy_korruptsii.htm.

Если же говорить о неформальном рейтинге популизма, за лавры лидера с «Батькивщиной» готова бороться Радикальная партия Олега Ляшко. В ее риторике и практике, по сути, кроме популизма ничего и нет. Зато используется оригинальный инструментарий — национальные стереотипы и архетипы. Вряд ли следует считать Ляшко истинным националистом: он не углубляется в идеологические дебри и полностью выхолащивает суть апелляций к славным традициям прошлого. Это позволяет партии оперативно менять свою повестку, обслуживая интересы различных финансово-промышленных групп. Основная база поддержки Радикальной партии — жители сел и небольших городов центральной Украины, для запада страны Ляшко куда менее убедителен.

Упомянутая выше «Свобода», хотя и не является сейчас парламентской партией, имеет довольно крепкие позиции как раз в западной Украине и неплохие шансы вернуться в Верховную Раду. Будучи типичной правопопулистской партией, она не чурается «левой» тематики: обещает снизить тарифы, повысить зарплаты, ликвидировать безработицу. В середине марта этого года Олег Тягнибок подписал Национальный манифест с лидерами партий «Правый сектор» (Дмитрий Ярош не имеет к ней отношения с конца 2015 года) и «Национальный корпус», созданной на базе добровольческого полка «Азов». Среди целей, указанных в манифесте, — разрыв дипотношений с РФ, разрешение владеть огнестрельным оружием, борьба с нелегальной миграцией, возвращение в госсобственность недр, стратегических объектов и приватизированных предприятий¹. Некоторые СМИ заявили о полном объединении партий, но явно поторопились. Тем не менее подписание манифеста стало важной новостью украинской политики — прежде «свободовцы» и правые радикалы отзывались друг о друге прохладно, а то и вовсе с презрением.

Ряд политологов считают популистами и партию «Самопомощь», которую возглавляет мэр Львова Андрей Садовой. Впрочем, с ней все не так просто. Выйдя на общенациональный уровень (до того она воспринималась как сугубо региональная сила), партия обрела два практически не пересекающихся электоральных ядра. С одной стороны, это проевропейские, но консервативные избиратели западных областей, с другой — молодые образованные

¹ <http://nv.ua/ukraine/politics/svoboda-pravyj-sektor-i-natsionalnyj-korpus-podpisali-dokument-ob-obedinenii-812693.html>.

жители крупных городов по всей стране. Пытаясь не потерять поддержку ни одной из групп, ориентированных на совершенно разные ценности, партия вынуждена опасно балансировать и прибегать к популистской риторике (рассчитанной в первую очередь на ядро консерваторов).

Возникает закономерный вопрос: где же на политической карте Украины сейчас находятся «классические» левопопулистские силы? Их положение за последние годы кардинальным образом изменилось. Потеря Киевом контроля над «самыми левыми» территориями, восприятие обществом «красных» как союзников враждебной России, дискредитация и запрет Коммунистической партии, полное фиаско социалистов и пр. существенно сузили левое электоральное поле. Сейчас урожай на нем собирает по большей части «Оппозиционный блок». Вчерашние соратники Януковича прекрасно овладели популистской фразеологией: они требуют окончания войны, снижения тарифов, повышения пенсий, зарплат и далее по пунктам, уверяя, будто все это можно осуществить немедленно при наличии политической воли. Электорат «Оппоблока» сегодня оценивается в 13–15%, что может вывести его на второе-третье место в случае досрочных парламентских выборов. Меньшая, но тоже заметная часть патерналистски настроенных избирателей дрейфует в сторону «Батькивщины».

Украинские либералы тем временем все меньше склонны поддерживать действующую власть. При этом ни одной либеральной или праволиберальной партии в постреволюционной Украине так и не возникло, что также можно считать подтверждением гипотезы о популистской гегемонии. Налицо отсутствие общественного запроса на внятную формулировку путей выхода из кризиса, — путей, которые не могут не оказаться весьма болезненными. Стараясь отхватить свою часть популистского электорального «пирога», политики предпочитают говорить о мерах по снижению тарифов. Соответственно, проявилось новое для страны явление, которое можно назвать «демократическим популизмом».

Наиболее ярким представителем такого течения является Михаил Саакашвили, бывший президент Грузии и бывший губернатор Одесской области. За последние неполные два года он успел анонсировать несколько политических проектов: и антикоррупционное «Движение за очищение», и партию «Волна», и другую

партию — «Движение новых сил». Последняя в конце февраля была официально зарегистрирована Министерством юстиции Украины. На интернет-сайте партии (по состоянию на начало апреля) нет никаких программных документов. Зачем? Всем и так известно, что Саакашвили против нечестных и некомпетентных чиновников, за европейские реформы и быстрое развитие страны. За счет чего? «Сила Украины в людях, которые здесь проживают», — скупое уверяет сайт¹. Для некоторых украинцев, разочарованных слишком низкими темпами реформ, этого достаточно. Рейтинг еще не созданной партии Саакашвили был довольно высок в начале 2016 года — около 10%, однако уже летом упал до 3%. Впрочем, в случае активной кампании с использованием харизмы лидера у «Движения новых сил» есть шанс преодолеть 5-процентный барьер.

Является ли популистской самая большая партия страны — Блок Петра Порошенко «Солидарность»? БПП представляет собой довольно типичную постсоветскую «партию власти», имеет весьма аморфную структуру и включает представителей разных групп интересов. Разумеется, партия порой прибегает к популистским практикам, однако время от времени она же фактически берет на себя ответственность за непопулярные решения. Рассматривать БПП как идеологическую партию невозможно — это, скорее, объединение твердых и ситуативных сторонников действующего президента. Тем не менее по мере приближения к выборам, когда бы они ни состоялись, следует ожидать нарастания популистской риторики и здесь.

Разнообразие «предложений» на популистском поле во многом определяется различием политической культуры и электоральных традиций в разных частях страны. Как уже говорилось выше, левые настроения больше распространены в восточных и южных регионах: здесь с советских времен сконцентрирован пролетариат крупных предприятий и велика доля граждан этнически неукраинского (в первую очередь русского) происхождения. Западная Украина — территория влияния греко-католической Церкви и традиционного уклада, пережившего (хоть и с большими потерями) советский период. Электорат тут воспринимает иные типы популизма: правонационалистический и консервативный. На эту часть страны опирается как «Свобода», так и прямо оппозирующая ей «Самопомощь».

¹ <https://rns.org.ua/priyednuysya-do-spilnot/platforma-go/>.

Политическая культура центральной Украины совсем другая: отчасти сельская, отчасти этническая, это культура терпения и жадности реванша. Здесь находят благодатную аудиторию популисты практически всех мастей. Здесь, как уже говорилось, имеет основную базу поддержки Олег Ляшко. В то же время сторонники Юлии Тимошенко и ее партии «размазаны» по всей стране, их несколько меньше на востоке и юге, поскольку здесь с «Батькивщиной» прямо конкурируют левые партии (сегодня — «Оппозиционный блок»).

Нетрудно выделить основные темы, которые используют для атаки на действующую власть находящиеся в оппозиции популисты. Например, это упомянутый выше рост тарифов на услуги ЖКХ, который действительно является одной из самых болезненных социально-экономических проблем сегодняшней Украины. Именно из популистских соображений в условиях перманентной предвыборной мобилизации вопрос о приведении тарифов в соответствие с рыночными реалиями тормозился менявшимися украинскими властями фактически с конца 1990-х. Крайняя необходимость решить этот вопрос совпала по времени со стремительным падением уровня жизни населения в 2014–2015 годах. Следует отметить, что популисты не предлагают серьезной дискуссии, поиска механизмов сдерживания роста тарифов, а сводят проблему лишь к отсутствию политической воли и наличию личных интересов у власть имущих.

Другая тема — критика Минских соглашений, обеспечивших в свое время резкое снижение интенсивности боевых действий на востоке страны. Написаны сотни статей, доказывающих невыгодность этих соглашений для Украины, высказаны десятки предположений о нехорошей тайной подоплеке решений руководства страны после военных поражений в сентябре 2014 и феврале 2015 годов. Альтернативы, впрочем, предлагаются абсолютно голословные: от решительного наступления и освобождения Донецка и Луганска (националисты) до немедленного прекращения войны в результате полюбовных договоренностей с непризнанными республиками и Москвой («Оппозиционный блок»).

Тема борьбы с коррупцией, еще год назад вызывавшая живой отклик у общества, сейчас многих уже просто раздражает. В стране созданы специальные антикоррупционные органы и институции, которые погрязли в склоках и пока

не демонстрируют ожидавшейся от них эффективности. А все политики-популисты называют коррупцию одной из главных бед Украины и обещают ее победить и искоренить.

Существует и ряд более локальных, «нишевых» тем, которые позволяют отдельным популистским силам находить и мобилизовать сторонников. Это и блокада торговли с неподконтрольными Киеву районами, и акции против банков с российским капиталом, и языковой вопрос, по-прежнему сохраняющий актуальность для некоторых целевых аудиторий.

Можно уверенно прогнозировать, что популизм в ближайшие годы сохранит если не гегемонию, то, по крайней мере, отчетливое доминирование в украинском политическом

дискурсе. Снижение его роли возможно по мере окончательной дискредитации большинства привычных лидеров в глазах избирателей и формирования общественного запроса на ответственные политические силы, готовые предлагать выверенные и инструментальные решения. Вероятно, развитие политических предпочтений украинского общества идет именно в этом направлении, однако накопленный негативный опыт и тяжелое социально-экономическое положение большинства будут существенно тормозить такое развитие. Ускорить же его может формирование системы государственных и общественных институтов, способных удовлетворять актуальные запросы граждан.

Александр КЫНЕВ

Электоральный популизм на российских выборах

Рассуждая о популизме на российских выборах и в российской публичной политике в целом, так же как и в других случаях, связанных с анализом проявлений популизма в политике, необходимо изначально определить, что в данном случае понимается под популизмом. Здесь возникает некоторое отличие от подходов, излагаемых другими коллегами. Проблема в том, что это понятие в данном случае должно быть достаточно легко определяемым и операциональным, потому что, когда мы говорим о выборах, в первую очередь мы анализируем не общую политическую философию, ее реальность или утопичность (в любой идее как образе чего-то идеального есть элементы утопии), а конкретные поступки, действия, обещания отдельных политиков и политических партий как субъектов. Поэтому в данном случае речь о популизме не как о политической философии или социокультурном явлении, а о популизме электоральном как элементе избирательных технологий. Иначе говоря, мы будем разбирать не популизм как дискурс, а скорее популистские практики. Несмотря на это отличие, у популизма как дискурса и у популистских практик (электорального популизма) есть и общее. И одно и другое базируется на стремлении эксплуатировать массовые («народные») мифы, страхи, заблуждения, фобии, используя их для противопоставления себя демонизируемому «другому» (элите, части общества), упрощать и примитивизировать проблемы и представления о способах их решения, часто создавая ложные надежды и иллюзии и даже страхи. Политический популист всегда является и популистом с точки зрения электоральных технологий, тогда как электоральный популизм применяется намного более широко (часто для мимикрии под популистские настроения и перехвата популистской риторики). Открытый вопрос при этом заключается в том, не влияет ли переизбыток популистских практик (электорального популизма) на качество политического дискурса, не ведет ли к мутации и политическому перерождению тех, кто использует его изначально просто как технологию, в реальных по-

пулистов, заставляя их совершать затем те или иные политические действия.

Я буду исходить из того, что электоральным популизмом является самоочевидная невыполнимость политических обещаний либо попытки создать у избирателей ложные ощущения о их выполнимости. Речь об очевидности невыполнимости как для хотя бы в минимальной степени компетентных специалистов в конкретных сферах (экономика, политика, политическое управление, естественные науки и т.д.), так и для самих кандидатов. Эта невыполнимость может быть связана как с противоречием выдвигаемых идей законам экономического развития, законам природы, имеющимся ресурсам и возможностям, так и с полномочиями избираемого органа. Так, одно из самых частых проявлений электорального популизма в России – это дача обещаний и выдвижение идей, не имеющих отношения к реальным полномочиям избираемого органа. Исходя из данного подхода, если «выполнимость» или «невыполнимость» является хотя бы спорной (а любая идея, касающаяся неких будущих действий, всегда носит вероятный характер и поэтому может оспариваться) и дискуссионной, то подобные действия к проявлениям электорального популизма относиться либо не должны, либо должны попадать в категорию «спорные случаи».

Считать популизмом любую «игру на публику» и стремление добиться популярности, например, через дачу предвыборных обещаний представляется неверным. Так как при таком подходе вообще все политики являются популистами, поскольку стремятся к популярности и не могут вести кампании, не давая тех или иных обещаний. В этом смысле электоральный популизм, несомненно, отличается от более широких подходов к популизму как простой эксплуатации общественных фобий и обещаний легко решить проблемы даже крайне сомнительными способами (к примеру, так в данном проекте понимает популизм Н. Петров). Или же как подход к популизму как к системе завышенных общественных ожиданий,

определяющих формы антиэлитарного коллективного действия во имя справедливости (А. Медушевский). Если исходить из иного, более широкого подхода к определению популизма, то исчезнет более или менее адекватный индикатор определения, которое становится в отношении того или иного политика или партии сугубо оценочно-экспертным.

Соответственно, исходя из этого подхода к электоральному популизму не должны относиться заявления и предложения, даже крайне опасные по своим последствиям в ходе реализации, но все же выполнимые (например, введение виз с каким-то государством, проведение политических репрессий или военное вторжение). Точнее было бы характеризовать это как политический радикализм или политический же экстремизм. Таким образом, критерием, под которым в данном тексте будет рассматриваться электорально популистский или непопулистский характер тех или иных действий партий и политиков, будет степень их предполагаемой выполнимости.

Электоральный популизм на российских выборах по особенностям применяемых технологий, используемым идеям и лозунгам можно разделить на популизм власти и популизм оппозиции.

Популизм власти

Популизм власти, в свою очередь, обычно делится на популизм *угроз*, популизм *обещаний* и популизм *демонстративно разыгранных действий*.

Популизм угроз традиционно базируется на стремлении к негативной мобилизации в борьбе с тщательно демонизируемой угрозой, либо сильно преувеличенной, либо вообще несуществующей или придуманной. Фактически таким образом предлагается решение, по сути, несуществующей проблемы, а представители части общества, которых объявляют с ней связанными, стигматизируются и нередко подвергаются репрессиям. Мобилизация в борьбе с этой угрозой заменяет ответы на критику самой власти и ее недостатков и ошибок, нередко полностью заменяет или оттеняет позитивную программу самого кандидата или партии. Данная стратегия одинаково массово применяется как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В 1990–2000-е такими угрозами наиболее часто выступали «наступление криминала», «возвращение голода» (легендарное «Купи еды в последний раз» из президентской избирательной кампании 1996 года), связи с олигархами,

террористами (обе темы активно использовались против кандидата в губернаторы Красноярского края Александра Лебеда на выборах 1997 года) и т.д. На парламентских выборах 1999 года центральной темой негативной мобилизации выступали, с одной стороны, наступление коррумпированной региональной бюрократии (как главное направление борьбы с блоком «Отечество – Вся Россия»), с другой – угроза терроризма на фоне взрывов в Москве и некоторых других городах и связанные с ней призывы к наведению порядка.

На парламентских выборах 2003-го на фоне «дела ЮКОСа» центральной была антиолигархическая тема, на выборах 2007-го – «борьба с проклятыми девяностыми», символами которой были назначены СПС и либералы как таковые (хотя к этому времени в СПС уже было существенное присутствие политиков следующего поколения, а сам лидер списка Никита Белых из Перми в 1990-е не имел никакого отношения к федеральной политике).

Традиционно в 2000–2010-е одним из таких примеров негативной мобилизации являлись рассуждения о «вражеских происках» из-за рубежа (после событий на Украине 2004–2005 годов появляется термин «оранжевая угроза»), а противники и/или критики объявляются или пособниками, или прямыми ставленниками внешнеполитических врагов. Так, еще на региональных выборах весны 2010-го (задолго до массовой борьбы с «пятой колонной», начавшейся с осени 2011-го) одновременно в ряде регионов выходили сюжеты про «неправильное» независимое общественное наблюдение, за которым, как следовало из соответствующих комментариев, стоят западные спецслужбы и экстремистские силы. К примеру, в СМИ Дальнего Востока было размещено выступление депутата Госдумы РФ В. Пехтина о том, что «*деятельность «Голоса», «ТИГРА» и им подобных организаций создает превратное представление о политических процессах в России у зарубежных СМИ, особенно в канун выборов. В то же время можно не сомневаться, что появившись подобная «ассоциация «Голос» в США, – с внешним финансированием и задачей организовать общественные силы экстремистского толка, – властями были бы предприняты «адекватные меры», а лидеров ассоциации объявили бы «персонами нон грата»¹.* Каким образом «персонами нон грата» можно объявить граждан собственной страны, не конкретизировалось.

¹ <http://vostokmedia.com/n66652.html>.

Наиболее массовой тема борьбы с «зарубежным» (преимущественно западным) влиянием становится после выборов депутатов Государственной думы РФ декабря 2011 года. Центральные СМИ выпускают специализированные программы и фильмы (самые известные — «Голос ниоткуда», «Анатомия протеста», «Анатомия протеста-2» на телеканале НТВ), основанием для демонизации оппозиции и протестно настроенной общественности служат получение иностранных грантов, поездки на зарубежные мероприятия и даже просто встречи с иностранными дипломатами, экспертами и журналистами. Массово появляются сюжеты о якобы связях не только с «западными», но и с любыми «вражескими» структурами. Один из самых ярких примеров — обвинение части оппозиции (преимущественно Сергея Удальцова и членов движения «Левый фронт») в получении денег на свержение существующего строя от грузинского бизнесмена с неоднозначной репутацией Гиви Торгамадзе. Сам факт попытки изобразить оппозицию ставленниками незначительного грузинского предпринимателя с точки зрения здравого смысла выглядит анекдотично, но личные последствия для конкретных фигур оказались вполне трагическими.

Нередко партии «системной оппозиции» обвиняют в связях с Западом не только «несистемную» оппозицию, но и друг друга, в качестве «компромата» демонстрируя сам факт встречи с иностранцами.

К примеру, в ходе весенней избирательной кампании 2011 года в регионах перепечатывалась одна и та же статья со следующим красноречивым заголовком: «Продается» партия, недорого, коммунистическая». «Компрома-том» в этой статье выступало то, что коммунисты встречаются с американцами (видимо, сам факт встречи с иностранцем по мысли авторов — это акт предательства), а также то, что выдвигают предпринимателей. Так, авторы статьи против КПРФ ссылались на журнал «Русский репортер», который обнародовал очередной «вброс» из глобальной «библиотеки компромата» WikiLeaks о встречах депутата Госдумы от КПРФ Сергея Левченко с сотрудником Госдепа США.

В 2012-м представители парламентских партий обвиняли друг друга во встречах с послом США Майклом Макфолом. Представители ЛДПР обвинили депутатов Госдумы от «Справедливой России» Оксану Дмитриеву, Илью Пономарева и депутата от КПРФ Леонида Калашникова в предательстве. «Почему депутаты,

это конкретно Калашников — коммунист или Дмитриева, Пономарев — «Справедливая Россия», вместе с уличной оппозицией гуськом заходят в иностранное посольство? — спросил лидер ЛДПР Владимир Жириновский. — Не просто иностранное, а страны, которая готовит войну против нас. Политическая информация может быть дороже, чем информация о танках». Жириновский назвал подобные действия «недопустимыми». «Надо поставить вопрос, чтобы эти депутаты досрочно сложили свои полномочия. Они не должны быть депутатами», — предложил лидер ЛДПР¹.

10 марта 2016 года депутат Госдумы от «Единой России» Валерий Трапезников попросил лидера КПРФ Геннадия Зюганова рассказать на пленарном заседании 15 марта о своей встрече со следующим после Макфола послом США Джоном Теффтом, состоявшейся 9 марта. По словам депутата, эта встреча вызвала недоумение у парламентариев, а его самого «повергла в шок»².

Почти одновременно с резкой активизацией кампании по поводу «внешнего влияния» на оппозицию с конца 2011 года резко увеличивается число публикаций, в которых поддержка идей европейского пути развития в целом и защиты прав человека рассматривается как признак аморальности, нарушения привязанности к традиционным ценностям, как свидетельство половой и нравственной распущенности, которыми публично объявляются защита прав ЛГБТ, стремление к секуляризации и защите отделения Церкви от государства. С одной стороны, одним из активно пропагандируемых новых направлений законотворчества становятся законопроекты о «защите семейных ценностей» (самый известный — принятый Госдумой 11 июня 2013 года сразу во втором и третьем чтении законопроект, запрещающий «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»). С другой — активно раскручиваются неоднозначные публичные скандалы, связанные с «защитой чувств верующих», самое яркое — дело Pussy Riot (19 февраля 2012 года в Богоявленском приделе Богоявленского собора в Елохове и 21 февраля того же года в храме Христа Спасителя участницами группы Pussy Riot была проведена акция, обозначенная группой как

¹ Журналистка Ольга Романова обсуждала с послом США «бунты рассерженных граждан». 30.01.2012. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=700195>.

² Геннадий Зюганов рассказал о причинах встречи с американским послом. 10.03.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/10/zyu/>

«панк-молебен «Богородица, Путина прогони!», в результате по статье «Хулиганство» они были осуждены на два года колонии общего режима).

Массовые кампании на тему «защиты нравственных ценностей» этого времени решают две задачи. Во-первых, они провоцируют оппозицию переключиться с тем критики власти, для нее неудобных (коррупция, фальсификации на выборах), на необходимость реагировать на иные, гораздо более неоднозначные с точки зрения массового сознания темы, которые власти удобны для контрпропаганды и демонизации оппонентов. Во-вторых, ввиду спорности (даже в Европе законодательство о расширении прав ЛГБТ во многих странах встречает неоднозначную реакцию) и противоречий с мифологией массового сознания данные кампании провоцируют расколы и внутри самой оппозиции. В частности, усиливают разногласия между либерально-проевропейской и более консервативной частью оппозиции, особенно между так называемой «несистемной» и «системной».

Другой пример наиболее массового популизма угроз – обвинение оппонентов в связях с криминалом, без этого обвинения не проходит ни одна избирательная кампания.

Резкая активизация подобных технологий была характерна для 2010–2011 годов. Возникает ощущение, что в результате уроков скандальных выборов 11 октября 2009-го, когда в ряде регионов нарушения при подсчете были столь вопиющими, что привели к судебным процессам (Дербент, Воскресенск, Орехово-Зуевский район), технологами партии власти была сделана ставка на максимально широкое применение агрессивных манипулятивных избирательных технологий в ходе агиткампании. Как их часть кампания мощной контрагитации и черного PR против оппозиции имела явные цели заранее дискредитировать оппозицию и саму ее обвинить в нарушениях, если по итогам выборов будут высказаны существенные претензии.

Так, представители «Единой России» на выборах в Рязанскую облдуму 2010 года заявляли, что ЛДПР пытается вернуть Рязанскую область в «бандитские 1990-е». В связях с криминалом обвиняли кандидатов в депутаты от ЛДПР в Рязанской области Алексея Кирило-Покровского, Викторию Шаратову, Алексея Гусева, Александра Ломтева (как выяснилось, он в прошлом привлекался к ответственности за «распитие спиртных напитков в общественном месте, продажу товаров без документов»), Андрея Морозова (уклонение от уплаты нало-

гов), Владимира Горохова (распитие спиртных напитков в общественных местах в 1999 году, появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения в 2005-м), Андрея Васина (мошенничество, в 2004-м попытка причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием – дело прекращено за примирением сторон). Очевидно, что инкриминируемые как «компромат» вышеперечисленные деяния на доказательство «связи с криминалом» тянут крайне слабо. Депутат Госдумы Александр Хинштейн вслед за губернатором Рязанской области Олегом Ковалевым заявил, что среди кандидатов, баллотирующихся в областную думу, есть уголовники из ОПГ «Слоны», уточнив, что речь идет о списке ЛДПР¹. Показательно, что ранее тот же Кирило-Покровский, ставший в списке ЛДПР в 2010 году мишенью контрагитации, ранее уже был депутатом областной думы от партии «Единая Россия» (его исключили только в 2006-м). Еще один из объектов этой контрагитации против ЛДПР в 2010-м, крупный рязанский предприниматель Игорь Трубицын, уже на следующих выборах облдумы 2015 года, будучи действующим депутатом, был выдвинут по мажоритарному округу № 17 от «Единой России», и на этот раз про группировку «Слоны» никто не вспоминал.

На выборах в Карабаше (Челябинская область) весной 2010 года в отношении четырех кандидатов на муниципальных выборах неожиданно появились документы о судимостях². Несмотря на очевидные фактические неточности, формально документы стали поводом для территориальных избиркомов начать процесс отмены регистрации кандидатов через суд. Так, в них фигурировала фамилия кандидата на пост главы Карабаша Александра Горбунова. Однако выяснилось, что с кандидатом в мэры его связывают только сходство имени и года рождения, на этом сходства заканчивались.

На сайте «Единой России» <http://er-portal.ru/> в ходе кампании 2011 года можно было найти статьи с такими красноречивыми заголовками:

«Бригады Рашкина» пополняют экстремисты;

«Красная крыша» для маргиналов;

Пьяный коммунист хотел «взорвать» аэропорт в Саратове;

«Красный» рэкетир.

¹ Хинштейн А.: до прихода Ковалева Рязанской областью управляли «Слоны». 02.03.2010. URL: <http://club-rf.ru/r62/news/12409/>.

² Гришанков О. В Карабаше разыгрывают новую схему снятия кандидатов. 24.02.2010. URL: http://fedpress.ru/federal/politi/part/id_173294.html.

Под специфической трактовкой подавался скандал, произошедший 2 марта 2011 года в Арзамасе Нижегородской области, где, по данным СМИ, якобы произошло столкновение агитаторов «Единой России» и КПРФ. Так, на сайте «Единой России» произошедшее описывалось под заголовком «Красные отморозки» орудуют в Арзамасе». В частности, текст содержал такой пассаж: *«Это чудовищное происшествие — очередное свидетельство того, что КПРФ становится все более маргинальной партией, считает депутат Госдумы, руководитель рабочей группы партии «Единая Россия» по анализу обращений граждан, связанных с нарушениями в период избирательных кампаний Татьяна Воронова. «Случай чудовищный. Уже несколько кампаний подряд мы видим, как поведение КПРФ на выборах становится все более маргинальным. Партия все чаще ведет свои кампании за гранью всех морально-этических норм. Ложные обвинения и заявления, провокации, попытки нагнетания политической истерии, нападения на несогласных с ними стали для компартии обычным явлением. А эту кампанию коммунисты начали фактически с призыва к террору, с заявления о создании боевых бригад, призыва к применению бейсбольных бит, — заявила Воронова в комментарии ER-Portal.ru. — ...По словам депутата, КПРФ начала подготовку настоящих боевиков, которые готовы воевать с женщинами и детьми».*

На выборах Кировской городской думы в марте 2012 года Организация ветеранов Афганистана «Боевое братство» заявила, что встревожена тем, что на посты депутатов Кировской городской думы рвутся люди, чья жизнь плотно связана с криминалом. Об этом организация объявила на пресс-конференции, которая была направлена против кандидатов в депутаты от партий «Справедливая Россия» и КПРФ. По всему городу были распространены листовки с названием «Криминал готовит захват Кирова» тиражом 164 400 экземпляров на 500-тысячный Киров¹. 1 марта по почтовым ящикам был распространен, как указано в нем самом, «информационный бюллетень» за февраль 2012-го под заголовком «Честный Киров». Издание не имело выходных данных, носило характер «черной агитации» против кандидатов в депутаты Кировской городской думы, идущих по спискам партий «Справедливая Россия» и КПРФ. Все они обвинялись в судимостях либо преступных связях, была опорочена честь даже помощников депутатов² и т.д.

¹ <http://www.kartanarusheniy.ru/2012-03-04/753>; <http://www.newsler.ru/archiv/2012/02/09/crim#vid>.

² <http://www.kartanarusheniy.org/2012-03-04/2170>.

Популизм демонстративно разыгранных действий обычно реализуется двумя способами. Первый — немедленное (и, можно предположить, разыгранное) выполнение некой обращенной при многочисленных свидетелях к чиновнику просьбы того или иного гражданина. Часто это происходит в ходе массовой встречи с избирателями или «горячей линии» с помощью телевизионной трансляции. Это могут быть как мелкие частные (например, просьба от ребенка подарить собаку), так и более существенные просьбы (расселить аварийный дом, заасфальтировать улицу, восстановить маршрут автобуса и т.д.). Второй способ — публичный разнос некоего чиновника, вплоть до его увольнения (хотя иногда чиновник продолжает работать дальше).

Подобные действия, конечно, могут быть импровизацией, но чаще являются не более чем игрой на публику, где режиссируется тот или иной поступок кандидата, оказавшегося «в нужное время в нужном месте». Нередко и сам руководитель, и подчиненные заранее знают и о вопросах, и об ответах, и о реальной ситуации. Более того, обычно критикуемый (увольняемый) чиновник подобран и назначен тем же руководителем, который его «распекает», а значит, и сам несет ответственность за его действия. Также нередко то, за что жестостящий чиновник критикуется вышестоящим, является ничем иным, как выполнением приказов того самого чиновника, который высказывает критику. В результате у избирателей создается ложная иллюзия решения проблемы и наказания виновного, однако в реальности не происходит ни того, ни другого.

Подобные демонстративные действия активно использовались еще президентом РФ Борисом Ельциным (который предпочитал публичные «разносы» подчиненных и увольнения). В 2000-е вместо «публичных разносов» чаще используется немедленное выполнение некой обращенной при многочисленных свидетелях к чиновнику просьбы. Одна из самых известных историй — на совещании глав исполнительной и представительной власти 11 сентября 1992 года Борис Ельцин заявил, что *«руководитель Иркутской области Ножиков прислал последнее предупреждение президенту России. Но я его сниму с работы без всяких предупреждений».* Сам Юрий Ножиков на совещании не присутствовал, так как накануне попал в аварию и повредил позвоночник. Как предположил Ножиков, причиной президентского гнева стала позиция руководства Приангарья по энергоресурсам. Сначала в регионе опротестовали правительственный документ о централи-

зации инвестиций в энергетику. Затем воспротивились более серьезным попыткам передать управление энергетическим комплексом региона в Москву. После озвученной угрозы о снятии Ножикова с работы в Иркутске с ревизией побывала московская комиссия. 20 марта 1993 года Борис Ельцин сообщил, что за нарушения законодательства отстранил от обязанностей глав администраций Новосибирской и Иркутской областей. Облсовет на внеочередной сессии 23 марта признал заявление президента об отстранении Ножикова противоречащим законодательству. На следующий день перед Ножиковым извинился премьер-министр Виктор Черномырдин. Точку в шумной истории поставил сам Ельцин: как сообщило агентство «Сибтранспресс», на совещании глав администраций 27 марта 1993 года Ельцин заверил, что Ножиков остается на своем посту, и лично принес ему извинения¹.

Среди региональных руководителей стиль «публичных разносов» подчиненных на камеру на селекторных совещаниях широко практиковался ульяновским губернатором Юрием Горячевым. По иронии судьбы, в отношении самого Горячева популизм демонстративных действий проявил Борис Ельцин. Находясь в Ульяновске осенью 1991 года, Ельцин с трапа самолета спросил собравшихся в аэропорту избирателей, кого они хотят видеть губернатором. Услышав в ответ: «Горячева», утвердительно сказал: «Пусть будет!»

Публичные демонстративные действия характерны и для нынешнего ульяновского губернатора Сергея Морозова. Так, 7 марта 2017 года на совещании Морозов назначил ответственных лиц из числа городских чиновников, которые, по его мнению, виновны в безобразном состоянии ульяновских дорог. Губернатор тут же уволил заместителя главы города, начальника управления по строительству Александра Черепана, замруководителя МУП «Ульяновскдорремсервис», а руководителю дорожного хозяйства Игорю Бычкову был объявлен выговор. Не обошел гнев Морозова и главу администрации Алексея Гаева, которому также было объявлено очередное замечание. При этом все уволенные деятели так или иначе являлись представителями единой команды губернатора².

¹ Ножиков Юрий. Из жизни народного губернатора Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/nozhikov_yuriy_iz_zhizni_narodnogo_gubernatora_priangarya.

² Денисов Е. Нашел стрелочников. Губернатор Морозов отправил в отставку ответственных за дороги чиновников. 07.03.2017. URL: http://ulnovosti.ru/content/6/Nashel_strelochnikov_Gubernator_Morozov_otpravil_v_otstavku_otvetstvennyh_za_dorogi_chinovnikov.

Демонстративные действия активно практиковал на посту краснодарского губернатора Александр Ткачев. В апреле 2011 года на расширенной сессии городской думы, где мэр Краснодара Владимир Евланов впервые публично отчитывался перед населением, губернатор Ткачев, взявший слово сразу после отчета мэра, резко высказался против и.о. начальника УВД Краснодара Бориса Тытаря. Ткачев прервал отчет милицейского полковника, сказав, что тот просто не готов к ответу: «Думаю, в ближайшее время мы найдем начальника УВД, поставим нового, обязательно из другого города, чтобы он не был связан ни с бизнесом, ни с криминалом, ни с кем». Зал поддержал решение аплодисментами. При этом УВД по городу Краснодару с 2003 года возглавлял полковник милиции Александр Семенов, не присутствовавший на сессии по причине болезни³. Местная пресса гадала, кого же из двух руководителей имел в виду губернатор.

В июле 2012 года после разрушительного наводнения, обрушившегося на Кубань и унесшего жизни более 170 человек, губернатор Краснодарского края Александр Ткачев отправил в отставку главу города Крымска и Крымского района Василия Крутько. При этом и Крутько, и мэр Крымска, член «Единой России» Александр Улановский были тесно связаны с губернатором Ткачевым и избирались при его активной поддержке. Крутько с 2003-го являлся заместителем главы администрации города-курорта Анапы, с августа 2005-го исполнял обязанности, а с декабря являлся полномочным главой Крымского района.

В Республике Коми центральным событием избирательной кампании для партии власти на выборах Госсовета Коми в 2011 году стало принятое 21 января того же года лидером списка и главой Коми Вячеславом Гайзером решение отправить правительство Коми в отставку. Основанием для принятия такого решения стало нарушение исполнительской дисциплины, в частности невыполнение чиновниками поручений главы региона⁴. Таким образом, Гайзер, ставший главой региона в январе 2010 года, попытался дистанцироваться в глазах населения от действий непопулярных чиновников и создать ощущение, будто власти региона «наконец» занялись наведением порядка. Новый

³ Павловская Т. Семенов или Тытарь? Кубанский губернатор в прямом эфире «уволил» начальника краснодарской полиции // Российская газета. 07.04.2011. URL: <https://rg.ru/2011/04/07/reg-kuban/tytar.html>.

⁴ Количество неисполненных поручений главы ПК. URL: <http://www.bnkomi.ru/content/news/images/6964/rpafik.jpg>.

состав правительства Коми был сформирован в феврале, и, как стало очевидно, перемещения оказались скорее «круговыми»: чиновники преимущественно поменялись друг с другом портфелями, часть министров сменили их заместители. Тем не менее смена правительства Коми нашла отражение в предвыборном лозунге регионального отделения: «Время новых решений».

Популизм власти также широко применяет технологию дачи заведомо невыполнимых (для специалистов) обещаний, которые обычно публикуются в виде планов по достижению к дате каких-то показателей либо по строительству (открытию) объектов, которые или не могут быть в реальности построены в данные сроки и в данном количестве, или не могут быть построены вообще.

В некоторых регионах есть такие традиционные объекты, построить (сдать в эксплуатацию) которые обещали несколько руководителей подряд.

Один из самых многострадальных и многократно обещавшихся проектов — так и не построенное метро в Красноярске, решение о строительстве которого было принято Политбюро ЦК КПСС еще в 1983 году. В 1989-м все работы были свернуты и возобновлены только в 1993-м. Непосредственное строительство началось 17 октября 1995 года. С тех пор красноярское метро строили с разной скоростью в зависимости от поступлений финансирования из федерального, городского и краевого бюджетов. К маю 2008 года было пройдено уже более 3,5 тыс. м горных выработок, из них готовых тоннелей — около 3 км, освоено около 4,8 млрд руб. Достроить метро обещали губернаторы В. Зубов и А. Хлопонин, мэр Красноярска П. Пимашков и другие чиновники¹. Открытие первого пускового участка с тремя станциями формально было запланировано на 2012 год. Однако планам не суждено было осуществиться. В 2009-м было принято решение о прекращении строительства станции «Площадь Революции» и ее консервации (засыпка шахты песком). В 2011-м было решено прекратить строительство и законсервировать станцию «Вокзальная»². В конце октября 2015-го в эфире радиостанции «Комсомольская правда»

губернатор Виктор Толоконский вновь заявил, что Красноярск будет строить метро: «Я еще раз хочу подчеркнуть, что Красноярск будет строить метро. Без этого не обойтись, сколько бы у нас ни было машин. Я надеюсь, что через 5–7 лет Красноярск сможет начать строительство метрополитена. Для этого будут созданы финансовые и транспортные условия»³.

Столь же дорогостоящий и многократно обещанный к достройке проект — метро в Омске, где у властей региона сейчас нет денег ни на достройку, ни на консервацию. 24 февраля 1993 года была забита первая свая на опоре будущего метромоста через Иртыш. В дальнейшем планы метростроения в городе много раз менялись, и 23 октября 2003-го проходка первого перегонного тоннеля завершилась, спустя 10 лет. К октябрю 2008-го было завершено сооружение в конструкциях ст. «Библиотека им. Пушкина». В связи с резким уменьшением финансирования после перевода в 2006-м бюджетобразующего предприятия «Сибнефть» из Омской области в Санкт-Петербург срок сдачи пускового участка был отодвинут на много лет. Сначала планировалось сдать первую линию в 2008 году, потом в 2015-м и 2016-м (как подарок к 300-летию города). 30 мая 2008-го произошло затопление части тоннелей строящегося метрополитена в связи с прорывом водопровода. Тоннелепроходческий комплекс был залит несколькими тоннами воды. Рабочие успели эвакуироваться. По состоянию на июль 2009 года готовность первой ветки метро составляла 26%. Работы велись на трех станциях из четырех. В 2010-м федеральный бюджет не выделил денег на строительство метрополитена, а самостоятельно Омск не мог профинансировать такой объект. Выделяемые из областного бюджета средства шли только на поддержание уже готовых объектов. Министр экономического развития России Эльвира Набиуллина, посетившая 24 сентября 2010 года с рабочим визитом омское метро, считала, что оно находилось в высокой степени готовности. Было обещано, что по результатам переговоров губернатора Омской области Леонида Полежаева с руководителями федеральных ведомств омское метро получит 1 млрд руб. на строительство. В августе 2012 года Дмитрий Медведев дал поручение правительству выделить необходимые средства, первая очередь должна была быть запущена в Омске в 2016 году. 28 февраля 2014-го губерна-

¹ Здешний И. Красноярскому метро исполнилось 20 лет. «АиФ на Енисее» собрал цитаты красноярских политиков, обещавших достроить когда-нибудь так и недостроенную подземку // АиФ на Енисее. 31.10.2015. URL: http://www.krsk.aif.ru/society/krasnoyarskomu_metro_ispolnilos_20 лет.

² Метро Красноярска. URL: <http://krasnoyarsk.dk.ru/wiki/metropolitena>.

³ Губернатор: Строить метро в Красноярске смогут начать через 5–7 лет. 03.11.2015. URL: <http://krasnoyarsk.dk.ru/news/gubernator-stroit-metro-v-krasnoyarske-smogut-nachat-cherez-5-7-let-236985257>.

тор Виктор Назаров сообщил, что правительство области приняло окончательное решение превратить недостроенное метро в рельсовую систему, единую с наземным трамваем. Однако проблема области в том, что денег все равно нет ни на один из вариантов. Долгое ожидание завершения строительства омского метрополитена породило народные истории. По интернету распространилась «карта Омского метро», на которой изображена только одна построенная станция («Библиотека им. Пушкина»). Был закуплен даже имитатор звука приближающегося поезда в подземном переходе неоткрытой станции (как объяснялось, чтобы «жители привыкали»), данный ролик был записан в Англии за немалые деньги. Возник скандал, и трансляция аудиоролика прекратилась.

25 июня 2014 года губернатор Виктор Назаров на пресс-конференции прямо признал, что вопрос решения транспортной концепции и создания так называемого метротрама, упирается в финансы. *«Годовое содержание выкопанного участка для метро на Богдана Хмельницкого составляет 6 млн рублей. Еще больше стоит закопать подземку — 200 млн рублей. «Запуск метротрама стоит в пределах 10–12 миллиардов рублей. Это половина от метро, но все же эта сумма очень большая, и самостоятельно мы ее не потянем. До конца года мы должны проработать этот вопрос с федеральным минтрансом, и если будут деньги для реформирования, то будем работать в этом направлении. А если нет, то придется консервировать стройку. Сейчас у нас два варианта: все закопать или же сохранить»*, — отметил Назаров. *«Мы прокопали на Богдана Хмельницкого 700 метров, потом поставили забор и сейчас не знаем, что делать. Чтобы закопать назад, необходимо 200 миллионов рублей, а годовое его содержание обойдется бюджету в 6 миллионов рублей. Так что, если у кого-то есть друзья или знакомы, готовые взять этот выкопанный участок в аренду, мы готовы его передать. Там можно построить пейнтбольный клуб или парковку, например»*, — сделал предложение губернатор¹.

Анекдотичная история произошла со станцией метро «Золотая нива» в Новосибирске, которую открыли 7 октября перед выборами в областное законодательное собрание 10 октября 2010 года. Как иронизировала местная пресса, *«Благодарить за новую станцию метро новосибирцы должны, разумеется, «Единую Россию». Почему? Потому что ее представители первыми спустились в павильон»*. Первыми на перрон

новой, тринадцатой по счету станции новосибирского метрополитена спустились местные лидеры ЕР и аниматоры с флагами. Срок сдачи станции только в 2010-м отодвигался трижды. Сначала обещали запустить «Золотую ниву» ко Дню города, потом — в сентябре, последний раз назначили срок 3 октября. Однако даже в открытом состоянии объект сложно было назвать завершенным: проект предусматривал три эскалатора и лифт для инвалидов, расположенные в вестибюле № 1, который планировалось завершить только в 2011 году. По причине недоделок и конструктивных проблем открытую станцию после выборов снова закрыли 26 октября 2010² (был построен всего один перегонный тоннель вместо двух). Повторное открытие состоялось 9 февраля 2011-го, открытие второго тоннеля запланировано до конца 2017 года. После его открытия ожидается, что существующий тоннель будет закрыт на реконструкцию из-за проблем с гидроизоляцией.

Постоянно использовать в агитации обещания открытия тех иных станций метро и затем их регулярно переносить также любят власти Москвы. Практически ни одна станция московского метрополитена в 1990–2010-е не открылась в ранее формально обещанные сроки. К примеру, в ходе избирательной кампании 2011 года многочисленные рекламные щиты на юго-востоке Москвы обещали открытие в 2015 году новой Кожуховской линии Московского метрополитена, которая не построена до сих пор. Сам проект Кожуховской линии берет начало еще в 1985-м, когда началась разработка системы скоростных хорд. Линия планировалась в числе первоочередных хорд наравне с Митино-Бутовской и должна была быть построена к 2010 году. Поскольку строительство целиком новой линии предполагало бы слишком большие сроки, в 2009-м в район Кожухово было предложено тянуть Калининскую линию от строящейся ст. «Новокосино». В 2010-м проект продления Калининской линии был принят в разработку, однако менее чем через год от него отказались. К этому времени, в июне 2011-го, были подписаны соглашения между Москвой и Московской областью о передаче в состав Москвы земель иловых площадок Люберецкой станции аэрации, на которых еще с 2008-го велось строительство нового жилого района. Для его обслуживания мощностей Калининской линии было недостаточно, ранее

¹ <http://omskregion.info/item.asp?id=24131>.

² Минаева В., Букевич Д., Лукашов М. Новосибирцы остались без «Золотой нивы» на 30 суток. 26.10.2010. URL: <http://www.nsk.kp.ru/daily/24581/751720/>.

обещанную идею ее продления отменили, заменив строительством новой линии. Осенью 2011 года проект был снова скорректирован для сокращения сроков и стоимости строительства, уменьшения длины линии и времени проезда. В ноябре 2011-го властями был озвучен срок окончания строительства — 2015 год, в мае 2012-го срок был сдвинут на конец 2016-го. Сейчас открыть первый участок линии обещают в 2018-м (год президентских выборов и выборов мэра Москвы).

В Калининградской области в 2011 году партия «Единая Россия» пыталась использовать тему выигранного РФ права на проведение чемпионата мира по футболу-2018. 15 декабря после телефонного разговора с министром спорта России Виталием Мутко губернатор Николай Цуканов даже заявил, что «Калининград вошел в золотую восьмерку российских городов, где в 2018 году пройдут матчи чемпионата мира по футболу». Однако глава заявочного комитета «Россия-2018» Алексей Сорокин сообщил, что «на данный момент никто не может твердо утверждать, в каких именно городах пройдут матчи чемпионата мира по футболу». Сорокин отметил, что ему непонятно, почему губернатор Николай Цуканов заявил, что Калининград примет матчи мундиала. «Сейчас можно смело сказать, что матчи точно примут Санкт-Петербург и Москва. Полуфинал и финал соответственно. Потому как других стадионов, которые вмещают 90 тыс. зрителей, в России не будет», — заявил Сорокин¹.

Еще более привычны обещания выделения завышенных денежных средств или попытка приписать итоги всей деятельности власти (часто многолетней) конкретной партии.

На выборах Курганской облдумы 2010 года в областной газете «Новый мир» отделение партии «Единая Россия» разместило несколько своих программ. Так, 26 февраля в материале «Крепкое село — сильное Зауралье» было указано: «Программа развития агропромышленного комплекса в Курганской области до 2012 года предполагает инвестирование более 22 млрд рублей. Только в 2009 году из областного и федерального бюджета выделено более 952 млн рублей». При этом консолидированный годовой бюджет области — около 21 млрд, на сельское хозяйство в 2010-м планируется направить в совокупности около 700 млн. И данная программа — не единственная.

¹ Демидов С., Елисеев И. Миф о «золотой восьмерке». Алексею Сорокину неизвестно понятие «золотая восьмерка». 16.12.2010. URL: http://www.gazeta.ru/sport/2010/12/a_3467833.shtml.

В том же 2010-м лидер списка «Единой России» на выборах в челябинское законодательное собрание, тогдашний губернатор области Михаил Юревич в июле «пошел навстречу» инициативе челябинского регионального отделения «Единой России» и принял решение выделить многодетным семьям с тремя и более детьми в области по 3 тысячи рублей «на подготовку к новому учебному году» («Я сам отец и знаю, что такое собирать ребенка в школу и сколько это стоит. Партия обратилась очень вовремя», — заявил губернатор), а пенсионерам — по 500 рублей к Дню пожилого человека 1 октября (за 10 дней до дня голосования)². Сам перенос выборов в ЗС с марта 2011-го на октябрь 2010-го, по мнению многих наблюдателей, был связан с тем, что «Единая Россия» в регионе стремилась успеть провести предвыборную кампанию на «волне поддержки» сразу после окончания дорожно-строительных работ (на 2010 год области выделили миллиард рублей на дороги) и повышения зарплат бюджетникам (на 10–15% с 1 сентября 2010 года). 26 июля 2010-го депутаты Законодательного собрания Челябинской области на внеочередном заседании увеличили на 1 млрд 68 млн рублей региональный бюджет. Как сообщил спикер парламента Владимир Мякуш, спешка понадобилась, чтобы успеть освоить федеральные деньги, выделенные Челябинску на ремонт и строительство дорог³.

Активно использовалась в минувшие годы технология проведения вместе с выборами опросов по приоритетам расходования средств, которые обещали учесть при формировании бюджетов. В частности, подобные не имеющие юридической силы опросы проводились в Красноярском крае, Республике Коми, Томской области и других регионах.

Так, в Томской области важным элементом кампании партии в регионе на выборах в октябре 2010 года стала программа «Народный бюджет». Проект программы был предложен на партийной конференции 4 сентября. Суть заключается в том, что по обращениям граждан в мэрию, в партийную приемную Владимира Путина был составлен перечень главных городских проблем. Их оказалось несколько сотен. Они были разбиты по районам и микрорай-

² Карецкий А. Очередной популизм от южноуральских «единороссов»: пенсионеры и многодетные семьи получают жалкие подкочки. 27.07.010. URL: <http://www.uraldaily.ru/politika/2599.html>.

³ Леонов С. Южноуральские депутаты прибавили к бюджету миллиард. Мякуш: «Нужно срочно тратить деньги». 26.07.2010. URL: <http://ura.ru/content/chel/26-07-2010/news/1052117275.html>.

онам. На эти вопросы жители должны были ответить, нужно строить этот объект или нет. Такой набор вопросов распространялся по городу. Вариантов было всего восемь, нужно было поставить пять отметок. Сообщалось, что пожелания будут выданы депутатам нового созыва после 20 октября. Разносили и собирали анкеты агитаторы.

В Оренбургской области на выборах в марте 2011 года через проект «Народная стратегия» жителям городов и районов региона предлагалось выбрать из перечня предлагаемых властью и партией объектов и задач те, которые они считают первоочередными. На решение этих задач было запланировано выделение средств из областного бюджета в рамках реализации стратегии «Оренбуржье-2015». Заявление об этом 24 февраля 2011 года сделал губернатор Юрий Берг в ходе совещания с главами муниципальных образований области. Для каждой территории были изготовлены специальные бюллетени, по которым избирателям должны были предложить сделать «выбор» 13 марта одновременно с голосованием за кандидатов в депутаты Законодательного собрания Оренбургской области. Сообщалось, что рядом с каждым избирательным участком в том же здании будет размещена дополнительная урна с пометкой «Народная стратегия», у координатора проекта на участке можно будет получить бюллетень, заполнить его и опустить в урну¹.

При этом проведение аналогичной акции на выборах Законодательного собрания Иркутской области в октябре 2008 года было запрещено облзбиркомом, который счел недопустимой организацию той или иной партией в день выборов «параллельных голосований», имеющих явно агитационный характер.

Среди примеров официального популизма обещаний также создание различных предвыборных инициатив и проектов, которые потом нередко исчезают без следа.

В Омске в 2010 году перед выборами мэра по инициативе мэрии открылось «Агентство добрых дел». Новая организация позиционировала себя как объединение добровольческих дружин. Как выяснилось, агентство преследует две важные цели – помогать одиноким пенсионерам и тем самым «окучивать» избирательный электорат в преддверии мэрских выборов. По официальной версии «Агентство добрых дел» (АДД) открылось к юбилею победы в Великой

Отечественной войне. Оказалось, что волонтерские молодежные объединения появились в Ленинском округе лишь в декабре 2009 года, сейчас их создано девятнадцать с целью помощи престарелым одиноким людям. Проект был поддержан администрацией Ленинского округа и департаментом образования администрации города.

Популизм оппозиции

Популизм оппозиции в России в отличие от популизма власти – это почти всегда популизм обещаний, и ограничен он зависимостью российской оппозиции от власти как юридической, так и финансово-организационной. По этой причине он почти никогда не носит антиэлитарного характера, так как в этом случае обычно партия или конкретный гражданин быстро утрачивают возможность участия в выборах.

Среди подобных обещаний наиболее массовыми являются обещания социального характера без какого-либо экономического обоснования: повышение зарплат, пенсий, введение различных дополнительных выплат. Одной из наиболее ярких массовых кампаний социального популизма была кампания по выборам в Государственную думу РФ 2007 года. Причем фактическим инициатором новой социально-популистской волны стал формально правый СПС.

В 2006-м в региональных выборах СПС практически не участвовал, находясь в тяжелом внутреннем кризисе – обсуждались варианты объединения с Республиканской партией России и Народной партией солдатских матерей. Возрождение началось с выборов Законодательного собрания Пермского края, где до избрания лидером партии в 2005 году заместителем губернатора был Никита Белых. Одновременно возобновил сотрудничество с партией работавший с ней на региональных выборах 2004–2005 годов известный политтехнолог, депутат Государственной думы РФ Антон Баков.

Под руководством технологической команды Бакова партия пыталась под формально тем же названием произвести ребрендинг, сменив традиционный либеральный облик как минимум на социал-либеральный. Дополнялось все это активным выстраиванием агитационных сетей в первую очередь в сельской местности, не избалованной ранее массовыми кампаниями «от двери к двери», с грамотным подбором агитаторов, близких к целевой социальной группе (пенсионерам и бюджетникам), и использованием всех традиционных технологий

¹ <http://www.orenburg.rfn.ru/rnews.html?id=34455> 4.02.2011; http://orenburg.edinros.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1796:2011-02-24-15-09-24&catid=1:latest-news&Itemid=1.

«сетевого маркетинга» (сеть строилась исходя из покрытия примерно один агитатор на 700 избирателей).

В центре кампании оказался образ Никиты Белых и его идеи «Достройки» («Голосуем ЗА Достройку!» и т.п. — речь шла о «достраивании капитализма» до «цивилизованного уровня»). Главным же содержанием «достройки» были обещания увеличения пенсий в два с половиной раза и зарплат бюджетников в четыре раза, выделения 12% ВВП на пенсии и т.д., что, очевидно, к деятельности региональных парламентов и их полномочиям не имело никакого отношения. В партийных газетах на выборах 2007 года кроме статей на социальную тематику не было больше вообще никаких материалов. Рекламные ролики СПС также были посвящены «достройке» и обещаниям повышения пенсий, кроме того, рассказывалось о лидере Никите Белых как семьянине, активном деятеле, лидере СПС, с комментариями самого Белых, где он разъяснял свою позицию и позицию СПС. При этом обнаружить в материалах партии на выборах того времени какие-либо положения и лозунги, касающиеся, к примеру, молодежи, защиты малого и среднего бизнеса или борьбы с коррупцией, оказалось практически невозможно.

Активизация СПС и активная работа в сельской местности вызвали определенное противодействие — весной 2007 года в четырех регионах спискам партии было отказано в регистрации (Псковская, Вологодская, Самарская области, Дагестан; только в Самаре удалось оспорить отказ в Центризбиркоме РФ), в Тюменской области партия не представила ни подписей, ни залога и таким образом выбыла сама.

В результате партия преодолела заградительный барьер в пяти регионах (Коми, Самарская, Томская области, Ставропольский и Красноярский край) и оказалась на грани его преодоления еще в трех (Московская, Ленинградская, Орловская), где, по мнению представителей партии, победа у нее была украдена в результате фальсификаций.

Однако новый социал-популизм СПС в 2007 году имел оборотную сторону — на фоне роста результатов партии на периферии единственным регионом явного провала оказался либерально ориентированный Санкт-Петербург, где резкое изменение позиций партии, вероятно, не только не привлекло новых, но и оттолкнуло часть прежних избирателей.

После региональных выборов марта 2007-го и попыток СПС играть на традиционной для власти теме социального патернализма против партии была начата мощная агиткампания, которая напоминала избирателю о поддержке СПС либеральных реформ 1990-х, ее прежних непопулярных лидерах (именно тогда появился в публичном пространстве термин «проклятые девяностые»). Также против партии активно применялись силовые методы препятствия ее агитационной деятельности. В результате «электоральный взлет» СПС в 2007 году прервался так же внезапно, как и начался (см. таблицу).

Другие партии быстро скопировали агрессивный социал-популизм СПС в 2007 году. Различия касались лишь формы подачи — если СПС обещал повысить пенсии в «два с половиной раза», то «Справедливая Россия» требовала «повышения пенсий до 65% от прежнего заработка», добавляя, что «минимальная пенсия должна составлять шесть тысяч рублей», «Па-

Таблица

СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА СПС НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 2003 г. И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ КОНЦА 2006 – НАЧАЛА 2007 г.

Регион	Итоги голосования на выборах в Госдуму РФ 7 декабря 2003 года	Итоги голосования на региональных выборах 3 декабря 2006 и 11 марта 2007 года
Пермский край	8,59%	16,35%
Республика Коми	4,39%	8,81%
Ставропольский край	1,92%	7,73%
Ленинградская область	4,12%	6,997%
Московская область	4,41%	6,9%
Омская область	3,78%	5,87%
Орловская область	1,52%	6,98%
Самарская область	3,51%	8,11%
Томская область	5,22%	7,78%
Санкт-Петербург	9,31%	5,17%
Красноярский край	2,78%	7,25%

триоты России» требовали повысить пенсии до уровня не менее 15 тыс. руб., а пенсионерам по инвалидности — три прожиточных минимума в регионе, позже «Патриоты России» заявили, что нужно «увеличить пенсии в четыре раза» и «поднять доходы граждан в два-три раза», КПРФ предлагала вывести пенсии на уровень реального прожиточного минимума и т.д. Лидер «Справедливой России» Сергей Миронов в ходе избирательной кампании осени 2007 года заявил, что, по его мнению, государство могло бы контролировать цены на основные продукты питания и т.д. В ходе той же кампании 2007 года Миронов обещал возвращения северянам потерянных льгот, негативно отзывался об ЕГЭ. Предлагалось увеличить зарплаты, пенсии и стипендии раза в три за счет «замороженных» денег Стабфонда, золотовалютных резервов и неоправданного профицита бюджета. При этом Миронов призывал не пугаться инфляции, поскольку 15% или 20% — «ничто по сравнению с гиперинфляцией начала 1990-х». В Ленинградской области представители «Справедливой России» заявляли, что в созданной ими государственной строительной компании цена одного квадратного метра жилья будет составлять 15 тыс. руб., а пенсии повысят в три раза.

В целом наиболее традиционным является популизм социальных обещаний для КПРФ, «Справедливой России» и иных партий, позиционирующих себя как левые и левоцентристские. При этом традиционно их социальные требования не конкретизируются какими-либо социально-экономическими обоснованиями с точки зрения их объективной экономической возможности и тех последствий, к которым их реализация может привести.

Так, на выборах думы Томской области в 2007 году КПРФ выступала за выделение 25% областного бюджета на поддержку пенсионеров и малоимущих, добивалась принятия областных законов о том, что оплата услуг ЖКХ не должна превышать 10% среднедушевого дохода и о бесплатном проезде на территории области для пенсионеров и т.д. В Омске коммунисты заявляли о требованиях добиться от правительства РФ компенсации в 10 млрд руб. за уход из региона «Сибнефти», необходимости повышения темпов газификации, двукратного снижения стоимости жилья и т.д. Также партия выступала за газификацию домов и квартир за счет бюджета, сохранение малокомплектных сельских школ, квартплату не более 10% от доходов семьи, пятикратное увеличение расходов

областного бюджета на поддержку сельского хозяйства вместо нынешних 1,7% и т.п.

В ноябре 2010 года президиум ЦК КПРФ принял постановление «О подготовке и проведении Народного референдума в Российской Федерации»: *«КПРФ накопила значительный опыт борьбы за проведение Всероссийского референдума. В арсенале партии организация Народного референдума в 2005 году. В этом общероссийском опросе приняло участие 7 миллионов граждан России. Свыше 96% голосовавших поддержали позицию коммунистов по ключевым вопросам социально-экономической и политической жизни России. Опыт показывает, что граждане не хотят поступиться своими правами и готовы непосредственно участвовать в управлении государством...»*¹.

Среди предложений, которые президиум ЦК КПРФ хотел вынести на «народный референдум»²:

- Согласны ли Вы с тем, что плату за жилье и коммунальные услуги следует ограничить 10% от суммарного дохода семьи?
- Считаете ли Вы, что государство должно взять на себя ответственность за недопущение произвольного роста цен на продукты питания, лекарства и товары первой необходимости?
- Согласны ли Вы, что любые изменения в законодательстве, ухудшающие доступ граждан к образованию, охране здоровья и культуре, не должны допускаться и подлежат немедленной отмене?

Одна из постоянных тем — требование заморозки цен и тарифов. В избирательных кампаниях 2015–2016 годов КПРФ и «Справедливая Россия» регулярно говорили о необходимости ограничения торговых цен, борьбе со спекулянтами (к деятельности которых пытались свести рост цен, игнорируя тему санкций и контрсанкций) и т.д.

В Республике Коми на выборах Госсовета в марте 2011³ года «Справедливая Россия» размещала баннеры, плакаты на остановках, телерекламу с общим лозунгом «Доходы — республике! Больше Москве не давать!», которые вызвали против партии нападки в якобы «сепаратизме» (в нефтегазовом регионе тема заби-

¹ Постановление президиума ЦК КПРФ «О подготовке и проведении Народного референдума в Российской Федерации». № 58/3 от 26 ноября 2010 года. URL: http://kprf.ru/rus_soc/86015.html.

² Перечень общефедеральных вопросов Народного референдума, проводимого КПРФ в 2011 году. Пресс-служба ЦК КПРФ. 23.23.2010. URL: http://kprf.ru/rus_soc/86021.html.

³ Предвыборная программа «Справедливой России». URL: http://komi.spravedlivo.ru/press/region_news/915.smx.

раемых федеральным центром доходов от добычи углеводородов всегда была актуальной). Очевидно, что на региональных выборах эта идея была не решаема и избираемый орган не имел таких полномочий. В ответ представители партии «Патриоты России» пытались инкриминировать «эсерам» «разжигание социальной розни»¹. Представитель партии «Патриоты России» в Коми Виктор Ширяев обратился в прокуратуру, указав, что в Сыктывкаре установлено двенадцать билбордов «Справедливой России» с надписью «Половину доходов – республике! Больше Москве не давать!». По мнению Ширяева, предвыборный лозунг эсеров не соответствует сразу нескольким российским законам, поскольку фактически призывает к изменению закрепленных федеральным законодательством межбюджетных отношений. 9 марта Верховный суд Коми отказал в удовлетворении аналогичного иска регионального отделения КПРФ, которое просило отменить регистрацию списка кандидатов от «Справедливой России» в депутаты Госсовета Коми². Использовался в кампании СР в Коми также лозунг «Достаток – каждому, молодым – работу!». Скандальным получился тираж региональной партийной газеты, в которой утверждалось, что правительство Коми отправлено в отставку по инициативе лидера Коми отделения партии Веры Скоробогатовой (что не соответствовало действительности).

Впрочем, как уже было отмечено, электоральный популизм в России характерен не только для левых. Кроме упомянутого СПС с его социал-популизмом 2006–2007 годов можно вспомнить и «Яблоко». Пример крайнего популизма – программа списка «Яблоко» – Объединенные демократы» на выборах депутатов Мосгордумы 2005 года. 1 ноября 2005-го Григорий Явлинский и председатель СПС Никита Белых представили программу на выборах в МГД и заявили о планах выставить единого кандидата на выборах президента РФ в 2008-м. Называлась программа «Москва – город XXI века» и носила ярко выраженный социально-популистский характер. Помимо темы прямых выборов мэра речь шла о социальных реформах (*«Правительство требует от Москвы свернуть*

ряд социальных гарантий, существенно повысить оплату коммунальных услуг... Москвичам хотят навязать мэра, который будет полностью подконтролен только номенклатурным олигархическим группам».) Программа включала политическую декларацию Коалиции демократических организаций (*«В России установлен авторитарный режим»*), в частности, в ней были следующие требования и предложения.

- Москва без пробок на дорогах (*увеличить расходы на дорожное строительство в два раза; к 2015-му провести метро в каждый район с населением свыше 50 тысяч человек; развивать велосипедное сообщение и т.д.*).

- Доступное жилье для москвичей (*заставить отказаться от планов по 100%-ной оплате коммунальных услуг; предельный уровень оплаты ЖКХ в семейном доходе на уровне 10%; ликвидация монополизма в обслуживании жилого фонда; заменить выселение за долги административным наказанием; мораторий на «точечную застройку» и т.д.*).

- Социальная справедливость и снижение дороговизны (*надбавка 500 руб. к ежемесячному пособию по уходу за ребенком; надбавки неработающим пенсионерам повысить в три раза, работающим – в два раза в 2006-м и т.д.*).

- Здоровый город (*в 2009-м в три раза повысить зарплату медработникам, ужесточив наказание за некачественное лечение; упростить систему лечения льготных категорий граждан и т.д.*).

Несомненно, что кроме скепсиса некоторые пункты программы ничего не вызывали (особенно про развитие велосипедного сообщения и строительство метро в каждом районе с населением свыше 50 тыс. человек) и были заведомо невыполнимы. Впрочем, «программу» партии мало кто читал и видел в отличие от буклетов и календариков, где главной была тема прямых выборов мэра Москвы (то есть тогдашнего мэра Юрия Лужкова) и того факта, что «Яблоко» – «единственный демократический список».

Одна из популярных оппозиционных технологий в России – сбор подписей в период избирательной кампании, часто за отставку того или иного чиновника, либо требование проведения референдума, который заведомо не может быть проведен либо идеи которого не реализуемы. Зачастую собранные таким образом подписи просто исчезают (можно предположить, что они могут использоваться для создания информационных баз для последующей работы с избирателями), так же как и требования отставок тех или иных чиновников.

¹ «Патриоты России» вменяют эсерам разжигание социальной розни. 15.02.2011. URL: <http://www.bnkom.ru/data/news/7250/>; «Патриоты России» обвиняют эсеров в разжигании межнациональной розни // Контрпропагандист. 16.02.2011. URL: <http://www.contrprop.ru/main/291.html>.

² ВС республики не нашел экстремизма в лозунге эсеров, коммунисты считают решение результатом давления Миронова. 09.03.2011. URL: <http://www.bnkom.ru/data/news/7456/>.

Так, в Ингушетии после выборов Госдумы РФ в декабре 2007 года в регионе, где по официальным данным явка была 98,34% (161 559 человек из 164 275 внесенных в списки) местная оппозиция провела акцию «Я не голосовал», которую организовал оппозиционный сайт «Ингушетия.Ру». Тогда, по данным организаторов, было собрано более 45 тыс. подписей жителей, заявивших, что они не принимали участия в выборах¹. Подписи были отправлены Москву, где фактически исчезли.

В Чувашии после выборов Госсовета региона и депутатов Госдумы в декабре 2011-го и анонсирования возвращения прямых выборов губернаторов «Справедливая Россия» и ЛДПР начали сбор подписей за отставку главы региона. 14 мая 2012 года Чувашское региональное отделение ЛДПР сообщило, что передало в общественную приемную Владимира Путина обращение и подписи за отрешение от должности Михаила Игнатьева. 15 мая свои подписи передала «Справедливая Россия». Решение о начале сбора подписей за отрешение Игнатьева от власти было принято региональным отделением ЛДПР 3 апреля на совместном митинге оппозиционных сил перед Домом правительства. В заявлении либерал-демократы указали, что в действиях руководства республики ощущаются «некомпетентность, бессистемность, хаотичность, отсутствие эффективного управления развитием отраслей экономики». «Уровень коррупции, официальной и латентной преступности, социальная деградация, пьянство, алкоголизм, наркомания достигли в Чувашии угрожающих размеров», — говорилось в обращении. Координатор РО Андрей Кулагин сообщил, что всего подано 2100 подписей. Руководитель фракции «Справедливой России» в Госсовете Чувашии Игорь Моляков сообщил, что региональным отделением СР собраны 5 тыс. подписей². Куда в дальнейшем исчезли эти подписи — неизвестно, публично об этом сборе в настоящее время ни ЛДПР, ни «Справедливая Россия» не упоминают.

«Справедливая Россия» в Курской области в 2011-м провела агрессивную избирательную кампанию, главной ее мишенью был губернатор Александр Михайлов (представитель «Единой России»), но формально не участвовал

в кампании). Справороссы в листовках утверждали, что именно Михайлов возглавляет штаб партии власти, а чиновники обл администрации активно работают на единороссов. 3 марта в Курске лидер «Справедливой России» Сергей Миронов пообещал в случае победы его партии на выборах в облдуму инициировать отставку губернатора Михайлова. Уже на следующих выборах в регионе этого требования в программе СР не было, Михайлов занимает свой пост и в настоящее время.

КПРФ в Тверской области в том же 2011-м призывала к отставке непопулярного губернатора Дмитрия Зеленина, прямо позиционируя лидера списка Вадима Соловьева как кандидата в губернаторы. КПРФ в области также делала акцент на теме ЖКХ (идея областного референдума по замораживанию цен на жилищно-коммунальные услуги).

Одно из ключевых направлений оппозиционного популизма в России — внесение или заведомо неисполнимых, или неприемлемых законопроектов, гарантирующих лишь информационное упоминание и попадание в скандальную хронику.

Так, в Госдуме РФ созыва 2011–2016 годов многократно выдвигали такие законопроекты депутаты Олег Михеев («Справедливая Россия»), Вадим Деньгин, Роман Худяков и Михаил Дегтярев (ЛДПР), сам Владимир Жириновский и целый ряд других.

В июне 2014-го депутат Михеев направил обращение в Евразийскую экономическую комиссию с просьбой изменить требования к обуви в техническом регламенте Таможенного союза. В частности, депутат предложил запретить обувь на плоской подошве и на высоких каблуках. Михеев уверен, что обувь на высоких каблуках, а также кеды, мокасины и балетки представляют опасность для здоровья граждан, поскольку приводят к деформации стопы³.

В сентябре 2014-го Михеев предложил расширить статьи о взяточничестве, включив в них получение не только денег, но и нематериальных благ и удовольствий, к примеру продвижение по службе, оказание сексуальных услуг и походы в рестораны за счет подкупающей стороны. Штрафы за нематериальные блага предлагалось ввести от 25 тыс. до 500 млн руб.⁴

¹ <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/v-ingushetii-idet-akciya-ya-negolosoval.d?id=17780446>.

² Двизова Н. Президента попросили за главу // Коммерсантъ (Чебоксары). 15.05.2012. № 85 (4867). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1934103>.

³ Депутат Михеев предложил запретить кеды, балетки и шпильки. 19.06.2014. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/06/19/102079-deputat-miheev-predlozhit-zapretit-kedy-baletki-i-shpilki>.

⁴ В Госдуме предлагают расширить понятие «взятка», добавив секс-услуги и посещение ресторанов. 02.09.2014. URL: <http://www.newsru.com/russia/02sep2014/duma.html> <http://www.newsru.com/russia/02sep2014/duma.html>.

В июне 2016-го Михеев внес в Госдуму законопроект, который предполагает введение уголовной ответственности за «дискредитацию России или ее органов власти». Под этим определением Михеев предлагал понимать «распространение заведомо ложных, неточных или искаженных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении РФ, правовом положении граждан в Российской Федерации». За подобную дискредитацию, если такая статья появится в УК, предлагалось платить штраф до 500 тыс. руб. либо отделяться обязательными работами на срок до 160 часов. За дискредитацию страны, совершенную публично, а равно с использованием СМИ, депутат предлагал ввести штраф до миллиона рублей либо обязательные работы на срок до 240 часов. Если преступление совершено с использованием служебного положения, то виновным предлагалось вменять штраф до двух миллионов рублей либо обязательные работы на срок до 320 часов, а также запрещать занимать «определенные должности» на срок до трех лет. Даже в официальных СМИ было высказано мнение, что такие формулировки крайне расплывчаты и под этот закон можно будет «подверстать» практически любое критическое высказывание в адрес чиновников или страны в целом¹.

11 июля 2016 года было сообщено, что депутат Михеев внес на рассмотрение Госдумы законопроект, который запрещает эксплуатировать интерес к сексу в рекламе. Аргументируя необходимость принятия своей инициативы, Михеев высказал мнение, что сексуальные образы — «пожалуй, самый эффективный и беспроблемный способ привлечения внимания к рекламному сообщению». Он считает, что зачастую в роликах на телевидении, в постерах на страницах газет и журналов женщины предстают «в качестве послушных объектов сексуального желания, то есть как люди второго сорта, подчиненные мужчинам». «Программирование соответствующей модели мировосприятия происходит на бессознательном уровне и в дальнейшем практически не подлежит коррекции», — опасался Михеев. Дополнительным негативным фактором депутат назвал влияние подобной рекламы на безопасность на дорогах. «Наша с вами нервная система устроена так, что мы не можем не заметить яркий сексуальный образ на билбордах или брендмауэрах, на-

ходясь за рулем автомобиля. Потеря бдительности на долю секунды может спровоцировать аварии, в том числе с многочисленными жертвами. Но в погоне за наживой рекламные компании и производители товаров об этом не беспокоятся», — заключил он².

Также в июле 2016-го Михеев внес в Госдуму законопроект, которым предлагалось урегулировать процесс тренировки охотничьих животных — организаторы тренировок должны гуманно обращаться с животными, которых используют в качестве «тренажера»: «Не допускается непосредственный физический контакт между охотничьим животным и объектом животного мира, используемым для тренировки охотничьих животных». В пояснительной записке депутат указал, что сейчас отсутствуют общие требования к тренировке охотничьих животных, и поэтому животные, которые используются в качестве живого манекена для тренировок, получают увечья или гибнут³.

Депутат ЛДПР Роман Худяков (позднее перешедший в партию «Родина») в 2014 году обнаружил, что на купюре в 100 рублей изображена статуя голого Аполлона, половые органы которого депутат счел непристойными, и попросил председателя Центрального банка России Эльвиру Набиуллину сменить дизайн купюры⁴. Однако ЦБ отказал депутату, оставив купюру нетронутой.

Депутат Михаил Дегтярев несколько раз предлагал в России запретить оборот и хранение долларов США (при этом другую иностранную валюту он запрещать не предлагал). Законопроект был внесен в Госдуму 13 ноября 2013 года и отозван в начале 2014-го. Предполагалось дать гражданам России год на право продать доллары со своих счетов, а также реализовать наличные средства. В случае отказа банки должны были продать доллары со счетов граждан по среднему курсу за прошлый год. Ответственности за хранение долларов закон не предусматривал, как и организацию поиска и изъятия наличной американской валюты. В пояснительной записке Дегтярев указал, что

¹ *Верхожанцев В.* За нелюбовь к Родине и чиновникам придется платить. 29.06.2016. <http://svpressa.ru/politic/article/151546>.

² Законопроект о запрете эксплуатировать интерес к сексу в рекламе внесен в Госдуму. 11.07.2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3444248>.

³ Депутат Олег Михеев внес в Госдуму законопроект, которым предлагается урегулировать процесс тренировки охотничьих животных. 07.07.2016. URL: <http://www.ohotniki.ru/archive/news/2016/07/07/646303-deputat-oleg-miheev-vnes-v-gosdumu-zakonoproekt-kotoryim-predlagaetsya-uregulirovat-protsess-trenirovki-ohotnichih-zhivotnyih.html>.

⁴ *Берец С.* Депутат Худяков спасает детей от наготы Аполлона. 08.07.2014. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140708_russia_money_design.

эмиссия долларов обеспечена рискованными ценными бумагами Казначейства США, а при сохранении темпов роста государственного долга Соединенных Штатов их дефолт может произойти уже в 2017 году. Предложенные Дегтяревым меры ограничения хождения доллара не распространялись на ряд государственных ведомств, в том числе правительство, Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Службу внешней разведки, ФСБ и Федеральное казначейство. Помимо американской валюты Дегтярев в 2013 году предлагал запретить автосигнализацию, а также ограничить доверие для гомосексуалистов¹.

В июле 2014-го Дегтярев предложил переименовать области и районы в губернии и уезды. Применение таких названий территориальных единиц депутат счел логичным в период политического и экономического возрождения страны². Также Дегтярев предложил перекрасить Кремль в белый цвет. По его мнению, образ белокаменного Кремля станет символом приоритета норм нравственности в повседневной жизни наших граждан и правителей в противовес моральному упадку в странах западной цивилизации³. В июле 2013 года Дегтярев внес законопроект, по которому предлагал предоставлять работающим женщинам два дополнительных выходных дня в месяц в «критические дни»⁴.

Владимир Жириновский 12 марта 2014 года предложил убрать букву «ы» из русского алфавита. «Убрать эту букву гадкую, это азиатчина, нас за это не любят в Европе... Это от монгол к нам пришло, ни в одном европейском языке буквы «ы» нет. Гортанный звук, это звери так говорят: «ы-ы». «И» — все, достаточно», — сказал Жириновский. Он отметил, что дети также не выговаривают букву «ы». У меня был сын маленький еще, «ы» дети не могут выговаривать. Говорит: «Папа, папа, там мишка». Я думаю, какой мишка? Медведь что ли? Оказывается, мышь», — сказал Жириновский⁵. И т.д. и т.п.

¹ Дегтярев отозвал законопроект о запрете долларов в России. 16.01.2014. URL: <https://lenta.ru/news/2014/01/16/back/>.

² В Госдуме решили вернуть губернии и уезды. 21.07.2014. URL: <https://lenta.ru/news/2014/07/21/uezdy/>.

³ Депутат Госдумы предложил перекрасить Кремль. 16.09.2014. URL: <https://lenta.ru/news/2014/09/16/kremlin/>.

⁴ Женщинам могут предоставить дополнительный отпуск в «критические дни». 29.07.2013. URL: <https://ria.ru/society/20130729/952749242.html#ixzz2cQVBmni>.

⁵ Жириновский предложил убрать букву «ы» из алфавита. 12.03.2014. URL: <https://ria.ru/society/20140312/999111770.html>.

Приведенные выше различные примеры проявлений электорального популизма в России в 1990–2010-е годы помимо указанных различий по тем, кем они применяются (властью или оппозицией), а также по сути технологий (обещания, угрозы, демонстративные действия) применялись и в 1990-е, и в 2000-е, и в 2010-е, однако интенсивность тех или иных проявлений существенно отличалась. Наиболее стабильно массовым и в целом однообразным был популизм обещаний со стороны власти, обещать построить, открыть, профинансировать и т.д. было принято и в 1990-е, и сейчас. Различия в этом вопросе касаются стиля подачи подобных обещаний — если в 1990-е это был скорее «народный популизм», где обещания часто давались в общении с самими избирателями и нередко в неформально-афористичной форме (знаменитое ельцинское «берите суверенитета столько, сколько можете переварить»), то в 2000–2010-е даже популизм обещаний стал в целом довольно технократичным и сухим. Его аудитория — чаще актив в зале, чем народ на митинге, подается он нередко в виде таблиц с цифрами, планов и графиков, что, видимо, призвано убедить избирателей в бюрократической реалистичности обещанного.

Также названные технологии имеют еще и определенную временную локализацию. Популизм угроз имел явные пики в 1996 году (негативная мобилизация на угрозе реставрации советских порядков), затем после акций протеста осени 2009-го, связанных с обвинениями в массовых фальсификациях, на 2010–2011 годы приходится пик проявлений популизма «угроз прихода криминала во власть», что было «асимметричным» ответом оппозиции на разоблачения фальсификаций. После акций протеста зимы 2011–2012 годов популизм «угроз прихода криминала во власть» почти целиком замещается популизмом «угрозы со стороны пятой колонны» и «противников нравственных ценностей». После фактического разгрома системной оппозиции и ее де-факто нового союза с властью на фоне «посткрымского консенсуса» с середины 2014-го потребность широкомащштабных информационных войн против парламентской оппозиции фактически отпадает, и в 2015–2016 годах редкие всплески популизма угроз касаются лишь ослабевшей «несистемной» оппозиции.

Популизм демонстративно разыгранных действий в 1990-е — это обычно публичный разнос подчиненных, увольнения нерадивых

чиновников, что лишь подчеркивало харизматический стиль руководителей 1990-х как сильных лидеров. В 2000-е это уже редкость, и популизм демонстративно разыгранных действий с тех пор почти всегда скорее демонстративное немедленное выполнение некой обращенной к чиновнику просьбы. Все чаще это уже не массовые встречи с избирателями, а общение с помощью средств коммуникации.

Пик социального популизма оппозиции — это, с одной стороны, кризисное начало 1990-х и период массового обнищания населения, с другой — 2005–2007 годы — период после монетизации льгот в условиях растущих доходов бюджета на фоне высоких цен на энергоносители. В дальнейшем оппозиционный социальный популизм словно стабилизируется и никаких ярких всплесков в нем не происходит. Как новое слово можно рассматривать лишь «антикоррупционный популизм», самым ярким представителем которого стоит считать Алексея Навального (его предтечей в значительной степени можно назвать доклады Бориса Немцова). Роль данного «антикоррупционного популизма» постоянно растет после 2011 года, а публикуемые доклады-разоблачения становятся главными информационными событиями.

Особенность российских выборов: чем ниже явка, тем выше роль электорального популизма, так как низкая явка в России практически всегда — это явка наименее обеспеченных, наиболее социально зависимых, одновременно наиболее возрастных и наименее образованных групп избирателей.

Подобные категории избирателей имеют наименьшую способность к самостоятельному критическому анализу обещаний кандидатов и партий, наиболее чувствительны к прямым обещаниям тех или иных социальных благ, простым ответам на сложные вопросы. Особенно обозначилась тенденция на снижение явки начиная с 2013 года, когда вместо двух дней голосования (в марте и октябре) был введен единый избирательный день во второе воскресенье сентября. В результате подавляющее большинство выборов 2013–2016 годов устанавливает местные рекорды по низкой явке на тех или иных видах выборов. К примеру, на выборах губернатора

Архангельской области 13 сентября 2015 года явка избирателей составила лишь 21% (самый низкий результат для губернаторских выборов за всю новейшую историю выборов в России)¹.

В то же время электоральный популизм (особенно оппозиционный) на российских выборах во многом носит институционально-вынужденный характер и является прямым и неизбежным следствием той конституционной модели, которая была сформирована в стране в 1993 году.

Парламент в стране фактически не влияет на формирование правительства, точно так же региональные парламенты почти никак не влияют на формирование региональных администраций (в 2000–2010-е годы большинство региональных парламентов имеет право согласования лишь на должность первого заместителя губернатора), а местные советы — на формирование местных администраций (в конкурсных комиссиях, отбирающих кандидатов в главы местных администраций, с 2015 года доля назначенцев региональной власти повышена с трети до половины). В условиях отсутствия обладающих реальной властью представительных органов существование партий лишается реальной мотивации в глазах граждан. В таких условиях заведомой невозможности реализации партиями своих программ через победу на выборах межпартийная конкуренция превращается из борьбы идей и программ просто в борьбу за набор парламентских должностей и мандатов (фактически — в борьбу за удовлетворение личных амбиций кандидатов), а программно-идеологическое противостояние (а следовательно, и выражение партиями интересов тех или иных групп избирателей) приобретает имитационный характер. Заведомо невыполнимые обещания, ложные угрозы и предвыборный эпатаж становятся неизбежным, а часто единственным содержанием предвыборной агитации. Во многом, как представляется, именно следствием такой специфически ограниченной конкуренции за места в институционально ослабленных органах являются не только массовый электоральный популизм, но столь же массовое недоверие граждан к политическим партиям, которое уже длительное время фиксируют все опросы общественного мнения.

¹ Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам-2016: региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015.

Путин — популист на фоне западных лидеров

Предварительные замечания

Как отметил Пьер-Андре Тагиев (Pierre-André Taguieff) в статье о популизме в *Encyclopaedia universalis*, слово «популизм», по крайней мере с 1990-х годов, приобрело полностью отрицательный смысл и стало в какой-то мере жертвой собственной популярности.

Здесь нужно сделать важную для нашего сюжета ремарку, касающуюся истории этого слова. Если в русском языке существует различие между *народниками* (которые связаны с «хождением в народ» в 1860–1870-е годы) скорее с положительной коннотацией и *популистами* с отрицательной и, стало быть, между *народничеством* и *популизмом*, то во французском, а также в итальянском и, кажется, английском языках имеется лишь одно слово (*populisme, populismo, populism*), которое применяется как к движениям XIX века, так и к современным. И потому французским авторам, стремящимся определить этот термин, приходится соединять русское народничество, французских популистских писателей (то есть тех, чьи герои — «простые люди» из народа), движения и режимы в Латинской Америке, современные протестные движения (Ле Пен во Франции или Беппе Грилло в Италии). Вследствие этого попытки построения типологий нередко оказываются мало убедительными (как подчеркивает Эрнесто Лаклау [Ernesto Laclau]) и имеют, как мне представляется, ограниченную эвристическую ценность. Сталкиваясь с все более негативным использованием этого определения, которое — обоснованно или безосновательно — служит тому, чтобы скомпрометировать, лишить легитимности те движения, которые правители или элиты, политические или экономические, считают не имеющими разумных оснований, некоторые аналитики справедливо подчеркивают, что такое использование термина «популистский» направлено на то, чтобы сделать единственно приемлемым *main stream* современной либеральной политики. Можно было наблюдать такое чисто полемическое использование термина «популизм» во время недавних президентских выборов во Франции (май 2017-го), когда всех кандидатов, от Ле Пен

до Меланшона, но также Фийона, Амона и Макрона, их противники обзывали популистами, и надо заметить, что, действительно, та или иная черта, обычно приписываемая популистам, была им присуща. Мы еще вернемся к этой проблеме.

Я полагаю, можно действовать иначе: не исходить из определения популизма или идеального типа популистского лидера, чтобы затем рассматривать тех, кто ему соответствует, но посмотреть, существуют ли у лидеров, которых считают популистами, общие черты. Это немного похоже на то, как Ханна Арендт строила свою концепцию тоталитаризма на основе анализа двух режимов — гитлеровского и, в меньшей степени, сталинского. Но мое намерение гораздо скромнее: я хотел бы рассмотреть вопрос о том, существуют ли такие черты у Владимира Путина и его режима, которые сближают его с другими популистскими лидерами. Чтобы совершить это сравнение наименее сложным способом, я ограничился политиками, находящимися у власти (что исключает из рассмотрения все протестные движения, левые или правые, например во Франции Жана-Люка Меланшона слева и Марин Ле Пен справа).

Еще одно уточнение: строгости ради, нужно было бы составить исчерпывающий список различных черт, свойственных политическим деятелям, взятым для анализа, и затем посмотреть, какие черты совпадают. Однако такая работа была бы слишком трудоемкой и вышла бы за рамки статьи. Поэтому я брал за основу те черты, которыми наделяют популистских политических деятелей разные авторы, независимо от их взглядов.

В конечном счете я остановился на политических лидерах, именуемых популистскими, которые управляли двумя западными странами, известными мне лучше прочих: это Франция и Италия — Саркози и Берлускони. Очевидный недостаток данного выбора в том, что ни один, ни другой не находятся в данный момент у власти (и имеют мало шансов на это в будущем), однако для нашего сопоставления, как мне представляется, это не слишком серьезный недостаток.

Изначально наши три политика (Берлускони, Путин, Саркози) политических деятеля имеют между собой мало общего, за исключением того, что все они учились праву, однако можно усомниться, что обучение на факультете права оказало серьезное влияние на кого-либо из них. Перед нами офицер КГБ, совершивший головокружительный карьерный подъем, минуя избирательные урны, преуспевающий предприниматель (Берлускони — один из богатейших людей Италии), «магнат», как он сам себя называет, глава империи средств массовой информации, поздно пришедший в политику (партию Forza Italia он создал в возрасте 58 лет и в результате выборов получил пост премьер-министра в 1994-м), и, наконец, Николя Саркози, который уже в возрасте 28 лет (в 1983 году) стал мэром города Нёйи в богатых пригородах Парижа и, согласно своему собственному признанию, постоянно думал о том, чтобы занять пост президента¹.

Конечно, те рамки, в которых действовали эти персонажи, не могли не оказать влияния на их манеру поведения, поступки, жесты, дискурсы и в общем на их политическую культуру.

Авторитарный режим, постоянно усиливаемый Путиным, весьма отличен от демократии парламентского типа в Италии или президентского во Франции. Прошлое страны также во многом детерминирует дискурсы не только потому, что те сформированы данным прошлым, но и потому, что они должны обращаться к населению, которое и само является носителем прошлого. Так, если Путин может с успехом апеллировать к имперскому прошлому России и ее статусу великой державы, то попытки Саркози, идущие в том же направлении, не имели успеха, а Берлускони никогда и не пытался идти этим путем, оставив римских орлов в покое. В поисках необходимого ему врага Путин назвал врагами России и ее народа Запад и его прислужников внутри страны («иностранные агенты»); Саркози, более или менее завуалированно, присвоил эту роль иммигрантам; Берлускони — брюссельским бюрократам и коммунистам (несмотря на их исчезновение в Италии).

Мы наблюдаем одну и ту же схему в разных контекстах: враг атакует сами основы жизни страны, X (Путин, Берлускони, Саркози) выступает как гарант сопротивления, первый борец во главе народа против врага (который

может действовать открыто, но чаще всего — тайно).

Из особенностей политических режимов между этими тремя странами следует одно главное различие, которое порождает дополнительную трудность: авторитарная и недемократическая природа политического режима России делает возможным более значительный, нежели в Италии и во Франции, разрыв между речами политиков и их действиями. Если взять в качестве примера отношение к праву и аппарату судопроизводства, можно утверждать, что Саркози и Берлускони часто подвергаются нападкам судей (Саркози изобличает действия судей как направленные против него лично, Берлускони именуется их коммунистами и т.д.). Напротив, Путин (в отличие от популистов Берлускони и Саркози) каждый раз тщательно подчеркивает независимость судопроизводства — как настоящий демократ, озабоченный разделением властей. Но проблема в том, что в России ни один следователь или прокурор никогда бы не осмелился открыть расследование, касающееся Путина. Более того, ни для кого не тайна, что «телефонное право» функционирует в России, как в советские времена. Ни один из трех рассматриваемых лиц не подвергает сомнению законодательную власть (даже если Саркози и Берлускони пытаются обойти ее путем публикации декретов), но это имеет весьма различный смысл, если сравнить Францию и Италию с одной стороны и Россию с другой. Саркози и Берлускони знают, что нападки на Конституцию будут для них политическим самоубийством, тогда как у Путина нет оснований беспокоиться о полностью послушной ему Думе, разве что иногда умирять ее пыл, когда она стремится быть более роялистской, чем сам король. Иначе говоря, мы видим у всех трех политических деятелей тенденцию к авторитаризму, причем двое вынуждены противодействовать институтам, чья роль заключается и в том, чтобы ограничивать их власть, тогда как третий существует в уже реализованной авторитарной системе и ограничивается лишь видимостью уважения к демократическим правилам (то, что Дмитрий Фурман называл имитационной демократией, свойственной большинству государств, возникших при распаде Советского Союза).

Можно предложить список черт, чаще всего приписываемых популистским лидерам, и посмотреть, какие из них мы видим у одного, двух или трех лидеров.

По определению, политический деятель у власти принадлежит к политической элите

¹ 20 ноября 2003 года журналист Ален Дюамель спросил у Николя Саркози: «Думаете ли вы о президентских выборах, [...] когда брестесь по утрам?» «И не только, когда брестесь», — ответил Саркози.

	Путин	Саркози	Берлускони
Употребление термина «народ»	Да	Да	Да
Своя прямая связь с народом	Да	Да	Да
Противостояние элитам	Да	Да	Да
Я – человек из народа (я такой, как вы)	Да	Да	Да
Провиденциальность, я – спаситель страны	Да	Отчасти	Да
Защита народа от элиты	Да	Да	Нет
Защита страны и народа от врагов	Да	Да	Да
Пренебрежение к институтам	Нет (на словах)	Отчасти	Отчасти
Повышенное внимание к общественному мнению (к опросам)	Да (в первые годы)	Да	Да
Своя исключительность среди других политиков	Да	Да	Да
Политически некорректность. Говорит, что думает сам и что думает народ	Да	Да	Да
Национализм	Да	Да	Да
Использование личной жизни и биографии	Отчасти	Да	Да
Вирильность, мачизм	Да	Отчасти	Да
Спорт	Да	Отчасти	Нет
Демагогические обещания	Нет	Отчасти	Да
Авторитаризм	Да	Да	Отчасти
Приверженность к традиционным ценностям народа	Да	Отчасти	Отчасти
«Убирайтесь», замена всех старых и гнилых элит*	Да (в первые годы)	Нет	Нет

* Конечно, будучи у власти, никто из них не выдвигал это требование, но они его не употребляли и для прихода к власти. Здесь они сильно отходят от обычного образа популиста: действительно, такие лидеры, как Беппе Грилло (лозунг его движения «5 звезд» – *Vattene*, то есть убирайтесь) или Савиани в Италии, Навальный в России и почти все кандидаты на пост президента во время недавних выборов во Франции, в первую очередь Ле Пен, Меланшон и Макрон, постоянно к нему прибегали.

страны. Это ставит перед популистским лидером задачу казаться, несмотря на его положение, одновременно и руководителем страны (и даже человеком провиденциальным, «спасителем народа»), и человеком из народа или, во всяком случае, настроенным на одну с ним волну. Чтобы этого достичь, сами по себе такие действия не годятся, потому что они неминуемо будут действиями правителя; значит, нужно действовать путем построения образа себя как «человека из народа» (если воспользоваться заглавием «автобиографии» Мориса Тореза, которая преследовала в точности ту же цель). Анализ построения этого образа и будет главной моей целью в сравнительном анализе.

Биография

Несомненно, что именно Путин с наибольшей тщательностью построил свой образ «обычного советского человека»: его отец работал на предприятии, выпускавшем вагоны метро, его родители пережили блокаду Ленин-

града, сам он был «дворовым мальчиком», которого спасли занятия спортом, и т.д.¹ Двум другим персонажам было труднее осуществить подобную операцию. Однако Берлускони, рассказывая о себе, повествует историю жизни человека, который сам себя создал (*self made man*), сам добился успеха и стал, при всей своей специально подчеркиваемой исключительности, примером для любого итальянца, реализацией мечты мелкого предпринимателя из северной Италии.

Язык

Все трое произвели впечатление на умы своими способами выражаться, далекими от гладкого языка, который обычно используют политические деятели. Две такие формулы остались неразрывно связанными с ними: это «мочить в сортире» Путина и «вали отсюда п...» Саркози в обращении к манифестанту. Берлу-

¹ От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000.

скони тоже не скупился на язык этого типа, что имеет ясный смысл: я не такой, как другие политики, я говорю без обиняков, на языке народа. Однако стоит отметить, что, если «мочить в сортире» упрочило популярность Путина, то с Саркози произошло обратное, его «имидж» был скомпрометирован, так как французы требуют, чтобы президент не говорил на языке улицы, — газеты взывали к теням великих предков, двух мастеров литературного языка, Де Голля и Миттерана.

Культура

Даже если время от времени Путин любит цитировать русских классиков (как, например, знаменитое стихотворение Тютчева «умом Россию не понять», правда, заменяя при этом, и весьма красноречиво, «можно только верить» на «надо только верить») или даже давать урок русской литературы, как на недавней «прямой линии» (июнь 2017-го), он неоднократно подчеркивал свою принадлежность к поп-культуре (вспомним его музыкальные выступления). Более того, можно сказать, что его способ показывать знание классики также принадлежит к среднему культурному уровню, что является знаком советской культуры (следуя определению, которое дал ей Борис Дубин). Совершенно так же обстоит дело и с Берлускони, патроном канала 5 и других, которые открыли двери программам, потакающим самым низким вкусам публики. Сам политик в юности пел на прогулочных пароходах и поныне любит петь на публике. Саркози реже проявлял любовь к пению, однако и он неоднократно пытался показать близость к вкусам «простых людей», например впервые сфотографировался с новой подружкой и ее сыном от первого брака во время их визита (частного, но в сопровождении фотографов) в Диснейленд в пригороде Парижа.

Тело (спорт, секс, мужественность)

Демонстративный показ своего тела не практиковался политиками ни во Франции, ни в Советской России, ни в послевоенной Италии. В различной степени и различными способами три наших персонажа играют образами своего тела (физического, а не политического, если вспомнить различие, установленное Э. Канторовичем¹). Это наиболее характерно для Владимира Путина, который с самого начала отчасти обязан своей популярностью спор-

тивной выправке, старательно противопоставляемой образу предшественника — больного старика-алкоголика. Нет нужды напоминать об обошедших весь интернет фотографиях Путина с обнаженным торсом на лошади, Путина на рыбалке, Путина, ныряющего в поиске древних амфор, Путина, летящего во главе стаи стерхов и др. Тем самым Путин демонстрировал, что он не только «свой мужик», но еще и «настоящий мужик», в том числе и в сексуальном смысле. И в самом деле, даже если он, в отличие от Берлускони, не хвастается своими сексуальными подвигами, он намекает, что у него «все в порядке», и нередко отпускает «мужские» шуточки (например, по поводу президента Израиля), которые, помимо других доблестей, являются политически некорректными, следовательно, могут соблазнить часть публики. В меньшей степени свое тело выставляют напоказ его протагонисты: у Берлускони это рассказы о сексуальных подвигах, а у Саркози — джоггинг в шортах. Отметим важное различие. У Саркози сам факт бега по улицам Парижа (или Нью-Йорка) и разрешение снимать это на пленку имеет целью скорее десакрализацию функции президента республики, а у Берлускони выставление напоказ предполагаемых качеств «настоящего итальянца» должно демонстрировать, что Берлускони — это как бы Италия в превосходной степени. Выставление напоказ своего тела Путиным преследует другую цель (по крайней мере при двух первых сроках), а именно — героизацию (007, супермен?).

Аутентичность, идентичность и защита от врагов

Итак, все трое предстают как подлинно русский, итальянец и француз и гордятся этим. Они — или настоящие выходцы из «коренного» народа (или в случае Саркози, сына эмигранта, он полностью разделяет его ценности и вкусы). Так, Берлускони участвовал в телевизионном клипе, демонстрировавшем красоты Италии — «волшебной страны», а Саркози в большой прочувствованной речи, заимствуя стиль Мориса Барреса, представлял Францию как уникальную, благословенную страну:

«За несколько дней до конца этой кампании [президентских выборов 2007 года], во время которой столько говорилось о Франции, я хотел приехать сюда, в Лотарингию, на эту землю, израненную историей, давящую Франции столько великих французов, на эту землю, где так любили Францию, с такой отвагой сражались за Францию, где так желали быть французами.

¹ Канторович Э. Два тела короля. М., 2014; Kantorowicz E. The King's Two Bodies. Princeton, 1957.

Лотарингия — это земля, дважды священная, так как она была освящена кровью своих детей, пролитой за Францию, и тем самым кровью миллионов французов, пролитой за ее освобождение. Лотарингия — это та священная земля, где молиться Богу или молиться Франции — одно и то же. «Отче наш на Небесах, сколько времени еще нужно, чтобы царствие твое наступило в королевстве французском», — говорила в мистерии Шарля Пеги Жанна д'Арк, уроженка Лотарингии, которая однажды возглавила освобождение Франции. И на вдохновленном Сионском холме [Сионский холм на востоке Франции, который Баррес превратил в своем романе «Вдохновенный холм» в мистическое место] Баррес молился — в одном и том же душевном порыве — Богородице, Лотарингии и Франции и написал для молодой Франции роман, полный энергией нации.

Для меня Лотарингия, которая была закрытым полем сражений франков и германцев, — это священная земля, где Франция зовется Жанной д'Арк, где она — религия.

Для меня Лотарингия — это тот народ, который десять веков спустя должен был выбирать между Францией и Германией и выбрал Францию»¹.

Что касается Путина, то он часто говорит об уникальности России и ее величии. Так что мы находим в националистических речах модуляции, связанные с различием историй и публики, к которой обращены речи. Если Берлускони видит в Италии прежде всего страну, где люди умеют хорошо жить, где умелый, предприимчивый народ творит красоту и богатство, если для Саркози Франция есть страна универсальных ценностей, которая в свое время провозгласила и защитила их, но также и страна католицизма, то для Путина, как мне представляется, Россия, прежде всего, великая держава, которая смогла одолеть врагов, спасти себя и заодно все человечество.

Однако все три персонажа проводят более или менее четкую границу между аутентичным народом и населением страны. Это ясно видно в постоянном утверждении идентичности. Так, в 2007 году Саркози создал Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и развития на основах солидарности. Легко расшифровать смысл соположенности этих нескольких слов. Имеет место иммиграция как потенциальная угроза разрушения национальной идентичности (тема, близкая Национальному фронту Марин Ле Пен), и лишь интеграция может уменьшить эту угрозу. Не-

¹ <http://discours.vie-publique.fr/notices/073001514.html>.

обходимо уточнить, что данную инициативу бурно критиковали, особенно историки, и что в конечном счете министерство было расформировано в 2010 году.

Корни этой идентичности уходят вглубь истории страны (к истории часто обращаются и Путин, и Саркози, гораздо реже — Берлускони) и в ее традиции. У всех троих чисто националистический способ рассуждений: страна с самого начала обладает всеми качествами, которые определяют ее идентичность и делают ее уникальной (эссенциалистская и глубоко историческая позиция, присущая всем националистическим дискурсам); задача нынешнего поколения в том, чтобы сохранить в неприкосновенности это наследие, защитить его от вредных влияний извне, укрепить фундамент, на котором стоит страна. Вновь отмечу, что такое видение не является четко эксплицитованным, однако лежит в основе многих дискурсов, впрочем, чаще у Путина и Саркози, чем у Берлускони. Подтверждение идентичности осуществляется чаще всего посредством подтверждения христианских ценностей. Недавно, в канун православного Рождества 2016 года (то есть в январе 2017-го), Путин поздравил с Рождеством всех тех, кто его праздновал, следующими словами:

«Рождественские дни озаряют нашу жизнь особой радостью, пробуждают самые добрые чувства, обращают нас к духовным истокам и традициям. Это время благих помыслов и дел, искренней заботы о ближних и о тех, кто нуждается в помощи и поддержке. Огромную, поистине уникальную роль в возрождении высоких нравственных, моральных ценностей, сбережении нашего богатейшего исторического и культурного наследия играет Русская православная церковь, другие христианские конфессии. Они многое делают для гармонизации межнационального и межрелигиозного диалога, сохранения в нашей стране гражданского мира и согласия. Желаю православным христианам, всем гражданам России, празднующим Рождество Христово, здоровья, успехов, благополучия»².

Со своей стороны, Саркози ссылаясь на связь Франции с католической церковью в речи в базилике Сан-Джованни ин Латерано в Риме 20 декабря 2007-го:

«Прибыв сегодня вечером в базилику Сан-Джованни ин Латерано и приняв титул почетного каноника этой базилики, который впервые

² http://www.1tv.ru/news/2017-01-07/317417-vladimir_putin_russkayapravoslavnaya_tserkov_i_drugie_hristianskie_konfessii_igrayut_ogromnyu_rol_v_zhizni_obschestva.

был дан Генриху IV и с этого момента передавался почти всем руководителям французского государства, я полностью беру на себя ответственность за прошлое Франции и ту особую связь, которая в течение долгого времени связывала нашу нацию с церковью. Именно через крещение Хлодвига I Франция стала старшей дочерью церкви. Об этом говорят факты. Превращение Хлодвига I в первого христианского правителя — это событие, которое имело важные последствия для судьбы Франции и для христианизации Европы... Помимо этих исторических фактов Франция поддерживает с апостольским престолом особенную связь также и потому, что христианская вера проникла вглубь французского общества, его культуры, пейзажей, способа жизни, архитектуры, литературы. Корни Франции в сущности христианские»¹.

Берлускони в драматических обстоятельствах предстал как «защитник» семейных и христианских ценностей, выступив против прекращения искусственного поддержания жизни женщины, находившейся в состоянии комы уже долгие годы.

Популистским лидерам всегда приписывают прямой контакт с народом. Они выступают как его первые защитники. Они защищают его от внешнего врага и в этом не отличаются от других политических лидеров, их специфичность — в той значимости, которую они придают или делают вид, что придают, врагу внутреннему, который чаще всего находится в связи с врагом внешним. Как уже было отмечено, Путин с самого начала обещал защищать русский народ от террористов (вооружаемых и подстрекаемых извне), затем от врагов с Запада и их агентов внутри страны. Берлускони изобличал то «коммунистов», то брюссельских бюрократов. Применительно к Саркози это менее заметно, однако из речей об иммиграции можно понять, хотя это прямо и не говорится, что та представляет собой опасность. Очевидно, что, по крайней мере, для двух лидеров враг и изобличение врага необходимы для образования того аутентичного народа, который их поддерживает, с которым они находятся в симбиозе и совершенно естественно общаются. Но в одном, как мне кажется, Путин *отличается* от двух других лидеров и скорее сравним с такими популистами, как Дональд Трамп или Уго Чавес (или, если обратиться к лидерам популистской оппозиции, Марин Ле Пен во Франции

или Беппе Грилло в Италии). Речь идет о защите «подлинного народа», простых людей, от «элит» или от «олигархов». Лучший пример — защита Путиным под камерами телевидения обитателей Пикалёва, находящихся в конфликте с Олегом Дерипаской, и знаменитая фраза «ручку верните!». Однако можно назвать и другие примеры: публичный разнос нерадивых губернаторов, которые не занимаются судьбой обитателей своих областей, и обещания, даваемые Путиным в телевизионном эфире во время «прямых линий», заняться той или иной конкретной ситуацией, защитить подавшего жалобу человека от произвола бюрократов.

В этом, конечно, можно видеть традицию русского «добротного царя» и плохих бояр или хорошего Сталина и плохих местных управленцев, однако я вижу в этом скорее классическую популистскую процедуру: харизматичный лидер вместе с народом противостоят элите.

Народ и я. Телепопулизм

В качестве средства прямой коммуникации с народом нашим трем протагонистам служит телевидение. Берлускони и в меньшей степени Саркози прибегали также к многолюдным митингам как средству коммуникации с народом, но даже в этом случае собрание приобретало подлинный смысл лишь при посредстве телевидения. Это последнее — в гораздо большей степени, чем социальные сети, которые станут использоваться следующим поколением, — занимает центральное место, и все три лидера в этом деле профессионалы. Берлускони так вообще является собственником медиахолдинга «Фининвест», а Саркози рассчитывал свои выступления так, чтобы они открывали вечерний телевизионный журнал. Телевидение в отличие от социальных сетей строит прямое отношение не между мной-обывателем и правителем, но между нами-обывателями и правителем, и это отношение для него необходимо, потому что оно служит одним из источников его легитимности (даже если выборы играют решающую роль, по крайней мере, для Саркози и Берлускони). Телевидение позволяет изобразить единение с народом, особенно для Путина (Берлускони и Саркози много использовали ток-шоу): при помощи «прямой линии» наглядно строится общность россиян, чьи проблемы и трудности Путин или разрешает, когда этого требует справедливость, или отбрасывает, когда просьбы не обоснованы.

Для наглядности привожу два отрывка из последней «прямой линии» (15 июня 2017 г.):

¹ http://www.lemonde.fr/politique/article/2007/12/21/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-salle-de-la-signature-du-palais-du-latron_992170_823448.html.

Первый отрывок:

«**Н. Калинина:** Здравствуйте!

Уважаемый Владимир Владимирович, обращается к Вам жительница Забайкальского края Оловянинского района Калинина Наталья Александровна. 29 апреля 2015 года у нас полностью сгорело село Шивия. На данный момент я осталась без жилья.

Нам предоставляли жилье, но оно непригодно для проживания. У меня на руках маленький ребенок, я мать-одиночка. Куда я только ни обращалась, но все инстанции занимают только отписками. Наша районная администрация только разводит руками.

Дочке в этом году идти в первый класс, а у нас нет прописки. Проживаем мы в старом заброшенном доме. Владимир Владимирович, будьте добры, помогите, пожалуйста, получить новое нормальное жилье.

Огромное Вам спасибо. Храни Вас Бог.

В. Путин: Наталья Александровна, не отключайтесь, пожалуйста. Это какая область?

Н. Калинина: Оловянинский район, Забайкальский край.

В. Путин: Забайкальский край? Странно.

Забайкальский край, действительно, — это пожары 2015 года, лето 2015 года, и мы полностью выделили федеральные деньги на то, чтобы обеспечить людей жильем: те семьи, которые пострадали.

Я не помню сейчас точную цифру, но, по-моему, это чуть больше полумиллиарда, 300 с лишним миллионов выделялось как раз на решение жилищных проблем, и эти деньги должны были пойти именно на приобретение жилья либо на строительство нового жилья для таких семей, как у Натальи Александровны.

Там новый губернатор. Правда, она пришла уже на следующий год. Но я ее попрошу с этим разобраться, обязательно попрошу разобраться прокуратуру: где деньги, как они были израсходованы. Но в любом случае, Наталья Александровна, Вашу проблему мы решим. Это обязанность государства, это были наши обещания обеспечить всех людей жильем, тех, кто пострадал от пожара. И мы это сделаем...»

Второй отрывок:

«**М. Акинченко** (журналист): Валентина, я знаю, что Вам обещали материальную помощь, поддержку, чтобы Вы сделали или ремонт, или новое жилье. Я смотрю, Вы здесь ничего не делаете. Почему? Вы сейчас можете рассказать об этой проблеме главе государства. Президент Вас сейчас видит и слышит. Расскажите о Вашей проблеме.

После краткого репортажа из села Краснокумское Ставропольского края, пострадавшего от наводнения, дают слово одной из пострадавших:

В. Саковская: Здравствуйте, уважаемый Владимир Владимирович. Рассказывать особо нечего, могу Вам это показать. Помощи пока от государства никакой нет. Трескаются стены, садится потолок, всё это осыпается, трескается. Трещины у нас сквозные, дом лопнул полностью весь, со всех сторон у нас трещины.

Мы ждем сейчас комиссию, ничего не можем сделать, потому что мы ждем комиссию. Но, пока мы не оплатим архитектурные 6000, комиссия не придет. И также нам нужно заплатить по 1800 за справки в МФЦ о том, что у нас больше нет жилья. Но, так как у нас четверо собственников, мы дом покупали на материнский капитал, то есть сумма очень большая, почти около 15 тысяч. Что делать — мы не знаем. Мы живем у друзей, дети — в разъездах, у меня трое детей. Это мой младший, единственный со мной ребенок остался. Вот мои дети: дочка в санатории находится, сын — у кумовьев. Но на сколько — я не знаю. Пока лето — хорошо, у друзей, а осень, зима? Что делать, мы, честно, не знаем.

В. Путин: Понятно.

В. Саковская: Надеемся, что, может быть, Вы поможете чем-то.

В. Путин: Валентина, то, что Вы мне сейчас сказали, очень странно, вообще не укладывается у меня в голове. И я хочу спросить: Вам 10 тысяч выплатили? 50 тысяч — за частично утраченное имущество?

В. Саковская: Нет, выплат до сих пор нет.

В. Путин: Вообще никаких?

В. Саковская: И я не одна такая. Нет, помощи никакой не было.

В. Путин: Это очень странно, потому что Федерация свои деньги, необходимые для поддержки пострадавших семей, перечислила в Ставропольский край. И я хочу задать вопрос своему двойному тезке, губернатору Ставропольского края. Владимир Владимирович, где деньги? Первое.

Второе. Хотел бы попросить Генеральную прокуратуру проверить, как идет эта работа.

В-третьих, то, что с Вас пытаются собрать какие-то деньги архитектурные ведомства или за получение каких-то справок — это полная чушь.

Должны быть выплачены 10 тысяч на прямую оперативную поддержку, 50 тысяч должно быть выплачено за частичную утрату имуще-

ства, 100 тысяч — за полную утрату имущества. Все остальные справки должны собираться муниципальными, городскими и региональными властями бесплатно, без того, чтобы перекладывать эту нагрузку на Вас. Мы же для того предусмотрели и 10 тысяч, 50, 100 тысяч, чтобы помочь людям, а не брать с них эти деньги назад. Это какой-то бред просто. Мы обязательно с этим разберемся, я Вас уверяю.

В. Саковская: Спасибо Вам большое.

В. Путин: Надеюсь, что Владимир Владимирович уже сегодня у вас побывает.

В. Саковская: Надеемся.

В. Путин: Пусть посмотрит, разберется.

Т. Ремезова: Спасибо большое, будем ждать реакции».

Общий рисунок просматривается достаточно легко. Несчастные и беззащитные жертвы стихий и бюрократов обращаются к последнему своему защитнику, и не зря. Президент, конечно, в курсе природных бедствий, и он (государство) принял нужные меры. Виновата местная власть, и она в лице конкретного губернатора должна будет отвечать и перед президентом («мы обязательно с этим разберемся») и судом («обязательно попрошу разобраться прокуратуру»). Но слово государства (Путин) не может быть нарушено («это были наши обещания... и мы это сделаем»).

Можно во всем этом видеть популизм, оснащенный современными техническими средствами, но мне, как всякому, кто учился в давние времена во французской школе, видится другая картинка из учебника 2-го класса: Людовик IX (Святой Людовик, король Франции с 1226 по 1270 год) восседает, как пишет летописец, под дубом в венсенском лесу (bois de Vincennes), неподалеку от своего замка, и всяк может подойти, изложить жалобу и получить справедливое решение. Так что еще открыт вопрос, чего здесь больше — популиста или монарха.

Постоянная потребность в популярности как один из источников легитимности объясняет ту одержимость опросами общественного мнения о своей популярности, которая свойственна всем трем лидерам. (Где как не здесь вспомнить атаки, которым подвергался Левада-Центр? Но можно также вспомнить о «деле опросов», в котором замешан бывший советник Саркози, благодаря которому мы узнали, что Елисейский дворец ежегодно тратил на опросы миллионы евро.) В то же время она объясняет трудность, с которой политики сталкиваются, когда необходимо будет признать свое пораже-

ние. Это касается только двух западных лидеров. Саркози был убежден, что он мог бы еще быть переизбран, а Берлускони регулярно объявляет, что вновь станет во главе страны. Что же касается Путина, то он после некоторых колебаний общественного мнения в самом начале (путинский промах в связи с потонувшей подлодкой и фразой «она потонула») имеет такую популярность, которую, кажется, пока ничто не может поколебать.

Это отношение, эта «связь с народом» не есть чистая фантазия и не может ею быть. Популярный лидер-популист либо чувствует то же, что и большинство населения, и естественно говорит то, что оно желало бы слышать, либо, не разделяя чувств населения, он понимает, что именно оно хочет слышать. Путин как «простой советский человек» понял, что русские хотят порядка, хотят видеть Россию великой державой, что они не хотят обесценивания советской эпохи, потому что это лишает смысла часть их истории и личной жизни. И он сумел это выразить: «Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца». («А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы», добавил он). История России едина, и она — героическая.

Со своей стороны, например, Берлускони, придя к власти, вместо ожидаемых от политика слов о том, как он будет бороться с весьма распространенным в Италии уклонением от уплаты налогов, может (в менее героическом жанре) публично заявить, что тот, кто платит все налоги, — дурак и простак, выражая тем самым отношение большинства итальянцев к государству как вору, которого оправдано обманывать. Можно процитировать Саркози, который в 2005 году, будучи министром внутренних дел, заявил по поводу молодежи из пригородов Парижа, что он искоренит этих подонков при помощи аппарата Керхера. Десять лет спустя (в 2016-м в интервью «Франс-2») он вернулся к этому эпизоду: «Когда я сказал «подонки», это вызвало шок только у узкого круга парижан, французы не были шокированы. Что такое трансгрессия? Я горжусь тем, что сказал именно так». Здесь мы находим все ингредиенты популистского дискурса: народ («французы» — народ, взятый недифференцированно, в отличие от общества), элиты, противопоставленные народу (маленький парижский мирок не понимает народа), и популистский лидер, который понимает то, что чувствуют люди, артикулирует их мысли.

Таким образом, популистский лидер по-

нимает «народ» и говорит вслух то, что «народ» думает, но не может или не осмеливается сказать, и тем самым делает легитимными мысли, чувства и мнения, которые ранее люди не осмеливались высказать во всеулышание (будь то страх или ненависть перед иммигрантами или более банальное уклонение от уплаты налогов). Лидер усиливает себя, говоря то, что «народ» хочет слышать, а «народ» доволен тем, что высокий государственный авторитет разделяет его мнение, а не читает ему мораль. Но, если не считать ситуации Путина, эта комбинация взаимных «усиления и удовлетворения» (политика и массы) оказывается довольно-таки эфемерной.

Лидеру популистского типа необходимо сочетать два аспекта своей политической персоны: он должен быть одновременно человеком, как другие, и человеком провиденциальным. Единственный, кто смог полностью реализовать этот оксюморон, как я думаю, — Владимир Путин. Благодаря тому, что он был назначен премьер-министром как бы помимо своей воли, а затем, почти сразу, без настоящей кампании избран президентом России, он может представлять себя не политическим деятелем, стремившимся к власти, но обычным человеком, которого Бог (?), судьба (?) (его кадилышки не едины во мнениях на этот счет) поместили во главу России. Когда же он оказался во главе страны, то выполнял свой долг, работая, по его собственному выражению, «как раб на галерах»: это выражение стирает политическое и оставляет только тяжелый, но необходимый для России труд. И, так как он хорошо выполняет свою работу, честно и открыто (смотри «прямую линию!»), народ не может этого не признать. Остается предоставить окружению и СМИ возможность постоянно объяснять населению, что Путин и есть спаситель России.

С этой точки зрения можно проследить эволюцию Путина, который, особенно во время третьего срока, все больше облекается в одеяния человека провиденциального, тогда как «я как все» отходит на второй план. «Путинки» встречаются все реже; спортивные подвиги, неожиданные жесты занимают все меньше места, а образ «отца нации» усиливается.

Если вернуться к таблице, можно заметить достаточно большое число совпадений, чтобы найти подтверждение изначальной гипоте-

зы: Путин принадлежит той же категории политических лидеров, что и двое других, и всех троих можно характеризовать как популистов. Тем не менее следует добавить важную оговорку. Многие из черт, перечисленных в таблице, даже если они принадлежат в первую очередь популистским политикам, часто встречаются и у всех остальных. Например, использование семьи (вспомним президентские выборы в США), внимание к общественному мнению, демагогические обещания во время предвыборной кампании¹ и др. Когда участников предвыборной кампании во Франции называли популистами, это было возможно потому, что у всех была та или иная черта, обычная приписываемая «популистам». Поэтому, наверное, следует говорить о популисте лишь в том случае, когда мы имеем целый набор этих черт, притом ярко выраженных.

Но, если это так, не следует забывать, что в конечном счете, когда мы говорим «популист», мы не даем точного определения данной разновидности политического деятеля, объективно существующего в природе, а лишь наклеиваем на него ярлык (будем надеяться, не слишком произвольно). Ярлык, позволяющий, с одной стороны, делегитимизировать данного политика, а с другой — интеллектуально успокоить себя: «Раз это популист, то все ясно».

В заключение считаю нужным еще раз подчеркнуть, что речь здесь не идет об анализе реальной политики трех политических деятелей. Конечно, некоторые принимаемые ими меры можно квалифицировать как популистские, особенно у Берлускони (который отменил, например, налог на жилье, ненавистный для многих итальянцев), однако за частичным исключением Берлускони мы не имеем дела с политикой по-настоящему популистской, как, например, в случае Уго Чавеса (я не придаю здесь термину «популистский» никакого пейоративного смысла). Путин неоднократно даже предостерегал народных избранников от популистской политики. И, если обратиться к его экономическому курсу, его можно критиковать по многим статьям, но он достаточно далек от популизма. Следовательно, можно сказать, что речь идет не о популистской политике, но об умелом популистском облачении политики, которая таковой не является или является лишь в малой степени.

¹ Слово «популист» достаточно часто употребляется для обозначения просто демагога.

Лев ГУДКОВ

Особенности российского популизма

Популизм — совокупность различных по характеру идеологических явлений (массовых общественных настроений, политических движений), периодически возникающих в новейшей истории. Общность популистских движений проявляется лишь в одном: имеет место прямая апелляция демагога¹ к массе как номинальному источнику суверенитета за поддержкой на основании того, что демагог (партийный вождь, лидер социального движения, публицист) непосредственно выражает «волю народа», его желания и тревоги. Право на такую позицию демагога обосновывается тем, что наличная политическая, или, более широко, институциональная, система (то есть истеблишмент, политические элиты, партии, экономическая организация, режим и т.п.) не отражает реальных интересов «народа», что власть (средства управления) узурпирована или монополизирована одними и теми же партиями, группировками, агентами влияния финансово-промышленных или транснациональных корпораций и т.п. Популисты убеждены, что правительство и администрация стали слишком бюрократизированными, оторванными от населения, а их деятельность слишком формализованной, выхолащенной, оказалась в руках чиновников — либо высокомерных технократов, либо коррумпированных до такой степени, что это состояние стало нетерпимым для значительной части населения. В любом случае, критика популистов исходит из того, что власти (правительство, президент) представляют и защищают интересы лишь определенных категорий населения (крупного бизнеса, столичной бюрократии и т.п.). Главная особенность популизма состоит в резком осуждении экономической или политической элит, констатации раскола страны, наличия непреодолимых противоречий между основной массой населения («народом») и властью («системой», «режимом», правящей много лет или неупраздняемой партией). Требование солидарности с популистским лидером или его партией, императивы поддержки

¹ Понятие «демагог» здесь берется в безоценочном или ценностно-нейтральном смысле, так, как оно употребляется М. Вебером в его работах.

его политики характеризуются модальностью безальтернативности, моральным долженствованием, ставшим непреложным ввиду некой надвигающейся угрозы существованию коллективного целого (национальной безопасности, благополучия, сохранения базовых ценностей общества или духовных традиций как условия гарантий будущего всего «народа») и подчеркиванием значимости «общего блага» и необходимости учета интересов всего населения.

В обычном состоянии в современных обществах популистские представления или лозунги характеризуют субкультуры маргинальных социальных слоев, апеллирующих к предшествующим или еще более ранним историческим фазам формирования «общества». Они затрагивают и поднимают пласты культуры, лежащие ниже горизонта актуальных событий и текущих общественно-политических дискуссий (например, обращаются к идеологиям времен формирования национального государства, «единства народа» или к моментам коллективного «величия» и триумфа). В России, помимо уже названных, легко добавляются идеологемы брежневского или сталинского социализма, воспроизводимые преемниками советской партийной номенклатуры — нынешними коммунистами, такие как требование «социальной справедливости», понимаемой как уравнительное перераспределение, как борьба с «олигархами», защита бедных и пр. Популизм выдвигает — в качестве безусловной, самоочевидной основы общественного консенсуса (уже не требующей специальных усилий и аргументов по доказательству своей значимости и убедительности) — самые тривиальные лозунги, включающие компоненты даже не «вчерашнего», а «позавчерашнего дня», а потому хорошо знакомые, как бы всем понятные и легко усваиваемые. Такого рода массовые установки и соотносимые с ними аргументы не связаны прагматически с текущими проблемами и ситуациями. Чаще всего они носят характер общих деклараций, функция которых — мобилизация сторонников или удержание, сохранение слабеющей коллективной идентичности, а не практическое решение насущных вопросов. Примитивность

и политическая неинструментальность этих призывов массами не осознается.

Чаще всего обозреватели имеют дело с состоянием, которое можно назвать «спящим популизмом». Но в определенных ситуациях популизм переходит в активную фазу, превращаясь в такое движение, которое, быстро распространяясь, захватывает сознание не только депрессированных или фрустрированных социальных групп, но и более широких слоев населения, осознавших неустойчивость своего положения или утрату перспективы¹. Возникающие противоречия воспринимаются и характеризуются популистами не просто как отдельные нарушения принципов справедливости и порядка, но и как ситуация надвигающегося кризиса или даже приближающейся «тотальной» катастрофы (массового обнищания, наплыва мигрантов, засилья «чужих» — приезжих, отбирающих у местных рабочие места, этнических меньшинств, подрывающих традиционные ценности и образ жизни «большинства» коренного населения). Тем самым постулируется противоречие между двумя «сущностями»: тотальной недифференцированной массой или «целостностями» («народом», «трудящимися», «эксплуатируемыми странами», нациями, регионами, классами и т.п.), наделяемыми предельно общими характеристиками и свойствами, и негативно определяемыми привилегированными «мень-

¹ Популизм как явление сам по себе не предполагает какой-либо идеологической определенности. В начале XX века популизм был характерен не только для любых тоталитарных движений, но и для почти всех партий. В той или иной степени, выбор между либеральными демократиями, национализмом и коммунизмом определял политическую ситуацию во многих европейских странах, от Швеции с ее нейтралитетом и правлением социал-демократов (идеология «Народный дом») до только что образованных государств Центральной и Восточной Европы — Венгрии, Польши или балтийских республик. В Италии в начале 1920-х, помимо фашизма, обладающего, несомненно, всеми чертами популистского движения, действовали партии, которым были близки идеи, резко расходящиеся с фашизмом, но вместе с тем обладающие всеми признаками популизма, например, Народная партия Италии (Partito Popolare Italiano), основанная священником, социологом, политическим и профсоюзным деятелем Л. Стурцо. Ее можно считать первой в Италии (и отчасти — в Европе) христианско-демократической, социально ориентированной политической партией с явной антифашистской направленностью (из-за чего ее руководство вынуждено было к середине 1920-х эмигрировать). Поэтому, рассматривая проблему в исторической перспективе, можно сказать, что популизм приводит к социальным изменениям, природа которых обусловлена спецификой соответствующих идеологий: в одних случаях он способствует установлению авторитарных или тоталитарных режимов (как это было в начале XX века в Италии, России, Германии, в странах Центральной и Восточной Европы), в других облегчает выход из состояния тоталитаризма (как это было в Испании, в конце 1980-х в европейских странах бывшего соцлагеря и СССР и в других странах).

шинствами» — правительством, глобальными транснациональными корпорациями, «вашигтонским истеблишментом», «бюрократией ЕС», «путинским режимом» и т.п., которым приписывают черты эгоизма, алчности, бездушного формализма, репрессивности, склонности к тотальной регламентации, а также неспособности к решительным действиям по выходу из «кризиса» или же склонности к поспешным решениям, которые ведут к ухудшению качества жизни больших масс населения. Страх и неопределенность будущего обостряют рессантимент и социальную зависть «большинства». Таким образом, основу консолидации составляют чувства (чаще всего мнимые) сострадания с обиженными, угнетенными, бедными и солидарности с ними. Поэтому конфликты такого рода приобретают смысл как бы этического противостояния.

Популизм — это всегда реакция на внезапно обнаружившиеся *дисфункции или открывшуюся недееспособность государственных и политических институтов*. Во внимание при изучении подобных случаев чаще всего принимаются популистские реакции «низов» на дисфункции, реже популизм верхов, пытающихся выйти из нарастающих трудностей управления, которые чаще всего ими же порождены. Такого рода кризисные ситуации, как правило, отмечают пределы больших идеологий или исчерпание ресурсов веры в них. Подобные институциональные дисфункции (реальные или мнимые) осознаются публикой как очень серьезные социально-политические или социально-экономические дефекты склеротизированной социальной системы, утратившей способность адекватно реагировать на негативные факторы (внешние или внутренние, экономические, экологические, социальные или военные). Такими аргументами могут быть угроза снижения доходов среднего класса (конец эпохи процветания, как в США в 2000-е) или обнищания в результате очередного экономического кризиса (для России это спад жизненного уровня населения в ходе трансформации институциональной структуры в 1992–1994 годах или после кризиса 2008–2009 годов, вызвавшего массовые акции протеста уже в конце 2010-го и в особенности в 2011–2012 годах), наплыв мигрантов, опасности сепаратизма, утраты национальной самобытности регионов (как в Италии, Испании, Бельгии и даже Великобритании) и пр. Важно отметить (в качестве диагностического признака), что популисты оперируют тотальными категориями апеллятивного целого — народа,

страны («Альтернатива для Германии», «Национальный фронт» во Франции, «сделаем Америку снова великой», «возрождение России как Великой державы» и т.п.), соотносимыми со столь же глобальными и недифференцированными понятиями глобальных угроз или вызовов. Такая риторика обеспечивает аморфные социальные массы средствами (само)идентификации, которые сочетают как позитивные компоненты для подкрепления самохарактеристики, так и негативные, работающие от противного, от угрозы целому. И то, и другое образует основу для консолидации и противостояния политическим противникам. Гипертрофия тотальных понятий в общественно-политической риторике, вытесняющих прагматические, технократические постановки политических проблем, становится симптомом неблагополучия; подобный дискурс дискредитирует и вытесняет представления о действующих акторах, многообразии общества, функциональной специфике отдельных институтов и социальных практик, делая ничтожными общепринятые до этого способы определения и решения насущных вопросов, политические процедуры целеполагания и целедостижения. Взамен этого утверждается идеология *прямого действия*. Посредством этого населению предлагаются или навязываются самые простые и примитивные, но понятные и убедительные образы реальности и воображаемые способы решения *всех проблем*. Такие способы аргументации, порождая необоснованные иллюзии и надежды, помещают обывателя в пространство национальных фобий, исторических мифов и утопий достижения бесконфликтного и беспроблемного существования, чем, собственно, и достигается возбужденное состояние общества, являющееся условием и предпосылкой последующей массовой мобилизации.

Популизм характерен как для стран с устоявшейся политической культурой, основанной на ценностях и идеях представительной демократии, так и для стран запаздывающей, догоняющей или незавершенной, несостоявшейся модернизации. Особенность последних заключается в том, что, хотя они и ориентируются на западные образцы «современных» или «развитых обществ», признавая, по крайней мере номинально, значимость демократии, объективность права, независимое судопроизводство, но, не обладая устойчивыми правовыми институтами, постоянно подвергаются опасности установления авторитарного правления или диктатуры, точно так же апеллирующих к «народу», как и их собственная оппозиция,

призывающая к борьбе против узурпации государственной власти. Сами факторы «кризиса» или признания недееспособности действующих институтов могут различаться настолько кардинально, что встает вопрос: а есть ли здесь нечто общее? В стилистических особенностях выражения популизма в разных странах, безусловно, можно найти много общего. Но, с моей точки зрения, у них настолько разный генезис, условия и социально-политические формы артикуляции и выражения, что возникают сомнения, имеем ли мы дело с одним и тем же феноменом или это объединение по аналогии (гомоморфизм) разнородных сущностей и явлений. Причины и идеологическое наполнение популизма в развитых странах и странах бывшего социализма, посттоталитарных странах ЦВЕ, на постсоветском пространстве или в развивающихся странах, например в Латинской Америке, Китае или Юго-Восточной Азии, слишком сильно различаются, чтобы можно было говорить о популизме как едином явлении. Даже в пределах стран бывшего соцлагеря мы сталкиваемся с настолько разными формами популизма — польского, венгерского, украинского, российского, грузинского и др., что невольно возникает мысль о невозможности генерализации данных явлений, не имеющих между собой ничего общего, кроме дисфункции институтов или их неадекватности возникающим «вызовам времени». Поэтому я хотел бы говорить здесь только о России, основываясь на наших исследованиях.

При первом взгляде на проблему кажется, что российский популизм — явление совсем недавнее: его актуальность наблюдатели связывают главным образом с появлением в 2010–2011 годах на политической сцене русских националистов (стихийные выступления на Манежной площади в Москве¹ и других городах), ростом протестного движения в 2011–2012 годах, деятельностью Алексея Навального, создавшего «Фонд борьбы с коррупцией», или других, второстепенных и менее известных внесистемных политиков — Е. Ройзмана, С. Удальцова, В. Мальцева, использующих неконвен-

¹ Экономический кризис 2008–2009 годов был лишь условием выражения массового недовольства, но триггером стали действия суда и правоохранительных органов, не защищавших обычных людей от злоупотреблений коррумпированной полиции, местной администрации и т.п. Взрывчатую смесь протеста и возмущения образовал не сам факт злоупотреблений должностными лицами, а подрыв ими легитимности системы, основывающейся на смешении социалистических лозунгов равенства и заботы о народе, национализме (великодержавной идеологии и имперской спеси) и социальной справедливости (то есть того, что образует общий консенсус «государственного патернализма»).

циональные формы обращения к публике и к электорату.

Важно подчеркнуть, что для артикуляции недовольства и выражения недоверия к политической системе в условиях подымающегося репрессивного авторитаризма требовалась не просто свобода высказываний и критики, но и определенная легитимация самих претензий к власти: выдвижение «законных» предлогов и поводов для протеста против манипуляций нормами Конституции для передачи президентского поста («рокировка» Путина и Медведева), обвинения в фальсификации на выборах-2011, нарастающие скандалы из-за злоупотреблений властью высокопоставленными чиновниками, необходимость более последовательной «борьбы с олигархами» и пр. Но самым приемлемым в такой ситуации стала именно критика коррупции, то есть безусловное нарушение закона чиновниками разного уровня, обычно — по мнению населения — ставящих себя над законом, присваивающих себе эксклюзивные права в толковании норм закона. Это обстоятельство, весьма чувствительное для российской власти, точно схвачено Навальным. Поднятый им лозунг «Единая Россия» — партия жуликов и воров», даже в отсутствие у него доступа к СМИ, разделяли в эти годы 40–45% населения (что больше, чем собирала на выборах сама партия власти, агитирующая за Путина). Публикация разоблачительных материалов о коррупции в высших эшелонах российской власти принесла ему общую известность и стала основой относительного успеха на выборах московского мэра, хотя победить тогда ему и не удалось. Но сама по себе тема коррупции не была бы столь значимой, если бы она не стала выражением массового рессантимента и признанием того, что государство не выполняет своих обязательств перед населением. Именно «незаконность» обогащения теми, кто, располагая административными ресурсами, «должен был бы заботиться о народе», а вместо этого заботится о себе, воспринимается как нарушение базовых принципов социальной справедливости. Повторю: не сам факт воровства и казнокрадства чиновников (это обстоятельство не слишком возмущает людей), а то, что это предполагает лицемерное пренебрежение принципами, на которых держалась легитимность советской власти, идеология советского социализма. Эрозия данных оснований и стала фактором консолидации всех политических сил, боровшихся за власть в период горбачевской перестройки, ельцинских реформ, перехода от Ельцина к Путину. Считается нормой, на которой настаивает абсо-

лютное большинство россиян, что государство **должно** обеспечивать «нормальный уровень благосостояния всем гражданам» (53%), а также «помощь всем, кто попал в трудное положение» (безработным, социально слабым группам населения)» (25%). Этот принцип считают обязательным 80% опрошенных, причем такие показатели практически не меняются по меньшей мере с 1999 года (время первого замера подобных установок)¹. Лишь 3–4% высказывают радикально либеральные взгляды, считая, что зависимость от государства даже в такой форме — причина индивидуальной и общественной несвободы. И одновременно такое же преобладающее большинство (75–78%) ясно сознает, что государство не собирается или неспособно на выполнение подобных обязательств (рис. 1)². Большинство людей уверены, что повлиять на правительство или администрацию более низкого уровня они не могут³.

Несоответствие ожиданий государственной заботы и проявлений реального презрения начальства к подданным вызывает наибольшие сомнения в правомочности тех, кто во власти, занимать высокие посты, ставя под сомнение не саму политическую систему, а лишь легитимность статуса конкретных ее представителей, поскольку единственным объяснением отсутствия наступления массового процветания в общественном мнении становится широко распространенная убежденность в эгоизме и воровстве тех, кто у власти (табл. 1, 2), вынужденности или принуждении населения рассчитывать в этих условиях на самих себя (что воспринимается не просто как отклонение от нормы, а как признак разложения государства; на помощь государства рассчитывают не более 20%, в массе своей это самые бедные группы, одинокие пенсионеры, многодетные родители, инвалиды и др.).

«Крымская» волна патриотической консолидации, националистической эйфории, продолжавшаяся с марта 2014 по лето 2016 года, заметно снизила все претензии населения к власти,

¹ Общественное мнение-2016. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2017. С. 22, табл. 2.13 (далее — ОМ).

² Там же, табл. 2.12.

³ Всего 1–3% считают, что обычные люди могут влиять на принятие решений федеральными или местными — районными или региональными — властями (еще 13–18% полагают, что власти в какой-то мере могут учитывать настроения граждан), остальные 80% не верят, что население может как-то воздействовать на администрацию любого уровня и отстаивать свои интересы (ОМ. С. 53, табл. 4.13 и 4.12). Абсолютное большинство россиян (в среднем за последние 10 лет — 60%) полагает, что правящую элиту интересует только сохранение и укрепление собственной власти, не согласны с этим вдвое меньше — 28% (ОМ. С. 53, табл. 4.14).

но устранить их полностью даже эти события не смогли.

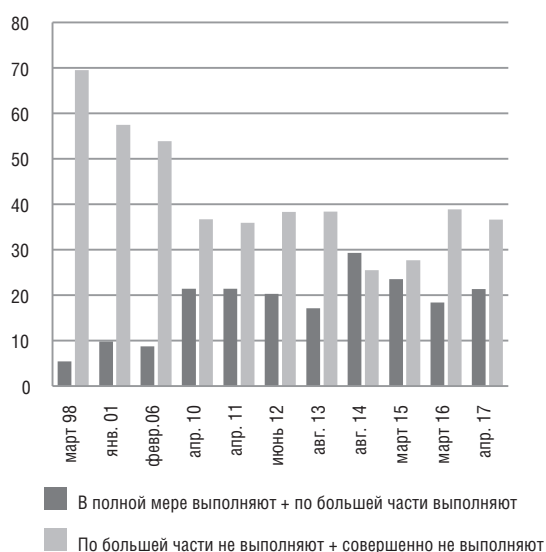
Выход Алексея Навального — внепартийного деятеля, не связанного ни с одной организованной политической структурой, — на общественно-политическую сцену и сам факт его массовой популярности означал, что сложившаяся партийная структура, а именно четыре псевдопартии, допущенные кремлевской администрацией к выборам (то есть имеющие санкцию на участие в электоральных кампаниях и ограниченный допуск к федеральным СМИ и т.п.), плюс «внесистемная оппозиция» («Яблоко», «Парнас» и другие мелкие или номинально существующие, заре-

гистрированные, но не допускаемые к реальным выборам партии), испытывает серьезный кризис (и уже не столь прочна, как раньше). То, что он: а) получил очень широкую известность (пусть даже негативную благодаря работе кремлевских троллей и телевизионных «объяснителей», как надо понимать ту или иную информацию или события); б) его готова поддержать значительная доля населения вопреки усилиям властей по его дискредитации, свидетельствует о наличии дефицита средств представления интересов и взглядов многих граждан. «Нейтрализация» и вытеснение прежних «демократических» партий, а также целый ряд других мер подавления политического плюра-

Рисунок 1

КАК ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНЕ ВЫПОЛНЯЮТ СВОИ ВЗАИМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В какой мере государство выполняет свои обязанности перед гражданами России

В какой мере граждане России выполняют свои обязанности перед государством

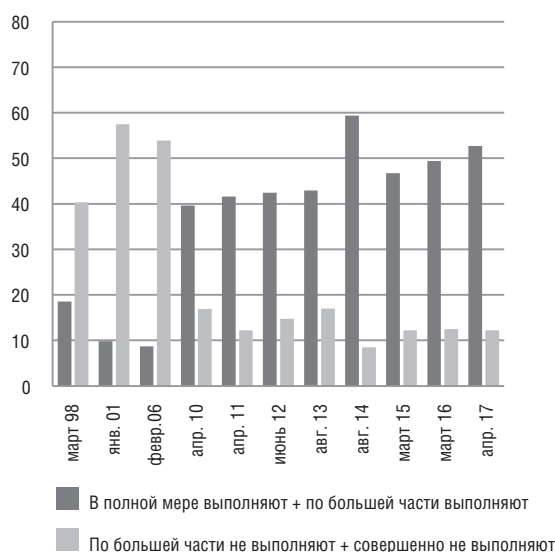

Таблица 1

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ ПРЕПЯТСТВИЕМ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ? (ответы ранжированы по последнему замеру)

	1998 август	2016 апрель
Коррупция властей	43	49
Власть, думающая только о себе, игнорирующая интересы общества	26	27
Неисполнение на местах принятых законов, указов, саботаж чиновников	34	26
Незаинтересованность, пассивность, равнодушие людей к происходящему в стране	18	17
Отсутствие продуманной программы развития страны	14	17
Клановые интересы властных группировок, их борьба	9	16
Число опрошенных	1500	1600

* Приводятся лишь те варианты ответов, которые дали более 10% опрошенных, ранжировано по 2016 г.

лизма (отказ от выборов губернаторов, запрет региональных партий, цензура в СМИ, репрессии против гражданского общества) лишили значительную часть избирателей представительства, что отразилось на массовом падении интереса к политике, неучастию в выборах и других формах действовавшей легитимации политического порядка путинизма. Допущенные к выборам (а значит, к работе парламента) партии перестали быть механизмом репрезентации массовых (групповых, региональных, экономических) ценностей и интересов (или никогда не играли такой роли, ограничиваясь декларациями о намерениях ее играть). Имитирующая многопартийность политическая система, сложившаяся после 2004 года, образует один внутренне связанный механизм прокремлевской мобилизации, наступающей

во время периодических электоральных кампаний, характеризующихся предопределенностью результатов благодаря новым политтехнологиям, эффективной кремлевской пропаганде, сочетающейся с информационной монополией федеральных СМИ, зависимых от Кремля, или региональных СМИ, подчиненных губернаторам. Но, как видно из рис. 2, эффект подобной мобилизации в 2011–2012 годах, как и в 2016-м, был почти нулевым.

На графике видны периодические (раз в четыре года) всплески электоральной мобилизации – кратковременного резкого повышения общественного тонуса, надежд или иллюзий, вызванных обещаниями властей и интенсивными стимуляциями оптимизма, который, впрочем, очень быстро спадает сразу после дня голосования. Если президентская кампания 1996 года, которая

Таблица 2

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАЧЕСТВА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ (ответы ранжированы по последнему замеру)

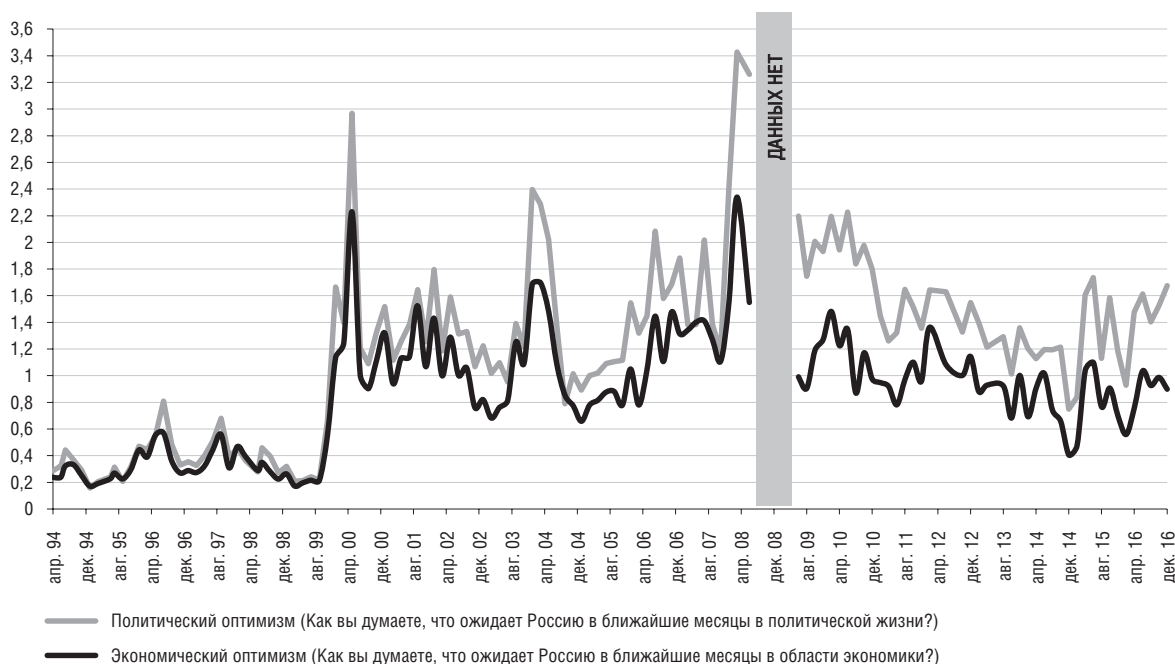
	1998 март	2001 январь	2005 ноябрь	2008 август	2012 ноябрь	2015 март	2016 ноябрь
Криминальная, коррумпированная	63	57	62	30	52	41	31
Бюрократичная	22	26	39	26	30	32	26
Законная	12	8	9	21	8	16	23
Далекая от народа, чужая	41	33	42	19	32	27	23
Сильная, прочная	2	5	7	16	10	18	19
«Своя», привычная	3	4	4	6	4	5	11
Паразитическая	18	12	15	5	11	12	11
Авторитетная, уважаемая	2	4	7	17	6	14	11
Непоследовательная	32	35	29	9	12	12	10
Эффективная	3	5	6	12	6	9	9
Недальновидная	28	22	25	8	12	14	9
Слабая, беспомощная	31	21	20	5	10	8	8
Келейная, закрытая	8	9	8	5	7	9	8
Непрофессиональная, безграмотная	13	12	12	5	8	9	8
Образованная, интеллигентная	6	10	13	19	11	14	8
Честная, открытая	3	2	3	9	4	7	7
Прагматичная	4	6	6	7	5	9	7
Компетентная	3	6	9	13	6	10	7
Справедливая	3	2	3	7	4	6	6
Ограниченная, неумная	12	7	8	2	6	5	5
Близкая народу, людям	2	4	5	9	5	5	4
Незаконная	13	11	16	5	9	7	4
Затруднились ответить	9	5	8	13	14	13	9

N=1600.

Рисунок 2

ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий; затруднившиеся с ответом не учитывались)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600.

пришлась на низшую точку кривой трансформационного кризиса, падения жизненного уровня населения, дала едва заметный прирост общественных надежд и ожиданий, то приход Путина и выборы 2000, 2004 и в особенности 2008 года показали всю силу концентрированной и умелой популистской пропаганды властей. Напротив, президентские выборы-2012, проходившие на фоне скандалов, связанных с фальсификациями голосов, волны массовых акций протеста и разочарования в их результатах, утраты обществом перспектив, отличались почти полным отсутствием интереса к ним. Столь же слабой была избирательная кампания думских выборов-2016. Экономический кризис и спад патриотической эйфории (после аннексии Крыма и начала конфронтации с Западом) парализовали массовый энтузиазм и демонстрации в поддержку власти.

Интерес к выборам хронически слабый (не интересовались предстоящими выборами и их результатами в 2003 году 52%, в 2011-м — 40%, в 2016-м — 57%). Уверены, что выборы не в состоянии принести какие-то изменения в их жизнь или улучшить их положение на протяжении всех 2000-х, три четверти россиян. 53–63% не в состоянии назвать партию, представленную своими депутатами в Госдуме, которая бы «выражала интересы таких людей, как сам» респондент. Это значит, что Государственная дума, российский парламент, не в состоянии «представлять интересы общества» (в январе

1993 года так считали 68%, в ноябре 2007-го — 55%, в марте 2016-го — 60%¹). Предстоящие выборы (в 2003-м, 2007-м, 2011-м, 2016-м) значительной частью населения расценивались как нечестные, с использованием «грязных» технологий, фальсификаций. Честными и открытыми их признавали лишь от 21–28% (2003) до 37–38% (в ноябре 2011-го и феврале 2016-го), хотя чем ближе к дате выборов, тем выше были ожидания «прозрачности» и справедливости правил политической конкуренции (так, в мае 2016 года эта доля поднялась до 44%). Доля «точно решивших принять участие в голосовании» постоянно снижалась с 1995–1996 годов вплоть до настоящего времени (с 43–47 до 20–23% в 2016-м)². В итоге парламент перестает быть представительским институтом (93% в опросах последних пяти лет не представляют себе, чем занимаются депутаты и зачем все это нужно)³. Подавление деятельности негосудар-

¹ То есть на эти установки не повлиял даже казус «Крымнаш».

² Общественное мнение-2016. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2017. С. 109–113, 117–121. На протяжении 2006–2016 годов большинство опрошенных (в среднем 51%) полагают, что на выборах отсутствует реальная конкуренция, что это лишь имитация борьбы политических партий (не согласны с ними в среднем 34% респондентов, настаивающих на честности и открытости конкуренции) (ОМ. С. 122). Поэтому лишь явное меньшинство (5–6%) россиян верили (в 2000–2016 гг.) в то, что выборы могут заставить правительство делать то, что хотят простые люди (ОМ. С. 120, табл. 11.14).

³ Общественное мнение-2016. Ежегодник. М.: Левада-Центр. С. 102, табл. 9.4.3.

ственных общественных организаций и партий, не входящих в кремлевский пул, оборачивается стерилизацией не только публичного пространства, но и самих политических взглядов и убеждений. Начиная с 2009 года примерно половина респондентов (то есть каждый второй взрослый житель России) заявляют, что у них «нет никаких политических взглядов» или идеологических убеждений¹. Среди тех, кто придерживается каких-либо политико-идеологических предпочтений, можно выделить прежде всего: а) сторонников государственного патернализма (людей с «социалистическими убеждениями», полагающих, что «государство должно обеспечивать социальную защиту населения», таких в целом 28–34%); б) «коммунистов» (12–18%); в) «русских патриотов» (9–13%) или г) трудно определимых сторонников режима «твердой руки» (14–18%); д) либералы и собственно демократы здесь присутствуют в очень скромной концентрации – 7–9%. Понятно, что сами по себе эти политико-идеологические идентификации не слишком устойчивы, они смешиваются или перетекают друг в друга, образуя достаточно аморфный и текучий конгломерат остаточных представлений. Иначе говоря, данные социологических исследований указывают не только и не просто на хроническое недоверие к важнейшему политическому институту в России, но и свидетельствуют о стерилизации или дискредитации демократических воззрений, а стало быть, об отсутствии каких-либо демократических начал в России. Демократия значима лишь как идеальная норма общественно-политического устройства, как момент групповой общественно-политической идентичности (ориентация на эту модель). Однако трудно отрицать тот факт, что люди (вне зависимости от их идеологических взглядов) отчетливо сознают, что реализация ее в нынешней России невозможна по многим причинам. Именно этот диссонанс и порождает состояние диффузного напряжения и разрыва между возможным и настоящим положением дел.

Российские выборы при Путине превратились в ритуалы аккламации тех, кто уже у власти или кого назначает на выборные позиции администрация президента. Но такое положение дел не могло не обернуться *дискредитацией всех партий, включая и партии внесистемной оппозиции*. Это обстоятельство (вместе с исчезновением образа будущего из-за отсутствия общественных дискуссий и механизмов публичного целеполагания и критической оценки политики) усилило сознание того, что

¹ Там же. С. 111, табл. 10.7.

«сделать ничего нельзя» и что «всегда будет так, как сейчас», немного лучше, немного хуже, «жить трудно, но терпеть можно». В этом отношении причины популизма последнего времени – *деградация институциональной системы путинизма, в первую очередь партийно-политической и правовой системы режима*. Абсолютное большинство россиян волнуют вопросы роста цен, нестабильность или снижение доходов, угроза потери работы, снижение социальных выплат и расходов государства на социальные нужды. Собственно, политические проблемы – борьба за власть различных клик и партий, возможности участия в этом, личная ответственность за происходящее, последствия внешней политики руководства России, произвол и незаконие администрации, конфликты с соседними странами, ситуация на Кавказе, состояние гражданского общества и ограничение прав человека и т.п., – волнуют и интересуют самое незначительное меньшинство населения, об этом заявляют от 2–3 до 15% респондентов. Эти проблемы остаются вопросами, на которые люди не распространяют возможности своего влияния, отдавая их власти как обладающей полномочиями и правом их решения на свой вкус без участия общества.

Как видно из табл. 3, отчуждение от политики за четверть века выросло более чем вдвое (с 44 до 80%). Глубокое недоверие к судебной системе, укоренившееся в массовом сознании убеждение, что суды защищают лишь интересы государства и привилегированных групп чиновников, что рядовой человек не в состоянии найти в суде справедливость и защиту и т.п., становятся причиной эрозии или даже исчезновения представлений о сложности институциональной системы общества или убежденности населения в их декларативном и ничего не значащем для обычных людей характере. Следствием этого оказывается сохранение или распространение самых примитивных традиционалистских или персоналистских представлений об общественно-политической жизни. Если доходы населения падают, если дороги строятся долго, дорого и с огромными дефектами, то для обывателя это означает, что кто-то из влиятельных лиц или групп присваивает, крадет, расхищает государственные средства, предназначенные «для людей». Поэтому неудивительно, что 75–85% опрошенных в замерах общественного мнения в разные годы полагали, что органы государственной власти полностью или в очень значительной степени поражены коррупцией, что те, кто у власти, заботятся только о своих интересах ее сохра-

Таблица 3
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОЕ УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?

	1989	1990	1991	1993	1994	2015	2016
Политика меня не интересует, я не разбираюсь в политике	14	11	20	26	27	34	38
Я считаю, что у меня по-прежнему нет возможности влиять на события политической жизни	19	21	18	18	23	32	27
Я в последнее время разочаровался в политике	11	14	16	16	16	16	15
Для меня самое важное – судьба моего родного народа	31	25*	27*	24*	17	6	8
Я всегда принимал и принимаю участие в общественной жизни	13	7	3	3	4	5	6
Я чувствую, что для меня сейчас открылась возможность реального участия в политической жизни	4	1	1	1	2	4	4
Затруднились ответить	19	20	15	12	12	3	3
Число опрошенных	1600	2456	2800	1800	3960	1600	1600

* Политикой интересуюсь мало, но всегда готов встать на защиту моего родного народа.

нения или личного обогащения. Около трети опрошенных полагают, что масштабы разложения увеличились в сравнении с тем, что было в 1990-е и тем более в советское время. В отличие от более общих тем – соблюдения властями Конституции, независимости суда от правящих кланов, прав человека, честности выборов и т.п., – вопросы коррупции допустимо обсуждать (по крайней мере, до недавнего времени, до публикации ФБК материалов о семействе Чайки, панамских офшорах, «Димоне» и других фигурах из высшего руководства страны). Сам режим периодически – опять-таки в чисто популистских целях – изображает теми или иными жестами свою готовность к самоочищению, борьбе с оборотнями в погонах и т.п., предлагая обществу свою трактовку периодических чисток среди чиновничества (особенно там, где ведомственное или региональное начальство обросло слишком сильными связями, накопило ресурсы собственного политического капитала, что для центральной власти кажется опасным). Эта тематика разрешена до тех пор, пока она затрагивает коррупцию как частные случаи, не давая их в качестве обобщенных характеристик самого режима. Поэтому в год в СМИ появляются не менее восьмисот различных информационных о возбуждении уголовных расследований против чиновников среднего уровня (не выше, скажем, замгубернатора или замминистра; арест Улюкаева был исключением в этом ряду). Другими словами, тема коррупции и злоупотреблений власти становится заместителем вытесненной политической тематики и участия в ней. Более того, сама по себе «политика» в условиях авторитарного режима все более и более сводится к крайне

узкому понятию борьбы или критики действующего режима¹. От 48% (2006) до 40% (2016) опрошенных уверены, что нынешний режим будет стараться запретить любую критику власти под видом «борьбы с экстремизмом»; 58–41% (тот же период времени) полагали, что под этим предлогом нежелательные оппозиционные политики отстранялись от участия в выборах. Поэтому в политическом поле остаются лишь партии, которые выражают интересы «силовых структур», «олигархов» или федеральной и региональной «бюрократии», то есть тех сил, на которые опирается Путин и интересы которых он выражает в своей политике².

Именно из опыта собственной общественно-политической несостоятельности, отказа от участия в политике и возникает архаический запрос на «чудо» или «сильную руку», способную навести в стране порядок и обеспечить принципы справедливости общественного устройства (табл. 4). Если в 1989 году,

¹ Именно такое понимание лежит в основе принятых в 2012–2016 годах множества репрессивных законов, ограничивающих права граждан на мирные демонстрации, свободу слова, деятельность НКО, преследования критиков власти и т.п. Даже демократия в самом обыденном понимании сводится к «свободе», то есть «безнаказанности» граждан, критикующих власти. Но фокус массового недовольства все сильнее сосредоточивается именно на проблеме коррупции власти. «Коррупция в органах власти недопустима, и с ней нельзя мириться» – так считают 84% россиян (февраль 2016-го) и одновременно признают ее неупразднимой. В свою очередь, власть все чаще и чаще расценивает критические выступления оппозиции с обличением коррумпированных политиков и чиновников высшего ранга как попытки дестабилизации политической системы и контрабанды идей «цветных революций».

² То же самое, впрочем, относится и к режиму в целом, персонафицируемому фигурой В. Путина. См.: Общественное мнение-2016. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2017. С. 92, табл. 9.2.10 и 9.2.11.

в период, когда на горизонте обозначился предстоящий крах советской системы, 44% россиян считали недопустимым концентрацию власти в одних руках (сказывался опыт существования в условиях тоталитарного режима), то сразу после начала институциональных реформ и попыток демонтажа советской системы возник обратный импульс — резкий подъем консервативных и популистских настроений массы: к 1996 году доля таких ответов упала до 18% и с тех пор сохраняется практически без изменений (в момент аннексии Крыма и патриотической мобилизации она достигла низшей точки — 15%) (см. табл. 4).

Но есть и более глубокие причины для сохранения российского популизма в спящем виде или его эпидемического распространения: **конец идеологии транзита**. Утрата перспективы дальнейшей эволюции страны, идеи «лучшего будущего», туманность целей общественного движения, выходящих за рамки идеалов потребительского общества, активизируют ниже лежащие слои идеологических представлений, характерных для советского времени. Я имею в виду принципы социальной справедливости, равенства (уравнительности), которые должно обеспечивать «правильное», то есть «заботящееся о людях», государство (или его дублеры из оппозиции). Именно эти моменты лежали в основе мощной и последовательной путинской пропаганды против оппонентов режима.

Обличая демократов и их идеологию реформ, пропаганда использовала сохранявшиеся от советских времен представления о хищническом, диком капитализме, насаждаемом либералами и западниками в своих частных и корыстных интересах, о реформаторах, разрушивших великую державу и приведших к массовому обнищанию людей «в лихие девяностые». Уничтожая слабые правовые и рыночные институты, которые были заложены при Ельцине, нынешний режим использовал всю популистскую демагогию для дискредитации самой идеи демократии и прав человека как привнесенной с Запада, как чуждой русскому духу и национальным традициям, соответственно, навязывая отношение к либералам, оппозиции, правозащитникам как обанкротившимся политикам и безответственным болтунам, политикам, национал-предателям, иностранным агентам и т.п. Но, распространяя мнения о «естественности» и «очевидности» всеобщей ангажированности и вменяя всем оппонентам качества продажности, зависимости от власти (пусть даже от чужой, тут важны именно акценты на всеобщности продажности), сервильности СМИ, вредности интернета, коррупционности всех общественных деятелей и политиков, а не только оппозиционеров, кремлевские политтехнологи и пропагандисты одновременно (уже непреднамеренным и неконтролируемым образом)

Таблица 4

БЫВАЮТ ЛИ ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?

	1989	1994	1995	1996	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2012	2013	2014	2015	2016
	XI	IX	VII	IX	III	III	VII	X	VII	IX	III	IX	III	III	XI	XI
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	25	35	33	37	42	45	43	40	44	42	35	43	41	31	32	35
Бывают такие ситуации, когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	16	23	27	32	31	29	29	31	33	29	39	31	31	46	39	37
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	44	23	24	18	20	18	18	25	19	22	22	17	20	15	21	21
Затруднились ответить	16	18	15	13	8	8	10	5	5	8	5	9	8	7	9	7
Число опрошенных	1500	3000	3000	2500	1600	1600	1500	1600	1600	800	800	1600	1600	1600	1600	1600

порождают массовые представления о тотальном, всеобщем цинизме и оппортунизме, подрывающая тем самым и основания для массовой веры в существование *общего блага*, *альтруизма* и идеализма, веру в человеческую солидарность. Их место занимает всеобщее недоверие и конспирологическое сознание. Не так важно, кто будет скрытым правителем мира, «Доктором Зло», важна привычная система объяснения всего в таких категориях — заговора, тайного соглашения об общих действиях или раздела сфер влияния. Можно сказать, что убедительность самой идеи «тайных сил», «тайного комитета» или «масонской ложи», определяющей происходящее в мире, проистекает из привычного образа таинственной и непостижимой, непредсказуемой власти, сидящей в Кремле и разрабатывающей планы, определяющей судьбу мировой политики (Сталин или Политбюро, ЦК КПСС, другие полностью закрытые для обывателя инстанции, наделяемые традиционными чертами причастных к «чуду, тайне и авторитету» и частично замещающие их).

Тем самым пропаганда уничтожает значимость всех социальных и публичных институтов и общественных организаций, а не только внесистемных политических партий и движений. В итоге образ ЕР в общественном мнении («партии власти») складывается (по крайней мере, у значительной части россиян) из признания ее статуса как правительственной партии и в то же время — из рессантизма, из подобострастия к ее лидерам и руководству, из недоверия, отвращения к ее функционерам. Пределы поддержки КПрФ заданы памятью о коммунистическом прошлом и сталинизме, родством с советской номенклатурой. Восприятие ЛДПР окрашено устойчивым мнением о Жириновском как политическом шуте и о его партии как обслуживающей интересы режима или отраслевых и региональных лоббистов, играющей на самом низком национализме и ксенофобии. С деятельностью СР у населения ассоциируется лишь полное банкротство принципов социальной справедливости. Поэтому показатели доверия к политическим партиям (в ряду доверия к основным институтам) стоят в самом низу шкалы из восемнадцати позиций (предпоследняя ступень, ниже только профсоюзы)¹. Это значит, что социальное недовольство и напряжение, скрытые конфликты не могут быть в полной мере артикулированы, они подавлены и вытеснены из

¹ См.: Общественное мнение-2016. С. 84, табл. 9.1.1.

публичной сферы и самого массового сознания, но их причины не исчезают. Поэтому общественное мнение работает по своей логике (от обратного), утверждая, что все политики — воры и негодяи. Деидеализация и цинизм при отсутствии возможности открытых дискуссий, участия в общественно-политической деятельности, а значит, и отказа от ответственности за происходящее в стране становятся условиями распространения популизма.

Появление таких фигур, как Навальный (которого я бы рассматривал как парадигмальный пример «внесистемного» российского популиста), предопределено кризисом сложившейся партийно-политической и идеологической системы, репрессиями или подавлением многообразия политических форм и общественных организаций. В этих условиях для независимого политика открыт лишь один выход: обличение коррупции власть имущих².

Первоначальный набор его лозунгов ничем не отличался от обычных клише популизма — ксенофобия, защита от мигрантов, опасность вырождения русских, незаконная приватизация 1990-х и т.п. тезисы русского национализма, дополняемые старыми обвинениями коммунистов гайдаровской команды реформаторов. По мере включения в политический процесс популистская риторика Навального меняется; постепенно прежние тезисы все больше и больше уступают требованиям правовых и социальных реформ, что делает его уже политиком другого плана и масштаба, ставшим самым опасным противником путинского режима. Навальный в этом плане собрал наиболее характерные тезисы и положения разных мелких и даже маргинальных групп недовольных — националистов разных мастей, либералов, региональных политиков, представителей депримируемых групп (вроде обманутых вкладчиков, экологов, притесняемых жителей

² Коррупция — тема, допущенная к публичному обсуждению самим режимом, провозгласившим борьбу с ней одним из приоритетов своей политики. Но чем чаще «бритва» ФСБ, СК или генпрокуратуры срезает по этим мотивам неугодных высокопоставленных чиновников, тем меньше доверия к ним со стороны обывателя, рассматривающего все лозунги «борьбы с коррупцией» как дешевую демагогию и попытку добиться доверия и поддержки со стороны населения. Абсолютное большинство опрошенных видят в инициировании расследования сверху либо внутриплановые разборки, либо зачистку власти от неугодных или проштрафившихся чиновников, пусть даже очень высокопоставленных, вполне справедливо полагая, что сериал под этим или близким к нему названием (например, борьба с «оборотнями в погонах», «с предателями в своих рядах» и т.п.) имеет к настоящей борьбе с казнокрадством, хищениями, теневыми и неформальными сделками такое же отношение, как «борьба нанайских мальчиков» к олимпийским состязаниям.

отдельных микрорайонов, пенсионеров и т.п.), в отношении которых российские власти ведут жесткую, даже дискриминационную политику. Впрочем, такого рода повороты свойственны ему лишь в последние годы. Положительная часть его программы до сих пор неясна большей части населения. Отчасти это может объясняться тем, что Навальный, отрезанный от доступа к СМИ, вынужден использовать принципиально другие средства доведения до публики своих целевых положений: социальные сети, личное общение с населением, публичные акции — митинги, демонстрации и т.п., что ограничивает его возможности полноты изложения и аргументации. Дефицит позитивной политической программы с успехом компенсируется не просто критикой коррупции властей, но акцентом на *несправедливости* сложившегося при Путине социального порядка в целом. Такого рода несправедливость воспринимается тем серьезнее, чем более жесткими становятся запреты на дискуссии о возможных изменениях политической системы, подрывающих базу путинского консенсуса: идею стабильности режима.

Подытожу сказанное: российский популизм возник не сегодня; он (по крайней мере, значительная часть его, включая и идеи Великой державы, национального превосходства, особой миссии русского народа и т.п.) был важнейшей составной частью идеологических ресурсов советского тоталитаризма и остается таковым у всех посттоталитарных партий и политических режимов, возникших на постсоветском пространстве. Это обстоятельство следует принять во внимание, поскольку *других* серьезных идеологических ресурсов у них нет. Поэтому популизм как идеологический потенциал этих партий и режимов оказывается гораздо более значимым фактором, чем идеология «возвращения в семью европейских народов», строительства демократических институтов и других программ, номинально провозглашенных после краха СССР. Эта часть массовой социально-политической культуры практически не осознана и не осмыслена политологами, социологами или историками, находящимися под гипнозом риторики демократического транзита посттоталитарных стран. Те или иные компоненты популизма были характерны для всех стадий разложения советской системы.

Очень огрубляя, можно сказать, что мы имеем дело с несколькими последовательными фазами русского популизма, наблю-

давшимися после краха советской системы. Прежде всего следует назвать борьбу с привилегиями партаппарата, которую использовал Ельцин, будучи секретарем МГК КПСС (еще на стадии перестройки и конфронтации с горбачевским Политбюро, советской номенклатурой); чуть позже — обещания младореформаторов, заверявших население в быстром наступлении эпохи национального процветания после завершения начатых ими реформ и окончательного поражения сторонников советской власти (ваучерная приватизация и пр.). Вторая фаза отмечена антиреформаторской демагогией Жириновского в 1993 году и перелицованных коммунистов в их конфронтации с Ельциным; стиль Жириновского вскоре был подхвачен многочисленными мелкими политическими партиями, главным образом радикальными националистами (русскими, татарскими, якутскими, чеченскими и др.), аграрными лоббистами и пр. Третьим вариантом (и следующей фазой) популизма была риторика «суверенной демократии», «стабильности», имперской «консервативной модернизации» или реставрации Великой державы, появление «духовных скреп» у Путина и другие лозунги, положенные в основу легитимности его режима и сохраняющиеся вплоть до начала нынешнего кризиса системы. Наконец, можно говорить о четвертой фазе популизма, представленной такими фигурами, как Навальный.

Выделю важнейшие элементы, на которых строится российский популизм (вне зависимости от характера демагога): а) обращение от имени *простого большинства населения*, которое якобы является носителем суверенитета, духовных ценностей и т.п. Здесь главное — идеологема *единство народа* (общество без должной институциональной, региональной, культурной, языковой, исторической и прочей дифференцированности); образец — риторика «тысячелетней России», органическое единство которой сохраняется на всем протяжении обозримой «истории» страны, морально-политическая общность населения и власти, удерживаемая «духовными скрепами», русское государство как доминантная коллективная ценность); б) *Империя*, то есть особая цивилизация Великой державы, утверждающей свои права и интересы на подконтрольном пространстве, без учета интересов и мнений соседних стран, любая возможность демонстрации этой силы и военной мощи становится основанием для коллективной гордости и чувства националь-

ной чести, исключительности, превосходства¹; в) *государственный патернализм* — мифология заботливого попечительского государства, на самом деле принуждающего население к подчинению, навязывающего людям отношение к своим интересам и действиям как первостепенным потребностям, население в этом случае становится заложником политики режима и разделяет его триумфы и преступления; г) *«равенство всех»* перед властью, а по существу уравниловка, нивелирование, лишаящие людей субъективной автономности и сознания своих прав, достоинства, утверждающие приоритеты государства и ничтожность отдельного человека; такого рода требования сводятся к воспитанию «необходимости самопожертвования» ради так называемых «коллективных ценностей»². Распространению популизма в России способствует отсутствие представлений о сложности общества, вполне последовательное и целенаправленное подавление государственными институтами представлений о многообразии социальных сил, интересов, сложности социальной структуры постсоциалистического социума. Невыраженность, неартикулированность таких интересов достигается стерилизацией (включая прямую цензуру) средств репрезентации публичности и, как следствие, возникает примитивность самой картины общества: все просто, одномерно, «национально». За этим стоит шельмование и дискредитация любых точек зрения, позиций, интересов, кроме государственно-властных, очернение или делегитимация «Других» как «чужих или враждебных» всему коллективному целому. По существу, такое видение однообразной тотальности населения (исключительно как ресурса государства, инерция «морально-политического единства власти и народа») является продуктом, транслируемым позднесоветской реальностью. Факторы, обеспечивающие стерилизацию более сложной картины действительности (включая и «возможное» будущее), сводятся к сохранению представле-

¹ Соответственно, проявления несостоятельности, невозможности подобной демонстрации оказывают сильнейшее фрустрирующее воздействие на общественное сознание; чувство хронического стыда («великий народ, а живем в бедности и неустройстве») — столь же устойчивый компонент коллективной идентичности, как и имперская гордость и спесь, характерная для русских. Это не разные элементы, а две стороны одной медали, составные части национального комплекса неполноценности, выражающиеся в тех или иных формах популизма, активируемых либо властями, либо лидерами оппозиции.

² Путин: «Главная черта русского человека — готовность к подвигу и самопожертвованию»; «Я должен быть таким, каким меня хочет видеть большинство народа». URL: <http://polit.ru/news/2016/10/08/putin3/>; <http://rg/2016/12/11/vladimir-putin-podnial-tost-za-geroev-otechestva.html>.

ний о недифференцированности или примитивности, одномерности социальной структуры общества. Если исходить из данных социологических исследований, мы имеем крайне бедную структуру представлений об устройстве общества даже по сравнению с советским временем: более 80% населения относит себя к занимающим средние или нижние социальные позиции³. Это значит, что не работают важнейшие социальные маркеры общественного статуса, достижения, мобильности, имеющие универсалистский характер (нет признания морального, культурного, социального авторитета, репутации, нет принятых обществом систем референций). Их заменяют наборы, агрегаты неформальных или теневых социальных индикаторов групповой принадлежности, потребительского статуса, доступа к властным позициям, знаки партикулярных общностей — региональные, внутрикорпоративные, клановые, мафиозные, коррупционные и т.п.).

Поэтому навязываемая пропагандой идея однородности (одномерности) общества, снятия очевидных классовых или групповых противоречий и различий принимается населением, поскольку ложится в русло не только новой демагогии власти и ее партии ЕР (как выражение патриотизма и лояльности («Путин это Россия, нет Путина — нет России») как условие «стабильности» или неизменности системы несменяемого господства), но и старой советской идеологии. Принимаемые массами представления о безальтернативности социального порядка (и, соответственно, вытеснения возможности Иного и Иных интересов, других позиций, автономии других групп) облегчают возникновение ответных реакций массового популизма, являющегося в некотором роде негативом официальной идеологии. Чем сильнее делается акцент на псевдообщественных искусственных образованиях (таких как ОНФ, «Молодая Россия», «Наши», общественные палаты или советы при различных спецслужбах и силовых ведомствах), имитирующих «общество», тем скорее население отзывается негативно, отвечая режиму чисто популистскими настроениями и акциями. Другими словами, условием солидарности при сохранении авторитарного режима может быть только фактор негативной идентичности (консолидация от противного). Поэтому так велика роль разнообразных «врагов», функцию которых могут исполнять самые разные персонажи (как во власти, так и в оппозиции — они

³ Гудков Л. Парадоксы социальной структуры в России // ВОМ. 2016. № 1-2. С. 95–125.

в этом плане находятся в зеркальных по отношению к друг другу позициях и взаимосвязях). Наличие «ярлыков» делает избыточной выработку позитивных программ как властью, так и оппозицией, поскольку такого рода интеграция не нуждается в рациональном целеполагании, изложении и обосновании объемов предполагаемых ресурсов, институциональных стратегий, решении задач, анализе средств достижения целей и учете предвидимых последствий, как негативных, так и позитивных, и пр. Но точно так же условием быстрого роста популизма можно считать и низкий уровень доверия к институтам (или их дискредитация), примитивность публичного дискурса и коллективного сознания, массовидность «элит». Значимыми оказываются простейшие формы интеграции и демаркации: мы/они, власть/народ (без посредников и механизмов представительства, обмена, кооперации и разделения функций), общество как игра с нулевой суммой и другие идеологические особенности недифференцированного социального тела.

Трудности определения понятия «популизм» связаны не только с противоречивостью и разнородностью фактического материала, включаемого в объем этого понятия. Попытки типологизации популизма (например, различения *популизм низов*, то есть популизм претендующих на власть, борющихся за власть, и *популизм верхов*, легитимирующий уже полученную власть) или описания «фаз эволюции популизма» (популизм как «нормальное» и общераспространенное *средство политической конкуренции*, инструмент дополнительного привлечения масс для проведения определенной политической программы в отличие от охранительного популизма как тактики консервативного удержания власти) не позволяют выявить и зафиксировать содержательные особенности популизма как идеологии, тем более определить его специфику как политического движения исходя из своеобразия целей или выбора средств массовой мобилизации и поддержки. Такая смазанность диагностических признаков популизма делает неясным, в чем собственно отличие популистской партии от любых других, «нормальных» партий, стремящихся завоевать внимание, доверие и поддержку масс. Установить такие принципиальные различия невозможно, если следовать строгим нормам доказательства. Причина в том, что основная функция понятия «популизм» (и его кон-

ституции и использования) определяется его назначением — быть оценочным (а не описательным или аналитическим понятием), то есть служить инструментом для дискредитации оппонентов или дистанцирования от них. Поэтому само понятие содержит неустранимо негативный момент (как бы ни старались подчеркнуть его «хороший» или «плохой» характер). Суть методических трудностей работы с этим понятием заключается в том, что популизм из дескриптивного инструмента быстро становится одним из важнейших компонентов риторического дискурса или суггестивного языка описания («конституирования реальности»), образующего консенсус понимания для устоявшихся парламентских партий демократического толка. Эти партии, озабоченные необходимостью выработки определенных ограничений в допуске к борьбе за власть конкурентов, не разделяющих общепринятые, хотя и негласные, нормы политического взаимодействия (политического этикета и пр.), дистанцируются от лидеров таких движений. Несистемные (непарламентские) партии получают ресурс влияния именно благодаря тому, что они отказываются признавать «правила игры», принятые до сих пор между прежними партиями, нарушают целый ряд табу, пренебрегают сложившимся порядком выработки партийных программ (норм целеполагания) и тактик их реализации (нормы и практики целодостижения). Их ресурс заключается в том, что обычно исключается из риторики партий, включенных в устоявшуюся систему парламентской власти. Закрепленные временем практики политического взаимодействия солидных партий определяют устойчивость (высокую степень согласия) подобного межпартийного консенсуса (дискурса, риторики), придавая ему видимость «существования», статус самоочевидной реальности, хотя, повторюсь, речь идет всего лишь о степени согласованности негативного определения «Другого» и характере действия в отношениях с ним. Поэтому дисквалифицирующее или дискредитирующее определение новых оппонентов (называние их «популистами») держателями монополии на демократию может быть подхвачено истеблишментом, партиями власти, в свою очередь, проводящими политику заигрывания с массами, подкупа населения с целью мобилизации поддержки своей позиции и уничтожения противника.

СО СТОЛА СОЦИОЛОГОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Денис ВОЛКОВ
Степан ГОНЧАРОВ

Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ

Данная статья задумывалась как обзор основных тенденций пользования различными СМИ и потребления российским населением новостей из различных источников. За последние годы было накоплено много данных о том, откуда россияне получают новости, какие каналы и с какой интенсивностью используют. В статье подробно рассматриваются такие источники новостей, как телевидение, газеты, интернет и социальные сети. По многим вопросам приведены длительные динамические ряды. Все используемые данные получены в ходе общероссийских опросов общественного мнения, проведенных по стандартной репрезентативной выборке населения страны в возрасте от 18 лет и старше.

Особое внимание в статье уделено вопросам доверия и оценке работы СМИ, отношению населения к правдивости потребляемой информации. Сделана попытка оценить раз-

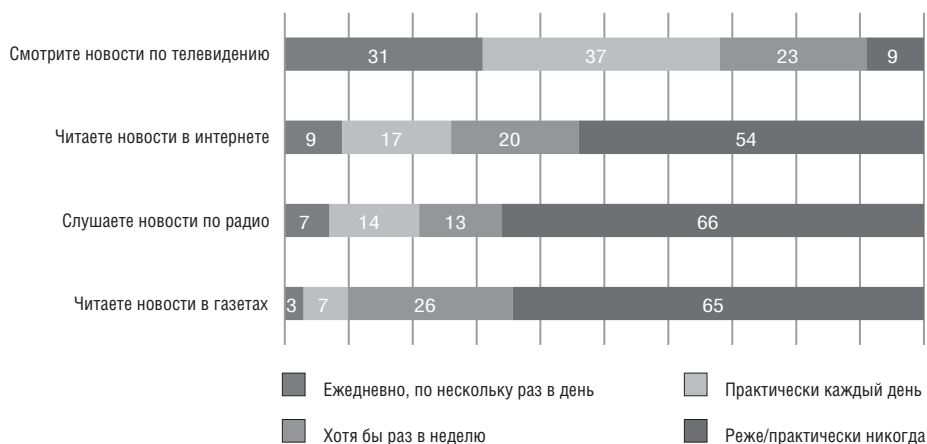
меры и отличительные характеристики аудитории «независимых СМИ», отношение россиян к телевидению и цензуре, влияние на россиян крупнейших информационных площадок и лидеров общественного мнения.

Основные источники новостей

Телевидение на сегодняшний день остается главным источником информации для россиян. Это подтверждается многочисленными вопросами в разных формулировках, которые регулярно задает Левада-Центр. Согласно одному из них — о том, как часто россияне получают новости по различным информационным каналам, — в декабре 2016 года 91% населения «хотя бы раз в неделю» или чаще смотрят новости по телевизору. Почти половина (46%) с такой же регулярностью читает новости в интернете. Треть слушает новости по радио (34%) или читает газеты (36%) (рис. 1). Если приво-

Рисунок 1

ЧАСТОТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ КАНАЛОВ ИНФОРМАЦИИ (Россия, март 2016)

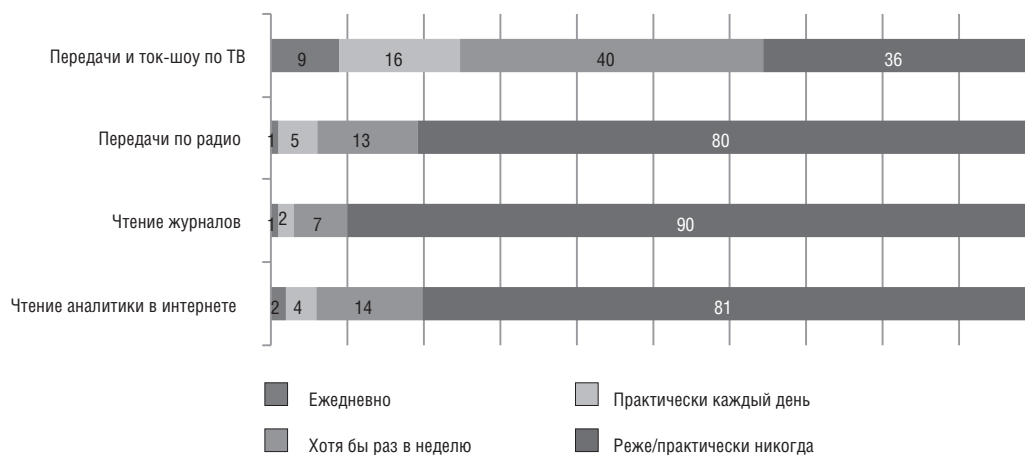

дить данные только о «ежедневном» получении новостей, соответствующие цифры составят 31, 9, 7 и 3%.

Если сузить задачу и спрашивать не о новостях, а целенаправленном интересе к материалам и передачам на общественно-политические темы, доминирование телевидения оказывается даже более выраженным: различные передачи и ток-шоу на политические темы «хотя бы раз в неделю» смотрят до 65% населения. Соответствующие показатели для подобных передач на радио и материалов в интернете составляют лишь 20%, для журналов еще меньше – не более 10% (рис. 2). Поэтому большая часть тех, кто следит за общественно-политическими событиями, получает лишь самое общее и неглубокое представление о произошедшем, сформированное преимущественно телевизионным контентом. Более подробные данные, представленные в статье, лишь подтверждают тезис о том, что зависимость от телевидения (и наиболее простых и вульгарных интерпретаций происходящего) продолжает доминировать, несмотря на происходящие в последнее время изменения (рост значимости интернета и интернет-изданий).

Рисунок 2

ИНТЕНСИВНОСТЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ (Россия, март 2016)

С 2015 года объединены варианты ответа «Несколько раз в день» и «Примерно 1 раз в день».

Вопрос о том, откуда россияне «чаще всего узнают о новостях в стране и мире», дает похожие результаты¹ (рис. 3). Главным источником

¹ Вопрос: «ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ УЗНАЕТЕ НОВОСТИ О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В НАШЕЙ СТРАНЕ?» Варианты ответов: 1) основные российские государственные телеканалы (Первый канал, «Россия», «Звезда»); 2) российские частные телеканалы («5-й канал», «Дождь», РБК, другие негосударственные/коммерческие каналы); 3) региональные/местные телеканалы; 4) интернет-сайты; 5) иностранные источники новостей (иностранские телеканалы, радио, газеты и журналы); 6) государственные газеты («Российская газета», газеты

о происходящем уже на протяжении четырех лет регулярных замеров является телевидение (так отвечают 86% респондентов.) Узнают новости от друзей и знакомых около трети всех россиян и около четверти – по интернету. Радио и газеты используют реже – в 16–17% случаев. Телевидение продолжает оставаться главным источником информации во всех возрастных группах, ситуация меняется мало. Однако согласно вопросу в другой формулировке (рис. 4 и 5) в конце 2015 года в самой молодой возрастной группе интернет обогнал телевидение как источник информации. Сказывается формулировка вопроса, согласно которой он зачитывается два раза. Телевидение чаще фигурирует как первый выбор респондента, а интернет – как второй. Сегодня узнают о происходящем из телевизора 60% молодых, из интернета – чуть больше 70% (в старшей возрастной группе соответствующие цифры составляют 90% и 10%). Можно предположить, что среди россиян моложе 18 лет разрыв между телевизором и интернетом еще больше. Наиболее зависимыми от телевидения остаются люди старших поколений.

Различия в способе получения информации между пожилыми и молодыми россия-

нами усугубляются. Согласно нашим наблюдениям, людям старших поколений трудно осваивать интернет как регулярно используемый источник информации. Рост показателей использования интернета как поставщика новостей происходит за счет вхождения во взрослую жизнь новых поколений, которые имеют иные привычки потребления инфор-

региональных/местных органов власти); 7) негосударственные/частные газеты; 8) радио; 9) семья, друзья, соседи; 10) другое.

мации. В долгосрочной перспективе повышение роли интернета (и социальных сетей) как

основного поставщика новостей о политике продолжится.

Рисунок 3

ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ? (Россия)

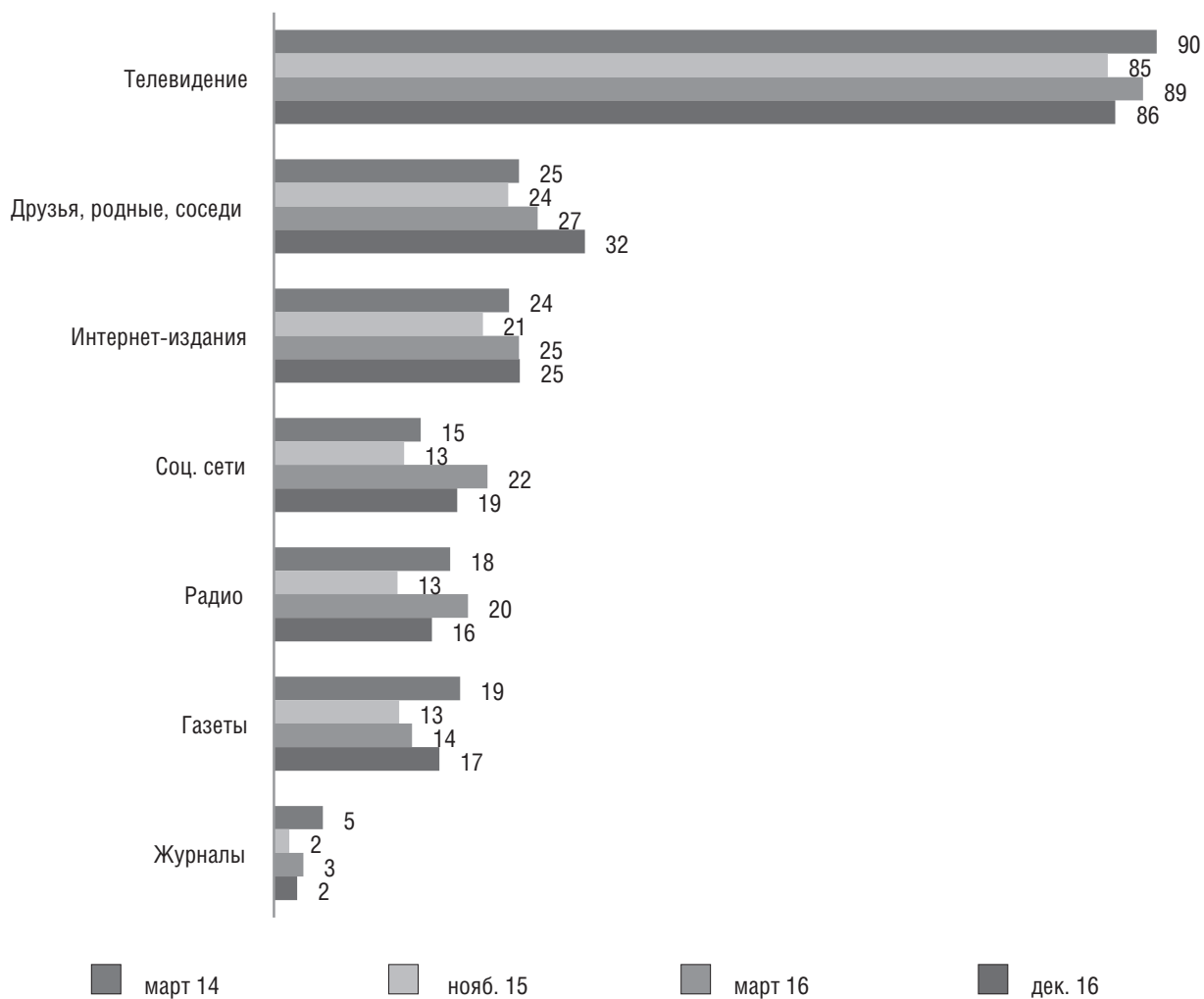

Рисунок 4

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ УЗНАЕТЕ НОВОСТИ О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В НАШЕЙ СТРАНЕ: ИНТЕРНЕТ (% , Россия)

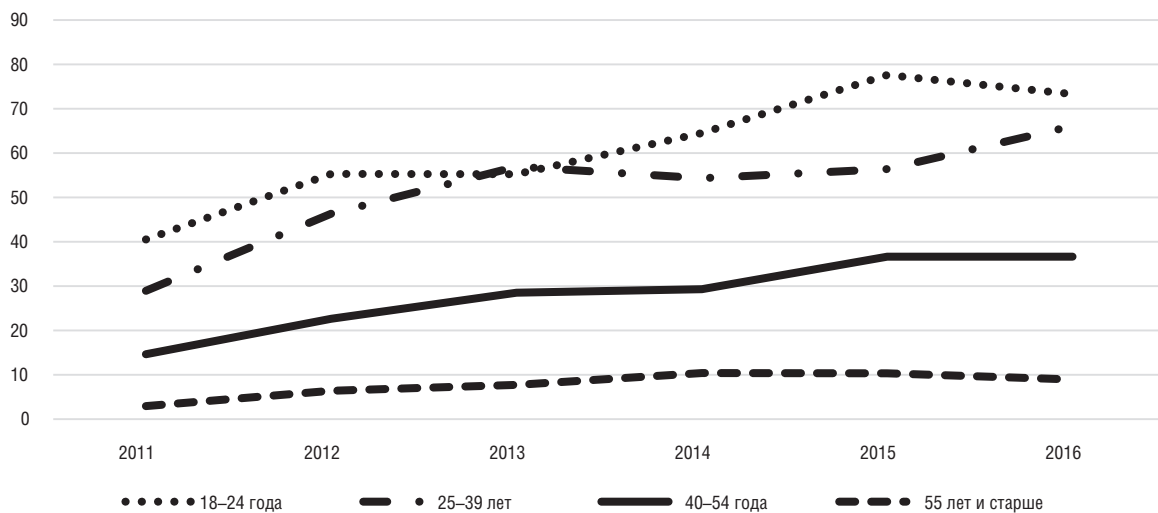
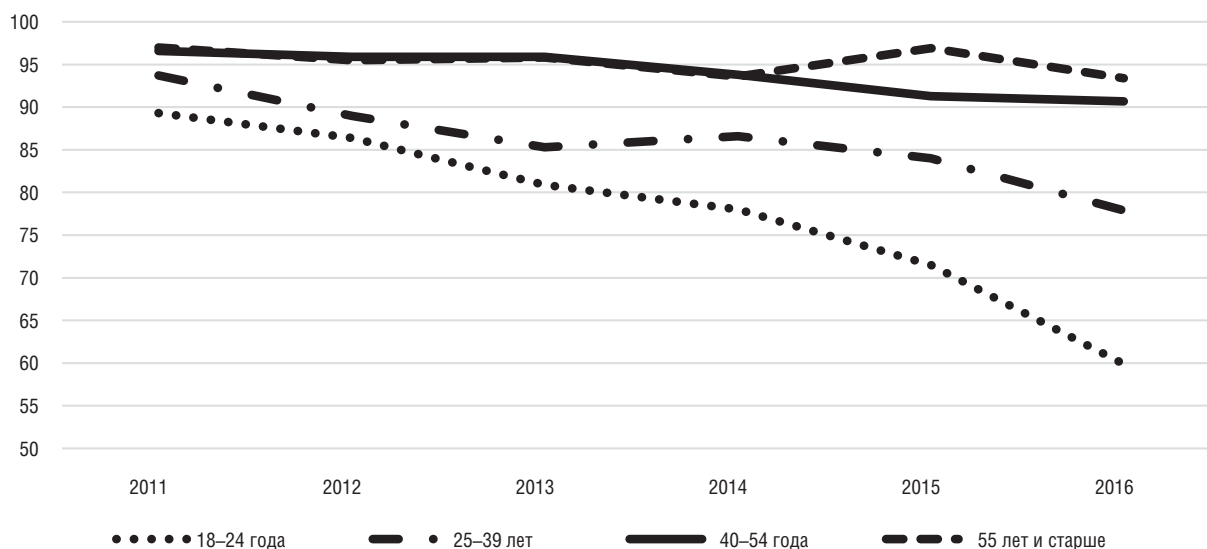

Рисунок 5

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ УЗНАЕТЕ НОВОСТИ О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В НАШЕЙ СТРАНЕ: ТЕЛЕВИДЕНИЕ (%) (Россия)**Телевидение**

Рейтинги телеканалов. Стабильным остается лидерство четырех федеральных телеканалов в формировании информационной картины россиян. По стране в целом телепередачи *Первого канала*, *«России-1»*, *НТВ* и *«России-24»* остаются основными источниками новостей о происходящем в Москве и за рубежом. В Москве и крупных городах телесмотрение новостных программ гораздо более разнообразно, и нет столь сильного влияния федеральной «четверки» каналов. Например, в Москве аудитории *Первого канала* и *«России-24»* существенно меньше, чем по стране в целом. Аудитории *«РЕН-ТВ»*, *ТВЦ*, *РБК ТВ* и *Euronews* здесь существенно шире. Жители крупных городов, прежде всего столицы, получают более полное представление о происходящем, лучше знакомы с различными точками зрения по сравнению с жителями средних и малых городов (рис. 6).

В отношении подавляющего большинства информационных передач указанных телеканалов действует следующее правило: в их аудиториях преобладают зрители старших возрастов, представители самой молодой возрастной группы (от 18 до 24 лет) смотрят телевизионные новости почти в два раза реже представителей самой старшей группы (55 лет и старше). Это правило не действует только в отношении тех каналов, у которых имеется большая интернет-аудитория, — там молодых заметно больше. Это связано с тем, что пожилые люди в целом пользуются интернетом реже, чем молодежь и люди среднего возраста. Несмотря на указанные возрастные различия и рост значимости интернета

для молодого поколения россиян (подробности далее по тексту), новостные передачи крупнейших телевизионных каналов смотрят более половины молодых людей.

РБК-ТВ, *«Дождь»*, *Euronews*, *ОТР* и *«Культура»* в большей степени свободны от государственного вмешательства и потому считаются независимыми, представляя различные точки зрения на происходящие события. Если попробовать выделить отличительные демографические характеристики аудиторий новостных выпусков на таких каналах, то данных показателей будет несколько. Эти каналы наиболее популярны в столице и крупных городах, а также среди людей с высоким достатком. Уровень образования респондентов большого значения не имеет. Но даже в этих группах «независимые телеканалы» являются лишь дополнительными источниками информации к новостным выпускам крупнейших каналов федеральных. Таким образом, эти телевизионные передачи остаются главным источником информации о происходящем в стране и мире даже для молодых. То есть именно телеканалы по-прежнему задают рамки интерпретации происходящего для населения страны в целом (рис. 7).

Анализ аудитории новостных передач на различных телеканалах на предмет их политических предпочтений (вопросы о голосовании на парламентских выборах 2016 года и о возможном голосовании на выборах президента в 2018 году) не позволяет говорить о существенных различиях зрителей «независимых телеканалов» и населения страны в целом. Выявленные различия в предпочтениях не превышают

Рисунок 6

СМОТРИТЕ ЛИ ВЫ НОВОСТНЫЕ ПЕРЕДАЧИ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ КАНАЛОВ, И, ЕСЛИ ДА, НОВОСТИ КАКИХ КАНАЛОВ ВЫ СМОТРИТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО, В ТОМ ЧИСЛЕ В ИНТЕРНЕТЕ? (дек. 2016)

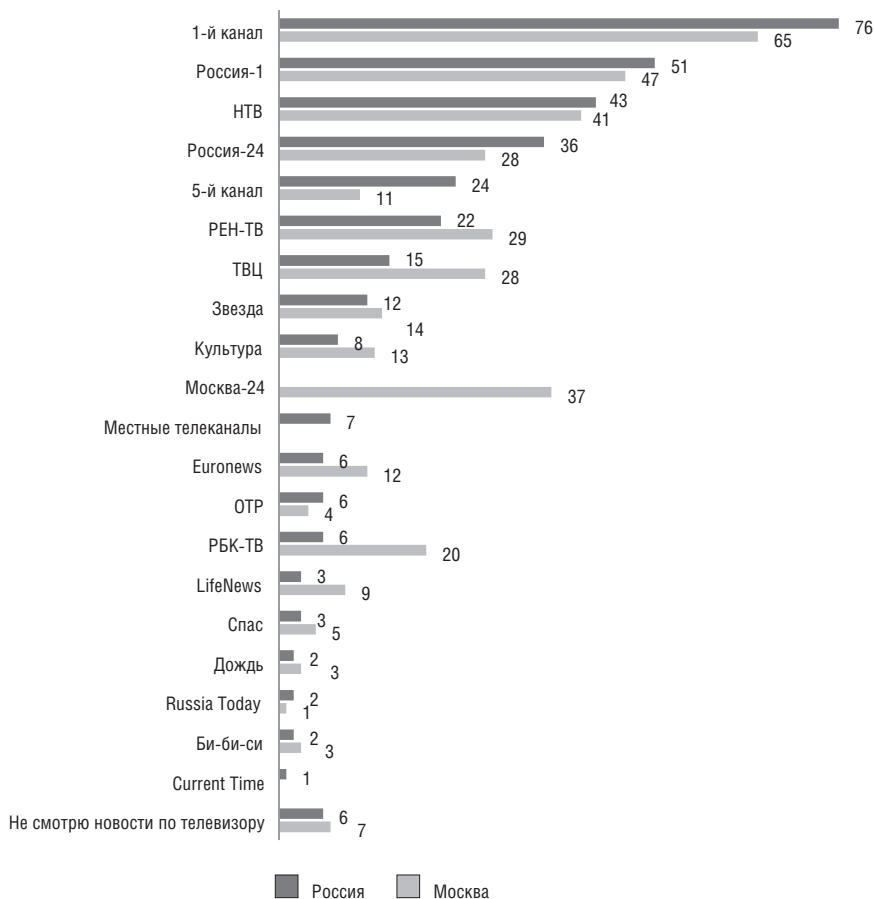
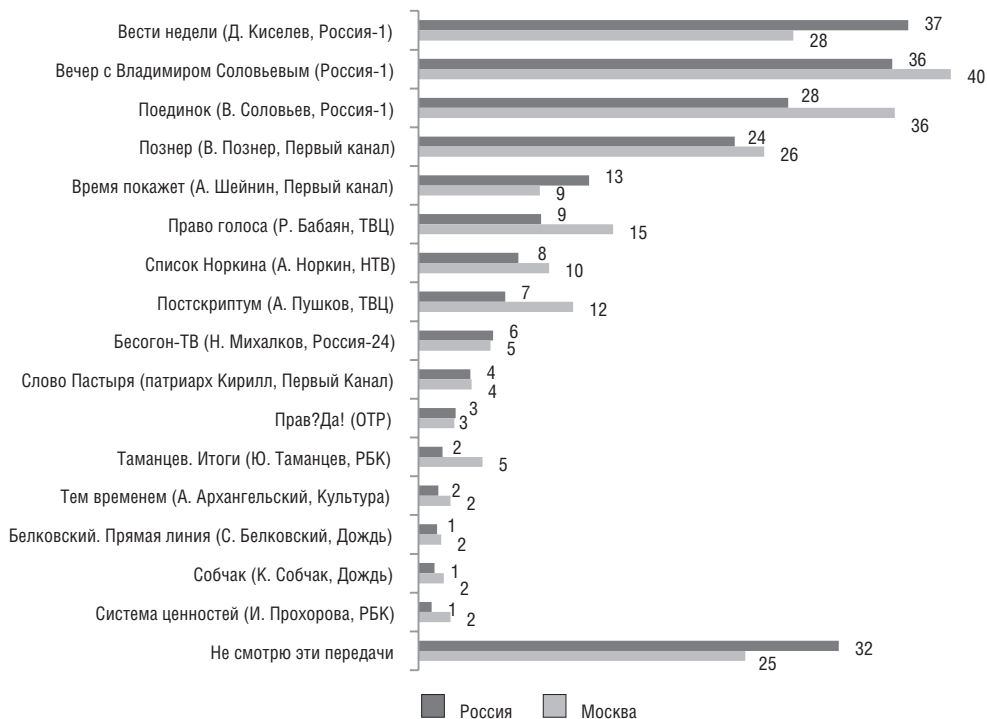

Рисунок 7

КАКИЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ ВЫ СМОТРИТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО? (дек. 2016)

1–2%. Различия заметны лишь по аудиториям небольших по размеру – немассовых, «нишевых» – телеканалов (таких как «Дождь») и других СМИ (таких как специализированные деловые газеты типа «Ведомостей» или разговорные радиостанции типа «Эха Москвы»). В этих специализированных аудиториях поддержка власти в полтора-два раза ниже, чем в целом по стране. Но к большим по охвату телеканалам такое правило не применимо.

Поэтому в отношении большинства «независимых телеканалов» невозможно сказать, что их смотрят только противники российской власти, их телезрители – люди с разными политическими взглядами и предпочтениями. И даже в аудиториях небольших «независимых СМИ» поддержка власти существует, хоть и меньше, «Единая Россия» остается наиболее популярной партией (среди всех остальных), а Владимир Путин – наиболее популярным политиком.

Для оценки популярности основных общественно-политических телепередач использовался закрытый вопрос с фиксированным списком телепрограмм. Основная задача состояла не в том, чтобы получить исчерпывающий рейтинг всех существующих программ, а в том, чтобы попытаться сравнить аудитории передач крупнейших федеральных телеканалов (например, «Вести недели» Дмитрия Киселева) и передач на телеканалах, считающихся независимыми (например, «Итоги» Юрия Таманцева на *РБК-ТВ* или «Белковский. Прямая линия» на телеканале «Дождь»).

Наиболее очевидное отличие аудиторий передач независимых телеканалов от передач на крупнейших федеральных – их размер. Совокупное число зрителей указанных аналитических передач на телеканалах *РБК*, «Дождь», «Культура», *ОТР* составляет лишь 5–6% россиян, то есть не превышает размеров аудиторий таких передач, как «Бесогон-ТВ» Никиты Михалкова или «Постскрипtum» Алексея Пушкова. И, конечно, это число на порядок меньше, чем число зрителей «Вестей недели» или «Воскреснего вечера» Владимира Соловьева, которые «более или менее регулярно смотрят» около трети россиян. Один этот факт уже говорит о том, что независимые телеканалы не могут на сегодняшний день соревноваться с федеральными по своему влиянию на формирование картины происходящего. Даже совокупный эффект информационных и аналитических программ независимых телеканалов сегодня является маргинальным. Единственным исключением можно считать лишь передачу Вла-

димира Познера (на Первом канале), который время от времени позволяет себе критику власти в конце передачи. Однако эти редкие критические замечания вряд ли меняют дело.

Что касается социально-демографических характеристик аудиторий указанных телепрограмм, то в целом они повторяют закономерности, описанные на материале отдельных телеканалов. Различия здесь выражены даже сильнее. Молодые люди меньше заинтересованы в политике, поэтому общественно-политические передачи на телевидении они смотрят еще реже, чем новостные передачи. Разница в частоте просмотра между самой молодой и самой пожилой возрастными группами может достигать 2–2,5 раза.

Что касается политических предпочтений, то в отношении указанных программ дифференциация аудиторий складывается следующим образом. Например, по вопросу о возможном голосовании на президентских выборах 2018 года аудиторию можно разделить на три условные группы: 1) наименее лояльные нынешней власти; 2) наиболее лояльные; 3) находящиеся посередине, чьи политические предпочтения не отличаются от среднестатистических. Так, среди населения в целом на момент опроса готовность голосовать за Владимира Путина составляла около 50%. Сопоставимую степень поддержки демонстрировали зрители программ Дмитрия Киселева, Владимира Соловьева и Владимира Познера (55–59%). То есть зрители этих передач – обычные среднестатистические россияне. Наиболее лояльными власти оказались зрители программы Никиты Михалкова – здесь готовность голосовать за Путина достигала рекордных 70%. Наименее лояльными оказались зрители общественно-аналитических передач «независимых телеканалов» (*РБК*, «Культура», «Дождь»). В этой аудитории готовность голосовать была самой низкой – 45% (однако это заметно больше, чем можно было бы ожидать). Даже среди зрителей телепередач на независимых телеканалах Владимир Путин остается фаворитом будущих президентских выборов, оппозиционность аудиторий этих телеканалов и этих телепередач значительно преувеличена.

Рейтинг популярности журналистов во многом повторяет список популярных телепрограмм (рис. 8). Согласно ответам на открытый вопрос (люди называли фамилии без подсказок) в тройку журналистов, чьи «мнения являются авторитетными» для респондентов, попали Владимир Соловьев, Дмитрий Киселев

и Владимир Познер. Именно их передачи имеют наибольшую аудиторию.

Оценки передач Первого канала и «России-1». Респонденты чаще характеризуют подобные программы позитивно, называя их «аналитическими и серьезными», «представляющими различные точки зрения». Такого мнения в совокупности придерживаются около 40% россиян. Негативные установки разделяет четверть опрошенных — столько людей считают эти передачи «постановочными», «балаганными»

ми» и «предвзятыми». Эмоциональную сторону политических шоу отражают следующие характеристики: «захватывающие», «непредсказуемые», «пугающие» или «успокаивающие». В сумме эмоциональные свойства выбирают 21% опрошенных.

Политические передачи выполняют для россиян одновременно функции информирования и развлечения. Так, респонденты, выбирающие в отношении политических шоу характеристику «аналитические», значительно чаще

Рисунок 8

ЖУРНАЛИСТЫ, ЧЬЕ МНЕНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРИТЕТНЫМ ДЛЯ РОССИЯН (открытый вопрос, дек. 2016)

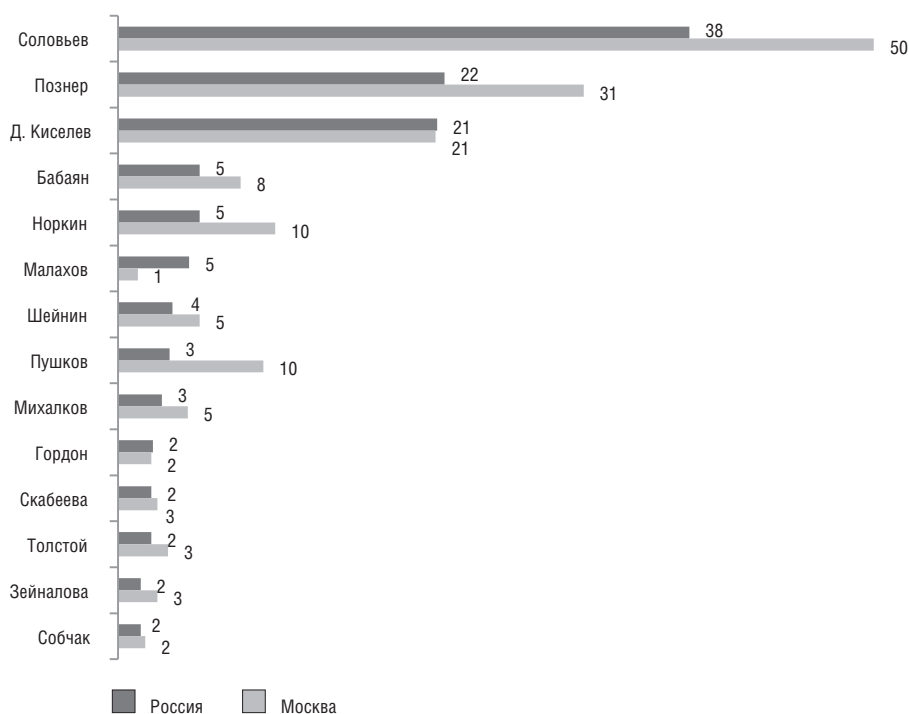
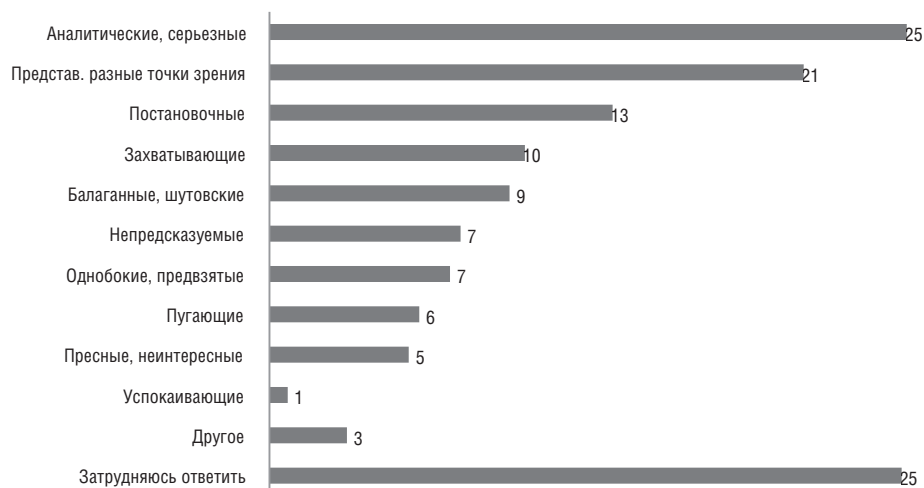

Рисунок 9

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ТАКИЕ ПРОГРАММЫ, КАК «ВЕЧЕР С ВЛАДИМИРОМ СОЛОВЬЕВЫМ» ИЛИ «ВЕСТИ НЕДЕЛИ» С ДМИТРИЕМ КИСЕЛЕВЫМ (Россия, март 2017)

выделяют свойства «представляющие разные точки зрения» (станд. остаток: 3,1)¹ и «захватывающие» (станд. остаток: 2,7).

Основные качества российского телевидения (семантический анализ). Отношение к различным средствам массовой информации может быть не только рациональным, основанным на сознательном поиске и анализе получаемой отсюда информации, но и эмоциональным, выраженным в виде коннотативных ассоциаций. Данные всероссийского опроса общественного мнения, проведенного в марте 2017 года, позволяют построить семантическое пространство мнений россиян об основных российских телеканалах (Первый канал, «Россия-1»). Респондентам было предложено выбрать значение на 7-балльной шкале, где крайние позиции заняла пара антонимичных прилагательных (табл. 1).

Методом k-средних все пары суждений были сгруппированы в три кластера:

- «Критики ТВ»: 18% выборки
- «Лояльные ТВ»: 31% выборки
- «Нейтральные»: 51% выборки

Три кластера различаются между собой не только по установкам на потребление информации, но и по социально-политическим

Таблица 1

ПАРЫ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕЛЕКАНАЛОВ

-3	информируют	развлекают	3
-3	искажают информацию	дают правдивую информацию	3
-3	поверхностное изложение	дают глубокий анализ	3
-3	нагнетают страсти	успокаивают	3
-3	оглуляют	развивают	3
-3	агрессивные	миролюбивые	3
-3	беспринципные	принципиальные	3
-3	зависимые	свободные	3
-3	ненужные	полезные	3
-3	скучные	интересные	3
-3	продажные	неподкупные	3
-3	отталкивающие	привлекательные	3
-3	скандальные, бульварные	серьезные, солидные	3
-3	предвзятые, односторонние	представляют разные точки зрения	3
-3	не вызывают доверия	вызывают доверие	3
-3	защищают национальные ценности	защищают общечеловеческие ценности	3

¹ Статистический критерий. Означает разницу между наблюдаемыми (замеренными в ходе исследования) и ожидаемыми частотами (ожидаемые частоты показывают, какой должна была бы быть частота в данной ячейке, если бы строка и столбец были бы независимыми), деленную на собственное стандартное отклонение.

вопросам. Отличий по демографическим вопросам практически нет, за исключением распределения по полу: в кластере «критиков ТВ» мужчин на 9 п.п. больше — сказывается несколько большая общая политизированность мужской части населения.

Использованные пары суждений выявили достаточно **четкое разделение** в отношении к телевидению: положительное, нейтральное и негативное. Однако внутри этих макрогрупп респонденты **редко дифференцируют** те или иные качества основных российских телеканалов. Если респондент относится к основным ТВ-каналам хорошо, это распространяется на все качества, которыми наделяют эти телеканалы: они воспринимаются как полезные, развивающие, заслуживающие доверия и т.д. Соответственно, негативное отношение также заметно практически на всех парах суждений.

Есть характеристики, которые сближают мнения пользователей из трех основных групп. Речь идет о следующих антиномиях: «информирование — развлечение» и «глубокий анализ — поверхностное изложение». Пара суждений «защищают национальные ценности» — «защищают общечеловеческие ценности» также скорее относится ко второ-

му фактору, однако степень ее выраженности значительно меньше, чем у двух других пар, поэтому в последующей кластеризации она не участвует.

На графике ниже (рис. 10) мы видим, что линии, соединяющие «средние» трех кластеров по каждой паре суждений, сходятся в парах суждений *А. Информировать или развлекать* и *С. Дают глубокий анализ или поверхностное изложение*. Содержательно это указывает на то, что оценка информативности и глубины информации **почти не отличается** во всех трех группах и равномерно распределена вокруг средних показателей для каждого кластера. Два показателя, которые сильнее всего поляризуют общество (наибольшая разница между средними для каждого кластера) в отношении государственных телеканалов: *Н. Зависимые или свободные* и *О. Не вызывают доверия или вызывают доверие*.

Значительными представляются различия трех кластеров в отношении общественно-политических вопросов. «Критики ТВ» меньше довольны существующим положением дел в

стране и руководством государства, меньше озабочены геополитическим величием страны, но чаще поддерживают демократические и либеральные ценности. «Лояльные ТВ» чаще придерживаются патерналистских установок на отношения государства и граждан и больше удовлетворены существующим положением дел.

Отношение к основным телеканалам в значительной мере определяется идейными установками (табл. 2, рис. 11). Телевидение воспринимается россиянами не как нейтральная площадка, но как **аффилированный с государством канал**, дающий ангажированную интерпретацию фактов.

Несмотря на большую критичность по отношению к руководству страны, кластер «критиков ТВ» неоднороден по своим политическим взглядам и мировоззренческим убеждениям. Единственное, что объединяет граждан, попавших в этот кластер, — **негатив-**

Рисунок 10

ПОЖАЛУЙСТА, ОХАРАКТЕРИЗУЙТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ТЕЛЕКАНАЛЫ (ТАКИЕ КАК ПЕРВЫЙ КАНАЛ, «РОССИЯ-1») ПРИ ПОМОЩИ СЛЕДУЮЩИХ ПАР СУЖДЕНИЙ

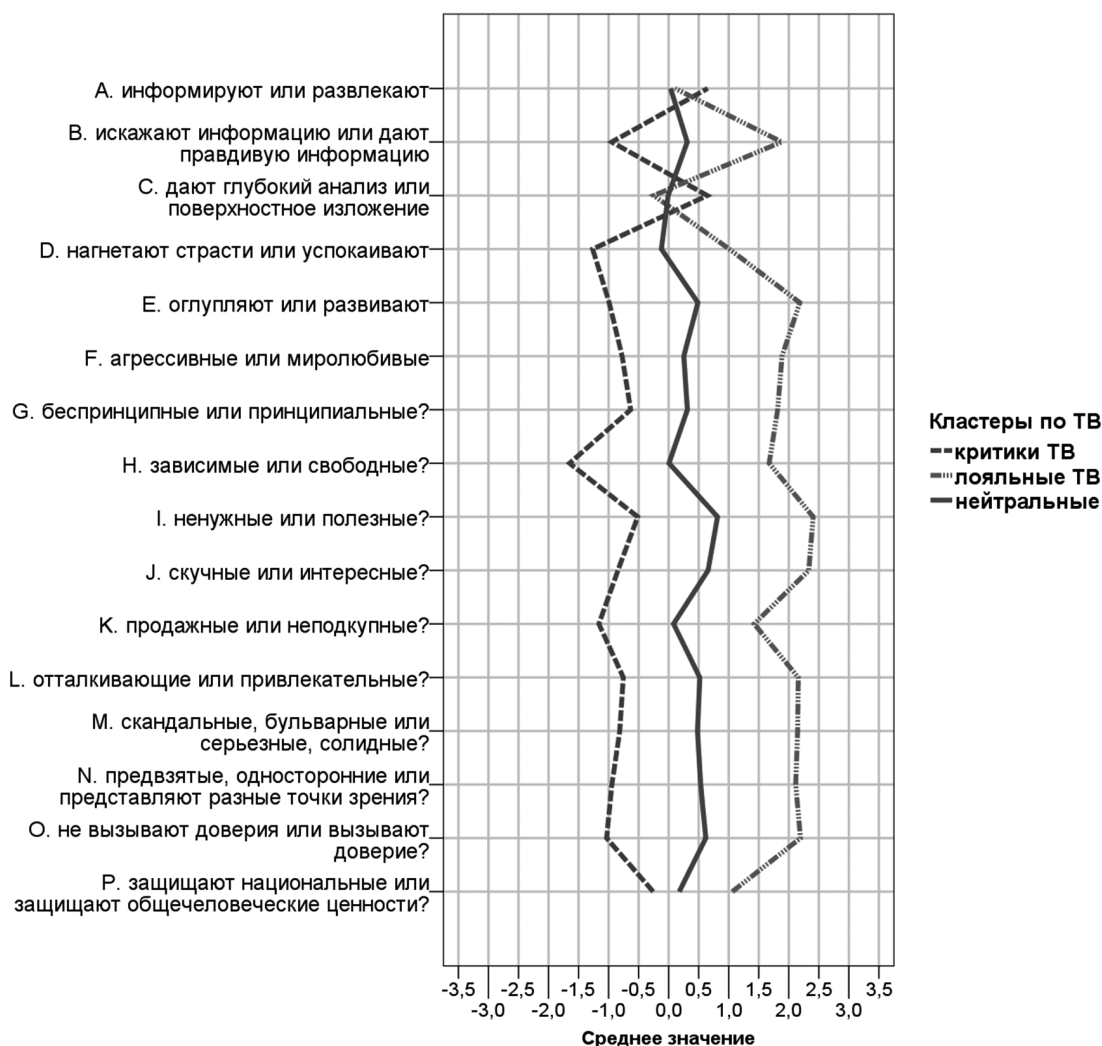

Таблица 2

НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РЕСПОНДЕНТОВ

	ТАК СЧИТАЮТ:	«Критики ТВ»	«Лояльные ТВ»
1	«Лояльные ТВ» чаще говорят, что дела идут в правильном направлении	43%	65%
	«Критики ТВ» чаще говорят, что страна движется по неверному пути	41%	21%
ПРИНЦИПЫ УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА			
2	«Лояльные ТВ»: власть должна заботиться о людях	70%	80%
	«Критики ТВ»: люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно	28%	19%
ВНЕШНЕЕ ВЕЛИЧИЕ ИЛИ ВНУТРЕННЕЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ?			
3	«Лояльные ТВ»: великой державой , которую уважают и побаиваются другие страны	30%	47%
	«Критики ТВ»: страной с высоким уровнем жизни , пусть и не одной из самых сильных стран мира	69%	51%
ОТНОШЕНИЕ К МИТИНГАМ			
4	«Критики ТВ»: митинги – это нормальное демократическое средство выражения гражданами своей позиции	67%	52%
	«Лояльные ТВ»: митинги – это инструмент дестабилизации порядка в стране, и их необходимо запрещать	25%	44%
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА			
5	«Критики ТВ»: люди имеют право бороться за свои права, даже если это идет вразрез с интересами государства.	59%	43%
	«Лояльные ТВ»: ради интересов государства в отдельных случаях можно согласиться с ущемлением прав отдельных граждан	16%	27%
ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ			
6	«Критики ТВ»: государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны	42%	23%
	«Лояльные ТВ»: государство нам дает немало, но можно требовать и большего	18%	37%
КАК ПОБЕДИТЬ КОРРУПЦИЮ?			
7	«Критики ТВ»: реальное разделение властей – независимый суд, парламент, СМИ	56%	33%
	«Лояльные ТВ»: концентрация всей власти и полномочий в руках высшего руководства	32%	51%
СМОЖЕТ ЛИ ПУТИН СПРАВИТЬСЯ С КОРРУПЦИЕЙ?			
8	«Критики ТВ»: Путин зависит от коррумпированных чиновников ИЛИ сам заинтересован в коррупции	46%	13%
	«Лояльные ТВ»: Путин сможет добиться успеха в борьбе с коррупцией ИЛИ, по крайней мере, будет пытаться	50%	84%

ное отношение к существующей власти и отсутствие доверия к социальным институтам, в том числе к основным (государственным) СМИ. Анализ потребителей «независимых СМИ» подтверждает выводы, что вокруг них образуется не гомогенная либеральная публика, а аудитория с **разными политическими взглядами**.

Интернет, социальные сети, блогеры

Данные исследований с 2001 года показывают стремительный рост уровня использования интернета за последние 15 лет (рис. 11а). Наиболее показателен рост использования его в молодежной среде. На данный момент использование интернета самыми молодыми респондентами (18–24) составляет 90%. В начале

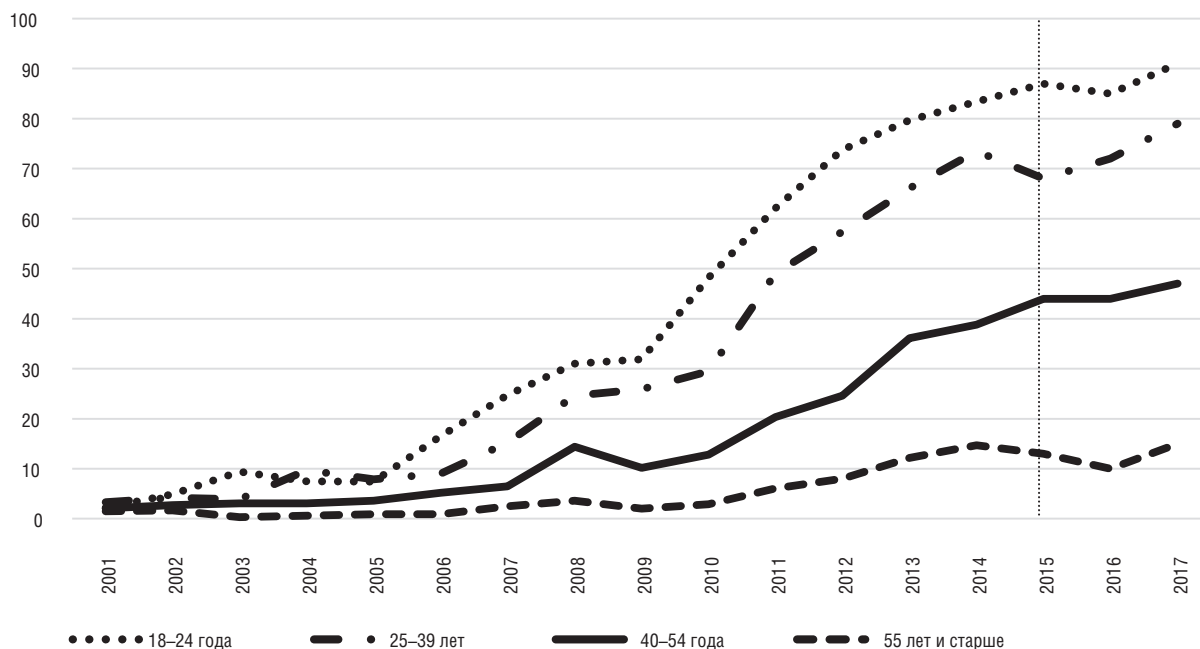
Рисунок 11

КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПОДХОДИТ РОССИИ ЛУЧШЕ ВСЕГО? (Россия, март 2017)

Рисунок 11а

ДИНАМИКА РЕГУЛЯРНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТОМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА РЕСПОНДЕНТОВ (Россия)

С 2015 года объединены варианты ответов «Несколько раз в день» и «Примерно 1 раз в день».

измерения в 2001 году пользование интернета составляло 2–3% по всем возрастным группам. Сегодня в самых старших возрастных группах использование интернета наименьшее и находится на уровне около 15%.

Сайты. Среди источников новостей в интернете на первом месте с большим отрывом находятся новостные агрегаторы: Яндекс.Новости и новости Mail.ru, которые представляют пользователям набор ссылок, обрывки информации с различных сайтов. Аналитические и серьезные интернет-издания интересны лишь небольшо-

му кругу читателей. Кроме того, в последние годы в адрес российских новостных агрегаторов звучит все больше претензий, что они пытаются отсеивать и не публиковать материалы, откровенно критические по отношению к нынешней власти. Например, новости о массовых протестах 26 марта в Яндекс.Новости появлялись и быстро исчезали из топа новостных агрегаторов¹. То есть для значительного числа потреби-

¹ Сюжет о задержании Навального исчез из главных новостей «Яндекса» // Ведомости. 27 марта 2017 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/26/682745-syuzhet-ob-areste-navalnogo>.

телей интернет-новостей глобальная паутина совсем не обязательно представляет альтернативную картину происходящего (рис. 12).

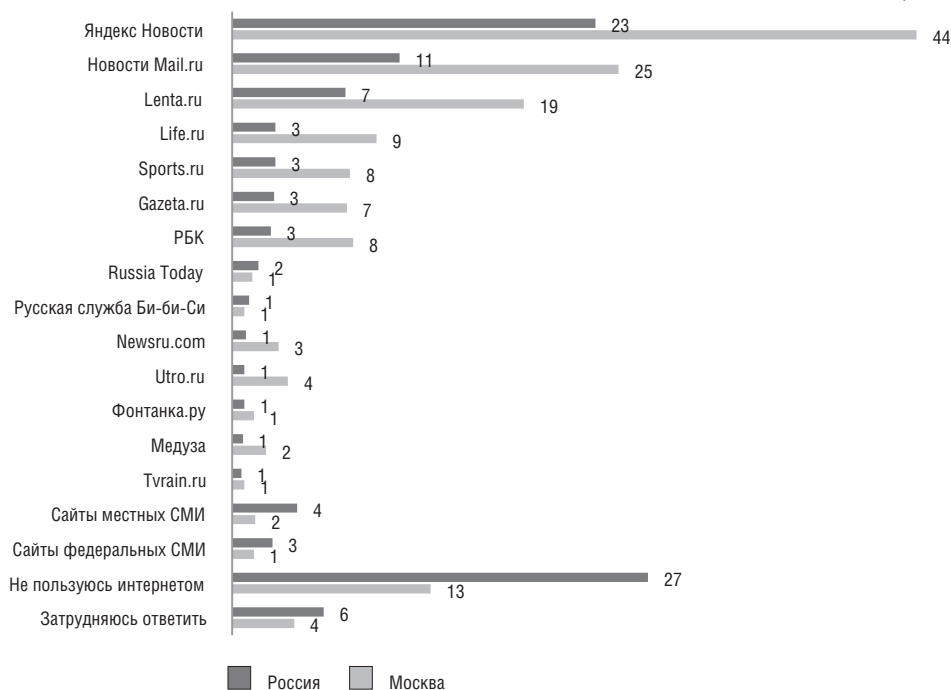
Многие из самых популярных интернет-ресурсов в целом воспроизводят ту картину, которую производят федеральные телеканалы. У государства остается много инструментов для контроля за информационной повесткой в интернете. Характерна история с одним из самых популярных новостных интернет-сайтов Lenta.ru. В марте 2014 года собственник сменил редакцию сайта, предположительно опасаясь того, что журналисты освещают события на Украине, представляя в своих материалах и репортажах позицию украинского руководства¹. После этих изменений критических по отношению к российскому руководству материалов на сайте стало меньше. Прежний редактор и часть журналистов, покинувшие Lenta.ru, организовали новый сайт Meduza.io и продолжили работать, руководствуясь прежними принципами. Что же произошло с читательской аудиторией? Наши данные позволяют заключить, что смена редакции прошла практически незамеченной читателями Lenta.ru. В 2014 году ее читало 9–10% россиян, сегодня их около 7% (при погрешности измерения в 3,4% размер аудитории можно считать неизменным). При этом размер читательской аудитории Meduza.io спустя два-три года после ее

создания остается на уровне 1%. То есть пользователи интернета не заметили изменений, а если и заметили, то не придали им особого значения. Читатели не перешли, вслед за редакцией Lenta.ru, на новый ресурс, а продолжили читать привычный. Эта история показывает, насколько широкими остаются возможности государства по формированию определенной картины событий даже в интернете — достаточно контролировать наиболее популярные ресурсы. Небольшие нишевые сайты остаются свободными, поскольку не имеют возможности в значительной степени влиять на общественное мнение своими публикациями.

Социальные сети распространяют охват на все большее число россиян (рис. 13). На сегодняшний день «хотя бы раз в неделю» использует сети около 55% россиян (в том числе около трети — «ежедневно или почти ежедневно»). Никогда не пользовалось сетями около 30%. При этом за четыре года общее число пользователей социальных сетей выросло на 10 пунктов. Этот рост происходит в первую очередь за счет молодых россиян, в самой молодой возрастной группе (18–24 года) пользуются социальными сетями хотя бы «несколько раз в неделю» 93% респондентов. Можно предположить, что среди более младших эта цифра еще выше. Отметим, что данные изменения произошли в стране все-

Рисунок 12

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ ВЫ ПОСЕЩАЕТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО? (дек. 2016)

¹ Дорогим читателям от дорогой редакции // Lenta.ru. 12 марта 2014 года. URL: <https://lenta.ru/info/posts/statement/>.

го за 10–12 лет – время, прошедшее с момента появления социальных сетей.

За эти годы происходило не только общее увеличение аудитории, но и изменение соотношения конкретных социальных сетей (рис. 14). Так, согласно нашим данным, доля регулярных пользователей «Одноклассниками» активно росла вплоть 2014 года и последние несколько лет остается практически неизменной (на се-

годняшний день чуть выше 40%). Продолжается быстрый рост популярности «ВКонтакте» (40%) и Instagram, который сравнялся по популярности с Facebook (около 11–12%). За последние три года заметно снизилась доля сети «Мой мир» (до 7%). Наши данные позволяют предположить, что рост аудитории социальных сетей идет в первую очередь за счет пользователей молодых возрастов.

Рисунок 13

ПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ (март 2017)

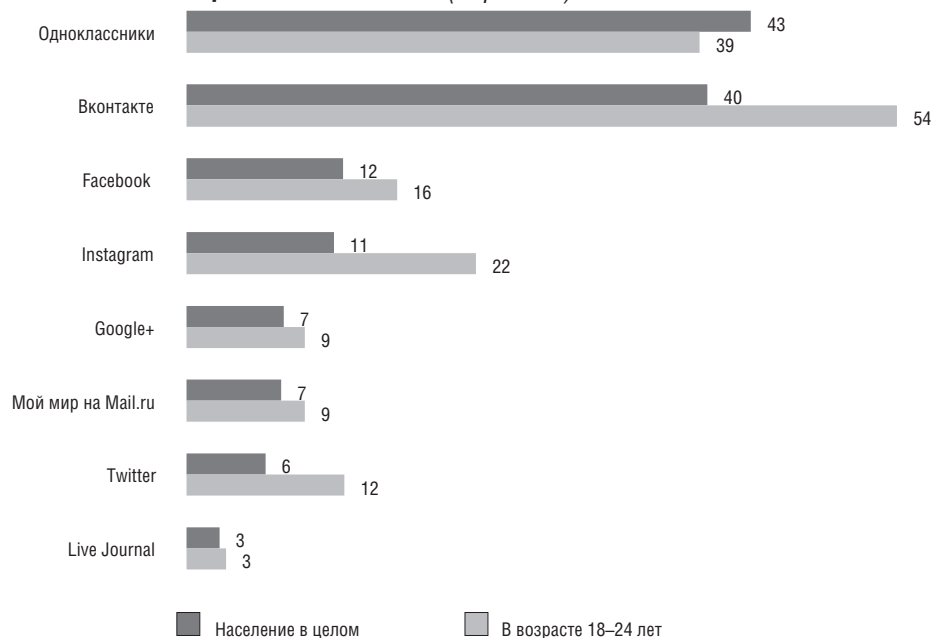
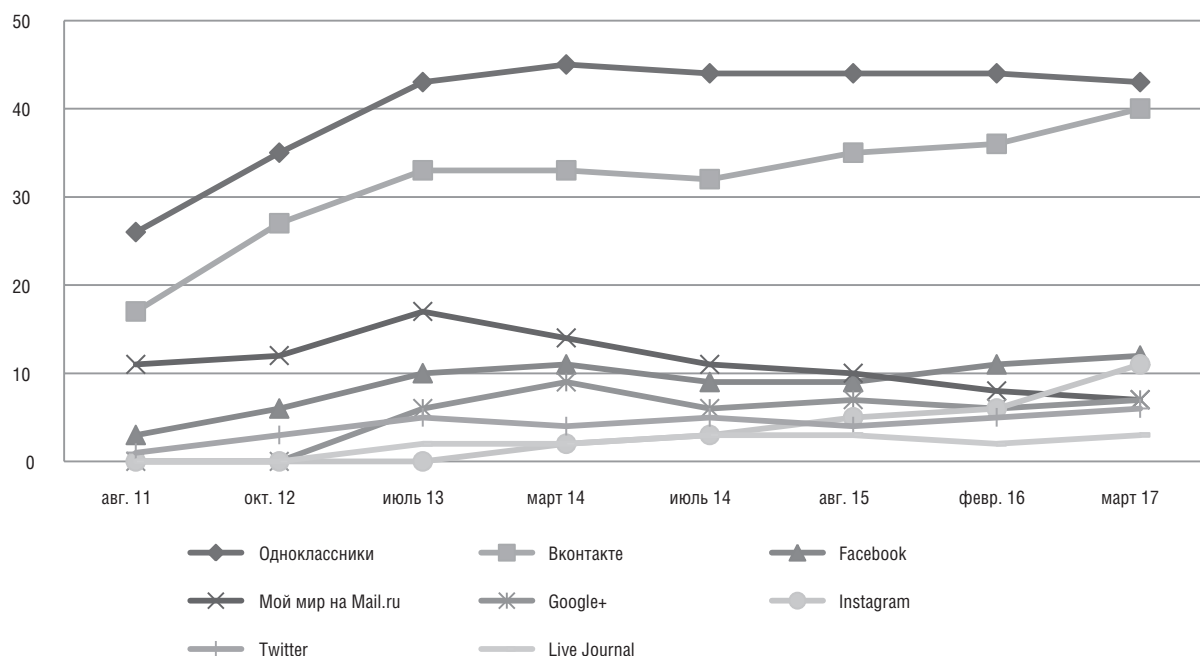

Рисунок 14

ДИНАМИКА АУДИТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (Россия)

Блогеры. На фоне российского телевидения интернет-контент имеет безусловные отличия. Во-первых, он рассчитан на более молодую, а потому менее политизированную публику. Во-вторых, интернет-аудитория не концентрируется вокруг нескольких главных каналов, охватывающих разные темы, а распределяется среди огромного количества медиаканалов, нацеленных на специфическую аудиторию (рис. 15).

Некоторые интернет-каналы четко ориентированы на социально значимые темы. Например, канал «*СтопХам*» декларирует в качестве основной цели борьбу с хамством на дорогах, а «*Лев Против*» выступает за продвижение здорового образа жизни. Эти каналы могут использоваться политиками непосредственно в своих целях без дополнительных усилий, поскольку концентрируют вокруг себя специфическую аудиторию. Наиболее популярными являются развлекательные каналы, например, «+100500» (обзоры «вирусных» видео). Блогеры, ведущие их, зачастую не выражают каких-либо политических взглядов, часто и сознательно избегают обсуждения по-

что некоторые развлекательные блогеры стали включаться в обсуждение политической повестки и реагировать на проникновение политики в сферу их творчества, например Николай Соболев и Данила Поперечный¹.

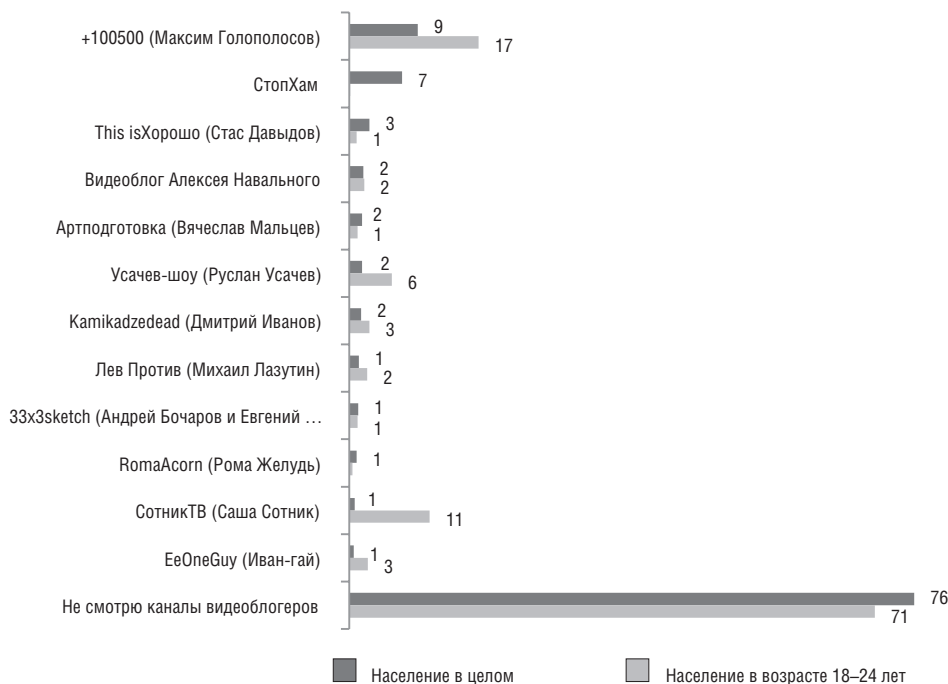
Однако ирония в адрес государства, высмеивание отдельных политических мер сами по себе могут приводить к снижению пафоса официальной риторики. Так, «закон Яровой» или следствие над блогером Соколовским были встречены авторами интернет-ресурсов с непониманием и возмущением². Аудитории блогеров, даже в молодежной среде, пока еще довольно малы, чтобы составить конкуренцию федеральным телеканалам. Скорее следует говорить, что они вносят вклад в то, что оценка, которую дают телеканалы основным событиям, постепенно будет размываться. Контролировать информационную повестку все еще можно, но это становится делать труднее.

Чтение газет и радионОВОСТИ

Аудитория российских газет сокращается на протяжении последней четверти века (рис. 16).

Рисунок 15

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ КАНАЛОВ ВИДЕОБЛОГЕРОВ В ИНТЕРНЕТЕ ВЫ СМОТРИТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО?
(дек. 2016)

литических вопросов. Алексей Навальный, чтобы завоевать дополнительный интерес молодой аудитории, вынужден следовать за блогерами, делать из своих выступлений шоу, снимать фильмы, развлекать. Стоит отметить,

¹ «Спилберг в Госдуме / Навальный vs. Усманов: кто врет? / Канал Николая Соболева «SOBOLEV». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PobbUXJOVhw>; ПОПЕРЕЧНЫЙ НА МИТИНГЕ. #ДимонОтветит / Канал Данила Поперечного. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XYRQi90cWA>.

² Например, видео на канале Руслана Усачева «Я был на суде Соколовского!». URL: https://www.youtube.com/watch?v=yTLH_6Z44sE.

За последние пять лет количество тех, кто не читает газеты «никогда или практически никогда», выросло почти в два раза и составило половину населения страны. Тех, кто читает газеты «ежедневно или практически ежедневно», на сегодняшний день насчитывается не более 5%. В ноябре 1990 года таких было в 13 раз больше – 64%.

Наиболее читаемыми газетами остаются местные (районные и областные) и таблоиды типа «Аргументов и фактов» (12% по стране), «Комсомольской правды» (7% по стране) (рис. 17). Бесплатные московские газеты «Метро» и «Вечерняя Москва» (газета московского

правительства) имеют в столице очень широкий охват. Их читают около 20 и 11% москвичей соответственно. Аудитории специализированных новостных и аналитических изданий, которые предлагают качественный анализ происходящего, ожидаемо малы по сравнению с массовыми газетами: количество читателей «Ведомостей», «Коммерсанта», РБК, «Независимой газеты» и «Новой газеты» не превышает 1–2% населения. В крупнейших городах доля читателей этих газет лишь немногим больше. На формирование картины мира населения в целом эти издания имеют очень малое влияние.

Рисунок 16
РЕГУЛЯРНОСТЬ ЧТЕНИЯ ГАЗЕТ (Россия)

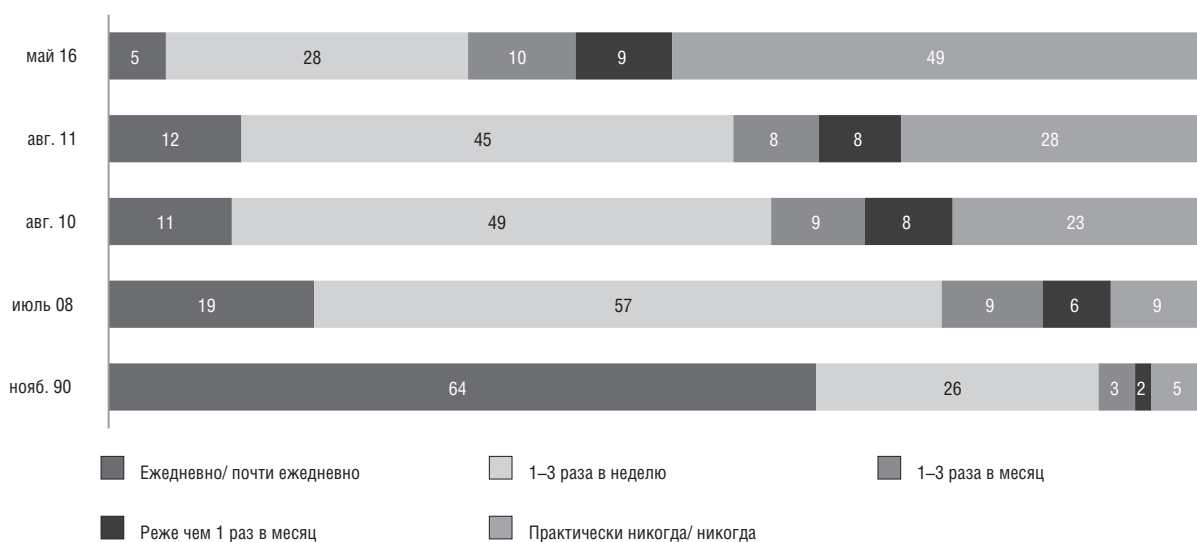

Рисунок 17
КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГАЗЕТ ВЫ ЧИТАЕТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО, В ТОМ ЧИСЛЕ В ИНТЕРНЕТЕ И ЧЕРЕЗ МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ? (дек. 2016)

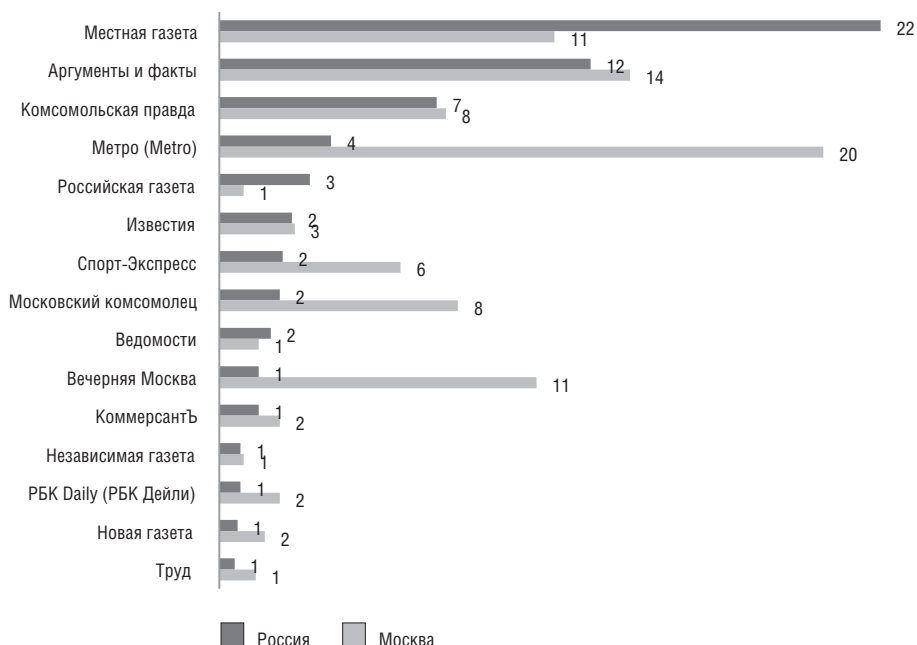
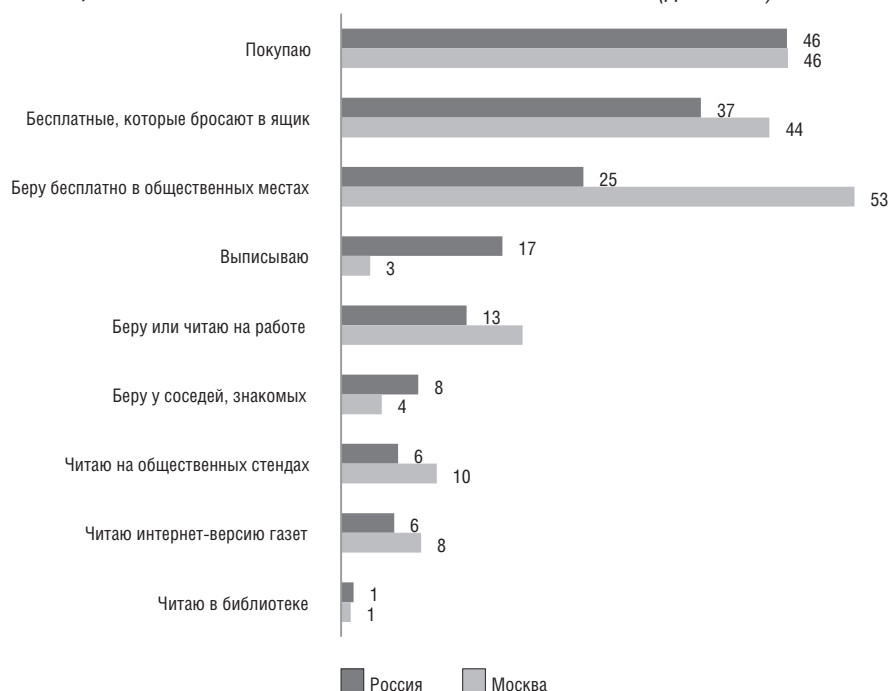

Таблица 4

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ТИПОВ ГАЗЕТ ВЫ ЧИТАЕТЕ, ПРОСМАТРИВАЕТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО? (дек. 2016)

	Россия	Москва
Местные ежедневные или еженедельные общественно-политические газеты	42	23
Бесплатные газеты, распространяемые по месту жительства, в других местах	33	58
Общероссийские развлекательные еженедельные и ежемесячные газеты новостей, сенсаций, скандалов	29	29
Местные газеты рекламных объявлений	24	18
Газеты кроссвордов, сканвордов, ребусов и пр.	16	25
Местные развлекательные газеты новостей, сенсаций, скандалов	12	5
Спортивные газеты	8	21
Общероссийские газеты рекламных объявлений	8	7
Другое	3	3
Затрудняюсь ответить	2	2

Рисунок 18

ГДЕ ВЫ БЕРЕТЕ ГАЗЕТЫ, КОТОРЫЕ ЧИТАЕТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО? (дек. 2016)

Газеты закрепились в нише источников городских, местных новостей наряду с региональными телеканалами и радиостанциями. События федерального масштаба в них не обсуждаются. Почти половина читателей газет покупает их самостоятельно. Получают издания по подписке только 17% россиян и 3% москвичей. Преобладают различные методы бесплатного распространения. Значительное число читателей предпочитает те газеты, которые бесплатно бросают в почтовый ящик (37% россиян и до 44% москвичей). Около четверти

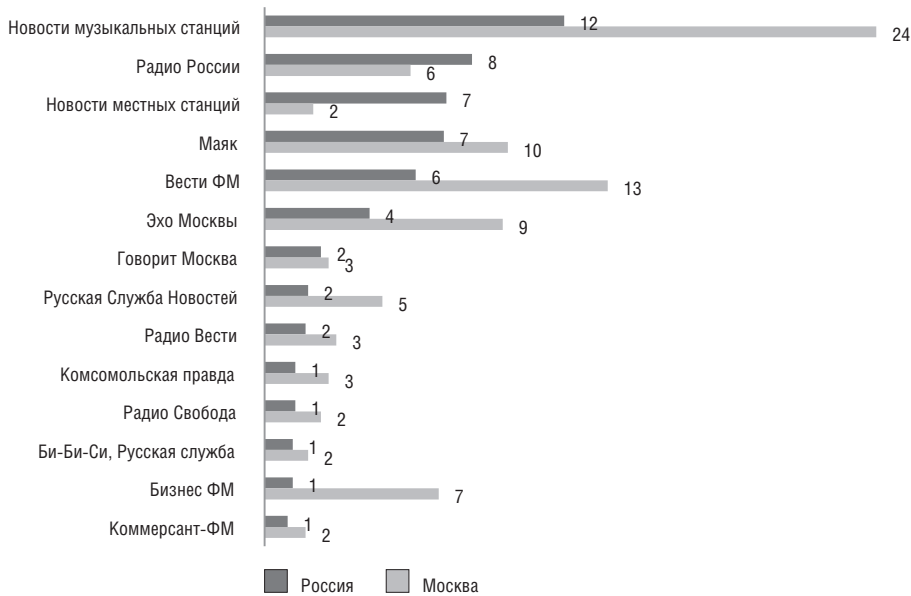
населения России (в Москве до половины населения – крупный город и в этом случае предоставляет больший выбор) читают бесплатные газеты, которые можно взять в общественных местах (рис. 18).

Выпуски новостей на информационных радиостанциях уступают в популярности новостям на музыкальных станциях (рис. 19). Среди наиболее популярных информационных радиоканалов: «Радио России», «Маяк», «Вести ФМ» и «Эхо Москвы». Аудитория практически всех информационных радиостанций в Москве больше.

Рисунок 19

НОВОСТИ И ПЕРЕДАЧИ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ НА КАКИХ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ РАДИОСТАНЦИЙ ВЫ СЛУШАЕТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО, В ТОМ ЧИСЛЕ В ИНТЕРНЕТЕ? (дек. 2016)

«Независимые» и «официальные» СМИ

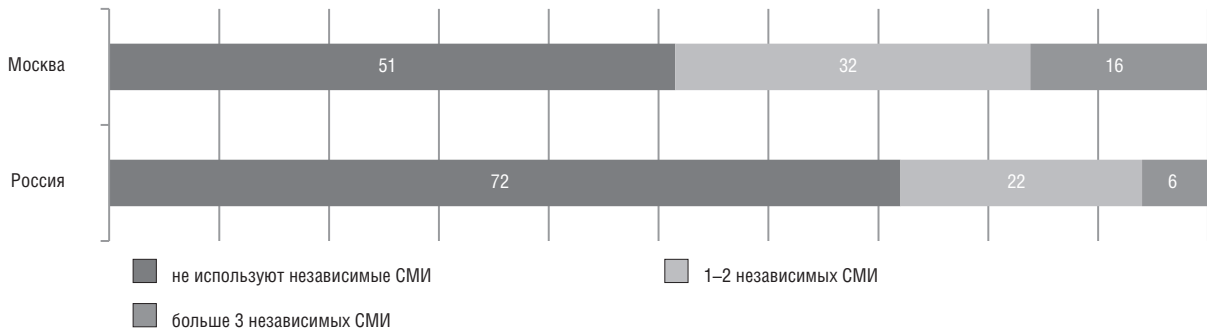
Основываясь на приведенных выше вопросах о пользовании конкретными СМИ (телеканалы, радио, газеты, интернет-сайты), мы рассчитали приблизительную долю населения, пользующегося теми СМИ, которые принято называть «независимыми» (которые представляют различные точки зрения на происходящее, публикуют результаты журналистских и антикоррупционных расследований, сообщают о проведении протестных митингов и пр.) (рис. 20). Для этого по каждому вопросу мы экспертным образом определили СМИ, которые, с нашей точки зрения, можно считать независимыми. В их число попали телеканалы *РБК-ТВ*, *«Дождь»*, *Euronews*, радиостанции *«Эхо Москвы»*, *«Радио Свобода»*, *Би-би-си*, газеты *РБК*, *«Ведомости»*, *«Новая газета»* и пр., соответствующие интернет-сайты. Конечно, это данные нельзя назвать исчерпывающими,

более того, они являются оценочными. Однако данный прием, с нашей точки зрения, позволяет хотя бы приблизительно понять размер аудитории, которая имеет доступ к информации, представляющей альтернативу официальной повестке.

Согласно проведенным расчетам суммарная аудитория независимых СМИ в России составляет порядка 28% — столько людей более или менее регулярно используют хотя бы один из перечисленных независимых источников. Из них «активными пользователями» можно назвать лишь 6% россиян. Это те, кто использует три и более независимых источников получения информации, то есть активно и заинтересованно получает информацию из различных источников (включая «официальные»). В каком-то смысле эта цифра показывает реальные, а не декларируемые интерес и компетентность в оценке происходящего.

Рисунок 20

РАЗМЕРЫ АУДИТОРИЙ «НЕЗАВИСИМЫХ» И «ОФИЦИАЛЬНЫХ» СМИ (дек. 2016)

Оставшиеся 22% используют только один-два независимых источника, то есть менее заинтересованы в том, чтобы разобраться в происходящем. В Москве доля людей, потребляющих информацию из независимых источников, в два раза больше, чем по стране в целом (по нашим подсчетам она достигает половины от общего количества москвичей). Но здесь «активных пользователей» только 16%, остальные 32% используют лишь один-два независимых источника. Все это при том, что потенциально доступ к данным СМИ имеет большинство населения – через интернет. Отсутствие активного интереса к общественно-политическим событиям у большинства населения приводит к тому, что предпринимать дополнительные усилия и искать информацию сверх той, что доступна в фоновом режиме через основные телеканалы, готовы немногие.

Анализ показывает, что наибольшие различия в социально-демографических характеристиках, а также во взглядах наблюдаются между «активными пользователями» независи-

мых СМИ и теми, кто не использует их вовсе (табл. 5, 6). Те респонденты, которые используют лишь одно-два независимых СМИ, занимают промежуточное положение, но по своим характеристикам ближе к «неактивным». Что касается возраста, то все три категории очень близки друг к другу. При этом «активные пользователи» оказались самыми образованными, благополучными в материальном плане. Они в несколько раз чаще владеют иностранными языками, чаще участвуют в различных благотворительных и гражданских инициативах (по этому параметру различия с другими группами заметны, но не радикальны).

Что касается политических взглядов, то группа «активных пользователей» оказывается наиболее оппозиционно настроенной среди остальных. Это касается как относительно низкой поддержки существующей власти, так и более высокой популярности оппозиционных партий и политиков. Представители этой группы заметно чаще относятся критически к принимаемым в последнее время ограничительным

Таблица 5

НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ АУДИТОРИИ «НЕЗАВИСИМЫХ» СМИ (Россия, дек. 2016)

	Не используют независимые СМИ	Используют 1–2 независимых СМИ	Используют 3 и более независимых СМИ
Готовность проголосовать за В. Путина	51	48	36
Готовность проголосовать за «Единую Россию»	26	23	15
Готовность голосовать за «Яблоко»	0,1	1	3
Одобрение деятельности С. Лаврова	66	74	80
Одобрение деятельности С. Шойгу	76	76	78
Одобрение деятельности А. Кудрина	13	16	23
Одобрение деятельности А. Навального	4	9	19
Одобрение деятельности М. Ходорковского	3	7	15

Таблица 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АУДИТОРИИ «НЕЗАВИСИМЫХ» СМИ (Россия, дек. 2016)

	Не используют независимые СМИ	Используют 1–2 независимых СМИ	Используют 3 и более независимых СМИ
Коммунистические	15	12	15
Социал-демократические	10	18	17
Анархические	1	1	1
Монархические	0,1	1	2
Национал-патриотические, националистические	2	4	5
Либеральные	4	9	16
Государственнические, центристские	8	8	12
Консервативные	3	4	9
Не имею политических взглядов/затрудняюсь	55	42	23

законам (например, к закону «Об иностранных агентах»), чаще выступают за налаживание отношений со странами Запада. Однако необходимо подчеркнуть, что указанные различия могут быть значительными, но на сегодняшний день не носят принципиальный характер. Например, готовность голосовать за Владимира Путина среди «активных пользователей» в полтора раза меньше, чем среди тех, кто не использует независимые СМИ, но и в данной группе Путин остается наиболее популярным кандидатом. Это подтверждает звучавший выше тезис о том, что аудиторию независимых СМИ нельзя автоматически записывать в сторонники оппозиции, это люди с разными политическими взглядами. Доминирующие в обществе установки (в отношении власти, некоммерческих организаций, Запада) характерны и для этой специфической аудитории, пусть и в менее выраженной форме.

Доверие к СМИ

По мнению россиян, телевидение по-прежнему остается наиболее надежным кана-

лом получения информации. Телевизионной информации доверяет половина россиян, социальным сетям – четверть, печатным изданиям – 35%. Тем не менее к основным телеканалам россияне также относятся со значительной долей скепсиса: только 10% опрошенных доверяют телевидению «в полной мере» (рис. 16). Доверие к СМИ оказывается больше, чем ко многим другим публичным институтам. Выше СМИ по уровню доверия лишь институты президента, армии, органов госбезопасности и Церкви (рис. 21).

Стоит отличать доверие телевидению как к институту и использование этого канала информации. Проведенные замеры в июле и декабре 2016 года указывают на то, что около четверти россиян получает новости из телевизора и при этом телевидению не доверяет. Респонденты, которые «смотрят, но не доверяют», в целом более скептически настроены по отношению к власти, но это не конвертируется в бо льшую поддержку оппозиционных политиков или систему взглядов, которая могла быть стать альтернативой идеям, продвигаемым го-

Рисунок 21
ДОВЕРИЕ К ОСНОВНЫМ ИНСТИТУТАМ (Россия, март 2016)

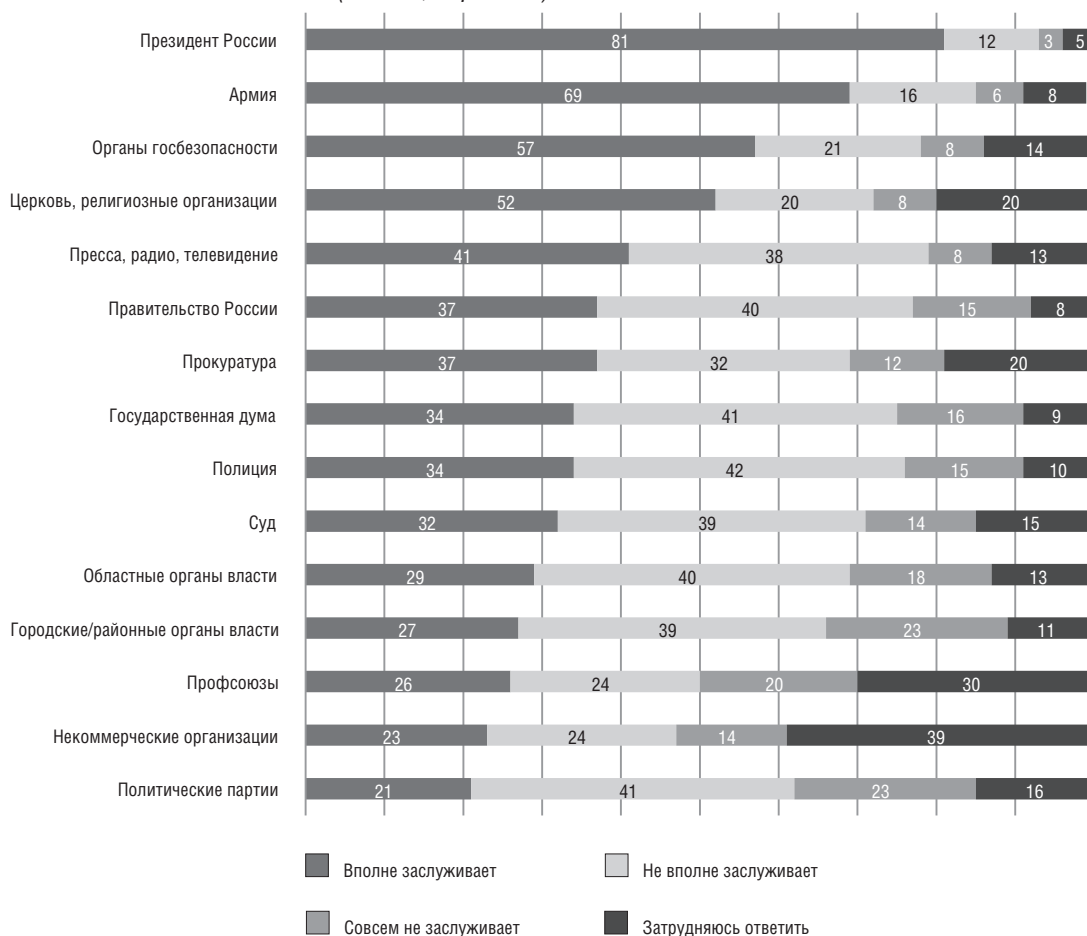
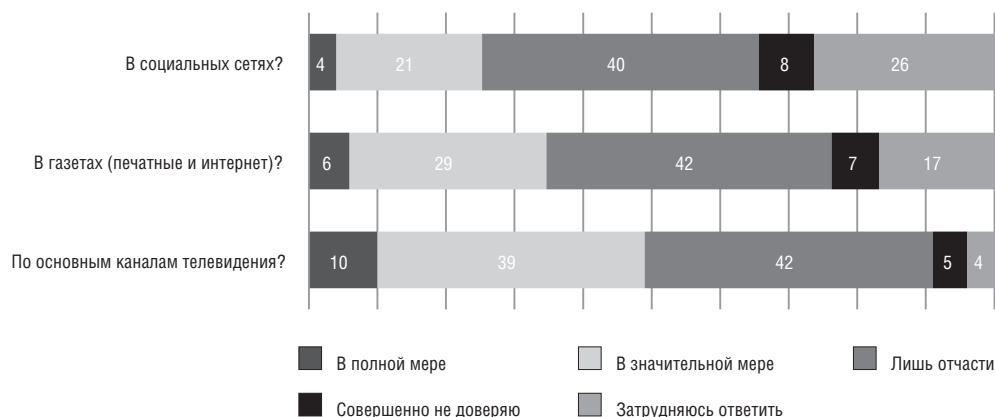

Рисунок 22

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ИНФОРМАЦИИ О СОБЫТИЯХ В СТРАНЕ, РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ... (Россия, март 2017)

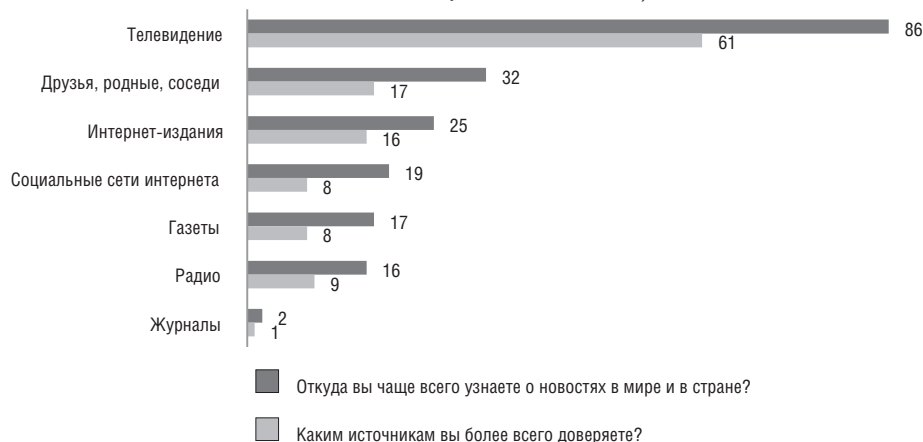
сударством. Сегодня такая позиция наиболее характерна для молодых россиян.

Доверие к новостям в значительной степени зависит от степени удовлетворенности текущей медийной повесткой: россияне часто отмечают «переизбыток» новостей о внешней политике, военной операции России в Сирии и нехватку информации о социальных проблемах и экономике. Чем ниже уровень доверия к телевидению, тем более искаженным представляется россиянам освещение отдельных тем. В октябре 2016 года 47% россиян соглашались с тем, что СМИ недоговаривают часть информации, прежде всего в том, что касается социально-экономических проблем. Больше половины россиян говорят о невнимании СМИ к вопросам роста цен, безработицы, проблемам социальной сферы. Информация о внешней политике, по мнению россиян, представляется наиболее полно — ее недостаточно только 11% опрошенных. Наименее объективно, по мнению россиян, освещаются экономика и повседневные, бытовые темы.

Сферы общественной жизни могут быть разделены на те, положение дел в которых россиянам известно исключительно из СМИ, и те, информацию о состоянии дел в которых можно получить из других источников. Информация о бытовых темах и ситуации в экономике может быть получена от ближайшего окружения в виде слухов, сплетен или воспринята из непосредственного опыта респондента. Россиянам было предложено определить степень доверия информации, транслируемой по основным российским телеканалам. Были проанализированы ответы тех, кто выбрал крайние позиции («в полной мере доверяю» и «совершенно не доверяю»). Учитывая монополию государства в российской медиаповестке, меньшая степень доверия обозначает не только отношение к самой информации, но и отношение к доминирующей государственной политической повестке и риторике.

Россияне, которые не доверяют телевидению, реже признаются в том, что не могут от-

Рисунок 23

КАНАЛЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ И ДОВЕРИЕ К НИМ (Россия, дек. 2016)

личить правду от недостоверной информации. В среднем по России так считают 15% опрошенных. Респонденты, доверяющие телевизионной информации и в наибольшей степени подверженные интенсивному воздействию эмоционально окрашенного телевизионного вещания, чаще всех признаются в неспособности критически проанализировать новостную программу. За последние несколько месяцев в мире стала актуальной тема информационных вбросов, «фейковых» новостей, заведомо ложных или недостаточно обоснованных. Насколько способность разобраться в достовер-

ности новостей важна для рядового человека в России?

Почти половина населения (46%) сомневается в своей способности распознать ложь и правду в информационных потоках. Столько же (46%) считают, что могут разобраться (полностью уверены в этом 9%). Еще 44% россиян считают, что большинству населения страны не нужна правда, если она не касается их напрямую. Те респонденты, которые признаются в неспособности отличить ложную информацию от правды, заметно чаще других говорят о том, что людям в принципе не нужна правда (табл. 7, 8).

Рисунок 24

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПО КАКИМ ТЕМАМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДАЕТ...? (Россия, июль 2016)

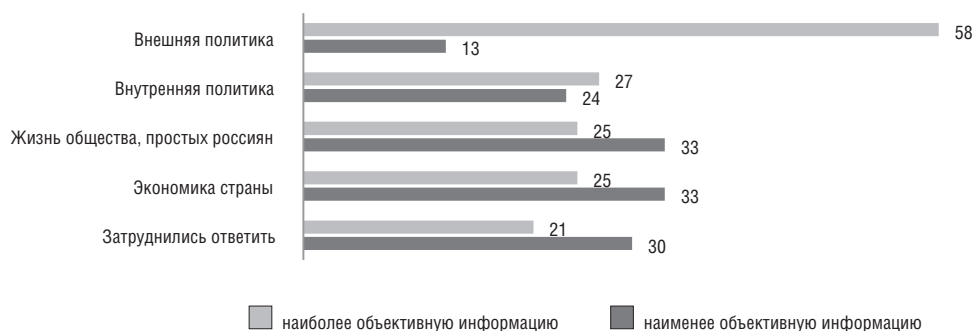

Рисунок 25

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОСТАТОЧНО ЛИ ГЛАВНЫЕ ТЕЛЕКАНАЛЫ РОССИИ УДЕЛЯЮТ ВНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЕ... (Россия, март 2017)

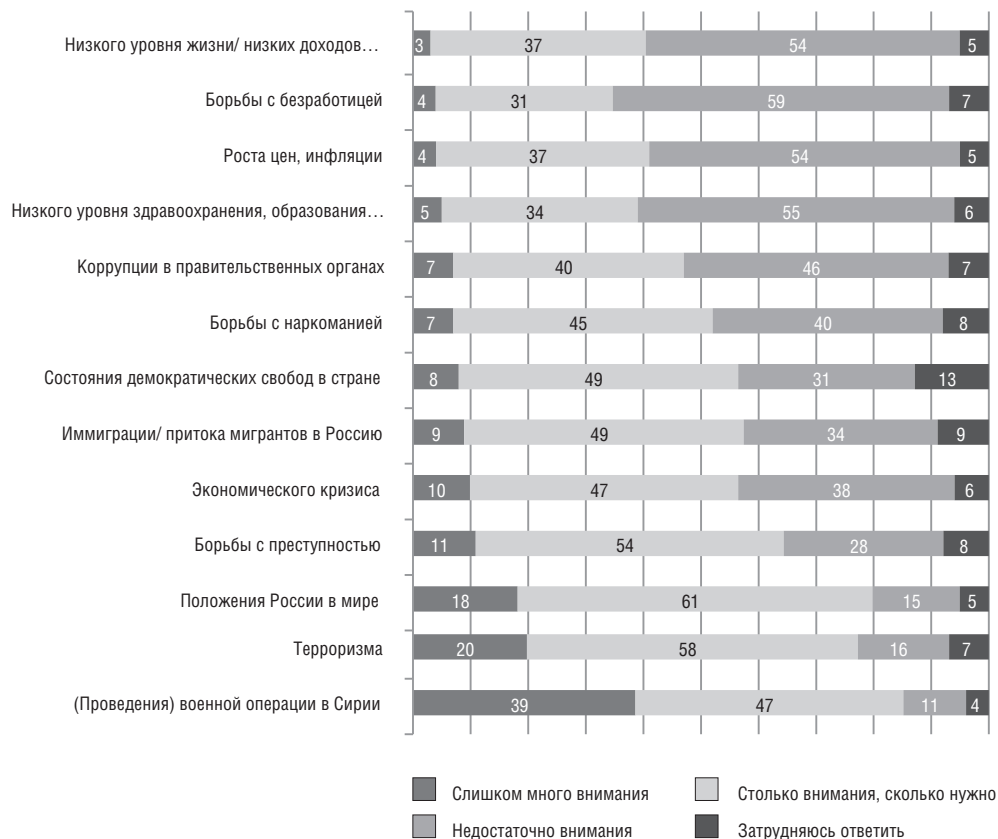

Таблица 7

СПОСОБНОСТЬ ОТЛИЧИТЬ ПРАВДУ ОТ ЛЖИ (Россия, март 2017)

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Определенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Такие люди, как я, часто не могут отличить ложную информацию от правды в СМИ	10	36	37	9	8
Большинству россиян не так уж нужна вся правда, если она не касается их напрямую	9	35	34	11	11

Таблица 8

МНЕНИЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРАВДЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОБСТВЕННОЙ СПОСОБНОСТИ ОТЛИЧИТЬ ПРАВДУ ОТ ЛЖИ (Россия, март 2017)

		«Такие люди, как я, часто не могут отличить ложную информацию от правды в СМИ»				
		Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Определенно не согласен	Затрудняюсь ответить
«Большинству россиян не так уж нужна вся правда, если она не касается их напрямую»	Полностью согласен	41	8	4	4	2
	Скорее согласен	28	53	25	28	16
	Скорее не согласен	12	26	54	21	19
	Определенно не согласен	14	6	10	42	5
	Затрудняюсь ответить	5	6	7	5	57

Цензура

Половина населения страны (56% в мае 2016 года) уверена, что на основных телеканалах телевидения существует государственная цензура. Противоположного мнения придерживаются 19% опрошенных (остальные затрудняются с ответом). При этом лишь небольшая часть россиян (18%) в открытом вопросе с предварительным кодированием могла назвать конкретные примеры «государственного давления на средства массовой информации». Более того, категорически против цензуры выступает лишь чуть более трети населения (37% в марте 2017 года). Значительная часть тем, которые россияне готовы цензурировать, касается безопасности страны. Среди запретных тем также оказываются личная жизнь, благосостояние госслужащих. При этом россияне, не доверяющие телевизионной информации, несколько чаще (на 11 п.п.) говорят, что цензура не нужна в принципе.

Для 48% россиян цензура в СМИ представляется необходимой, 15% затрудняются с ответом. Факторный анализ списка тем демонстрирует скрытые структуры в общественном сознании, артикулируемые через желание запрета отдельных тем. Наиболее ярко выражены три фактора, модели отношения к цензуре. Во-первых, что информация о всех ключевых сферах жизни государства — экономике, внешней и

внутренней политике — должна быть объектом цензуры. Во-вторых, что должны быть скрыты данные, касающиеся неких стратегических богатств страны: военные расходы, запасы природных ископаемых, работа спецслужб. В-третьих, что деятельность оппозиции и личная жизнь госслужащих не должны освещаться в СМИ: личная жизнь и благосостояние госслужащих, выступления оппозиционных политиков, критика России со стороны стран Запада и оппозиции и акции протеста (рис. 26).

Распространенное мнение о необходимости цензуры относится и к интернет-источникам (рис. 27). Около 60% россиян считают, что цензура в интернете необходима.

Большинство респондентов рассматривают интернет как дополнительный источник информации о происходящем в стране и мире: по их мнению, некоторые темы в интернете освещаются полнее, прежде всего то, что касается вопросов личной жизни чиновников и положения дел в экономике. Тема личного благосостояния госслужащих, по мнению каждого пятого россиянина (20%), в интернете освещается полнее и объективнее. Для части россиян эта тема оказывается одновременно и запретной, и недостаточно освещенной по телевидению. Также в интернете полнее представлена тема экономического состояния страны (13%) и деятельности оппозиции (10%) (рис. 28).

Рисунок 26

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ОТЛИЧИТЬ ЛОЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ОТ ПРАВДЫ? (Россия, март 2017)

Рисунок 27

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕОБХОДИМА ЛИ ЦЕНЗУРА (ЗАПРЕЩЕНИЕ ДОСТУПА К ОТДЕЛЬНЫМ САЙТАМ И МАТЕРИАЛАМ) В ИНТЕРНЕТЕ? (Россия)

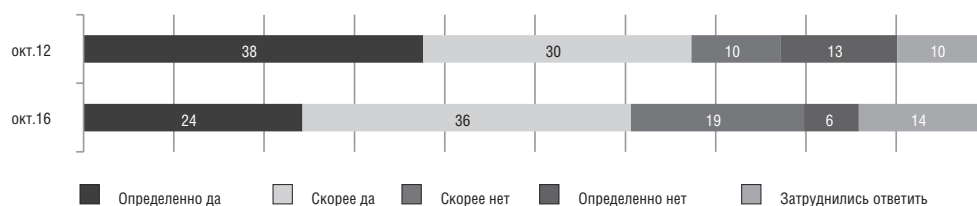

Таблица 9

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ НАЗВАТЬ КАКИЕ-НИБУДЬ СЛУЧАИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДАВЛЕНИЯ НА СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ? (несколько вариантов ответа; N=800, Россия, май 2016)

Отключение телеканала «Дождь» от кабельных сетей в 2014 году	7
Смена руководства РБК в 2016 году	6
Смена руководства НТВ в 2001 году	5
Давление на руководство «Эха Москвы» в 2015 году	4
Смена руководства Ленты.ру в 2014 году	2
Другое	1
Не могу назвать ни одного такого случая	82

Таблица 10

ДОПУСТИМОСТЬ ЦЕНЗУРЫ В СМИ.**КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОПУСТИМА ЛИ ЦЕНЗУРА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, И ЕСЛИ ДА, ПРИ ОСВЕЩЕНИИ КАКИХ ТЕМ ОНА ДОПУСТИМА? (Россия, март 2017)**

	Всего	Степень доверия информации по основным каналам телевидения	
		В полной мере доверяют	Совершенно не доверяют
Работа спецслужб по охране порядка	18	14	10
Личная жизнь, благосостояние госслужащих, депутатов, общественных деятелей	16	17	17
Военные расходы государства	12	12	8
Участие страны в военных операциях за рубежом	10	11	11
Критика внешней политики России со стороны стран Запада и оппозиции	8	7	10
Положение дел в экономике	7	10	7
Положение дел во внешней политике	7	7	3
Запасы природных ископаемых страны	7	9	5
Акции протеста	6	9	9
Планы правительства по проведению непопулярных реформ	5	4	7
Уровень инфляции	5	4	7
Выступления оппозиционных политиков	5	6	6
Другие темы	2	2	<1
Цензура в средствах массовой информации недопустима	37	40	48
Затрудняюсь ответить	15	17	15

Рисунок 28

ПРИ ОСВЕЩЕНИИ КАКИХ ТЕМ ИНФОРМАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ В ЦЕЛОМ ПОЛНЕЕ И ОБЪЕКТИВНЕЕ, ЧЕМ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ? (март 2017)

Выводы

Телевидение остается главным источником информации для россиян. Однако параллельно происходят изменения в моделях потребления информации. Особенно это заметно в молодежной среде. С 2011 по 2016 год использование телевидения как главного источника новостей среди молодежи снизилось, а интернета выросло. Российские федеральные каналы рассчитаны на массового зрителя и не сегментируют между собой телеаудиторию по политическим предпочтениям. Исключение представляют лишь «нишевые» телеканалы, такие как «Дождь». Однако и на «независимых» информационных площадках власть пользуется поддержкой, хоть и в меньшей степени, чем по основным федеральным телеканалам. Молодые россияне смотрят информационно-аналитические передачи по телевидению в 2–2,5 раза реже, чем в старших возрастных группах.

Семантический анализ главных российских телеканалов указывает на недифференцированное отношение к ним. Респонденты, критикующие телеканалы и лояльные им, резко расходятся в оценке власти. Оценки телеканалов и действующей власти связаны между собой. Можно сказать, что политические предпочтения определяет не выбор телеканала, а сам факт просмотра или не просмотра федеральных каналов.

Среди источников новостей в интернете на первом месте с большим отрывом находятся новостные агрегаторы: Яндекс.Новости, новости Mail.ru.

За последние четыре года пользование социальными сетями в России выросло и достигло 55%. Около трети россиян пользуется социальными сетями ежедневно или практически ежедневно. В самой молодой возрастной группе пользуются социальными сетями хотя бы «несколько раз в неделю» 93% респондентов. Самые популярные социальные сети: «Одноклассники» и «ВКонтакте». Каналы видеоблогеров смотрит около четверти молодых россиян. Самыми популярными каналами являются развлекательные, однако политические темы также осваивают новые инструменты взаимодействия с молодежной аудиторией.

За четверть века социологических наблюдений число тех, кто читает газеты ежедневно или практически ежедневно, сократилось в 13 раз и на сегодняшний день составляет 5%. Наиболее читаемыми федеральными изданиями являются *таблоиды*, а также региональные газеты. По

России различного рода местные газеты читает каждый пятый опрошенный. Аудитория *качественных аналитических изданий* не превышает 1–2% населения.

В условиях широкого распространения интернета потенциальный доступ к альтернативным точкам зрения имеют как минимум две трети населения страны. Однако тех, кто регулярно использует для получения информации хотя бы одно из «независимых СМИ» (тех, что представляют точки зрения на происходящее, отличные от доминирующей официальной), гораздо меньше: около четверти по стране, в столице около половины населения. Тех, кто целенаправленно использует независимые источники для получения информации (читает, слушает или смотрит два и более «независимых СМИ»), еще меньше: 6% по стране и 16% в Москве. Эти заинтересованные в наиболее разнообразной информации люди имеют более высокий уровень образования и материального достатка, в меньшей степени поддерживают инициативы власти и более склонны поддерживать оппозицию. Но даже в этой группе сторонники власти преобладают.

Доверие к СМИ в России находится на достаточно высоком уровне по сравнению с другими публичными институтами. СМИ доверяет 41% россиян. При этом доверие к телевидению выше, чем к прессе, интернет-изданиям или социальным сетям. В значительной мере телевидению доверяет половина россиян, но в полной мере – лишь 10%. Около половины согласны, что СМИ недоговаривают часть информации – прежде всего, в том, что касается социально-экономических проблем. Почти половина сомневается в своей способности распознать ложь и правду в СМИ. Столько же считают, что могут разобраться в этом вопросе (при этом полностью уверены в этом лишь 9%).

Половина россиян полагает, что на основных телеканалах телевидения существует государственная цензура. Примерно столько же считают необходимой цензуру в СМИ, в основном ради обеспечения военной безопасности государства и охраны порядка. Интернет сам по себе заслуживает доверия меньше телевидения, но тем не менее существуют темы, которые, по мнению россиян, там освещаются объективнее: личная жизнь чиновников, реальное положение дел в экономике, критика внешней политики России со стороны стран Запада и оппозиции и выступления оппозиционных политиков.

Карина ПИПИЯ

Структура образа мигранта в российском общественном мнении

Утверждение о том, что Россия в настоящее время является одной из самых миграционно-привлекательных стран в мире¹, не вызовет возражений у большинства экспертов. Вместе с тем дискуссии относительно необходимости иммиграции в Россию и ее «качественного» наполнения, актуализировавшиеся после распада СССР, продолжают до сих пор. Эксперты не раз описывали возможные теоретические стратегии развития событий в России как в условиях отсутствия иммиграции (первый сценарий), так и в условиях масштабной иммиграции в страну (второй сценарий). Оба сценария сопровождаются теми или иными общественными настроениями: «либеральными» или, напротив, антииммиграционными, ксенофобскими.

Реализация первого сценария (запрет на иммиграцию) сопровождается сокращением численности собственного населения и трудовых ресурсов², что в перспективе приводит к повышению пенсионного возраста, налогов, росту числа бедных³. Масштабная миграция в Россию грозит в первую очередь политизацией этнического и конфессионального фактора, угрожая единству этнокультурного многообразия страны⁴. Частичное развитие второго сценария с подъемом ксенофобских настроений мы наблюдаем в настоящее время, особенно заметно эти тенденции проявились в 2013 году⁵.

¹ По данным отчета *ООН International migration report 2015* Россия входит в тройку стран (ее опережают только США и Германия) с самым большим числом международных мигрантов. URL: http://www.un.org/africarenewal/sites/www.un.org.africarenewal/files/MigrationReport2015_Highlights.pdf.

² Один из сторонников такого прогноза – А. Кудрин. «Кудрин ожидает сокращения количества трудоспособных россиян». URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2017/04/11/n_9908045.shtml.

³ Стоит отметить, что более двух третей опрошенных были против поднятия возраста выхода на пенсию в 2015 году, а бедность и снижение доходов являются наиболее острыми проблемами с точки зрения населения. URL: <http://www.levada.ru/2015/03/10/povysheniye-pensionnogo-vozrasta/>.

⁴ Подробнее о сценариях см.: Зайнчковская Ж. Почему России необходима иммиграционная политика // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. М., 2007. С. 114–141.

⁵ Гудков Л. Ресентиментный национализм // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. №3–4 (118). С. 163–226.

Однако в чистом виде реализация только одного сценария маловероятна. На практике, скорее, возможен их синтез, что подтверждается непоследовательностью российской иммиграционной политики, демонстрирующей периоды ее либерализации или, напротив, ужесточения, а также разногласиями между центром, субъектами Федерации и муниципалитетами в условиях приема трудовых мигрантов⁶. Эта лабильность свойственна не только государственному управлению, но и общественному мнению, репрезентирующему установки населения относительно мигрантов.

Для анализа мнений россиян относительно мигрантов мы будем опираться на результаты инициативного опроса Левада-Центра, проведенного в феврале 2017 года по общероссийской выборке граждан России старше 18 лет⁷, и две фокус-группы с жителями Москвы, проведенные в январе того же года. В анкете (для личного интервью) респондентам предлагался вопрос с карточкой из шести позиций, на которых были перечислены следующие страны или территории исхода трудовых мигрантов: Украина; Беларусь; страны Закавказья; республики Средней Азии; республики Северного Кавказа; другие регионы с «преимущественно русским населением».

Участникам опроса предлагалось оценить свое отношение к мигрантам из этих стран и регионов, выбрав одну из трех содержательных позиций: «хорошо, сочувствую им», «терпимо, нейтрально», «плохо», или затрудниться с ответом. В целом по выборке у 52% россиян отмечается хорошее и терпимое (нейтральное) отношение к трудовым мигрантам. Другая половина опрошенных (48%) продемонстрировала негативные установки, выбрав позицию «плохо». Иерархия нетерпимости к трудовым мигрантам из предложенного списка выглядит следующим образом (табл. 1).

⁶ Ситнянский Г., Бушков В. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. 340 с.

⁷ Подробнее о методологии см. на сайте центра. URL: <http://www.levada.ru/zakazchikam/omnibus/>.

Таблица 1
ИЕРАРХИЯ НЕТЕРПИМОСТИ К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ ПО ТЕРРИТОРИИ ИХ ИСХОДА (в % от числа всех опрошенных; ранжировано по убыванию)

1. Северный Кавказ	41
2. Средняя Азия	38
3. Закавказье	34
4. Украина	19
5. Мигранты из других регионов с «преимущественно русским населением»	16
6. Беларусь	13

Первое и второе место – учитывая, что статистическая ошибка для этих показателей составляет порядка 3,3%, – разделили трудовые мигранты из Северного Кавказа и Средней Азии¹, к которым отмечается наибольшая нетерпимость: 41 и 38% соответственно. На третьем месте – трудовые мигранты из Закавказья (Азербайджана, Армении, Грузии²), нетерпимость к которым отметила треть участников опроса. Далее – трудовые мигранты из Украины, плохое отношение к которым выражено практически у каждого пятого респондента. Динамика общественного мнения демонстрирует значимый рост негативного отношения к мигрантам из Украины между замерами 2007 и 2010 годов. Если в 2007 году о плохом отношении к трудовым мигрантам из Украины говорил каждый десятый респондент, то сейчас – пятая часть опрошенных: 9% против 19% соответственно. Рост нетерпимого отношения произошел за счет уменьшения «нейтральной» категории.

Напротив, увеличилась доля россиян, которые толерантно относятся к мигрантам из Закавказья (Армении, Грузии, Азербайджана), и эта позиция остается доминирующей в настоящее время. Отсутствие замеров между 2007 и 2017 годами затрудняет интерпретацию таких изменений. Однако относительно мигрантов из Грузии наиболее вероятной кажется гипотеза о том, что образ страны в целом оказывает

¹ Равнозначность в настоящее время Северного Кавказа и Средней Азии по уровню нетерпимости к ним подтверждается и другими данными. С 2015 г. по н.в. эти две категории «исхода» имеют идентичные показатели этнофобии к ним со стороны респондентов. Так, в августе 2015 года по 29% опрошенных назвали «выходцев с Кавказа» и «выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР» как категории населения, чье проживание они хотели бы ограничить на территории России. Несмотря на то что Кавказ в этом случае не дифференцировался на «свой» и «чужой», видно, что основные антипатии набирает в первую очередь Северный Кавказ, а не Закавказье.

² В анкете это пояснение присутствовало в скобках.

влияние на восприятие мигрантов из этих государств. Динамика роста позитивного отношения россиян к Грузии в последние годы и, напротив, ухудшение образа Украины³ коррелируют с изменением отношения россиян к трудовым мигрантам из этих стран.

Доля респондентов, которая составила 48% от выборки, то есть практически половину, продемонстрировала установки плохого отношения к трудовым мигрантам. Однако она может быть дифференцируема на группы с разной выраженностью такой нетерпимости. Так, респондент мог назвать только одну категорию мигрантов из предложенных шести или, например, выбрать все. Поэтому для анализа данная категория была разделена на четыре типа (табл. 2): а) респонденты, у которых выражено плохое отношение только к одной категории мигрантов; б) респонденты с нетерпимостью к двум или трем категориям мигрантов; в) с нетерпимостью к четырем или пяти; г) с нетерпимостью ко всем шести предложенным категориям трудовых мигрантов. Стоит отметить, что создание «социального портрета нетерпимости» респондентов не входило в цель данной работы, тем более это недавно – также на данных массового опроса – было сделано В. Мукомелем⁴.

Таблица 2
ТИПОЛОГИЯ «НЕТЕРПИМЫХ» К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ

Количество названных категорий трудовых мигрантов	В % от числа тех опрошенных, кто выбрал позицию «плохо»
1	60
2–3	21
4–5	12
6	8

Самой многочисленной является доля респондентов, называющих только одну страну или регион исхода трудовых мигрантов, к которым они относятся плохо (60%). У пятой части опрошенных выражена нетерпимость к двум или трем. Наиболее «радикальный» в своей нетерпимости тип респондентов составил 8% – это участники опроса, которые ко всем шести категориям трудовых мигрантов обозначили свое отношение как «плохое». Примечательно, что дифференциация в уровне нетерпимости населения к трудовым мигрантам из трех ре-

³ См. Индикаторы отношения россиян к странам на сайте Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/>.

⁴ *Мукомель В.* Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57.

гионов – Северного Кавказа, Средней Азии и Закавказья – сокращается по мере увеличения числа стран исхода трудовых мигрантов, к которым респондент отмечает свое плохое отношение. При этом, соответственно, повышается показатель нетерпимости в целом (табл. 3).

Если среди респондентов, которые называют только одну категорию трудовых мигрантов, негативизм к мигрантам из Северного Кавказа, Средней Азии и Украины составляет 48, 17 и 17% соответственно, то есть соотношение равно 5:3:3, то в следующем типе нетерпимости не выражен такой существенный разрыв в отношении россиян к мигрантам из Северного Кавказа и Средней Азии (86% против 81%). Более того, на третьем месте по уровню нетерпимости у этой группы следует уже не Украина, а Закавказье – 69%.

В типе нетерпимости, который включает выбор негативного отношения к четырем и пяти категориям трудовых мигрантов, нивелируется дифференциация в неприязни к трудовым мигрантам из Северного Кавказа, Средней Азии и Закавказья, превышая 90-процентный порог. Существенным в этой группе является показатель нетерпимости не только к трудовым мигрантам из Украины (к внешним мигрантам), но и к мигрантам из регионов с преимущественным проживанием русского населения (к внутренним мигрантам): 59 и 51% соответственно, а также к мигрантам из Беларуси, плохое отношение к которым в данной группе демонстрирует практически треть опрошенных (29%)¹.

Таблица 3

ИЕРАРХИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА НЕТЕРПИМОСТИ (ранжировано по убыванию по второму столбцу)

	В % от числа тех опрошенных, кто выбрал позицию «плохо»	Типы нетерпимости *			
		от 0 до 1	от 2 до 3	от 4 до 5	6
1. Северный Кавказ	84	48	86	95	100
2. Средняя Азия	77	17	81	97	100
3. Закавказье	71	9	69	98	100
4. Украина	39	17	12	59	100
5. «Русские» мигранты	33	4	8	51	100
6. Беларусь	27	6	6	29	100

* Количество стран, к трудовым мигрантам из которых респонденты указали свое отношение как «плохое».

¹ Учитывая небольшую наполненность «радикальной» группы, для проверки был сделан и другой набор. Если респондент называл только одну страну исхода трудовых мигрантов, к которым он нетерпим, его относили в «зеленый» тип нетерпимости. Если от двух до четырех – в «желтый», от пяти до шести – в «красный». Тенденция аналогична: существенное сокращение разрыва в неприязни.

Образ мигранта

Интересно, как выраженность нетерпимости у респондентов может усиливать негативную перцепцию мигрантов. Вопрос о качествах мигрантов с карточкой включал десять позиций – по пять позитивных и отрицательных характеристик мигрантов, симметричных друг другу (табл. 4). В целом по выборке соотношение между ними составляет 1:2 в пользу негативизма. Если сравнивать самую толерантную группу, включающую респондентов, которые выбрали позицию «хорошо» в вопросе об отношении ко всем шести категориям трудовых мигрантов, и самую радикальную – респонденты, настроенные нетерпимо ко всем, то можно увидеть, что соотношение между позитивным и негативным восприятием мигрантов в них кардинально различается. Соотношение 1,5:1 в «толерантной» группе, то есть преобладание позитива над негативизмом, и 1:5 соответственно в «радикальной».

Ксенофобские установки дифференцируются и внутри всей «нетерпимой» группы, то есть среди респондентов, которые выбрали одну и более категорию мигрантов из предложенного списка. У опрошенных, выбравших только одну категорию трудовых мигрантов, к которой они нетерпимы, поддержка позитивных и негативных качеств составляет 62 и 81%, то есть соотношение – 1:1,5. У респондентов, которые чувствуют антипатию к двум–четырем категориям трудовых мигрантов, и у самой радикально настроенной группы разрыв более су-

ществителен – соотношение между позитивом и негативом составляет уже 1:5.

В целом оценка мигрантов проходит по двум основным критериям (процентно наиболее «наполненные» категории): квалифика-

ция и культура. Если на первом месте по процентному распределению в самой толерантной группе лидирует такая характеристика, как «высокая работоспособность, ответственность при низких зарплатах», которую выбирал практически каждый второй опрошенный из группы, то в радикальной группе список качеств, напротив, возглавляет «низкая квалификация при выполнении своей работы».

Вместе с тем есть характеристики, уровень поддержки которых идентичен практически среди всех участников опроса. «Незнание русского языка, трудности в коммуникации» — это общая претензия к трудовым мигрантам со стороны всех респондентов вне зависимости от их терпимости и нетерпимости к мигрантам — выходцам из предложенных регионов и стран. Напротив, «культурный расизм» ха-

Таблица 4

БАЛАНС НЕГАТИВНОГО И ПОЗИТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИГРАНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА НЕТЕРПИМОСТИ
(респонденту предлагалась карточка; множественный выбор; ранжировано в целом по выборке)

	В целом по выборке	«Идеал», хорошо ко всем	Типы нетерпимости		
			«Зеленый»	«Желтый»	«Красный»
Незнание русского языка, трудности в коммуникации	36	32	31	43	40
Низкая квалификация при выполнении своей работы	30	17	24	37	44
Высокая работоспособность, ответственность при низких зарплатах	25	46	30	16	18
Неопрятный, отталкивающий внешний вид	20	9	12	32	32
Навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев	15	4	9	24	26
Общительность	10	15	11	8	7
Невежливость, неделикатность	10	3	5	16	21
Вежливость, деликатность	8	8	11	5	3
Отзывчивость, желание помочь	6	20	7	3	5
Аккуратность	2	2	3	2	1
Другое	2	-	1	2	3
Сумма позитивных	50	90	62	33	33
Сумма негативных	111	64	81	152	163
Не знаю/не хочу отвечать	18	25	23	11	11

Таблица 5

ДИНАМИКА ОБРАЗА МИГРАНТА (респонденту предлагалась карточка; множественный выбор; ранжировано по февралю 2017 года)

	Июнь 2013	Март 2016	Февраль 2017
Незнание русского языка, трудности в коммуникации	53	39	36
Низкая квалификация при выполнении своей работы	42	32	30
Высокая работоспособность, ответственность при низких зарплатах	27	19	25
Неопрятный, отталкивающий внешний вид	35	27	20
Навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев	28	29	15
Невежливость, неделикатность	19	21	10
Общительность	5	5	10
Вежливость, деликатность	4	3	8
Отзывчивость, желание помочь	4	4	6
Аккуратность	4	1	2
Другое	3	3	2
Не знаю /не хочу отвечать	10	14	18

рактен в большей мере для нетерпимых типов. Они заметно чаще выбирают позицию того, что мигранты навязывают коренному населению свою культуру, невежливы и неделикатны. Также они чаще отмечают такую характеристику мигрантов, как «неопрятность, отталкивающий внешний вид» — каждый третий опрошенный в двух типах с высоким уровнем нетерпимости.

Динамика представлений о качествах мигрантов в целом демонстрирует изменения следующего характера (табл. 5). Во-первых, снижение частоты выбора тех или иных позиций. Если в 2013 году (пик мигрантофобии) содержательные характеристики выбирали 224% суммарно, то в 2016 — 183%, в 2017 — уже 164%¹. Это может являться следствием снижения интереса к теме миграции, ее замещением другими темами в публичном пространстве в настоящее время.

Глубина контактов с мигрантами

Ряд теорий (особенно в социальной психологии²) настаивают на важности фактора взаимодействия с объектом, который детерминирует его восприятие. Согласно этой логике впечатление тем позитивнее, чем глубже и теснее контакт между индивидами. Российское общественное мнение по вопросу восприятия мигрантов частично подтверждает этот вывод.

Участников опроса просили ответить на вопрос, приходилось ли им за последние пять лет иметь дело с мигрантами. Карточка предлагала для выбора девять позиций (табл. 6).

Для анализа взаимодействие респондентов с мигрантами было объединено в три группы³, что позволило соблюсти «наполненность» групп и дифференцировать их далее по глубине контакта. Участники опроса, у которых среди мигрантов есть друзья, знакомые или соседи, были объединены в группу с «близким контактом» (с первой по третью позиции в табл. 7). Россияне, взаимодействующие с мигрантами по делу, — наем, услуги, покупка продуктов и товаров, — составили группу с «рабочим контактом» (сумма четвертой и пятых позиций). Третья группа включала респондентов, которые не имели контактов с мигрантами за последние пять лет, составив практически половину от выборки — 42%.

Позитивное отношение к мигрантам тем ниже, чем слабее теснота контакта. Среди респондентов, которые дружат с мигрантами или являются их соседями, отмечается баланс между позитивным и негативным восприятием (83% против 99%). Рабочее взаимодействие не снижает негативизма в восприятии мигрантов. Негативизм в этой группе суммарно превышает позитивное восприятие на 52 процентных пункта (126% против 74%). Участники

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ЛИЧНО В ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ИМЕТЬ ДЕЛО С МИГРАНТАМИ ИЗ ДРУГИХ СТРАН?» (множественный выбор)

	Май 2016	Февраль 2017
1. Есть/были друзья (друг, подруга) среди мигрантов	7	5
2. Есть/были знакомые/сослуживцы среди мигрантов	11	12
3. Живу/жил(а) с мигрантами по соседству	10	13
4. Вступаю/вступал(а) в контакты с мигрантами по делу (нанимал(а) их на работу, для строительства или ремонта жилья/дачи, для оказания иных услуг)	11	11
5. Покупаю/покупал(а) у мигрантов продукты, товары	23	27
6. Другие контакты	<1	2
7. В последние пять лет не имел(а) никаких контактов среди мигрантов	53	42
8. Сам/а являюсь мигрантом/кой, есть родственники среди мигрантов*	—	1
9. Затруднились ответить*	3	5

* В анкете эта позиция не зачитывалась.

¹ Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма существенно больше 100%.

² Например, см.: Allport G. The Nature of Prejudice. Massachusetts, 1954. 537 p.; Андреева Г. Социальная психология: учебник. М., 2001. 384 с.; Шихирев П. Современная социальная психология. М., 2000. 448 с.

опроса, которые совсем не контактировали с мигрантами за последние пять лет, имеют самый низкий уровень позитивного восприятия

³ Группы могли пересекаться между собой, так как респондент мог выбрать несколько ответов.

мигрантов — по сумме всех позитивных качеств 28%. Напротив, негативные характеристики называются ими в четыре раза чаще — в целом 107%.

Независимо от тесноты контакта сохраняется согласие о незнании мигрантами русского языка и трудностях в коммуникации, показатели которых идентичны на уровне 30–40%. Респонденты, взаимодействующие с мигрантами по рабочим вопросам, чаще указывают на их неопрятность и отталкивающий внешний вид, а также на низкую квалификацию при выполнении работы. Участники опроса, которые дружат с мигрантами, чаще указывают на их общительность и отзывчивость.

Другие суждения относительно отношения к работе и квалификации трудовых мигрантов демонстрируют неоднозначность влияния контактов на восприятие мигрантов. Россияне, нанимающие на работу мигрантов, чаще остальных поддерживают мнения, согласно которым

много трудностей и лишений». Примечательно, что представление о маргинальности трудовых мигрантов как о людях из социально неблагополучных слоев населения не находит существенной поддержки среди всех респондентов с разной теснотой контакта.

Примечательно, что за прошедшие десять лет доля россиян, которые не используют услуги мигрантов, остается стабильной, составляя половину от выборки: 48–51% по результатам двух идентичных замеров, что не выходит за рамки статистической ошибки в подобных исследованиях (табл. 6 и табл. 9). Получается, что каждый второй житель страны не контактирует с мигрантом либо не осознает того, что пользуется услугами мигранта, что логично, если мигрант не является «видимым меньшинством» и может не восприниматься как мигрант или сам не стремится афишировать свой статус мигранта в рамках взаимодействия с «местным» населением¹.

Таблица 7

ОБРАЗ ТРУДОВОГО МИГРАНТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГЛУБИНЫ КОНТАКТА (множественный выбор; ранжировано в целом по выборке)

	В целом по выборке	Глубина контакта		
		«Близкий»	«Рабочий»	«Нет контакта»
Незнание русского языка, трудности в коммуникации	36	34	35	37
Низкая квалификация при выполнении своей работы	30	25	35	29
Высокая работоспособность, ответственность при низких зарплатах	25	33	35	18
Неопрятный, отталкивающий внешний вид	20	10	23	19
Навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев	15	19	20	12
Общительность	10	19	15	4
Невежливость, не деликатность	10	11	12	9
Вежливость, деликатность	8	11	13	4
Отзывчивость, желание помочь	6	13	9	1
Аккуратность	2	7	3	1
Другое	2	2	2	1
Сумма позитивных	50	83	74	28
Сумма негативных	111	99	126	107
Не знаю/не хочу отвечать	18	12	6	26

трудовые мигранты — это «малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд», и «среди них много мошенников, правонарушителей». Напротив, дружеское взаимодействие с трудовыми мигрантами укрепляет представление о том, что они «трудолюбивые люди, готовые много работать», и «несчастливые люди, которым приходится терпеть

¹ Как справедливо заметила Ж. Зайончковская на конференции Левада-Центра, многие мигранты, прожившие значительную часть жизни в России, не считают себя мигрантами. Однако для того, чтобы поймать их в рамках общероссийского массового опроса, надо задавать довольно обширный блок вопросов, касающихся места рождения респондентов, места рождения родителей и пр., что не всегда возможно в рамках инициативных исследований. Поэтому в данном исследовании, скорее, фиксируются общие установки отношения к иммиграции и мигрантам, без детализации и категоризации на «коренных» и «понаехавших».

Хотя местное население по-прежнему контактирует с мигрантами, преимущественно занятыми в торговле, сферы контакта с мигрантами претерпели изменения. Выросло присутствие мигрантов с точки зрения общественного мнения в сфере ЖКХ, включающей работу дворника (с 6% в 2007 до 17% в 2017 году), в строительстве, ремонтных работах (с 5 до 8%). Изменение самопредставлений россиян о контактах с мигрантами лишь косвенно позволяет судить о реальной структуре мигрантской занятости в России. По данным исследования, «за последние 7–8 лет произошла серьезная дифференциация сфер занятости мигрантов»¹.

Таблица 8

СУЖДЕНИЯ О МИГРАНТАХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГЛУБИНЫ КОНТАКТА (респонденту предлагалась карточка; множественный выбор; ранжировано в целом по выборке)

Трудовые мигранты – это, как правило:	В целом по выборке	«Близкий»	«Рабочий»	«Нет контакта»
малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд	32	31	38	29
несчастливые люди, которым приходится терпеть много трудностей и лишений	28	37	29	28
трудолюбивые люди, готовые много работать	26	39	31	21
кормильцы, заботящиеся о благополучии своей семьи	25	33	34	21
среди них много мошенников, правонарушителей и т.п.	21	18	25	21
активные, предприимчивые люди, которые хотят улучшить свою жизнь	16	24	21	12
люди из социально неблагополучных слоев населения	15	15	16	13
неудачники, не способные реализовать себя в своей стране	11	13	12	9
Другое	1	2	2	1
Затруднились ответить	10	5	3	14

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ЛИЧНО В ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ УСЛУГАМИ МИГРАНТОВ?» (респонденту предлагалась карточка; множественный выбор; ранжировано по февралю 2017 года)

	Июль 2007	Февраль 2017
Покупал(а) у них продукты на рынках/в торговых точках	40	28
Покупал(а) у них промышленные товары на вещевых рынках/в торговых точках	26	19
Дворники из их числа убирают в нашем дворе или доме	6	17
Нанимал(а) их для ремонта, строительства	5	8
Сдавал(а) им квартиру, другие жилые помещения для проживания	1	1
Нанимал(а) их для помощи в быту: уборка, уход за детьми и больными	1	1
Другое	1	1
Не приходилось пользоваться услугами мигрантов	51	51
Затруднились ответить	<1	3

¹ Насритдинов Э., Олимова С., Полетаев Д. Анализ конъюнктуры рынка труда в РФ в целях эффективного трудоустройства трудящихся мигрантов из КР и РТ. URL: http://www.fergananews.com/archive/2017/Report_Book_Final_version_Rus_02_2017.pdf.

Если раньше внешние мигранты были заняты в основном в торговле и строительстве, то сейчас сферы занятости трудовых мигрантов в России стали разнообразнее, что подтверждается контактами с ними.

Поселенческие особенности контакта с мигрантами

Контакт с мигрантами значимо дифференцируется в зависимости от типа населенного пункта, в котором проживает респондент (табл. 10). Во-первых, сама интенсивность взаимодействия с мигрантами в Москве по результатам опроса в полтора раза выше, чем в средних

и малых городах, и в три раза выше, чем в селе. Если в Москве за последние пять лет с мигрантами взаимодействовали 83% опрошенных,

то среди сельских жителей — только каждый четвертый. Среди жителей крупных, средних и малых городов преобладающий тип контакта — покупка продуктов на рынках или в торговых точках. Напротив, среди жителей Москвы преимущественный образ — мигрант-дворник. Контакты среди москвичей в целом разнообразнее — они чаще привлекают мигрантов для ремонта, строительства и уборки.

Выделенная ранее типология нетерпимости в Москве имеет свои особенности (табл. 11). Доля жителей Москвы, называющих только одну категорию трудовых мигрантов, к которым они относятся «плохо», самая маленькая среди остальных типов проживания: 42% против 60% по выборке в целом.

В крупных городах «зеленый» и «желтый» уровни нетерпимости находятся в соотноше-

нии 2:1, в средних и малых городах — 1,5:1, в селах — 3:1. Соответственно, чем выше плотность населения в месте проживания респондента, тем выше нетерпимость к трудовым мигрантам.

Готовность принимать мигрантов меняется в зависимости от типа нетерпимости. Если среди респондентов, называющих только одну категорию трудовых мигрантов, к которым они испытывают неприязнь, четверть опрошенных высказывает благоприятную для иммиграции позицию («не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России»), то следующий тип с более широким уровнем нетерпимости снижает их долю до десятой части. А в самой радикальной группе таковых всего 6%.

Таблица 10

ТИП КОНТАКТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ РЕСПОНДЕНТА (множественный выбор; ранжировано по Москве)

	Москва	Более 500 тыс.	От 100 до 500 тыс.	Менее 100 тыс.	Село
Дворники из их числа убирают в нашем дворе или доме	80	23	14	6	4
Покупал(а) у них продукты на рынках/в торговых точках	48	38	26	24	18
Покупал(а) у них промышленные товары на вещевых рынках/в торговых точках	37	24	20	16	9
Нанимал(а) их для ремонта, строительства	19	9	5	9	5
Нанимал(а) их для помощи в быту: уборка, уход за детьми и больными	3	1	1	1	1
Сдавал(а) им квартиру, другие жилые помещения для проживания	1	2	1	1	1
Другое	<1	2	1	<1	<1
Не приходилось пользоваться услугами мигрантов	16	35	55	56	69
Затруднились ответить	1	2	3	5	4

Таблица 11

ТИПЫ НЕТЕРПИМОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ РЕСПОНДЕНТА

	В целом по выборке	Москва	Более 500 тыс.	От 100 до 500 тыс.	Города до 100 тыс.	Село
«Зеленый»	60	42	62	57	57	67
«Желтый»	29	45	27	34	30	21
«Красный»	11	13	11	9	13	12

Таблица 12

ТИПЫ НЕТЕРПИМОСТИ И ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

	В целом по выборке	Типы нетерпимости		
		«Зеленый»	«Желтый»	«Красный»
Пытаться ограничить приток приезжих	67	56	81	91
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	19	25	12	6
Затруднились ответить	13	18	7	3

Портрет мигранта (на данных фокус-групп)

Часто метод массового опроса критикуется в духе П. Бурдые за «предсформированность мнений»¹, то есть программирование ответов, что может «смазывать» истинную картину общественного мнения. Частично эти претензии к массовым опросам снимаются при дополнении их результатами качественных методов — включенным наблюдением, фокус-группами, глубинными интервью и т.д. В январе 2017 года были проведены две фокус-группы с жителями Москвы, которые позволили выявить основную логику в неприязни населения к мигрантам.

Самым популярным мнением о мигрантах стало суждение, согласно которому их следует территориально ограничить от себя, своего дома. Так как дискуссии проводились с москвичами, чаще остальных в качестве предлагаемых «черт оседлости» участниками назывались Сибирь и Дальний Восток. Стоит отметить, что значимость для населения территориального

ционную значимость территории проживания для респондента — «поселенческую идентичность». Она выражена у значительной части россиян² и доминирует, например, над религиозной или идеологической идентичностями.

Среди существенных претензий к мигрантам — любое поведение, претендующее на заметность: большие скопления в общественных местах, стрельба и т.д. Не зря их принято называть «видимыми меньшинствами», которых легче обнаружить и стигматизировать большинству (в понимании И. Гофмана⁴), особенно когда их численно много. Более того, представление россиян о количестве мигрантов в стране всегда субъективно и преувеличено. Результаты опроса августа 2016 года демонстрируют уверенность практически половины россиян (42%) в том, что численность мигрантов в городе, районе, где они проживают, за последние два года увеличилась⁵, хотя эксперты, изучающие миграцию, неоднократно отмечали

Таблица 13

ТИПОЛОГИЯ НЕГАТИВНЫХ СУЖДЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ФОКУС-ГРУПП О МИГРАНТАХ

Контексты восприятия	Аскриптивность	«Каждый должен жить там, где он родился»
		«Если ты негр, живи ты негром»
		«Они приедут сюда со своими понятиями, со своим менталитетом»
	Изоляционизм	«Не селиться в больших городах», «черта оседлости»
		«Никто не хочет видеть чужаков рядом со своим домом»
		«Пусть им на Дальнем Востоке гектары эти выдают»
		«Пусть они в Антарктиду едут, у нас нужно осваивать регион»
		«Они (мигранты) пусть будут, но только не там, где живу я»
		«Мы Сибирь им можем предоставить, Москва-то уже лопнет»
	Заметность	«Они сразу эти гей-парады»
		«Больше четырех (про мигрантов) не собираться»
		«Чтобы не было стрельбы по ночам», «стрелять на свадьбах»
Конкуренция	«В Москву понаехали, все дворники у нас из Средней Азии»	
	«Мы свои рабочие места отдаем чужим людям, зачем?»	
	«Если мы со всех стран будем приглашать, где мы будем работать»	
	«У нас своих работы не всем хватает, а тут сейчас еще приедут»	
	«Они не хотят интегрироваться, они хотят сесть на пособия»	
	«У нас, русских людей, нет рабочих мест, они здесь все занимают»	

фактора, который является важной социокультурной детерминантой общественного сознания и национальной идентичности россиян, неоднократно прослеживалась и на данных других исследований². Это указывает на идентифика-

¹ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 173.

² Например, беспрецедентная поддержка россиянами присоединения Крыма. В целом треть населения гордится «размерами страны», что

доминирует в «иерархии гордости», например, над экономическими успехами, достижениями российской науки, образования, здравоохранения и положением России на международной арене. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/>.

³ Дробужева Л. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.

⁴ Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, 1963. 147 p.

⁵ Общественное мнение. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2016. С. 187.

снижение миграционного притока в Россию в период 2014–2015 годов¹. Как отмечается, снижение миграции вызвано такими причинами, как уменьшение возможностей для заработка у мигрантов, приезжающих в Россию, изменение процедуры легального нахождения в принимающей стране (введение патентов) и т.д.

Безоговорочной поддержкой участников групповых дискуссий пользуется мнение, согласно которому мигранты отнимают рабочие места у местного населения. Следует отметить, что именно для российского общественного мнения этот аспект является одним из ключевых в негативизме по отношению к мигрантам в целом. Международные исследования последних пяти лет (в период 2012–2017 годов) не раз демонстрировали высокий уровень поддержки населением мифа о конкуренции россиян с мигрантами². Корни такого восприятия обуславливаются в значительной степени важностью проблемы благосостояния, экономического кризиса и безработицы для населения в целом, даже вне контекста проблемы миграции и мигрантов. Рост цен и безработицы, бедность возглавляют список проблем, которые более всего тревожат население³. Напротив, по их собственному признанию, «наплыв приезжих, мигрантов» в настоящее время волнует их намного меньше, чем, например, в 2013 году⁴.

Менее весомый, но также артикулируемый участниками фокус-групп блок мнений касается понимания и принятия возможности трансформации мигрантами своего этнокультурного и гражданского статуса. Логика «каждый должен жить там, где он родился» указывает на сохраняющиеся примордиальные ориентации в понимании принципов нациестроительства в современной России, что препятствует реализации гражданского проекта «российской нации», декларируемого на уровне российского государственного управления и закрепленного в официальных документах. Но и в официальном дискурсе все не так однозначно, и гражданский дискурс смешивается с православно-цивилизационным⁵.

¹ Ромодановский К. В 2015 году число мигрантов в России стабилизировалось. URL: <https://ria.ru/society/20160102/1353262641.html>.

² Липия К. Идентификационные портреты россиян (на данных The ISSP и Левада-Центра // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 38–50.

³ Самые острые проблемы. URL: <http://www.levada.ru/2017/03/07/samye-ostrye-problemy/>.

⁴ Причины высокого уровня мигрантофобии в 2013 году уже не раз описывались автором и другими экспертами.

⁵ Например, в таких доктринальных государственных документах,

«Чужие» в российском и европейском контексте

Если в России основная категория, подразумевающая «чужих», предполагает мигрантов (как внешних, так и внутренних), то в европейских странах это в первую очередь беженцы. Исследователи провели общенациональные опросы в десяти европейских странах и пришли к выводу, что основная логика, преобладающая в европейском общественном мнении, подразумевает связку «беженец – террорист»⁶. Изначально международное исследование не включало Россию, поэтому Левада-Центр инициативно задал аналогичные вопросы относительно мигрантов в рамках общероссийского опроса совершеннолетних граждан России (разница между европейским исследованием и российским составила год)⁷.

Уровень согласия с суждением о том, что «мигранты делают нашу страну сильнее благодаря своему труду и таланту», среди российских респондентов составляет 8%. Каждый второй россиянин (54%) разделяет мнение, согласно которому мигранты представляют нагрузку для страны и «отнимают наши рабочие места». Напротив, уровень поддержки представлений, связывающих воедино мигрантов и террористическую угрозу, среди россиян достаточно низок⁸.

Интересно, что российское общественное мнение относительно всех трех высказываний о мигрантах наиболее диффузно – доля респондентов, уклоняющихся от содержательного ответа, превышает треть от всей выборочной совокупности, что статистически значимо выше показателей в других европейских странах.

посвященных управлению этнокультурным многообразием, как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» или «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», встречаются следующие понятия: «размывание традиционных ценностей», «возрождение семейных ценностей», «реставрация культурных ценностей», «культурных ценностей и национальных традициях» и т.д.

⁶ Отчет Pew Research Center «Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs». URL: <http://www.pewglobal.org/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/>.

⁷ В европейском исследовании суждения касались беженцев, в российском – мигрантов. Учитывая некоторую некорректность сравнений, автор все-таки их допускает для понимания границ между «своими» и «чужими», существующими в общественном мнении.

⁸ Исследование проводилось до того, как стало известно о теракте в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 года, что, вероятно, могло повлиять на негативные ожидания относительно мигрантов, как это было на примере европейского миграционного кризиса. Подробнее см.: Липия К. Это европейского миграционного кризиса: «чужие» беженцы и «свои» мигранты в представлениях россиян в 2015–2016 гг. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4 (122). С. 160–169.

На неопределенность в общественном сознании отношения к мигрантам указывают и колебания, фиксируемые после возобновления широких дискуссии о необходимости иммиграции в Россию или путей ее ограничения, особенно в периоды предвыборных кампаний.

Заключение

Среди россиян в целом доминирует негативный образ мигранта, однако его восприятие дифференцируется в зависимости от установок терпимости и глубины контактов с мигрантами. Практически у каждого второго респондента выражены нетерпимые оценки трудовых мигрантов, однако у большей части опрошенных они ограничиваются только одной категорией трудовых мигрантов – мигрантов, прибывающих из Северного Кавказа или Средней Азии. Повышение нетерпимости, то есть плохое отношение к двум и более категориям трудовых мигрантов, нивелирует разницу в неприязни ко всем трудовым мигрантам и повышает уровень нетерпимости в целом (даже к «своим» – внутренним мигрантам из регионов с «преимущественно русским населением»).

Таблица 14

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКОЕ ИЗ СУЖДЕНИЙ БЛИЖЕ К ВАШЕМУ МНЕНИЮ...»

Мигранты делают нашу страну сильнее благодаря своему труду и таланту или мигранты – это нагрузка для нашей страны, потому что они отнимают наши рабочие места	
Мигранты делают нашу страну сильнее благодаря своему труду и таланту	8
Мигранты – это нагрузка для нашей страны, потому что они отнимают наши рабочие места	54
Ни то, ни другое/оба в равной мере	30
Затруднились ответить	9
Сегодня мигранты совершают правонарушения чаще, чем другие группы населения, или мигранты совершают правонарушения не чаще других групп населения	
Мигранты совершают правонарушения чаще, чем другие группы населения	30
Мигранты совершают правонарушения не чаще, чем другие группы населения	29
Ни то, ни другое/оба в равной мере	30
Затруднились ответить	11
Мигранты повышают вероятность терактов в нашей стране или мигранты не повышают вероятность терактов в нашей стране	
Мигранты повышают вероятность терактов в нашей стране	44
Мигранты не повышают вероятность терактов в нашей стране	17
Ни то, ни другое/оба в равной мере	26
Затруднились ответить	13

Наиболее значимым в оценке мигрантов, приезжающих в Россию, оказываются два критерия – труд и культура. Если дружеский контакт с мигрантами снимает «профессио-

нальные претензии» к ним (представление о низкой квалификации и пр.), то культурные проблемы – незнание русского языка и, следовательно, трудности в коммуникации – актуальны для всех респондентов в независимости от уровня терпимости и глубины контактов¹. Высокая интенсивность контактов населения с мигрантами в Москве повышает уровень нетерпимости среди ее жителей, где наиболее высокая доля опрошенных, испытывающих неприязнь к двум-четырем категориям трудовых мигрантов, но и выше разнообразие контактов с мигрантами в целом. Судя по динамике контактов населения с мигрантами, «мигрантская» занятость в целом становится более дифференцируемой, неограничивающейся в массе только торговлей, как это было ранее.

Сохраняющееся патерналистское сознание значительной части россиян усиливает установку рассматривать иммиграцию в Россию как нагрузку для экономики страны и отъем рабочих мест у населения, что существенно превышает идентичные показатели в европейских странах в контексте проблемы приема и интеграции беженцев.

¹ Что особенно тревожно, учитывая, что некоторые исследователи отмечают неэффективность существующих механизмов по интеграции мигрантов, приезжающих в Россию, в частности, экзамена по русскому языку. URL: <http://www.rbc.ru/society/17/04/2017/58f486a39a79479a09b8e674>.

Екатерина КОЧЕРГИНА

Как общество отвечает на неопрационалистскую политику государства (на примере отношения к абортам)

Внутренняя политика, проводимая российскими властями, характеризуется изоляционизмом, консерватизмом, популизмом и ведет к возврату к псевдотрадиционализму. Это проявляется в введении все новых запретов на доступ к информации и свободное выражение мнения граждан, слежке, создании бесконечных списков «иностранных агентов», продолжающейся дискриминация женщин и ЛГБТ, возврате к «традиционной семье» и ее ценностям.

Одна из форм дискриминации в отношении женщины выражается в возврате к традиционалистскому взгляду на ее роль в обществе, нежелании видеть ее в политике, уходе женщины из профессионального поля, ее возвращении на кухню и возложении на нее обязанности производить для государства новых граждан. Для достижения этой цели официальные лица и представители различных религиозных конфессий регулярно поднимают вопрос о запрете абортов.

Официальная позиция Министерства здравоохранения РФ по вопросам абортов заключается в следующем: аборты должны быть доступны, должны выполняться по желанию женщины. Так, министр здравоохранения России Вероника Скворцова считает, что вывод абортов из системы ОМС поставит под угрозу жизни и здоровье женщин, негативно отразится на младенческой смертности, чего нельзя допустить¹. Тем не менее Минздрав РФ проводит планомерную политику по ограничению доступности абортов в России. В 2003 году было снижено число показаний, по которым женщина может обратиться для прерывания беременности: «Из 13 пунктов (отсутствие работы, статус беженки у женщины, доход ниже прожиточного минимума) осталось всего четыре: наличие решения суда о лишении или об ограничении родительских прав, беременность в результате изнасилования, пребывание женщины в местах лишения свободы, наличие инвалидности I–II группы у мужа или смерть мужа во

время беременности²». В 2012 году были приняты одновременно две поправки в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Эти поправки дают врачу право отказаться от проведения аборта и вводят так называемую «неделю тишины» — время с момента обращения в медицинское учреждение за направлением на аборт до операции; это время варьируется от двух до семи дней³, в зависимости от срока беременности.

Русская православная церковь и аффилированные с ней общественные организации выступают с более радикальными предложениями. Последняя инициатива движения «Православные добровольцы» и движения «За жизнь» — сбор подписей под петицией президенту РФ о полном запрете абортов на территории РФ. Эту петицию в сентябре 2016 года подписал Патриарх РПЦ Кирилл, но позже он взял свои слова назад и сказал, что выступает только за выведение абортов из системы ОМС. В поддержку запрета абортов также выступил Верховный муфтий России Талгат Таджуддин⁴.

Вопросы планирования и искусственного прерывания беременности, установки и ценности, касающиеся репродуктивного поведения россиян, в социологической литературе представлены мало или не изучены вовсе, не совершаются попытки описания этих установок и подходов россиян к планированию семьи. Эта работа призвана восполнить пробел в литературе, посвященной общественному мнению по теме планирования семьи и рождения детей.

В марте 2017 года Левада-Центр провел всероссийский опрос городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше, в котором задавал респондентам вопросы об их отношении к абортам, важности контрацепции, роли государства в регулирова-

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/3101371>.

² Ограничение репродуктивных прав в России в 2011–2012 гг.: популистская политика ценой здоровья и благополучия женщин: Независимый доклад Фонда имени Генриха Бёлля к 56-й сессии Комиссии по положению женщин ООН, Фонд имени Генриха Бёлля (Московский офис), февраль 2012.

³ Там же.

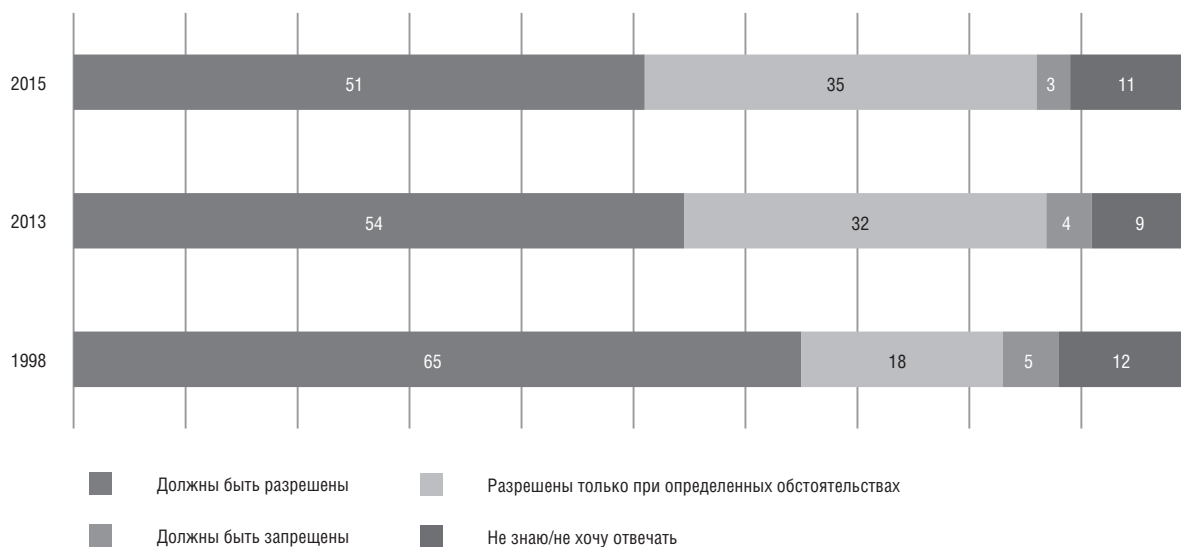
⁴ <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/57eaac369a7947239d609276>.

нии аборт, методах, которые государство может применять для этого.

Анализ предыдущих исследований, проведенных Левада-Центром, показал, что число поддерживающих право женщин на аборт постепенно снижается. Все больше респондентов склоняется к введению различных ограничений на производство аборт (диагр. 1), хотя число сторонников полного запрета на аборт не меняется с течением времени (эта цифра – абсолютный минимум в 3–5% от числа опрошенных). Растет число людей, считающих, что необходимо вводить ограничения на проведение аборт, этот прирост происходит за счет снижения числа респондентов, согласных со свободным доступом к аборт. За 17 лет, с 1998 по 2015 год, доля людей, выступающих за введение ограничений на аборт, возросла с 18 до 35%. Это говорит о росте патриархальных установок. Безусловное право женщины принимать решение относительно собственной беременности заменяется запретом на выбор. Нас не должно смущать, что не растет число людей, выступающих за полный запрет аборт. Само наложение ограничения на такое поведение уже означает запрет.

Диаграмма 1

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, АБОРТЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ... ?

Данная консервативная тенденция совпадает с шагами, предпринимаемыми государством в сфере здравоохранения и направленными на ограничение доступа к аборт. Снижение числа аборт в постсоветской России связано в первую очередь с распространением доступной контрацепции, снижением сексуальной активности среди подростков и демографическими изменениями. «Абортная культура», существовавшая в Советском Союзе, где аборт был едва ли не единственным способом регуляции внутрисемейной рождаемости, уходит в прошлое.

Ограничивая доступ к аборт, государство пытается решить задачу повышения рождаемости. Граждане, в свою очередь, выступают против аборт, исходя из утилитарных и моральных соображений. Аборт признается и серьезным медицинским вмешательством, имеющим тяжелые последствия для женского здоровья (табл. 1), и «морально неприемлемым, достойным осуждения поступком».

Аборт, проведенный в соответствии с современными медицинскими стандартами, не имеет негативных последствий для здоровья женщины. Тем не менее в российских учреждениях применяется устаревший и травмо-

Таблица 1

С КАКОЙ ИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЛИЯНИЯ АБОРТА НА ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

Аборт не имеет тяжелых последствий для здоровья женщины	9
Аборт угрожает жизни и здоровью женщины	77
Отказ от ответа	5
Затрудняюсь ответить	9

Март, 2017 г. N=1600.

опасный метод выскабливания¹, так что страх обоснован.

Кроме реально обоснованных страхов перед абортами россиян волнует еще и моральный аспект искусственного прерывания беременности — аборт входит в пятерку самых «морально неприемлемых поступков» наравне с оставлением своих детей, самоубийством и гомосексуальностью (диагр. 2).

Подавляющее большинство россиян считают, что планирование детей в семье должно быть осознанным поведением и реализовываться с помощью современных методов контрацепции (78%). Эта точка зрения находит поддержку среди всех социальных групп и чуть выше — 82% — в возрастных группах от 25 до 40 лет. Схожее распределение при ответе на данный вопрос было получено в 2013 году — за планирование семьи выступают 77% опрошенных, и только 14% полагались на «волю случая» (табл. 2).

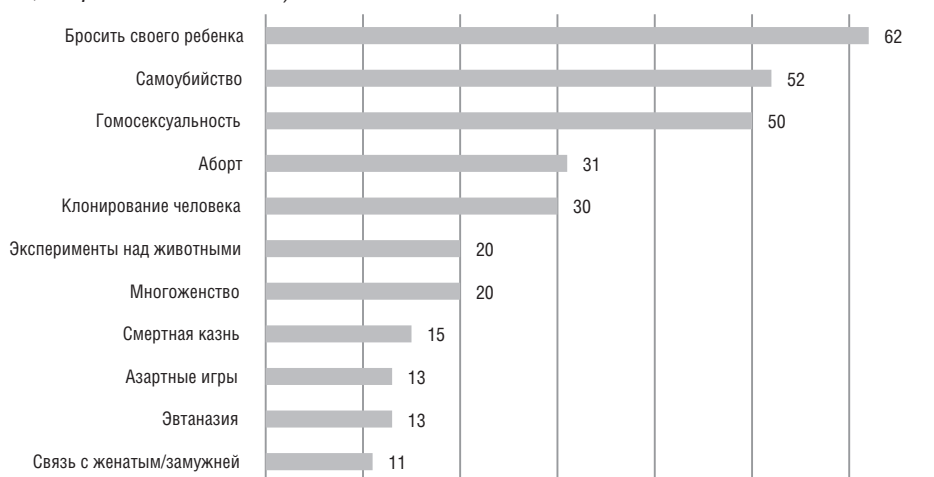
Различия между этими двумя замерами становятся явными при выделении социальных групп по возрасту, полу, уровню образования

и потребительскому статусу (табл. 3). По сравнению с 2013 годом в возрастных группах 18–24 года и 25–39 лет на 8 пунктов вырос процент респондентов, согласных с тем, что «нужно планировать рождение детей в семье». На 10% увеличился показатель согласия с планированием семьи среди людей со средним уровнем образования. Сходный тренд — рост на 10% — отмечается среди самых бедных слоев населения. Однако видны и симптомы роста традиционных установок: в Москве и среди молодежи (18–24 года) 17% опрошенных не планируют рождение детей, что на 8% больше, чем в 2013 году; на 8% уменьшилось количество молодых людей, готовых планировать свое репродуктивное поведение.

Ответственность за предохранение от нежелательной беременности, по мнению опрошенных, лежит на обоих партнерах (табл. 4). Так считают 74% опрошенных (76% женщин и 70% мужчин). Выше всего этот показатель в Москве, где за равную ответственность выступают 82% опрошенных. Различий по данному вопросу среди разных социальных групп нет.

Диаграмма 2

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ СЧИТАЕТЕ МОРАЛЬНО НЕПРИЕМЛЕМЫМ, ДОСТОЙНЫМ ОСУЖДЕНИЯ? (представлены варианты ответов, набравшие более 10%)

Август, 2016 г. N=1600.

Таблица 2

КАКАЯ ИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ ВАМ БЛИЖЕ?

	2013	2017
Нужно планировать рождение детей в семье, используя методы контрацепции	77	78
Нужно родить и вырастить столько детей, сколько даст Бог, не прибегая к контрацепции и абортам	14	13
Затрудняюсь ответить	10	9
Число опрошенных	800	1600

¹ Сакевич В.И., Денисов Б.П. Аборты в постсоветской России: есть ли основания для оптимизма? // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 144–169.

Таблица 3

КАКАЯ ИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ ВАМ БЛИЖЕ?

	Пол		Возраст				Образование				Потребительский статус				Населенный пункт			
	мужской	женский	18-24 года	25-39 лет	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Ноябрь 2013 (N=800)																		
Нужно планировать рождение детей в семье, используя методы контрацепции	77	74	79	82	76	70	83	79	68	73	67	77	83	77	84	73	77	73
	14	12	15	10	17	17	13	10	18	16	22	14	9	9	10	17	14	16
	10	14	6	8	8	13	5	11	14	11	11	9	9	14	6	10	9	12
Март 2017 (N=1600)																		
Следует планировать рождение детей в семье, используя методы контрацепции	78	75	80	82	82	71	79	79	77	73	77	82	82	74	80	82	77	74
	13	13	14	10	10	19	12	12	14	18	11	15	11	17	13	10	12	15
	9	12	7	8	8	10	9	9	9	10	12	9	7	10	6	8	11	11
Затрудняюсь ответить + отказ от ответа																		

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КТО В ПАРЕ/СЕМЬЕ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОЛЖЕН ЗАБОТИТЬСЯ О ПРЕДОХРАНЕНИИ ОТ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ БЕРЕМЕННОСТИ/КОНТРАЦЕПЦИИ?

	Всего	Пол		Возраст				Образование			Потребительский статус			Размер населенного пункта					
		мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	едва хватает на еду	хватает на одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Мужчина	8	8	8	9	7	8	9	8	8	8	9	6	9	8	8	8	9	7	9
Женщина	13	14	12	11	14	15	12	12	12	14	15	12	14	10	9	9	16	13	16
Оба партнера	74	70	76	74	74	74	73	75	75	71	71	75	72	77	82	78	72	72	69
Затруднились ответить + отказ от ответа	5	8	3	6	5	4	6	4	5	7	5	7	5	5	1	5	3	7	6

Март, 2017 г. N=1600.

Источники информации, из которых респонденты узнали о способах предохранения, не отличаются большим разнообразием (табл. 5). Лидирует позиция «узнал(а) от друзей, знакомых, одноклассников» – 18% опрошенных (21% женщин и 13% мужчин). Второе место по популярности делят утверждения «узнал(а) все на собственном опыте» и «из книг по медицинской тематике», эти позиции набирают 19 и 18% соответственно, причем наиболее высокий процент выбравших этот ответ среди людей старшего возраста. Образованные женщины

репродуктивного возраста 25–39 лет чаще обращаются к книгам по медицинской тематике – 23%. Мужчины не склонны обращаться к специальным тематическим источникам (13%) или получать такую информацию от лечащего врача (3% мужчин против 16% женщин), они узнают все «на своем опыте» (22% мужчин против 17% женщин). Молодые женщины из более обеспеченных слоев чаще получают информацию о предохранении из широкого круга источников – интернета, специализированной литературы, друзей, родных.

Таблица 5

ОТКУДА ВЫ САМИ УЗНАЛИ О СПОСОБАХ КОНТРАЦЕПЦИИ?

От друзей, знакомых, одноклассников	39
Узнал(а) все на собственном опыте	19
Из книг по медицинской тематике	18
Видел(а) информацию в средствах массовой информации (радио, телевидение, журналы)	14
От родителей, других родственников	13
Прочитал(а) в интернете	11
Узнал(а) информацию от своего лечащего врача	10
Узнал(а) от своего партнера/партнерши	7
Никогда не интересовался(лась) этим	7
Другое	1
Отказ от ответа	7
Затрудняюсь ответить	9

Март, 2017 г. N=1600.

Женщины из малообеспеченных слоев практически лишены выбора и чаще получают информацию от своих лечащих врачей – возможно, это гинекологи, наблюдающие их во время или после беременности. Только 7% опрошенных узнали о методах контрацепции от «своих партнеров/партнерш». Это может быть связано с низкой сексуальной культурой вообще и отсутствием языка для обсуждения подобных тем в частности. Как утверждает А.Темкина, для многих мужчин контрацепция – приватная и закрытая практика¹. «Никогда не интересовались» способами контрацепции 7% опрошенных. Чаще всего так отвечают пожилые респонденты и жители сельской местности (13 и 12% соответственно). В целом россияне мало информированы о методах контрацепции, они черпают знания из разных, не всегда надежных источников, не стремятся говорить со своими партнерами о контрацепции, хотя номинально согласны, что оба партнера должны нести ответствен-

ность за контрацепцию. Притом что ситуация улучшается и сейчас доступно гораздо больше надежных источников о контрацепции, чем в советское время или в 1990-е, россияне неохотно пользуются предоставленными возможностями, больше доверяя друзьям и знакомым. Интересно, что ответственность мужчины за беременность женщины никак не обсуждается. При этом женщина должна принимать во внимание мнение отца ребенка об аборте. Это типичная для традиционалистской парадигмы ситуация – женщина должна принимать решение самостоятельно, но с оглядкой на мнение других, при этом любой ее выбор будет осуждаться обществом. Декларируемая эгалитарность сексуальных и партнерских отношений, планирование семьи и использование контрацепции существуют на фоне сохраняющихся гендерных норм в решении вопроса о прерывании беременности.

Как мы уже сказали, в российском обществе наблюдается поворот в сторону консерва-

Таблица 6

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ГОСУДАРСТВУ СЛЕДУЕТ ПРЕДПРИНИМАТЬ МЕРЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ АБОРТОВ?

Государству следует предпринимать меры по предотвращению аборт	27
Государству следует оставить решение таких проблем на усмотрение людей, которых это касается	59
Отказ от ответа	4
Затрудняюсь ответить	10

Март, 2017 г. N=1600.

Таблица 7

Совместное распределение ответов на вопросы: «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ГОСУДАРСТВУ СЛЕДУЕТ ПРЕДПРИНИМАТЬ МЕРЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ АБОРТОВ?» и «ПОСЕЩАЕТЕ ЛИ ВЫ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЛУЖБЫ, И ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО?»

	Посещаете ли вы религиозные службы, и если да, то как часто?									
	несколько раз в неделю	примерно раз в неделю	2-3 раза в месяц	примерно раз в месяц	несколько раз в год	примерно раз в год	реже	никогда	отказ от ответа	затрудняюсь ответить
Государству следует предпринимать меры по предотвращению аборт	18	35	40	27	23	31	21	28	20	33
Государству следует оставить решение таких проблем на усмотрение людей, которых это касается	42	33	46	64	64	58	66	58	55	31
Отказ от ответа	3	4	4	5	4	3	4	4	12	18
Затрудняюсь ответить	38	28	10	4	9	7	9	10	13	19

¹ Темкина А. Контрацептивные практики российских женщин: (без) опасность и медиализация // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 324 с. (Гендерная серия. Вып. 3).

тивных практик. Относится это и к абортам и выражается в адаптации и принятии ограничений на право женщины прервать беременность.

На момент последнего опроса только 59% респондентов выступили против вмешательства государства в планирование семьи (табл. 6). В 2015 году этого мнения придерживалось на 7% больше опрошенных. Наибольшее неприятие государственного вмешательства демонстрируют москвичи – 75%. Более половины опрошенных поддерживают право женщины принимать решение об аборте самостоятельно (51%). Среди женщин такую точку зрения поддерживают 60% респондентов, среди мужчин – 40%. Существенных различий между разными социальными группами в данном вопросе нет.

Анализ совместного распределения этих вопросов с вопросом о частоте посещения религиозных служб позволяет выделить ядро консервативно настроенных респондентов (табл. 7 и 8).

Наиболее активные сторонники государственного регулирования репродуктивного поведения – это воцерковленные люди, посещающие религиозные службы как минимум несколько раз в месяц. Эти же респонденты по сравнению с другими группами «прихожан» более склонны к репрессивным мерам контроля аборт: запрету аборт не по медицинским показаниям, денежным штрафам, уголовному преследованию и полному запрету аборт (табл. 8).

Таблица 8

Совместное распределение ответов на вопросы: «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКИМИ МЕРАМИ ГОСУДАРСТВУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СЛЕДУЕТ ДОБИВАТЬСЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ АБОРТОВ?» и «ПОСЕЩАЕТЕ ЛИ ВЫ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЛУЖБЫ, И ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО?»

	Посещаете ли вы религиозные службы, и если да, то как часто?									
	несколько раз в неделю	примерно раз в неделю	2-3 раза в месяц	примерно раз в месяц	несколько раз в год	примерно раз в год	реже	никогда	отказ от ответа	затрудняюсь ответить
Пропагандировать сексуальное воздержание до брака	47	38	39	25	22	21	19	18	18	18
Создать государственную всеобщую программу сексуального воспитания и планирования семьи	52	19	40	44	53	51	44	42	38	24
Ввести обязательные уроки сексуального воспитания в школах	33	17	33	33	35	36	31	29	21	7
Покрывать стоимость средств контрацепции из фонда обязательного медицинского страхования (ОМС)	23	24	18	23	30	27	29	24	17	31
Увеличить пособие по уходу за ребенком до прожиточного минимума (примерно десять тысяч рублей)	34	69	45	54	68	59	58	54	51	29
Проводить аборты только на платной основе / не покрывать стоимость аборт из фонда обязательного медицинского страхования (ОМС)	8	7	10	12	7	7	7	8	10	10
Законодательно запретить аборты не по медицинским показаниям	3	20	14	11	6	10	6	6	10	0
Ввести большие денежные штрафы для тех, кто делает аборты и кому делают аборты не по медицинским показаниям	0	5	7	6	5	5	2	4	0	8
Полностью запретить аборты	0	0	10	1	2	1	3	1	0	0
Ввести уголовное наказание	0	2	7	2	4	2	1	2	0	0
Другое	2	0	0	3	2	1	1	2	0	0
Отказ от ответа	7	4	1	1	2	2	4	4	6	12
Затрудняюсь ответить	7	3	1	9	4	5	8	8	10	36

Из тех мер, которые государство могло бы принимать для контроля за абортами, наибольшую поддержку среди респондентов находят меры просветительского и экономического характера. 57% опрошенных считают необходимым увеличение пособий по уходу за ребенком до прожиточного минимума (табл. 9). Создание государственных программ сексуального просвещения и введение обязательных уроков сексуального воспитания в школах одобряют 45 и 31% соответственно. Четверть опрошенных поддерживает распространение контрацепти-

вов через покрытие их стоимости из системы ОМС (эта мера находит наибольший отклик у образованных жительниц крупных городов от 500 тыс. человек и провинции, в городах до 100 тыс. — 34 и 29% соответственно). 21% опрошенных выступают за пропаганду сексуального воздержания до брака. Такой высокий показатель говорит о том, что россияне не верят в существование стопроцентного способа предохранения от беременности кроме отсутствия самого секса, а также, что секс должен существовать только в браке, что он несет лишь

Таблица 9

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКИМИ МЕРАМИ ГОСУДАРСТВУ СЛЕДУЕТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДОБИВАТЬСЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ АБОРТОВ?

	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			
		мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	536	272	318
1. Пропагандировать сексуальное воздержание до брака	21	20	22	20	21	20	24	22	21	20	22
2. Создать государственную всеобщую программу сексуального воспитания и планирования семьи	45	44	46	48	47	44	43	44	47	47	41
3. Ввести обязательные уроки сексуального воспитания в школах	31	30	32	31	36	28	29	35	29	32	28
4. Покрывать стоимость средств контрацепции из фонда обязательного медицинского страхования (ОМС)	26	23	29	26	26	28	24	30	26	20	25
5. Увеличить пособие по уходу за ребенком до прожиточного минимума (примерно десять тысяч рублей)	57	52	62	54	59	58	55	60	57	55	55
6. Проводить аборт только на платной основе / не покрывать стоимость абортов из фонда обязательного медицинского страхования (ОМС)	8	8	8	7	9	6	9	10	8	3	8
7. Законодательно запретить аборт не по медицинским показаниям	7	8	6	7	9	7	5	7	8	8	6
8. Ввести большие денежные штрафы для тех, кто делает аборт и кому делают аборт не по медицинским показаниям	4	4	5	3	3	4	6	6	4	3	3
9. Полностью запретить аборт	2	2	1	1	1	2	3	2	1	2	3
10. Ввести уголовное наказание (тюремное заключение) для тех, кто делает аборт и кому делают аборт	3	2	3	2	3	2	3	3	2	3	2
11. Другое	2	1	2	1	1	1	2	1	2	1	2
12. Отказ от ответа	3	5	3	4	2	4	3	2	3	5	6
13. Затрудняюсь ответить	7	10	5	9	6	7	6	7	5	10	7

репродуктивную функцию. Эта точка зрения устойчива во всех возрастных и образовательных группах и проявляется во всех опросах, проводимых центром относительно сексуальной жизни до брака, в среднем 20–30% респондентов выступают с осуждением добрачных сексуальных связей.

За запрет аборт не по медицинским показаниям выступают 7% опрошенных. Интересно, что наибольшую поддержку эта мера находит среди жителей столицы – 13%. За крайние реакционные меры – полный запрет абортов и введение уголовного наказания за выполнение абортов – выступает абсолютное меньшинство респондентов, 2 и 3% соответственно.

Среди причин, которые являются веским основанием для прерывания беременности, лидирует «угроза жизни матери» – 66% (69% женщин и 62% мужчин) (табл. 10). «Материальная неустроенность» занимает второе место (39%), чаще всего эту причину указывают в небольших городах (47%). Аборт также признается возможным, если беременность стала результатом изнасилования – 43% (47% женщин и 38% мужчин). Это говорит о том, что ценность жизни матери выше ценности жизни плода, и идет вразрез с пропагандируемой государством и Церковью точкой зрения на роль женщины в обществе и установкой на повышение рождаемости. 24% респондентов допускают возможность аборта в случае, если у женщины уже есть дети и она не хочет, чтобы их становилось больше (26% женщин и 22% мужчин). В небольших городах эту причину называют 28% опрошенных. Только 22% респондентов считают, что для прерывания беременности достаточно простого «желания женщины не иметь детей».

Мы спросили у респондентов, «должна ли женщина при принятии решения об аборте прислушиваться к мнению отца ребенка» (табл. 11). Половина респондентов считает, что аборт должен быть обоюдным решением, 24% оставляют за женщиной право принимать самостоятельное решение и даже не сообщать о нем партнеру (ядро составляют молодые женщины всех уровней потребительского статуса с высоким уровнем образования и живущие в больших городах и Москве), 14% настаивают, что аборт возможен только с согласия отца ребенка (это мужчины со средним уровнем образования из небольших городов).

Получается интересная ситуация – консервативный разворот в области регулирования рождаемости в общественном сознании сосуществует с запросами на меры экономического и просветительского характера, которые должны существовать совместно с абсолютным правом на аборт. В обществе крепнут установки на планирование рождаемости, создание семьи. Этот процесс тесно связан с материальным достатком и устроенностью. Одну из главных проблем для рождения ребенка россияне видят в отсутствии материальных ресурсов для его воспитания. Стоимость рождения и воспитания ребенка растет быстрее, чем благосостояние граждан в среднем. 57% опрошенных считают необходимым увеличение пособий по уходу за ребенком до прожиточного минимума. К экономической стороне относится и оплата средств контрацепции из фондов ОМС – это поддерживает четверть опрошенных (наибольший отклик у образованных жительниц крупных городов от 500 тыс. человек и провинции, города до 100 тыс. – 34 и 29% соответственно).

Таблица 10

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРИЧИН ВЫ СЧИТАЕТЕ ДОПУСТИМЫМ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ (АБОРТА)? (ответы ранжированы по убыванию)

Угроза жизни и здоровью женщины	66
Если женщина забеременела в результате изнасилования	43
Отсутствие материальных ресурсов для воспитания ребенка	39
Возраст беременной женщины	27
Уже есть дети, больше не хочу иметь детей	24
Нежелание женщины иметь детей	22
Нежелание партнера/мужа иметь детей	13
Давление родителей или других родственников	10
Другое	1
Отказ от ответа	5
Затрудняюсь ответить	6

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОЛЖНА ЛИ ЖЕНЩИНА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ АБОРТЕ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К МНЕНИЮ ОТЦА РЕБЕНКА?

	Пол		Возраст				Образование				Потребительский статус				Размер населенного пункта			
	мужской	женский	18-24 года	25-39 лет	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	едва хватает на еду	хватает на одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Женщина может прервать незапланированную беременность, только если отец ребенка согласен с этим	17	11	18	14	14	12	13	11	21	14	10	15	15	13	12	17	15	15
Женщине лучше прислушаться к мнению отца ребенка по этому вопросу, решение о прерывании беременности должно быть обоюдным	53	50	47	52	53	51	52	52	49	51	51	51	49	56	53	46	52	52
Женщина имеет право принять решение о прерывании незапланированной беременности, независимо от того, что думает об этом отец ребенка	14	20	15	19	18	17	18	19	14	16	18	17	18	19	20	20	15	15
Женщина имеет право вообще не обсуждать с отцом ребенка свою беременность и не сообщать ему о своем решении	3	9	6	6	6	7	5	7	4	8	6	7	5	12	8	6	4	4
Отказ от ответа	5	4	8	3	4	5	4	4	6	5	5	4	4	1	3	5	6	6
Всего	14	17	18	14	14	12	13	11	21	14	10	15	15	13	12	17	15	15

Российские семьи хотят дать своим детям лучшее и откладывают рождение детей до момента, когда будут готовы. При этом знания опрошенных о контрацепции фрагментарны и разрозненны, они формируются не систематически из недостоверных источников. Большой процент опрошенных считает, что нет стопроцентных способов предохранения. В такой ситуации аборт — это не право само по себе, не социальная установка, а один из инструментов (не лучший и очень опасный) регулирования внутрисемейной рождаемости и решения проблемы неэффективного предохранения от нежелательной беременности. Желание женщины или ее партнера не иметь детей не рассматривается как основная причина прерывания беременности — роль женщины в общественном сознании неразрывно связана с материнством.

В общественном мнении преобладают декларативные ценности — жизнь матери, планирование рождения детей, благосостояние семьи, ответственность обоих партнеров за контрацепцию, отношение к абортам существует как бы на периферии «общественного

сознания». Мы не видим дискуссий в публичном поле, в эфирах федеральных каналов, в печатных СМИ. Если тема аборт поднимается в публичной повестке, она обсуждается в двух вариантах. Первый — горячая тема для ток-шоу, например «Пусть говорят» на федеральном канале, где развернулся варварский дискурс в отношении жертвы изнасилования. Второй вариант — выступления Русской православной церкви о необходимости запрета абортов. Сложившаяся ситуация опасна тем, что в отсутствии цивилизованного обсуждения абортов и женского репродуктивного здоровья со стороны экспертного сообщества — медиков и демографов, гражданских активистов, участниц феминистского движения, — данную нишу займут радикальные и консервативные «проповедники» от Церкви и националистического крыла. И тогда надеяться на формирование отношения к абортам как к неотъемлемому праву женщины распоряжаться жизнью и телом, как к части общечеловеческих ценностей, прав и свобод не придется.

Ольга ГОЛЬДМАН
Елена БЕРДЫШЕВА

Система онкопомощи в России: о некоторых результатах мониторинга пациентов в г. Москве

Введение

Согласно данным Росстата, в 2016 году онкология стала причиной смерти 299 662 россиян (19% от общей численности умерших в этот период). Это количество сопоставимо с численностью населения некоторых российских городов, например Тамбова (288 895 чел.), Нижневартовска (268 456 чел.) или подмосковного Подольска (290 987 чел.). Иными словами, рак ежегодно стирает с лица Земли один малый российский город, и, по прогнозам Globocan, эта тенденция будет только усиливаться: к 2020 году жертвами онкологии окажется уже 306 891 житель России. В России в 2009 году была открыта Национальная онкологическая программа. В 2015-м она была завершена. Сегодня реализация мер по борьбе с онкологическими заболеваниями поддерживается в рамках выполнения майских указов Владимира Путина, данных в 2012 году, а именно Указа президента РФ № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» в части «снижения смертности от новообразований (в том числе от злокачественных)».

В России существует весьма разветвленная сеть медицинских учреждений, специализирующихся на лечении онкологических заболеваний. Так, в 2016 году на административных территориях России функционировали 98 онкологических диспансеров (93 имеют стационары) и 3 специализированные онкологические больницы¹. Число онкологических коек в лечебно-профилактических организациях (ЛПО) России в 2016 году составило 35 256². Вместе с тем мы мало знаем о том, что происходит сегодня с онкологическими больными в России в целом, подобные эмпирические исследования в нашей стране полностью отсутствуют.

¹ Состояние онкологической помощи населению России в 2016 г. / под ред. А. Каприна, В. Старинского, Г. Петровой. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ «НМИРЦ» Минздрава России, 2017.

² Там же. С. 15.

В 2016 году Служба помощи онкобольным «Ясное утро» (АНО «Проект содействие») при поддержке ОНФ России провела первый в России массовый опрос онкопациентов³. Основная задача исследования состояла в том, чтобы с опорой на данные экспертных интервью с представителями медицинского сообщества, государственной власти, а также со специалистами в области социологии, психологии и права в сфере медицины оценить положение онкологических больных в системе бюджетной онкологической помощи. Исходя из выведенной экспертами посылки о том, что в наиболее развитом и успешном виде эта система представлена в Москве, именно жители данного города составили объект исследования. По итогам проекта было проинтервьюировано 500 москвичей, имеющих онкологический диагноз.

Задача всесторонней оценки успехов и недоработок в области российской онкополитики едва ли может быть решена в пределах одного исследования. Все то множество вопросов, которые имеются у исследователей, не может быть вмещено в одну анкету. Именно поэтому изначально модель эмпирического исследования требовала максимального фокусирования. Для этого сотрудниками службы «Ясное утро» был систематизирован собственный опыт десятилетнего взаимодействия с онкологическими больными, обращающимися за информационной помощью. Это позволило выявить ключевые контексты, в которых онкологические больные сталкиваются с трудностями на пути получения медицинского лечения в бюджетной системе здравоохранения. Данная модель была откалибрована экспертами в двух направлениях.

Во-первых, представлялось важным сконцентрироваться на аспектах, которые могут вскрыть погрешности функционирования си-

³ Проект реализован в рамках гранта Общероссийского народного фронта в сфере общественного контроля качества исполнения указов и поручений президента Российской Федерации по направлению «Здоровье горожан», договор о предоставлении гранта № 2 от 20.05.2016 г.

стемы первичной онкологической помощи, отделив их, например, от психологических трудностей, с которыми сталкиваются онкологические больные, а также от трудностей, связанных с функционированием паллиативной помощи в России.

Во-вторых, важно было избежать идеалистических воззрений и сконцентрироваться на тех направлениях, по которым в текущей ситуации возможны конструктивные преобразования.

В результате была сформирована пятиступенчатая схема исследования, в соответствии с которой оно должно было охватывать следующие аспекты:

1) степень онконастороженности российского населения и его информированность о возможностях профилактики рака;

2) скорость постановки онкологических диагнозов в России (в том числе в ракурсе выполнения существующих государственных регламентов);

3) информированность российских онкобольных о возможностях, предоставляемых бюджетной системой онкологической помощи;

4) взаимодействие онкобольных с лечащими врачами в российской системе онкологической помощи;

5) доступность государственной онкологической помощи российским онкобольным, в том числе:

- физическая доступность – возможность попасть к врачу в кратчайшие сроки и получить необходимое лечение и т.д.;
- финансовая доступность;
- доступность лекарственных препаратов.

Структура наших рассуждений в данной статье будет следующей. Сначала мы опишем концептуальные основания исследования, задавшие контекст как для конструирования опроса онкопациентов, так и для интерпретации его результатов. Далее остановимся на методологии сбора данных. После чего перейдем к изложению результатов проведенного обследования онкопациентов, интерпретация которых осуществлялась в рамках серии дискуссионных заседаний экспертной группы, куда, напомним, входили медики, чиновники, отвечающие за реализацию онкологических мероприятий в России, руководители специализированных пациентских организаций, юристы и социологи.

Концептуальные основания исследования

В качестве значимого контекста исследования признавалось, что на практике российская

система здравоохранения до сих пор испытывает влияние патерналистской модели, функционировавшей в СССР. Это означает в первую очередь внешний локус контроля самосохранительного поведения, к которому привыкли российские граждане¹. Вместе с тем вектор развития современной системы здравоохранения в России направлен от патерналистской модели, что помимо всего прочего актуализирует запрос на большую ответственность граждан за мониторинг собственного здоровья. В контексте онкологических заболеваний, выявление которых на максимально ранних стадиях значительно увеличивает вероятность купирования рака, это ставит вопрос о том, насколько сами граждане осведомлены о специфике болезни, ее поведенческих предикторах, а также о необходимости самоличного профилактического контроля до столкновения с диагнозом.

В это же время распределение ответственности за здоровье между самими гражданами и государством не отменяет государственных обязательств в области здравоохранения. Система государственных гарантий в России является весьма разветвленной. Однако мало известно о том, насколько больные имеют возможность воспользоваться ее ресурсами на практике. Тем более что с теоретической точки зрения медицинскую ситуацию всегда характеризует асимметрия информации, ведь медик является аффективно нейтральным экспертом, обладателем сакрального знания, в том числе и о формальном устройстве системы здравоохранения, тогда как пациент выступает в роли больного, чье положение во взаимодействии с врачом – положение зависимого, чье эмоциональное состояние и опасения за свое здоровье и жизнь сильно влияют на возможность принятия рациональных решений². Данные социологических исследований свидетельствуют, что неравенство в отношениях врач – пациент может выравняться, когда пациент четко осознает, что медицинские услуги не являются для

¹ Бурмыкина О. Патернализм: влияние на культуру здоровья // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4; Савельева Ж. Кому принадлежит здоровье? Социологические дискуссии и масс-медийные интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2 (67).

² Parsons T. Definitions of health and illness in the light of American values and social structure // Social structure and personality. London: The Free Press, 1964; Parsons T. Some theoretical considerations bearing on the field of medical sociology // Social structure and personality. London: The Free Press, 1964. P. 258–291; Parsons T. Social structure and dynamic process: the case of modern medical practice // The social system. L.: Routledge, 1991; Segall A. The sick role concept: understanding illness behavior // Journal of health and social behavior. 1976. Vol. 17. № 2. P. 165.

него бесплатными¹. В случае с российским контекстом этот фактор уравнивания дисбаланса во взаимоотношениях с врачом в системе общественного здравоохранения завуалирован советским стереотипом, возникшим и закрепившимся вследствие целенаправленной идеологизации идеи бесплатности. Не говоря о том, что даже в условиях прямой консьюмеристской модели, когда пациент платит за медицинские услуги из частных средств, можно видеть, что навык отстаивания своих прав во взаимоотношениях с медиками всегда дается пациенту не просто, требует информационной поддержки, «научения». При этом нельзя не принимать во внимание число степеней свободы, доступное российским врачам. Западная литература по социологии медицины и социологии профессий до сих пор исходит из эмпирических данных о сильном профессиональном сообществе медиков, которое функционировало в Европе и США во второй половине XX века. Одна из важных черт этого сообщества — высокая автономность врача в плане принятия решений, как непосредственно медицинских, так и организационных, связанных с реализацией лечения². Частично эта автономность зарубежных врачей была сужена на фоне менеджериализма в здравоохранении³ и усиления позиций страховых компаний, однако по-прежнему она остается весьма высокой. В отличие от зарубежных коллег российские врачи традиционно не обладали автономностью. Устройство советской системы здравоохранения предполагало подчинение медицинского сообщества управленческому аппарату⁴. В условиях централизации, наблюдаемой

¹ Prepaid Group Practice and the New "Demanding Patient" // The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1973. Vol. 51. № 4 (Autumn). P. 473–488; Gerhardt U. Parsons, role theory and health interaction // Sociological Theory and Medical Sociology / ed. by Graham Scambler. Tavistock, London, 1987; Williams S.J. Parsons revisited: from the sick role to...? // Health. 2005. Vol. 9. № 2. P. 123–144; Lupton D. Psychoanalytic sociology and the medical encounter: Parsons and beyond // Sociology of Health and Illness. 1997. Vol. 19. № 5; Shilling C. Culture, the "sick role" and the consumption of health // British Journal of Sociology. 2002. Vol. 53. № 4. P. 621.

² Freidson E. Profession of medicine. A study of the sociology of applied knowledge. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1988; Allsop J., Mulcahy L. Regulating Medical Work: Formal and Informal Controls. Buckingham: Open University Press, 1996.

³ Скотт Р. Конкурирующие логики в здравоохранении: профессиональная, государственная и менеджерская // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1.

⁴ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Власть знания и общественные интересы: профессионалы в государстве благосостояния // Профессии социального государства / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013; Мансуров В., Юрченко О. Перспективы профессионализации российских врачей в реформиру-

в ходе недавних реформ системы здравоохранения в России, этот аспект обрел дополнительную актуальность.

Методология сбора и анализа данных

Несмотря на актуальность проблемы злокачественных заболеваний, поле онкологической помощи является весьма закрытым для исследователя. Со стороны медиков оно блокируется корпоративной этикой и спецификой административного регулирования, усилившейся на фоне проводимых в России в последние годы реформ системы здравоохранения. Со стороны пациентов осложняется их весьма уязвимым эмоциональным состоянием, сопряженным с постановкой онкологического диагноза. Конвенциональной альтернативой в таких случаях оказываются стратегии социологического исследования, в основе которых лежит неслучайная, в случае данного исследования — целевая, выборка. И в этом смысле социологические данные, собранные НКО «Ясное утро» в ходе анализа медицинского обслуживания онкологических больных в Москве, являются уникальными.

Основным каналом сбора этих эмпирических данных являлась «горячая линия» помощи онкологическим пациентам. В зону телефонного опроса попадали пациенты, которые столкнулись с определенными барьерами в системе и нуждаются в информационной поддержке, то есть категории респондентов, которые максимально соответствуют задачам исследования. При этом важно, что разговор с онкологическими больными всегда осложнен их эмоциональными переживаниями, поэтому дополнительным преимуществом опроса по «горячей линии» было то, что он проводился квалифицированными психологами, что повышало вероятность заполнения анкеты в полном объеме. Подобный формат сбора данных также позволял интервьюерам фиксировать ответы обратившихся на «горячую линию» в отношении ключевых барьеров, с которыми они сталкиваются в бюджетной системе онкопомощи. Благодаря этому данные формализованной анкеты были углублены за счет получения качественной информации в ходе ответов на открытый вопрос.

ющемся обществе // Социологические исследования. 2005. № 1; Мансуров В., Юрченко О. Российские врачи: профессионализация сверху или саморегулирование профессии // Романов П., Ярская-Смирнова (отв. ред.). Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). 2011. С. 171–187.

Сбор эмпирической информации проводился с августа по ноябрь 2016 года. Полученные эмпирические данные были подвергнуты дескриптивному статистическому анализу. Для интерпретации количественных результатов активно использовались данные качественного характера, а именно результаты экспертных интервью с медиками, а также масштабный опыт сотрудников «Ясного утра», непосредственно работающих на «горячей линии» помощи онкопациентам и располагающих внушительным объемом информации, накопленной по итогам бесед с обратившимися на линию онкологическими больными.

Результаты массового опроса онкопациентов в Москве

Излечение является функцией от множества обстоятельств – возраста и материальной обеспеченности пациента, стадии развития заболевания, наличия в медицинской системе необходимых лечебных протоколов и аппаратуры и т.д. Один из ключевых факторов успеха в купировании онкологических заболеваний нередко связывают с высокой онконастороженностью самих граждан, потенциально способных регулярно обследоваться, что будет способствовать раннему выявлению онкозаболеваний. Результаты проведенного опроса московских онкопациентов указывают на то, что более половины респондентов (54%) не имели никаких знаний о болезни, с которой столкнулись. Среди тех, кто имел представление об онкозаболеваниях, 15% владели информацией, так как в их социальном кругу присутствовали другие онкобольные, 17% самостоятельно изучали информацию в интернете, научно-популярной литературе и т.д., еще 10% случайно набрали на соответствующие данные, смотря передачи по ТВ и посещая публичные мероприятия. 9% опрошенных узнали о раке, уже находясь в статусе пациентов и прочитав информационные материалы в медицинских учреждениях.

Слабая информированность российского населения об онкологических заболеваниях сегодня представляет существенное ограничение на пути улучшения ситуации с онкозаболеваемостью, в том числе и потому, что сегодня в мире накоплен внушительный объем данных о рекомендуемом образе жизни, который позволяет здоровому индивиду отсрочить встречу с раком, и эта информация к российским пациентам практически не попадает. Вместе с тем в России имеется успешный опыт реализации просветительских мероприятий, направленных

на повышение информированности населения о заболеваниях (программы против СПИДа, информационное разъяснение рисков инсульта и т.п.). И, учитывая, что онкологические заболевания занимают второе место в ряду причин смертности россиян, включение таких заболеваний в подобные программы видится весьма своевременным.

Выявление, первичная профилактика

Результаты проведенного опроса свидетельствуют, что в России пока отсутствует эффективная система раннего выявления онкологических заболеваний. Из 500 опрошенных москвичей 19% узнали о своем диагнозе случайно, при прохождении диспансеризации. При этом 44% обратились к врачу в связи с тем, что их стало беспокоить здоровье, еще 33% пришли к врачу, обнаружив опухоль самостоятельно, а еще 4% столкнулись с онкодиагнозом в результате экстренной госпитализации. При этом 52% опрошенных сказали, что в момент постановки диагноза их заболевание находилось на I или II стадии, в то время как 39% больных признались, что онкологическое заболевание было выявлено у них на III и IV клинических стадиях, когда оно уже с большим трудом поддается лечению. Больше двух третей участвовавших в исследовании московских онкопациентов сообщили, что диагноз им был впервые поставлен в государственном медицинском учреждении. Еще 27% проходили обследование в частной клинике. Порядка 4% респондентов правильную диагностику смогли провести только за рубежом.

В мировой практике временной стандарт постановки онкологического диагноза составляет две недели, а в случае отдельных онкозаболеваний может достигать одного месяца. В России же формальный стандарт задан семидневным интервалом. Это противоречит клиническим особенностям диагностических процедур и из-за систематических нарушений срока создает дополнительное напряжение во взаимоотношениях пациент – система. Только у 29% респондентов проведение процедур, необходимых для постановки диагноза, заняло до двух недель, начиная с первого обращения к врачу. Месяц потратили на постановку диагноза 23% опрошенных онкопациентов. Еще 27% говорят, что им потребовалось потратить от месяца до трех для того, чтобы диагноз был идентифицирован. Для 8% опрошенных путь к постановке диагноза занял от трех до шести месяцев. И целых 13% наших респондентов не могли добиться диагноза более полугода.

Таким образом, в российской системе онкологической помощи назрел запрос на усиление профилактических обследований пациентов на предмет раннего выявления онкозаболеваний. Вместе с тем из мировой практики известно, что сплошные проверки такого рода не являются удовлетворительным решением. Во-первых, данный формат создает избыточную экономическую нагрузку на систему здравоохранения. Во-вторых, что более важно, клинические особенности многих диагностических процедур заключают в себе высокие риски постановки ложноположительных диагнозов. Последнее требует проведения еще более дорогостоящих диагностических мер, и при этом прохождение проверок может наносить урон здоровью пациентов, что абсолютно необоснованно, когда речь идет о людях, онкологический диагноз которым поставлен ошибочно. Одним из конвенциональных решений на уровне мировой практики является разработка профилей рисков, в которых повышенные вероятности столкновения с различными типами онкозаболеваний коррелируются с социально-демографическими (пол, возраст) и клиническими (перенесенные заболевания, наследственная предрасположенность) характеристиками пациентов. В результате профилактическая диагностика проводится целевым образом. Представляется, что внедрение подобных профилей рисков в российскую систему, создание соответствующих инструкций и памяток и, что важно, распространение информации о них среди пациентов (в США, например, речь идет о прохождении соответствующих тестов, оценивающих онкогенность выбранного образа жизни) способствовало бы повышению онконастороженности как со стороны врачей первичного звена, так и со стороны самих пациентов. Значимые сдвиги в контроле раковых заболеваний едва ли возможны без повышения ответственности самих пациентов за заботу о своем здоровье, в том числе и в форме прохождения профилактических проверок по собственной инициативе. При этом очевидно, что реализация таких инициатив возможна лишь при условии наличия в системе здравоохранения соответствующей инфраструктуры.

Маршрутизация онкопациентов в медицинской системе

Одним из центральных направлений программы развития системы онкопомощи в России было и остается создание эффективной маршрутизации пациентов внутри бюджетного

здравоохранения. Подспудно предполагается, что онкопомощь в целом функционирует на удовлетворительном уровне, а многие ее слабости, скорее, связаны с нарушениями «логистических цепочек» медицинского процесса. В случае с лечением онкологических заболеваний этот процесс является особенно сложным, так как он распределен между целой группой различных медицинских специалистов – онкологов, химиотерапевтов, радиологов, УЗИ-специалистов, психологов и иногда психиатров.

Проведенное исследование показало, что маршрутизация пациентов в системе онкологической помощи действительно постоянно дает сбои. 61% опрошенных признались, что им приходится ждать проведения необходимых диагностических процедур более семи рабочих дней. Редко с долгим ожиданием сталкивались 17% респондентов, никогда или практически никогда – 22% проинтервьюированных онкопациентов.

Большая проблема для онкобольных – это сдача анализов и диагностика. В моем случае необходимо каждую неделю иметь новые анализы. Но наша система сейчас так построена, что для сдачи анализов необходимо сначала попасть на прием к терапевту. А это по записи минимум неделя. Затем дают направление на сдачу крови и приходится еще до двух недель ждать. А результаты получаешь после 5 рабочих дней. Итого почти месяц уходит на один анализ, а их уже должно быть четыре (из ответов онкопациентов, позвонивших на «горячую линию» службы «Ясное утро» в период проведения опроса).

Нет алгоритмов поведения пациента. В платной поликлинике ничего не объясняют – отправляют к районному онкологу, ничего не объясняют, ни о чем не предупреждают (не знают?). Пациенты сами ищут диагностику (например, несколько раз сдают гистологию в разные места), сами ищут клинику и врача-онколога, что повышает стресс. В крупных онкоцентрах безумные люди стоят в очередях, в полном отчаянии ищут врача. Онкологи как-то странно реагируют. Если стадия начальная или под вопросом – равнодушно, например, мне сказали: «У вас не горит. Что вы мечетесь?» (из ответов онкопациентов, позвонивших на «горячую линию» службы «Ясное утро» в период проведения опроса).

По свидетельствам пациентов, даже у лечащих врачей отсутствует четкое представление о том, в каком порядке и в какие звенья медицинской помощи стоит обращаться пациенту, столкнувшемуся с онкологическим диагнозом. Действия различных специалистов, участу-

ющих в процессе лечения онкобольных, слабо скоординированы. Как такового «ведения» пациента не происходит. Вкупе с проблемой получения всех необходимых бумаг в условиях бюрократизированности системы перечисленные обстоятельства еще больше удлиняют сроки, в которые пациент может получить доступ к онкологическому лечению.

Диагностика и лечение рака не терпит отлагательств. Месяцы и месяцы теряются на ожидание приема у врача, анализы, обследования и вновь ожидание приема. Так, запись на ПЭТ КТ – за месяц до процедуры, расшифровка данных – семнадцать дней. Не проводится комплексного (!) обследования всего организма даже при наличии метастаз. Врачи не учитывают интересы пациента, например сроки подачи документов на МЭС, не владеют информацией об операциях по квоте, в том числе реконструктивных (из ответов онкопациентов, позвонивших на «горячую линию» службы «Ясное утро» в период проведения опроса).

Кроме того, проведенное исследование указывает, что система онкопомощи не охватывает все необходимые этапы. Она совсем не предусматривает возможности получения медицинских услуг на этапе выхода из онкологического лечения, который чаще всего в силу токсичности последнего сопровождается большим количеством проблем со здоровьем, отсутствуют системы медико-социальной реабилитации и медицинского контроля за пациентами в стадии ремиссии, не говоря о мерах, которые помогали бы купировать вероятность рецидивов. Необходимость пожизненного медицинского наблюдения и регулярных проверок – неизбежный удел пациентов, столкнувшихся с онкозаболеваниями. При этом 59% респондентов указали, что, по крайней мере, на этапе прохождения лечения о поведении в ремиссии им никто не рассказывал (что, впрочем, может быть связано в том числе и с медицинскими прогнозами по их заболеванию). О том, что вопрос ремиссии поднимался в разговорах с лечащим врачом, сообщили 42% респондентов.

Информационная оснащенность онкопациентов

Для пациентов все множество факторов, способствующих излечению, нередко остается за скобками, а в центре внимания оказывается врач, квалификация которого, как кажется, поможет победить любой недуг. Вместе с тем в случае с хроническими заболеваниями, к которым причисляют и онкологию, роль этого

врача приближается к роли ассистента, помощника в борьбе, которую за свое здоровье ведет пациент. Данные проведенного опроса свидетельствуют в пользу идеи о том, что в российской системе онкологической помощи отношения онкобольных с лечащим врачом, особенно когда речь идет о районных диспансерах, далеки от командных. Лишь 16% опрошенных сказали, что при визите к онкологу они получили полное представление о ситуации, в которой оказались. Еще 8% респондентов не отрицали, что врач пытался объяснить им суть их диагноза, однако непонимание осталось. Более половины опрошенных (51%) сказали, что во время приема у врача они не смогли добиться от него полноценной информации о сущности заболевания, его специфике, методах и вариантах лечения, прогнозе развития.

Потребность в информации при постановке онкологического диагноза не ограничивается информацией о сути заболевания. Так, 65% опрошенных онкопациентов столкнулись с информационным вакуумом относительно тех возможностей по лечению рака, на которые они имеют право претендовать в рамках бюджетного здравоохранения, как то квоты на лечение, бесплатное лекарственное обеспечение в стационаре или порядок получения бесплатных лекарств в аптеках. Практически вдвое меньше, 34% респондентов, сказали, что были проинформированы о возможных льготах более или менее полно.

Весьма высокий процент пациентов, которые при столкновении с онкодиагнозом не получили в медицинском учреждении всей необходимой информации, связанной с заболеванием, заставляет задуматься о том, в какой мере в систему российской онкопомощи в принципе встроена возможность подобного информирования пациентов. Столкновение с онкологическим диагнозом, сопряженным с риском смерти, является весьма стрессогенным для пациентов. В мировой практике этот аспект учитывается в форме отведения специального дополнительного времени во взаимодействии врач – пациент, особенно при первом объявлении диагноза, без которого сложно получить пациента, настроенного на активное лечение и сотрудничество с врачом. Активную помогающую роль в этом процессе играют и развитые системы психологической помощи. В России же работа врачей-онкологов регламентируется универсальными правилами, в соответствии с которыми время приема пациента в онкодиспансере, включая физический осмотр

и оформление необходимой документации, составляет 12 минут. Никакой поправки на специфику заболевания не делается. При этом в 2016 году на одного врача-онколога приходилось 484 пациента¹.

Дефицит квалифицированных кадров, низкая привлекательность рабочих мест в системе бюджетной онкологической помощи и вытекающая отсюда перегруженность врачей-онкологов в московских клиниках таковы, что на практике уделить конкретному пациенту больше отведенного времени не представляется возможным. Онкологическая помощь представляется в потоковом формате, что отрицательно сказывается на ее качестве. Ситуация осложняется большим объемом бумажной работы, отвлекающей на себя время врача. Таким образом, полученные эмпирические данные указывают на то, что каждый второй пациент сталкивается с негативными эффектами данных регламентов. В связи с этим видится необходимым увеличение временных границ медицинского приема. Актуален и пересмотр объемов возложенной на лечащих врачей бумажной работы и поиск возможностей ее перераспределения. Широко востребовано развитие психологической онкопомощи. Среди доступных и реализуемых в краткосрочном периоде решений видится продуктивным обеспечение врачей вспомогательными печатными информационными материалами, которые вручались бы пациенту, что позволяло бы ему изучить необходимую информацию в более спокойной обстановке. Важно, чтобы содержание таких информационных материалов включало не только описание заболевания, но и данные о правах пациента, его возможностях в плане получения бесплатных лекарств и т.п. Кроме того, продуктивно было бы рекомендовать одобренную врачами литературу, а учитывая, что большой процент респондентов вынужден искать информацию в интернете, возможно списки рекомендуемых информационных веб-сайтов, в том числе сайтов и контактов некоммерческих организаций, нацеленных на помощь онкопациентам.

Отношения врач – онкопациент: борьба вместо совместных усилий

Отдельной проблемой российской системы онкопомощи является характер взаимоотношений онкологических больных с ле-

чащими врачами. Психологическое давление, социальная и экономическая депривация, связанные с онкодиагнозом и повергающие в депрессию пациентов, пересекаются тут с проблемами кадровой политики в системе онкологической помощи и далекими от идеала организационными условиями, в которых трудятся российские врачи. В результате 35% опрошенных пациентов признаются, что часто (19%) или даже регулярно (16%) сталкиваются с грубым и безучастным отношением со стороны медицинского персонала. Еще 20% респондентов говорят, что негатив в отношениях с врачами редко, но случается; 19% могут припомнить лишь единичные случаи. Тем не менее лишь 25% опрошенных москвичей с онкодиагнозом сказали, что не сталкивались с видимым равнодушием врачей.

Изменить бы отношение к больным. Все делается молча, без объяснений. Если по профилю врача (проктолог-онколог) все нормально, то он НЕ обращает внимания на мое недомогание, бессилие, боли, потерю веса, прием заканчивается (по моему профилю у вас всё отлично) и я выхожу опустошенный, так как не знаю, что с этим делать и куда обращаться. Все симптомы указывают на метастазу, а врач слеп, нем и глух (из ответов онкопациентов, позвонивших на «горячую линию» службы «Ясное утро» в период проведения опроса).

Тот факт, что каждый третий онкопациент сталкивается с грубым отношением со стороны врача, с одной стороны, может отсылать к человеческому фактору, неизменно вмешивающемуся в отношения врач – пациент; с другой – из предшествующих эмпирических исследований хорошо известно, что ключевой мотивацией деятельности врачей является мотивация профессионального признания и реализации своей профессиональной миссии, основная цель которой – излечивать пациентов. И в случае, когда организационные условия труда врачей препятствуют этой задаче, это ведет к повышению неудовлетворенности врачей своей работой, что негативно сказывается и на их коммуникации с пациентами. Как свидетельствуют проведенные в рамках данного исследования экспертные интервью с врачами, медики сегодня сталкиваются и с недостаточностью времени приема, что мешает проведению всех необходимых диагностических и разъяснительных работ, становятся жертвами недостаточного лекарственного обеспечения, технологического обеспечения системы онкопомощи, бюрократизированности системы, порождающей избыток бумажной

¹ Состояние онкологической помощи населению России в 2016 г. / под ред. А. Каприна, В. Старинского, Г. Петровой. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ «НМИРЦ» Минздрава России, 2017. С. 4.

работы и недостаточность ресурсов. Все это существенно затрудняет их условия работы, и это сказывается на пациентах. Потенциально сложившаяся ситуация усиливает риски негативного отбора, когда лучшие специалисты уходят из системы бюджетного здравоохранения.

Доступность медицинской помощи и онкопрепаратов

Всеобщее право на бесплатную медицинскую помощь, декларируемое Конституцией РФ, достаточно сложно реализуемо на практике. Бюджетная система оказания онкологической помощи функционирует в ограниченных рамках выделяемых финансовых средств, ее управление невозможно без опоры на плановые показатели, при этом данная система вписана в целый ряд более общих контекстов. Это и контекст обеспечения медицинской сферы квалифицированными кадрами (то есть затрагивает систему медицинского образования) и вместе с ним контекст конкурентоспособности бюджетной медицины по сравнению с коммерческой в глазах этих кадров. Это и вопрос организации системы лекарственного обеспечения, где государство решает целый ряд задач (поддержка отечественного производителя, соответствие национальной системы мировым стандартам и т.д.) помимо заботы об интересах пациента.

Данные проведенного опроса указывают, что сегодня пациенты с онкологическими диагнозами не имеют возможности положиться на бюджетную, и на этапе получения медицинских услуг бесплатную, систему онкологической помощи. Треть (32%) опрошенных онкопациентов по-прежнему сталкивается с дефицитом положенных им препаратов (39% респондентов — не сталкивались; 10% — сталкивались в единичных случаях).

Среди замеченных в рамках опроса онкопациентов позитивных тенденций необходимо отметить тот факт, что лишь 9% опрошенных имели опыт отказа в обезболивании. При этом 88% сказали, что не сталкивались с такой проблемой, 4% отметили, что сталкиваются очень редко. Данный результат позволяет говорить о положительной динамике в решении вопроса об обеспечении онкобольных в России необходимыми им обезболивающими препаратами. История, которая началась с самоубийства генерала Апанасенко, предсмертная записка которого указывала на то, что причиной его поступка стали связанные с онкологическим диагнозом непереносимые боли и невозможность получения лекарства для их купирования, по-

хоже, оказалась тем прецедентом, который запустил цепь законодательных улучшений, призванных повысить качество и доступность оказания медицинской помощи пациентам, нуждающимся в обезболивании наркотическими и психотропными препаратами. Так, 21 апреля 2016 года был опубликован приказ Министерства здравоохранения о внесении изменений в приказ от 20 декабря 2012 г. № 1175н «Об утверждении порядка назначения и выписывания лекарственных препаратов, а также форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения»¹. Он подразумевал изменения продолжительности действия рецепта на лекарственные препараты до девяти дней по сравнению с пятнадцатью, установленными 1 июля 2015 года поправкой к Закону «О наркотических средствах и психотропных веществах»². Эта поправка, в свою очередь, была призвана облегчить больным доступ к наркотическим обезболивающим, в частности расширять срок действия рецепта с пяти до пятнадцати дней, а также снимала требования по возврату первичных и вторичных упаковок от использованных лекарств. К сожалению, подобных обнадеживающих историй в поле онкопомощи в России пока немного. В странах с развитыми системами онкологической помощи (например, США, Израиль) первостепенность обезбоживания онкопациентов давно институционализована. В России же вопросу о качестве жизни пациента (которое, как свидетельствуют данные клинических исследований, позитивно сказывается и на результатах лечения) только начинают уделять внимание³. Сегодня наблюдаются отдельные положительные сдвиги, связанные с организацией паллиативной помощи, в которой обезбоживание, в том числе и на терминальных стадиях заболевания, занимает центральное место. Вместе с тем вопросы об обеспечении действующими анестетическими препаратами болезненных диагностических процедур даже не обсуждаются.

В целом доступность онкологической помощи для населения оказывается очень низкой. Лишь 7% опрошенных сказали, что не столкнулись с необходимостью оплачивать какой-либо из аспектов онкологического лечения. Остальные были вынуждены преодолевать препят-

¹ <http://base.garant.ru/70404898/>.

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/.

³ Новиков Г., Рудой С., Вайсман М. и др. Паллиативная помощь в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Паллиативная медицина и реабилитация. 2008. № 3.

ствия на пути к лечению при помощи денег: *«Приходится платить, если хочешь жить».*

При этом, отвечая на вопрос, за какие именно аспекты лечения им приходилось платить, респонденты на первое место ставят диагностические мероприятия (74%), на второе место — лекарства, в том числе для проведения химиотерапии (50% опрошенных), на третье место — сами лечебные процедуры, операции и лучевую терапию.

Таким образом, среди ключевых препятствий здесь себя вновь проявляет, во-первых, проблема своевременной доступности диагностических и лечебных процедур, а во-вторых, проблема лекарственного обеспечения. Мощности существующей бюджетной системы онкопомощи явно не отвечают соответствующим потребностям населения.

Плановый характер обеспечения медицинских учреждений лекарствами не позволяет удовлетворить неучтенный в планах спрос. В условиях текущего экономического кризиса объемы этого обеспечения сокращались. При этом система бесплатного лекарственного обеспечения регулярно испытывает дефицит в связи со сбоями в системе государственных закупок препаратов. Все это происходит на фоне того, что онкологическое лечение должно осуществляться в бесперебойном режиме, и того, что онкологические заболевания, в том числе в стадии лечения, сопровождаются выраженным болевым синдромом. Дополнительное напряжение возникает из-за того, что система в принципе нацелена на обеспечение самого базового минимума лекарств, необходимых для онкологического лечения, и даже этих препаратов не имеется в необходимом количестве. Система в самом минимальном объеме предоставляет пациентам препараты, связанные с купированием негативных эффектов, сопровождающих токсичное онкологическое лечение, причем зачастую в государственные программы включены далеко не самые эффективные средства. Кроме того, система бесплатного лекарственного обеспечения практически не учитывает потребности в препаратах, поддерживающих жизнедеятельность человека во время и после прохождения опять же токсичного онкологического лечения.

Таким образом, в том виде, в котором система бесплатного лекарственного обеспечения в бюджетных клиниках существует сегодня, она изначально включает необходимость доплачивать, что, во-первых, противоречит заложенной в Конституции идее бесплатного лекарственного обеспечения, а во-вторых, создает ситуацию

дезинформирования пациентов об их реальных возможностях и правах в системе бюджетного здравоохранения.

Заключение

Завершая описание результатов проведенного опроса московских онкопациентов, хочется обратить внимание на то, что 55% опрошенных говорят о том, что в целом удовлетворены качеством бесплатной медицинской помощи, которую они получают в настоящее время по поводу онкологического заболевания. Иными словами, если судить по ситуации в Москве, изученной в рамках данного исследования, российская система онкопомощи балансирует на грани, имея все шансы на перевес в сторону позитивных изменений. Отсутствие мер, которые способствовали бы позитивному повороту, приведет к тому, что высказанная одним из позвонивших на «горячую линию» пациентов идея о том, что, *«чтобы лечиться, нужно иметь крепкое здоровье: стучаться, пробивать, добиваться и просить»*, окажется той дискурсивной формулой, которой будет описываться система онкопомощи в России.

В целом проведенное исследование позволяет увидеть, что основное состояние пациента в системе онкологической помощи сегодня — это состояние высокой неопределенности на фоне высоких барьеров доступности даже базовых медицинских услуг. Безусловно, система онкопомощи не может быть мгновенно перестроена. Несомненно, купирование существующих организационных сбоев не может осуществляться в отрыве от вопросов о том, насколько бюджетная составляющая может это позволить. Вместе с тем представляется, что частично напряженность может быть снижена, причем не за счет вливания дополнительных финансовых средств, а за счет их реструктуризации внутри системы. Кроме того, меры, связанные с повышением информированности населения об онкозаболеваниях, профилактике рака на уровне образа жизни, на уровне инициативных самопроверок, а также меры, сопряженные с обеспечением необходимой информацией пациентов, столкнувшихся с такими диагнозами, вполне реализуемы и экономически доступны. Опыт стран с развитыми системами онкологической помощи свидетельствует о том, что даже социальная реклама и информационная поддержка такого рода могут стать первыми и весьма убедительными шагами в направлении улучшения ситуации.

К 100-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Лев ГУДКОВ
Наталья ЗОРКАЯ

ВЫТЕСНЕНИЕ ИСТОРИИ: ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ МИФА РЕВОЛЮЦИИ?

Нежелательный или ненужный юбилей

Если принять трактовку революции Ханной Арендт как освобождение от старого режима и основание нового социального порядка, институционализацию свободы¹, то придется признать, что эволюция российского общества в постсоветский, посттоталитарный период сопровождалась систематическим вытеснением смыслового и ценностного содержания революционных событий 1917 года, причем, что важно, делали это политики с разными идеологическими взглядами. Интерес к 100-летию русской революции за рубежом проявляется сильнее, чем в самой России, если судить по множеству международных научных и университетских конференций, проходящих в разных странах. Историки, политологи, философы анализируют радикальные социальные изменения, произошедшие в мире после 1917 года, вызовы, последовавшие после появления советского тоталитарного государства и международного коммунистического движения. В России не так. Столетие 1917 года отмечается при явном равнодушии населения. Конечно, и здесь проходят семинары, выставки документов, появляются телевизионные передачи, посвященные этим событиям, но они носят либо дежурный, фор-

мальный и пропагандистский, либо узко групповой характер мероприятий для историков. Сам масштаб юбилейных мероприятий несопоставим с массированными пропагандистскими кампаниями вокруг помпезных празднований Дня Победы 9 мая. Нельзя сказать, чтобы этот юбилей замалчивался властями, но ощущается, что он вызывает двойственные чувства у высшего руководства, недавно уверовавших коммунистов и «православных чекистов», не знающих толком, что нужно говорить в этом случае «народу»². Необходимость отозваться на круглую дату не связана с внутренней потреб-

² Указом В. Путина создана правительственная комиссия по празднованию во главе с руководителями государства и директорами академических институтов и университетов, утвержден план юбилейных мероприятий, координируемых Российским историческим обществом под руководством бывшего спикера Госдумы С. Нарышкина, ныне директора Службы внешней разведки РФ (Plan100letrevolution.pdf). В план включено более 100 различных мероприятий – выставок, круглых столов, изданий и пр. Празднование открывается выставкой иконы «Державная заступница России» (<http://rushiistory.org/images/documents/0001201612200017.pdf>). Сам по себе этот план представляет собой чисто бюрократическую разрядку заданий для различных госучреждений (институтов РАН, музеев, библиотек и т.п.), которые должны представить экспозиции и программы конференций к этой дате. Установки кремлевских политтехнологов (как надо понимать и разъяснять населению эти события) заданы идеологической повесткой русского консерватизма, ставшего основой путинского политического курса. По словам патриарха Кирилла, интеллигенция, «совершив страшные преступления против веры, против Бога, против своего народа, против своей страны», несет «основную вину не только за революцию 1917 года», но и «за все то, что произошло в XX веке». Выступление 29 марта 2017 г. на заседании палаты попечителей Патриаршей литературной премии. URL: <http://www.interfax.ru/russia/555912>. Как ответ на эту насаждаемую повестку появилось некоторое количество выступлений как либеральных публицистов и историков (Л. Млечина и др.), так и крайне правых, если не сказать, черносотенцев, на таких ТВ-каналах, как НТВ, «Царьград», «Звезда» и др.).

¹ Арендт Х. О революции. М., 2006. Следуя Х. Арендт, мы можем (должны) рассматривать революцию как разрушение самодержавия или как освобождение от старого порядка (первый период) и как точку отсчета или основание нового общественного порядка (второй период). Проблемы возникают как раз в связи с вопросами «свободы», поскольку установившийся после революции порядок меньше всего может трактоваться как свобода. Сами основатели советского государства говорили не о свободе, а о диктатуре как условии строительства нового государственного порядка, в рамках которого могло формироваться и выражаться принципиально новое общество.

ностью общества осмыслить события прошлого и их последствия, скорее, это вынужденная реакция администрации на внешние обстоятельства — требования соблюсти приличия «культурной страны», имеющей «великую» историю, значимую для мирового сообщества.

Само понятие «революция» в путинской России вызывает неоднозначные, скорее, негативные ассоциации. Даже сторонники КПРФ сегодня предпочитают говорить не столько о революции как победе пролетариата или торжестве идей Карла Маркса, сколько о достижениях и величии СССР как реинкарнации русской империи. Никто — ни демократы, ни путинисты, ни оппонировавшие режиму националисты — не хочет сегодня повторения революции хоть в каком-либо виде, сознавая сопряженные с ней бедствия, хаос, гражданскую войну и прочие катаклизмы.

Такое отношение сложилось сравнительно недавно. Само слово «революция»¹ вплоть до краха СССР воспринималось исключительно как ценностно-наполненное и позитивно окрашенное. ВОСР в советском идеологическом языке была синонимом ключевого (или даже главного) события мировой истории, поворотной точкой развития человечества (в логике исторического материализма, эквивалентной явлению Христа, началу нового летоисчисления). Такое понимание лежало в основе легитимации советской власти и воспроизводилось всеми социальными институтами (школой, пропагандой, экономическим планированием, армией, полицией, системами социального контроля, наукой и пр.). Из трех русских революций — 1905-го, февральской 1917-го и октябрьского переворота (большевистского «путча», как его называли эмигранты и зарубежные историки) — абсолютным значением обладала только ВОСР. Первая, революция 1905 года, рассматривалась только как репетиция Октября². Февральская революция — свержение са-

¹ Когда употреблялось слово «революция» (без определений и дополнений), всем было понятно, что под этим подразумевалось не что иное, как Великая Октябрьская социалистическая революция (ВОСР, как мы будем ее называть ниже, следуя обычаям позднего брежневского новояза) или ее более широкий контекст — Гражданская война и период военного коммунизма (до НЭПа).

² От первой русской революции 1905 года в массовом сознании почти ничего не осталось. Хотя символически события того времени уже в первые советские годы осели в названиях улиц, площадей, фабрик и т.п., к 1960-м семантика этой топонимии рутинизировалась и стерлась до неопознаваемости. С крахом советской власти пошла новая волна переименований и возвращения прежних, дореволюционных названий, что уничтожило следы и связи не только с 1905-м, но даже с 1917 годом. Мало кто сегодня мог бы сказать, почему то или иное место носит такое название. В провинции советские названия (как и памя-

модержавия и провозглашение республики (что собственно только и может называться в теоретическом плане «революцией») — в советское время всячески умалялась и низводилась до прелюдии захвата власти большевиками³.

На исходе СССР ключевыми были три даты, определявшие структуру исторического сознания советского общества⁴:

1) ВОСР (начало новой эпохи, формирование принципиально нового мессиански ориентированного общества, выступающего в глазах большей части его населения примером для других стран и народов (даже в январе 2017 года ее называли в этом качестве все еще 36% опрошенных, в конце 1989-го — 62%)⁵;

2) победа в Великой Отечественной войне — в 1989–2017 годах ее называли от 73 до 83%; Вторая мировая война стала не просто главной

ники Ленину, Кирову и другим советским деятелями) остались почти не тронутым. В столицах возвращение дореволюционных названий заметно лишь в центре города. Но в Москве остались и Красная Пресня, и площадь Восстания, и Октябрьская площадь, и станции метро «1905 года», «Бауманская», «Баррикадная», «площадь Революции», не говоря уже о Ленинском проспекте, Ленинградском вокзале и других топонимах. Единственной фигурой из событий 1905 года, которая поднята на щит кремлевскими политехнологами, был премьер-министр царского правительства А. Столыпин. Забыто, что с его именем связано подавление этой революции, роспуск первого русского парламента, военные суды и казни. В современной политической риторике осталась его звонкая фраза: «Им [оппозиции] нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия», — ставшая девизом консервативного объединения политиков и экономистов «Столыпинский клуб».

³ И смысл (содержание), и ход исторических событий в феврале-мае того года всегда подавались в тенденциозно-одностороннем изложении, только как последовательная реализации партией Ленина плана подготовки к вооруженному восстанию, неизбежность которого обоснована научными выводами марксизма. В школах или вузах, в университетах почти никогда не упоминались какие-либо другие политические деятели, кроме деятелей РСДРП(б). Была тщательно обойдена и искажена роль Льва Троцкого, старых большевиков, репрессированных в годы сталинского террора. Трактовка революционных событий была задана каноном сталинского «Краткого курса ВКП(б)». Именно эта схема исторического процесса, усвоенная массовым сознанием, воспроизводится сегодня, отражаясь в стертом виде в материалах исследований общественного мнения.

⁴ Этот набор событий-символов получен в результате повторяющихся на протяжении более 25 лет исследований общественного мнения, проводимых сотрудниками Левада-Центра. Здесь и далее приводятся данные репрезентативных всероссийских опросов Левада-Центра. Данный вопрос формулировался следующим образом: «Назовите 5–6 важнейших событий XX века». Такая структура ключевых событий российской истории XX века была закреплена деятельностью всех институтов, обеспечивающих массовую социализацию и воспроизводство тоталитарного сознания, — школьным образованием, кинематографом, литературой, телевидением. Наилучшим примером этого могли быть романы-эпопеи поздней советской эпохи, издававшиеся миллионными тиражами, П. Проскурина, Г. Маркова, А. Черкасова, составлявшие ими основу массового чтения в годы застоя.

⁵ Здесь и далее приводятся данные всероссийских репрезентативных опросов, проводившихся Левада-Центром.

трагедией русской истории, но и триумфом советской системы, а 9 мая 1945 года постепенно превратилось в центральный опорный символ тоталитарной системы, свидетельство ее самостоятельности, оправдание силы по отношению к другим странам, доказательство ее статуса как Великой державы;

3) полет Гагарина (58%) — свидетельство успеха советской науки и промышленности, символ самого передового строя, его конкурентоспособности в отношении к западной капиталистической системе.

Чернобыль (25%) и распад СССР (44%) воспринимались уже как конец эпохи социализма, крах советской системы и ее идеологии.

Значимость всех других событий XX века существенно менялась в зависимости от политической и идеологической конъюнктуры властвующих элит: так, приход к власти Владимира Путина считают сегодня особо важным событием 28% опрошенных (2017), репрессии 1930-х — 15%, Гражданскую войну — 13%, уничтожение крестьянства и коллективизацию выделяют 8%, августовский путч ГКЧП 1991 года — 7%, Февральскую революцию — 1–2%.

Отношение советских властей к «революции» как социально-политической проблеме (включая влияние идей социализма в третьем мире) всегда носило чрезвычайно идеологизированный и подчеркнуто позитивный характер. Но, когда речь заходила о процессах реформирования самой советской системы, позиция власти радикально менялась, и здесь отношение ко всем, кто выступал с планами «оптимизации» окостеневшей и склеротизированной системы господства компартии, становилось откровенно враждебным. Тем не менее после смерти Иосифа Сталина, после доклада Никиты Хрущева на XX съезде, уже к концу 1950-х романтический образ настоящих революционеров — самоотверженных идеалистов, старых большевиков, хотевших «всего хорошего» для простых людей, — стал довольно распространенным в среде интеллигенции¹. Слабые попытки обновления или ревизии марксизма («возвращения к раннему Марксу») определили рамки «этики возможного»: иллюзии «социализма с человеческим лицом», родившиеся из противопоставления хороший Ленин — плохой Сталин. Вся интеллигентская культура шестидесятников была

¹ Можно вспомнить оттепельный фильм «Коммунист», песню Б. Окуджавы о «комиссарах в пыльных шлемах», множество фильмов эпохи застоя, от «В огне брода нет» до авантюрно-приключенческих лент о революции вроде «Неуловимых мстителей» и т.п.

пронизана аллюзиями и внутренним спором с «революцией», определением ее моральной цены и поисками ответов на вопрос: было ли неизбежным перерождение революции в сталинский ГУЛАГ. Большая часть диссидентов и сочувствующих им, хотя и не принимавших открытого участия в правозащитном движении, отвечали утвердительно на этот вопрос, полагая, что коммунизм и насилие неразрывны, что партия большевиков, провозгласившая «диктатуру пролетариата», является источником и моделью общества-государства, не могущего функционировать без террора и массовых репрессий. Но дать ответ на вопрос, где выход из этого состояния, никто из них не мог. Те же, кто были близки к власти или являлись частью советской номенклатуры и бюрократии, считали, что изменения и гуманизация коммунистического режима возможны только «изнутри» самой системы, что единственный путь — постепенная трансформация его в более человеческое государство или даже постепенная конвергенция с капиталистической демократией. За рамки этой повестки поколение (которое в конце концов инициировало перестройку) так и не вышло. Перестройка вывела эти разногласия наружу, но не дала понимания природы и причин тоталитарной системы.

При Михаиле Горбачеве традиционно-советское понимание «гуманного и морального» во всех смыслах характера революции и советской власти подверглось значительной ревизии в ходе публичных дискуссий, еще повлиявших на общественное мнение, как об этом свидетельствуют данные октябрьского опроса 1990 года (последнего года советской власти). Так, 73% опрошенных заявляли, что их взгляды на революцию в последние годы изменились в сравнении с поздним брежневским временем, что они иначе оценивают тогдашние события и действия большевиков. 57% опрошенных одобряли в целом необходимость вооруженного захвата власти большевиками (23% считали, что не было такой необходимости). Но, как бы в противоречии с мнением большинства, высказанным до этого, значительная часть — 30% — полагала неоправданным разгон большевиками Учредительного собрания (одобряли эти действия Ленина всего 29%, а 41% затруднились ответить). 53% опрошенных осуждали ликвидацию свободной прессы, 73% — расстрел царской семьи, 51% — национализацию частной собственности, 62% — подавление крестьянских восстаний и т.п. Ликвидация «буржуазии» как класса (уход промышленников, предпринима-

телей из хозяйственной жизни страны) стала очень «значительной потерей» для страны, полагали 66% респондентов. Значит, в общественном мнении страны в тот момент возобладали взгляды, противоречащие всей советской традиции героизации революции и пролетарской идеологии.

Но то было короткое время перестройки и попыток пересмотра советского прошлого, стараний определить цену социалистического эксперимента, революции, тоталитарной диктатуры. Осуждая отдельные аспекты установления диктатуры большевиков, россияне в целом и тогда не решались на принципиально иную оценку событий 1917 года как радикального переворота и исток национальной катастрофы (последовавшей «антропологической катастрофы», как говорил Иосиф Бродский). Иллюзии шестидесятников, что можно построить «гуманный социализм», избежав крайностей террора и издержек тотального государства, не допускали принятия другой концепции революции (и по-

нимания природы советского государства), что негативно сказалось на последующем развитии страны. Уже через поколение россияне вернулись к прежним представлениям: опрос 2017 года, аналогичный рассмотренному выше, дал заметное сглаживание и сближение оценок, ослабление остроты разногласий, зафиксированных в перестройку (табл. 1, 2).

Получалось, что, отвергая «крайности» пролетарской диктатуры – убийство царя и его семьи, насильственное прекращение деятельности предпарламента, ликвидацию частной собственности, свободы прессы, войну с крестьянством, сопротивляющимся собственному ограблению и уничтожению, репрессии по отношению к Церкви, – российское население (в значительной своей части) принимает советскую власть как необходимую или неизбежную фазу русской истории. Оправдание революционного захвата власти большевиками снизилось, но не утратило значимости. Полярность мнений стала более размытой и менее опреде-

Таблица 1
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БЫЛА ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ...?

	1990	2017	Разница
В ВООРУЖЕННОМ ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКАМИ?			
В этом была необходимость	57	42	-15
В этом не было необходимости	23	37	+14
Затрудняюсь ответить	20	21	+1
В РАЗГОНЕ БОЛЬШЕВИКАМИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ?			
В этом была необходимость	29	39	+10
В этом не было необходимости	30	34	+4
Затрудняюсь ответить	41	27	-14
В ЗАКРЫТИИ БОЛЬШЕВИКАМИ ГАЗЕТ ДРУГИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ?			
В этом была необходимость	23	28	+5
В этом не было необходимости	53	46	-6
Затрудняюсь ответить	24	26	+2
В РАССТРЕЛЕ БОЛЬШЕВИКАМИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ?			
В этом была необходимость	13	10	-3
В этом не было необходимости	73	76	+3
Затрудняюсь ответить	14	14	+1
В НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКАМИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ?			
В этом была необходимость	24	33	+9
В этом не было необходимости	51	45	-6
Затрудняюсь ответить	25	22	-3
В ВООРУЖЕННОМ ПОДАВЛЕНИИ БОЛЬШЕВИКАМИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ?			
В этом была необходимость	11	19	+8
В этом не было необходимости	62	58	-4
Затрудняюсь ответить	27	23	-4

Таблица 2

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НАНЕСЛА СЕРЬЕЗНЫЙ УРОН...?

	1990 октябрь	2017 март	Разница оценок
РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ?			
Согласен	69	49	-20
Не согласен	17	41	+24
Затрудняюсь ответить	14	10	-4
РУССКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ?			
Согласен	68	48	-20
Не согласен	20	42	+22
Затрудняюсь ответить	12	10	-2
РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ?			
Согласен	85	69	-16
Не согласен	6	20	+14
Затрудняюсь ответить	9	12	+3
Число опрошенных	1047	1600	

ленной¹. Некритичное и скорее традиционалистское, рутинное сохранение (воспроизводство) советских стереотипов и представлений о характере революции и ее причинах в большей степени присуще малообразованным, пожилым людям, жителям провинциальных малых и средних городов, сельскому населению, не затронутому влиянием перестроечных процессов. Среди самых молодых – 18–24-летних, то есть недавно отучившихся в школе или вузе, других учебных заведениях, – заметно выше доля затрудняющихся дать определенный ответ, что косвенно указывает на отсутствие интереса к истории (и на качество и характер преподавания).

Новое руководство России, пришедшее к власти сразу после краха СССР, всеми силами старалось дистанцироваться от советской системы и уничтожить ту идеологическую базу, на которой основывалась легитимность тоталитарного государства, и прежде всего саму идею революции. Реформаторы попытались протянуть связь постсоветской России с дореволюционным развитием страны, как бы вычеркнув советский период из истории. Они тем самым старались показать возможность преемственности досоветской и постсоветской России,

¹ Чаще о негативных последствиях установления советской власти заявляют более образованные респонденты, жители столиц и крупных городов. В первую очередь это относится к оценке последствий политики атеистического государства в отношении Церкви – здесь осуждение террора сопровождало процессы религиозного возрождения, характерного, если говорить о 1990-х, главным образом для названных групп населения.

подчеркивая значимость эволюционного пути, продолжения мирной, как это имело место в конце XIX – начале XX века, а не форсированной (насильственной тоталитарной, сталинской) модернизации, превращения России в «нормальную» европейскую страну, такую же, как и другие государства ЦВЕ, уже совершившие такой поворот. Но как образец политического движения в первой половине 1990-х была опять принята модель «модернизации сверху», решительных институциональных реформ, проводимых властями принудительным образом, несмотря на явное сопротивление консервативно настроенных остатков партийно-советской номенклатуры, региональной бюрократии и инерционности основной массы населения². Ставка на проведение экономических реформ без глубокого изменения базовых социальных институтов – политической полиции, суда, правоохранительных органов, массового образования и т.п. натолкнулась на устойчивость воспроизводимых ими массовых представлений и государственный патернализм ожиданий населения.

² Не случайно эмблемой партии Е. Гайдара был выбран «Медный всадник» – конная статуя Петра Первого как царя-европейца, силой насаждавшего западные формы управления и образа жизни. Попытки поднять символическое значение Февральской революции, открывавшей путь к развитию в духе западноевропейской демократизации, не удалось. См.: А. Кара-Мурза: «Едва ли сами реформаторы сознавали важность февральских событий. Они апеллировали не к этому времени, а к эпохе Александра II – царя-освободителя, отменившего крепостное право в 1861 г.» // *Кара-Мурза А. Деятели Февраля скорее пытались погасить революцию, нежели разжечь ее* // Эксперт. 2017. № 10, 6–12 марта. С. 46–49.

Свидетельством дискредитации самой идеи революции в постсоветский период можно считать радикальное изменение отношения российского общества к событиям августа 1991 года — краху путча ГКЧП, за которым последовали ликвидация союзных властных институтов, а затем и полное уничтожение СССР. Победа над сторонниками коммунистического реванша недолгое время воспринималась как последняя, но уже демократическая, антисоветская революция. Она мыслилась как аналог «бархатных» революций в социалистических странах Восточной Европы (или продолжение процессов декоммунизации), завершивший долгий период тоталитаризма и утопических трансформаций общества и человека. Но спустя два-три года (после конфронтации правительства Бориса Ельцина с просоветским Верховным Советом РСФСР и расстрела Белого дома в 1993 году) романтический ореол 1991 года погас. Всего 10% опрошенных упрямо продолжали называть победу сторонников Ельцина над путчистами «демократической революцией», несмотря на всю путинскую демагогию, обличение «лихих 1990-х» и характеристику распада СССР как «величайшей геополитической катастрофы XX века». Через 25 лет, в 2016-м, половина опрошенных уже не помнили и не могли ответить на вопрос, чем был август 1991-го. За годы путинского правления эти события утратили смысл, превратившись в малозначимый «просто эпизод борьбы за власть»¹. 90% молодых людей вообще ничего не знают о таком, казалось бы, поворотном событии в новейшей истории России. И этот факт производит, может быть, самое сильное впечатление.

Три революции: избирательность ритуалов государственной идентичности

Годовщина ВОСР была главным государственным праздником в СССР (сам праздник 7 ноября установлен в 1918 году, с 1927-го 7–8 ноября объявлены нерабочими днями). 7 ноября каждый год в Москве на Красной площади проходили военный парад (в больших городах и областных центрах — свои, поменьше), во всех городах — массовые демонстрации и митинги, возглавляемые партийным и советским руководством, вечером — праздничные концерты, салют, гулянья, застолье. С концом советской власти эти ритуалы закончились, последний военный парад имел место 7 ноября 1990 года. После краха ГКЧП последовал запрет КПСС,

¹ Общественное мнение-2016. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2016. С. 253.

7 ноября перестало считаться государственным праздником; с 1992-го выходным (праздничным) днем стал считаться только 7 ноября. Еще через пять лет (в 1996-м) при Ельцине, борвшемся с сопротивлением коммунистов в парламенте, этот праздник был переименован в «День согласия и примирения»². В конце декабря 2004 года Путин отменил и этот праздник, 7 ноября стал обычным рабочим днем. Выходным (нерабочим) сделали «День народного единства» — близкий по времени Праздник иконы Казанской Божьей матери, отмечаемый РПЦ 4 ноября в память об «освобождении Московского Кремля от поляков в 1612 году» (историками эта дата не подтверждается).

Если судить по материалам наших социологических опросов, последнее официальное празднование 7 ноября 1990 года проходило в основном «так же, как в предшествующие годы» (так об этом тогда сообщал 51% опрошенных). Несмотря на то что отмена праздника сначала Ельциным, а затем, окончательно, Путиным была встречена населением с весьма противоречивыми чувствами, негативное отношение к этому государственному церемониалу довольно быстро распространялось

Аргументация противников отмены сводилась к тому, что «нельзя устранить из народного сознания память о таком великом событии». Подобные настроения сохранялись еще несколько лет: даже в октябре 2011 года соотношение за и против отмены праздника составляло 50:30. Но дело было сделано — статус главного государственного ритуала идентичности перешел к 9 мая, Дню Победы. Хотя память о ВОСР остается — практически две трети населения (63%, ноябрь 2011 года) помнят о нем, но отмечать его так, как это было в прошлые годы, собирались все меньше людей: в 2010–2012 годах — 17–18%, в 2014–2016-м — 12%. В социальном плане это прежде всего пожилые люди, упертые сторонники компартии, сталинисты, уходящее поколение советских людей³.

100-летняя годовщина Февральской революции 1917 года (крах самодержавия) прошла почти незамеченной. Кремлевское начальство слишком поздно сочло нужным отреагировать на эту дату. Агитационная машина очень мед-

² Как было сказано по этому случаю в указе президента Б. Ельцина: «В целях смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества».

³ ОМ-2004. С. 167, табл. 21.12.1 и 21.12.2; но уже в 2005 г. доля одобряющих отмену праздника 7 ноября поднялась до 27%, а число осуждающих пропорционально снизилось. См.: ОМ-2005. С. 183, табл. 24.7.

ленно начала заводится, вбрасывая в публичное пространство разные версии давно прошедшего: от заговора масонов против царя или предательства элит до клерикальных стенаний о святом царе-мученике и страстотерпце. Крах империи связывался с греховностью образованного общества, атеизмом беспочвенной интеллигенции, влиянием Запада, общим нравственным разложением и «порчей нравов». Редкие выступления либеральных историков и политических философов рассматривали отречение царя либо как «зарю российской демократии», либо как начало цепной реакции, приведшей к социальному «хаосу» и трагедии народа¹. Как и их оппоненты из лагеря русских консерваторов, либералы были склонны к идеализации и апологии тех, кому они сочувствовали (кадетам, октябристам), преувеличивая их достоинства и демонизируя противника (монархистов, эсеров, большевиков). Более умеренные историки и публицисты говорили об обреченности русского государства, неспособного вовремя начать реформы и адаптироваться к изменениям в

мире, бездарности и политическом дилетантизме слабого царя, не понимающего логики распада империи, неизбежной эрозии патриотизма из-за проигрываемой империалистической войны, об усталости общества, последствиях нерешаемых социальных проблем и т.п. Но и у тех, и у других за рамками объяснения оставались главные вопросы: почему при всех достоинствах тех, кто пришел тогда к власти, при массовой эйфории, опьянении от провозглашенной свободы, переходе к республиканскому правлению победители в Февральской революции оказались несостоятельными политиками, так легко отдав власть большевикам². Общих дискуссий в целом не получилось.

Поэтому в массовом сознании (общественном мнении, фиксируемом Левада-Центром) сохранились главным образом советские каноны трактовки начала революции – Февральской революции (табл. 4).

Еще при Ельцине, начавшем поиски «национальной идеи» России на замену коммунистической идеологии, в обществе, публичном

Таблица 4

КАКАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВАМ БЛИЖЕ?

	2017 январь
Февральская революция открывала путь к буржуазно-демократическому развитию России, превращению ее в такую же страну, как другие европейские государства	21
Февральская революция 1917 года сама по себе не имела никакого значения, это лишь первый, предварительный этап Октябрьской революции	45
Затруднились ответить	35

Таблица 5

15 МАРТА (2 МАРТА ПО СТАРОМУ СТИЛЮ) 1917 ГОДА РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II ОТРЕКСЯ ОТ ПРЕСТОЛА. ПРОШЛО 100 ЛЕТ, НО ЛЮДИ ДО СИХ ПОР ПО-РАЗНОМУ ОЦЕНИВАЮТ ЭТО СОБЫТИЕ, КОТОРОЕ ПОЛОЖИЛО КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ. С КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

	1997 III	2012 II	2017 III
Крушение монархии было прогрессивным шагом в развитии страны	16	9	13
Крушение монархии привело Россию на путь утраты своего национального и государственного величия	23	25	21
Положительные и отрицательные последствия крушения монархии компенсируют друг друга	19	18	23
Никогда не задумывался над этим	29	36	32
Затруднились ответить	14	12	11

N=1600.

¹ Булдаков В. От утопии к катастрофе: как Россия прельстилась революцией // РБК, 10 марта 2017. См. также: Кара-Мурза А. ... к истории оценки Февральской революции о том, что на «тезисе, что это «либералы развалили Россию»... сошлись и охранители, пытающиеся сбросить с себя вину за русскую катастрофу, и большевики...» (с. 47).

² Кара-Мурза А. Деятели Февраля скорее пытались погасить революцию, нежели разжечь ее // Эксперт. 2017. № 10, 6–12 марта. С. 46–49: «Февральская революция 1917 года была общедемократической по своему содержанию, и ее поддержало абсолютное большинство народа». С. 47.

пространстве стал заметным рост числа тех, кто после развала СССР искал истоки деградации страны в разрушении монархии, и затем некоторое преобладание их над респондентами, придерживающимися обычной для советского человека веры в прогрессивный характер свержения царя. Косвенно на это указывает и рост числа людей, негативно оценивающих свержение самодержавия, рост симпатий к последнему царю и образу его как безвинной жертвы и мученика революции (табл. 5). Но размывание советских идеологических стереотипов не означало поворота к прозападными демократическим представлениям. К настоящему времени проблематика выбора направления национального развития почти не вызывает интереса у обычных людей, для которых главной национальной идеей остается «стабильность» (отказ от перемен и потрясений), а нынешняя система все чаще оценивается как наилучшая в сравнении с советским прошлым или демократией западного образца.

Массовые представления о причинах революции

К новому юбилею – 100-летию Октября – путинская пропаганда подходит уже более основательно. В общественном мнении сегодня просматриваются две взаимоисключающие точки зрения на последствия Октябрьской революции: одна – чисто инерционная, представляющая собой рутинную версию позднесоветского времени, своего рода парафраз особенностей российской модернизации – «революция открыла новую эру в истории России» (в ослабленном варианте – «дала толчок социально-экономическому развитию отста-

лой и бедной царской России»). Другая позиция, противоположная первой, возникла в среде эмигрантов, бежавших из России после гражданской войны и связанного с ней террора, и была принята противниками советской власти вне зависимости от идеологических взглядов. Суть ее: революция – это катастрофа (или, в более умеренном виде, «революция прервала нормальную эволюцию страны» или существенно «затормозила ее») (табл. 6). Соотношение мнений 2:1 сегодня показывает более высокую долю позитивного отношения к революции (особенно в провинции, в инертной среде малообразованных и бедных людей). Трансформационный кризис 1990-х и падение уровня жизни заметно повлияли на сохранение советской трактовки революции (борьбы эксплуатируемых классов), усиливая защиту государственно-патерналистских взглядов.

Социологические исследования показывают наличие нескольких смысловых потоков или рядоположенных версий событий того времени, почти не вступающих между собой в конфликт. С одной стороны, мы имеем дело с политикой разрушения советской идеологии, центральный момент которой образует представление о «Великой Октябрьской социалистической революции» как начале новой эры человечества (революция – это принципиальный поворот истории, конец эксплуатации человека человеком и возможность построения бесклассового общества). С другой – революция рассматривается как катастрофа или разлом истории всего предшествующего развития страны (табл. 7). Последнее мнение разделяют как крайне консервативные националисты (православные и монархические фундамента-

Таблица 6
ЧТО ПРИНЕСЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НАРОДАМ РОССИИ?

1997–2017	'97	'01	'02	'03	'04	'05	'06	'07	'09	'10	'11	'17
	X	XI	X	X	X	X	X	X	X	X	X	III
Она открыла новую эру в истории народов России	23	27	27	20	30	26	30	24	28	29	25	25
Она дала толчок их социальному и экономическому развитию	26	32	33	32	27	31	28	31	29	29	27	36
Она затормозила их развитие	19	18	18	19	16	16	16	17	16	14	19	21
Она стала для них катастрофой	15	12	9	14	14	15	9	9	10	9	8	6
Затрудняюсь ответить	17	11	13	15	13	13	17	19	17	19	21	12
Сумма позитивных высказываний	49	59	60	52	57	57	58	55	57	58	52	61
Сумма негативных высказываний	34	30	27	33	30	31	25	26	26	23	27	27

N = 1600.

листы), так и либералы, сторонники постепенной вестернизации России, расценивающие победу большевиков как контрмодернизационный разворот истории.

Распад идеологической структуры представлений о революционном процессе сопровождался растущей неоднозначностью понимания причин или мотивов революции. От чисто марксистско-ленинской трактовки революции (как освобождения от эксплуатации) массовое сознание движется к характерным для путинской риторики «стабильности» и «сильного государства» (но в негативной форме — паранойе и страхе перед «цветными революциями», предостережением: слабая власть — исток и причина всех постигших Россию бед, что отражается и на общественном мнении¹). Явно обозначились три основные версии: *консервативная* — безответственные демагоги и политические авантюристы — либералы, революционеры разрушили великое государство; *советская* — терпение народа к концу империалистической войны было исчерпано, эксплуатируемые классы восстали, Ленин основал небывалое в истории социалистическое государство рабочих и крестьян²; третья, которая в последнее время звучит все более отчетливо, — *идея внешнего геополитического*

заговора (США, Германии, Великобритании и других западных держав, боящихся сильной и великой России).

Наиболее убедительная для населения версия, объясняющая «революцию» (свержение самодержавия и захват власти большевиками), сводится главным образом к «тяжелому положению трудящихся», служит первым по значимости объяснением происшедшего³. Сила такого объяснения обусловлена не только привычностью этого взгляда на человека, но и проекцией сегодняшней ситуации на прошлое — неудовлетворенностью патерналистских ожиданий в отношении социальной политики российского руководства. Патернализм — это то, на чем держится легитимационный базис в постсоциалистическом социуме. Такое объяснение революции было вполне привычным для основной массы населения. Но сведение интерпретации только к инерции идеологической обработки, консервативной социализации целых поколений советских людей недостаточно для понимания глубинных механизмов реставрации в настоящем культурных слоев тоталитарного социума. Более сложные и незнанные причины этого заключаются в том, что *российское общество сохраняет и воспроизводит*

Таблица 7

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ПРИВЕЛО К ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ? (множественный выбор; ранжировано по марту 2017)

	1990 октябрь	1997 октябрь	2001 ноябрь	2007 октябрь	2011 октябрь	2017 март
Тяжелое положение трудящихся	66	57	60	57	53	50
Слабость правительственной власти	36	40	39	35	34	45
Заговор врагов русского народа	6	11	11	13	12	20
Экстремизм политических авантюристов	16	14	15	17	15	19
Стихийная агрессия толпы	15	15	14	12	15	15
Другое	2	1	<1	1	2	2
Затруднились ответить	12	11	9	9	12	7

¹ Приписываемое революционерам сочувствие к эксплуатируемым классам, составляющим большинство населения страны, желание, рождающееся из сострадания к ним, радикальным образом уничтожить социальную несправедливость становится в глазах ныне живущих россиян условием и основанием морального оправдания политики революционной партии. Тем самым последовавшие (после 1917 года) насилие, террор и эксперименты революционеров, захвативших власть, воспринимаются сегодня как бы под «анестезией» или вообще вытеснены из сознания.

² Государство, которое — и это специально подчеркивается консерваторами в путинском окружении — тоже предали и разрушили болтуны, партийные функционеры и демократы-реформаторы.

дит себя как бедное общество или общество бедных людей. Экономический детерминизм (а это все, что осталось от марксизма в постсоветском сознании) оказывается одним из важнейших

³ Бесспорный факт — резкое ухудшение обеспечения продовольствием в конце 1916 — начале 1917 года в Петрограде в условиях военного времени и некомпетентности царской бюрократии в чрезвычайных обстоятельствах — не должен закрывать от понимания риторический характер клише «тяжелое положение трудящихся» как причины революции: тот уровень доходов и качества жизни, которые имело население России в 1912–1913 гг., были вновь достигнуты лишь во второй половине 1950-х.

принципов в представлении о природе человека, он был идеологической посылкой реформ, проводимых Егором Гайдаром (надо запустить рыночную экономику, а демократия и правовое государство, свободы и права человека неизбежно последуют из нее). Советская пропаганда, школа, искусство и литература практически вычеркнули все, что касалось темы свободы, поднятой Февральской революцией, и состояния общества в тот недолгий период. История революции в подаче советских и постсоветских учебников начинается с апреля, с приезда Ленина в Петроград, а не с отречения Николая II. Поэтому в массовой «памяти» совершенно нет следов тех чувств, которые сильнее всего проявились в феврале 1917 года: массовая эйфория, сознание новых времен, новой жизни, перспективы которой открылись для страны. Напротив, приоритеты материальных запросов отражают иерархию представлений о ценностях сегодняшнего российского человека, для которого гарантированный уровень потребления («гуляш-социализм», если воспользоваться венгерским понятием) оказывается гораздо важнее защиты от властного произвола.

Но это основное объяснение революции год от года теряет силу (доля разделяющих подобные взгляды уменьшалась, сократившись с 66 до 50%). Наряду с ним укрепляются варианты, акцентируемые и усиленно навязываемые нынешним режимом, в советское время бывшие лишь второстепенным дополнением¹ к базовой версии: «слабость правительства», «слабость власти» (рост за четверть века с 36 до 45%; по своей значимости эти причины почти сравнялись с «классовыми») и «заговор врагов русского народа» (рост с 6 до 20%). Первый из этих мотивов отражает страх (реальный или наигранный, используемый для подавления оппозиции) нынешнего руководства перед опасностью «цветных революций». Он — продукт сравнительно недавнего времени, путинского правления, эпохи «стабильности» и борьбы с экстремистами и пр.² Второй — очень давний по своему происхождению (он

¹ Они составляли один из компонентов ленинской формулировки революционной ситуации — «низы не хотят, верхи не могут», что не тождественно по смыслу путинской мантре «недопустимости ослабления государственной власти».

² Тема Майдана, Грузии, арабской весны, протестов в Венесуэле, дестабилизация положения вследствие деятельности «подрывных элементов» и тому подобные страшилки постоянно присутствуют в выступлениях В. Путина и его окружения. В табл. 7 видны следы влияния антиукраинской и антизападной пропаганды: заметный рост после 2014 года ответов о «слабости власти» и «заговоре врагов России».

возник в среде монархистов и черносотенцев еще в начале века и был доминирующим в среде русских эмигрантов после революции 1917 года); сегодня эти варианты интерпретации настоящего и прошлого перестали быть исключительным идеологическим ресурсом политических маргиналов — русских консерваторов и националистов, и постепенно вошли в состав массовых убеждений.

Сливаясь, различные версии, включая и факультативные — политический авантюризм, стихийная агрессия масс и т.п., задают и поддерживают негативное отношение к революции как хаосу, смуте, дезорганизации, оглушению, дестабилизации, еще раз напоминая обывателю о тяготах трансформационного кризиса 1990-х и связанных с ним процессах социальной аномии, а также о Майдане и украинском «государственном перевороте». Тем самым утверждается: чтобы избежать катаклизмов и общих бед, нужна консолидация народа вокруг власти. Это служит обоснованием политики дискредитации либералов, правозащитных и неподконтрольных Кремлю неправительственных организаций, оправданием манипуляций выборов, усиления цензуры в СМИ и интернете, убеждению населения в необходимости «сильной руки», способной нейтрализовать «стихийную агрессию толпы» и защитить благомыслящее большинство от «экстремизма политических авантюристов», «пятой колонны», подрывной деятельности «иностранных агентов», «экспорта демократии», призванной пресечь «заговор врагов русского народа», чтобы избежать прежних общих бед³.

Благодаря таким навязываемым сегодня обществу установкам сохраняется патерналистская легитимация власти (сочетающая как советские, так и постсоветские компоненты), оправдывается необходимость профилактических репрессий против нелояльных или «враждебно настроенных» к государству групп. Идеология «стабильности» в стране утверждается от имени большинства населения, воспринимающего себя в качестве жертв постперестроечной истории, а потому, при

³ Подавляя свободу, Кремль уничтожает не только интеллектуальное разнообразие и политический плюрализм, он стерилизует потенциал развития страны, делая общество одномерным и слабоструктурированным. Поэтому исчезновение слоя или групп, которые могли бы дать иное понимание и знание о революции, произвести рационализацию прошлого для осознания природы действующего режима, представляется совершенно закономерным процессом эволюции постсоветской России.

обращении к прошлому, идентифицирующего с беднейшими классами дореволюционной России. Демагогические заверения в давнем сочувствии и сострадании к обиженным, неимущим, страждущим, беднейшим категориям населения играют роль механизма проективного переноса «тяжелой ситуации революционного кризиса» на самих себя сегодня, условием жалости к себе, а стало быть, предпосылкой понимания текущей ситуации и интерпретации прошлого. То, что эта политика направлена на защиту «большинства» (а насилие якобы применялось преимущественно в отношении «меньшинства» или отдельных социальных групп – социально чуждых, попутчиков, кулаков, паразитических элементов), снижало моральное чувство недопустимости государственного террора, тревогу и настороженность перед фактами жестокости государства, притупляло остроту восприятия преступлений советского режима. Революционный террор, из чрезвычайного состояния переходящий затем в постоянные институты массового принуждения, получал здесь как бы инструментальный характер (меньшего зла, издержек), дегуманизируя сам образ жертвы и вытесняя из сознания морально-психологический дискомфорт от знания о репрессиях и уничтожении людей. Бесчувственность по отношению к самой практике тотального институционального насилия облегчает идентификацию населения с государством, оставляя за прошлым лишь те значения и смыслы,

которые делают его историей Великого Государства. История (в российском изложении) может быть только державной историей. Все иные подходы к прошлому объявляются очернением или фальсификацией героической истории нашего Отечества¹.

С приходом Владимира Путина к власти политика рационализации прошлого как условия или возможности самопонимания общества (кем мы стали? в чем корни и причины периодически повторяющегося аборта модернизации страны?) оказалась полностью парализованной. Вытеснение значимости исторического знания шло параллельно с мифологизацией прошлого страны и дискредитацией идеи реформ, навязывания населению представлений о чуждости демократии духовным традициям России, особенности ее пути, иллюзорности мечтаний стать такой же «нормальной», европейской страной, как другие государства, уже завершившие переход от тоталитаризма к современному правовому государству. Вместе с этим в массовом сознании все сильнее утверждалось представление о том, что советский период был не «аномалией» или трагическим разломом российской истории, а органическим продолжением ее традиционного развития. И дело не только в том, что так сильны конформистские мнения («если бы большевики проиграли», то власть все равно перехватили бы другие авантюристы и диктаторы, что могло бы быть еще хуже, чем с Лениным, – этими соображениями оправдывают свой оппортунизм от четверти до трети опро-

Таблица 8

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО БЫ С НАШЕЙ СТРАНОЙ, ЕСЛИ БЫ БОЛЬШЕВИКИ НЕ СМОГЛИ ЗАХВАТИТЬ/УДЕРЖАТЬ ВЛАСТЬ В 1917 ГОДУ?

	2002 октябрь	2017 март
Была бы восстановлена монархия Романовых	22	19
Власть захватили бы какие-то другие экстремисты, авантюристы, которые принесли бы народам еще больше бедствий	26	32
Страна пошла бы по пути демократии западного типа	22	16
Россию ждали бы распад и утрата независимости	14	14
Затрудняюсь ответить	16	11
Число опрошенных	1600	1600

¹ См. мнение о сохраняющемся за этим революционным мифе: «Распространение и длительное существование революционного мифа объясняется тем, что он стал основой советского государства, направленно формировавшего социальный заказ по его поддержанию на всем протяжении своего существования» // Медушевский А. Политическая история русской революции. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 8.

шенных) (табл. 8), а в том, что сторонников демократической перспективы (сегодня!) становится все меньше¹. Именно эта безнадежность и неверие в возможность изменения жизни к лучшему, характерное для сегодняшнего российского общества, подталкивают людей признавать, что, даже если бы большевики не смогли удержаться у власти, то в условиях полного краха государства все равно ничего хорошего бы не произошло: «вернулись бы Романовы» или «Россия как страна распалась и прекратила существовать» и т.п.

Подчеркнем характерную дробность в ответах на этот вопрос: она свидетельствует об отсутствии в общественном мнении влияния интеллектуалов – историков, философов, чьи авторитетные суждения могли бы задать общий тон в оценке давних ключевых событий. Путинский режим может существовать только при условии постоянного понижения интеллектуального уровня населения, подвергая цензуре публичное пространство, деятельность СМИ, подавляя возможности публичных дискуссий и свободной конкуренции партий. Еще одним важным моментом оказывается сохранение (как и в советское время) почти полной зависимости общественных наук от государства, от колебаний политических интересов власти и идеологической конъюнктуры. В лучшем случае, академическая и университетская наука оказывается изолированной от общества (правильнее было бы говорить о самоизоляции и оппортунизме историков, социологов, юристов), в худшем – ученые сознательно избирают сервиллизм, занимаясь обслуживанием режима. В отсутствие этой работы поднимаются рутинные слои представлений, сформированные в предшествующие периоды.

Поэтому почти половина россиян (48%) считает сегодня, что Октябрьская революция была неизбежной и сыграла положительную роль в российской истории, не согласны с ними около трети опрошенных (31–32%), каждый пятый затрудняется ответить. Но, если спросить, была ли революция «законной», мнения меняются на противоположные: лишь 35% оценивают приход к власти партии большевиков как вполне легитимный процесс, 45% считают захват ими власти «незаконным» актом. Еще большую двусмыс-

¹ За 15 лет число тех, кто полагал бы не только правильным, но и возможным такой вариант политической эволюции, сократилось с 22 до 16%. Свою роль, помимо долговременных факторов, здесь сыграл эффект патриотической мобилизации и эйфории, вызванной аннексией Крыма и антизападной пропагандой.

ленность и противоречивость общественного мнения опросы обнаруживают, если поставить вопрос так: является ли советская система (сталинизм, хрущевская эпоха, брежневское время), возникшая после смерти Ленина, продолжением революции или она есть отклонение от ее принципов и идеалов? В сентябре 1990 года лишь 16% опрошенных считали советскую систему «продолжением» и развитием тех задач и целей, которые ставили перед собой большевики в партии Ленина; в марте 2017-го доля таких ответов поднялась до 30%. Иное мнение – практика советского государства далеко «отошла, отклонилась от идеалов революции» – в 1990-м высказывали 65%, а в 2017-м – только 43%. При этом заметно, в полтора раза, с 19 до 27%, выросло число затрудняющихся с ответом на подобный вопрос. Аналитически невозможно разделить, чего в этих ответах больше, устойчивой веры в возможность построения «социализма с человеческим лицом» (пусть даже в негативной форме – как отказ в признании «нормальности» для такого строя, как коммунизм, практик террора, всеобщего принуждения, неизбежности состояния хронической бедности населения) или, напротив, вывода, основанного на осмыслении всего опыта существования в реализованной «утопии», а именно: закономерными последствиями революции могут быть только тотальное принуждение, репрессивные институты, труд и бедность (запечатленные Андреем Платоновым в его «Котловане»). Одни и те же мысли могут быть в одной и той же голове респондента, не представляя для него такой же проблемы логической несовместимости, как это представляется интеллектуалу. Разочарование в результатах 70-летнего развития страны не обязательно сопровождается отказом от прежних стереотипов и установок. Эта инерционность – важнейшая характеристика массового сознания стагнирующего общества.

Такая особенность общественного мнения кажется даже более важной, нежели само идеологическое содержание этой веры в социализм. Сохраняющееся двоемыслие (как в массовом отношении к революции, к советскому прошлому в целом, так и к настоящему путинского режима) является следствием неспособности общества дать моральную и социальную оценку советскому государству. Почему – особая проблема. **Принудительная** (как во всяком тоталитарном или несвободном обществе) **идентификация населения с властью** не позволяет людям признать советскую систему преступной, по-

сколькo такое признание полностью разрушило бы коллективную идентичность и сложившиеся формы коллективного самоопределения. Не позволяется признать «государственным преступником» даже Сталина, хотя большинство (пусть даже год от года уменьшающееся) вполне сознает тот факт, что государство убивало, морило голодом, лишало прав и средств к существованию, выбора места жительства, работы, семьи десятки миллионов людей. Кажущаяся на первый взгляд абсурдность ситуации заключается в том, что большую солидарность с таким государством проявляют как раз те группы, которые в прошлом сильнее пострадали от репрессий и государственного произвола, насилия, унижения — бедная и депрессивная периферия (село, малые города, люди с низким образованием и, соответственно, доходами, родители которых были крестьянами, рабочими). Те, кто должны были больше знать о том, как в 1920–1930-е проходили реквизиции в селе зерна, продовольствия и крестьянского инвентаря, скота и другого имущества, как обкладывали разорительными налогами в 1950–1960-е, а именно пожилые люди, выходцы из деревни, относительно чаще считают, что революция принесла больше пользы, чем вреда, что она была «неизбежной» (хотя и «незаконной!»).

Если обратиться к анализу социально-демографических различий в ответах опрошенных на диагностические вопросы о прошлом, то первое, что бросается в глаза, — высокая доля затрудняющихся с ответом, не знающих ничего об истории страны или индифферентных среди молодежи (в среднем 27–33%, что вдвое больше соответствующих показателей у пожилых людей: 14–17%). Второе — более высокая доля антисоветских и негативных мнений о последствиях революции, незаконности большевистского переворота (как и нелегитимности послереволюционного социального порядка) или отрицания «исторической неизбежности» революции среди людей более образованных, занимающих высокие статусные позиции (руководителей, предпринимателей), экономически более обеспеченных, москвичей, жителей крупнейших городов, где недовольство действующей властью проявляется сильнее, чем в других социальных средах. Такое отношение к революции у этого довольно размытого или аморфного социального множества в период перестройки было условием поддержки начавшихся изменений (горбачевской перестройки, а позднее ельцинских реформ), поскольку не-

гативное отношение к советскому прошлому было залогом позитивной ориентации на западные модели открытой рыночной экономики, правового государства, демократии. Сейчас этот массив сократился примерно до 25–30%. Просоветские взгляды и представления — рeзидуумы тоталитарной идеологии — сохраняются (то есть воспроизводятся) в социальных группах, обладающих минимальным доступом к институциональным ресурсам культуры, образования, обладающих крайне ограниченными возможностями интеллектуальной рефлексии, памяти, всего того, что позволяет сопротивляться давлению авторитарного государства. Это периферийные во всех отношениях и смыслах слои и группы. Они существенно (и функционально, и культурно) отличаются от центра (населения столицы, мегаполисов, где наблюдается не только максимальная концентрация символических и культурных ресурсов, наивысшая плотность информационных и коммуникационных сетей, образования, доходов и где, стало быть, предполагается высокая способность к рецепции нового, высокий потенциал изменений). Сама длительность государственного насилия в деревне, в малых городах, в ПГТ во время коллективизации, войны, послевоенного восстановления изменила массовое сознание большей части населения страны, превратив колхозы и фабрики в формы нового крепостного состояния, а самих людей в крепостных, не имеющих паспортов, а значит, и свободы перемещения. Такое состояние оказывало гораздо более разрушительное воздействие в социальных средах с низким уровнем образования, куда не доходила плюралистическая современная культура (с ее иммунитетом внутреннего сопротивления насилию). В этих социальных средах сочетание административного, фискального, полицейского и идеологического принуждения быстрее ломало жесткий по характеру традиционный уклад и образ жизни. Учитывая, что большая часть населения России — выходцы из разоренных коллективизацией и войной советской деревни и малых городов (свыше 80% — горожане в первом или втором поколении), становится понятной сила импринтинга такого насилия и следующая отсюда готовность к адаптации к репрессивному тоталитарному государству¹. Особенности та-

¹ СССР до 1961 года был даже формально страной с преимущественно крестьянским населением (а если принимать во внимание образ жизни в малых и отчасти даже средних городах, это преобладание крестьянской ментальности сохранялось вплоть до конца 1970-х).

кой ментальности (коллективное заложничество, пассивность, страх, отказ от гражданской активности и ответственности, рутина бедного существования с низким уровнем запросов, доминирование стратегии физического выживания) значимы и по настоящее время¹. Полная и принудительная идентификация с государством уничтожала не только историческую память о государственных преступлениях, но и всякое иное понимание событий прошлого и настоящего, саму идею личного достоинства и ценности человека, разрушала способности к независимой оценке происходящего. От травм прошлого у населения остались лишь рубцы, табу или бессознательно проявляющееся нежелание касаться и поднимать определенные «опасные» темы и вопросы. Поэтому историческое «беспамятство» молодежи², выросшей в ситуации разрыва с прошлым и наступающего исторического провала, их равнодушие к прошлому и чрезвычайно скудные знания, может рассматриваться как логически объяснимая реакция на практики принудительной идеологической социализации и ментального дисциплинирования общества в советское и постсоветское время. Ее трудно назвать «нормальной», но нельзя отрицать действенность подобных коллективных норм социального контроля. «Забыть все» оказывается более пра-

вильным социальным поведением (оно и легче, и комфортнее в условиях школы или информационного давления), чем подвергнуть прошлое рациональному переосмыслению. Поэтому мы в социологических опросах общественного мнения получаем свидетельства странной двойственности массового сознания: сочетания воспроизводства прежних стереотипов и одновременно их размывания, эрозии, но никак не проработки. А это указывает на слабый потенциал возможных социально-политических изменений, новой «революции» или хотя бы протеста против путинского режима.

Ленин как индикатор процессов десакрализации революции

Обратимся к динамике изменений, взяв в качестве операционального маркера имена=символы, с которыми в массовом сознании населения России связаны различные исторические эпохи (табл. 9).

Как видно из табл. 9, сильнее всего снизился статус Ленина (в первую очередь как революционера, большевика и теоретика марксизма, автора доктрины «диктатура пролетариата», инициатора красного террора и Гражданской войны, затем как руководителя первого в мире пролетарского государства, для ныне живущих ассоциируемого главным образом с послево-

Таблица 9

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 10 САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ (в % к числу упоминаний, открытый вопрос, данные ранжированы по последнему опросу; приводятся только те имена, которые названы не менее 12% опрошенных)

	1989	1994	1999	2003	2008	2012	2017
1. СТАЛИН	12	20	35	40	36	42	38
2. ПУТИН	–	–	–	21	32	22	34
3. ПУШКИН	25	23	42	39	47	29	34
4. ЛЕНИН	72	34	42	43	34	37	32
5. ПЕТР I	38	41	45	43	37	37	29
6. ГАГАРИН	15	8	26	33	25	20	20
7. ТОЛСТОЙ Л.	13	8	12	12	14	24	12
8. ЖУКОВ	19	14	20	22	23	15	12

¹ Это обстоятельство постоянно подчеркивает в своих работах один из лучших российских демографов А. Вишнеvский. См.: Вишнеvский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998, гл. 2 и 3.

² Индифферентность общества к проблематике революции можно объяснять по-разному, в том числе и демографическими причинами. За четверть века, прошедшую с момента распада СССР, в жизнь вошло новое поколение молодых людей, не имеющих непосредственного опыта советской жизни, тотального характера идеологической обработки населения, а потому равнодушных к символам ушедшей эпохи.

енным периодом – авторитетом одной из двух супердержав, созданной Лениным). С первого места (72% в последние годы советской власти) Ленин переместился на 4-ю позицию (32%). Ушли в небытие и все прежние советские идолы – Маркс, Энгельс, еще раньше оказались забыты и знаменитые в 1930-е деятели времен революции и Гражданской войны в России,

подвергнутые принудительному забвению в ходе сталинских процессов, чисток и репрессий. Попытки выдвинуть на их место Петра Первого (насильственно насаждавшего европейские порядки в традиционной, почти византийской России), которые в первые годы институциональных реформ были предприняты российскими либералами, о чем уже упоминалось выше, были довольно скоро остановлены — пик символической значимости Петра, навязывания идеи «революции сверху», приходится на вторую половину 1990-х — начало 2000-х. Вместе с имперским вариантом имен с первых мест

в национальном пантеоне на второй план оказались отодвинуты и символы русской культуры — Пушкин, российской науки и образования — Ломоносов, но также и знаменитые полководцы и военачальники — Суворов, Жуков, Кутузов и другие. Быстро оказались забытыми и политические и моральные авторитеты времен перестройки (Горбачев, Сахаров). Единственным, чей символический капитал непрерывно рос, оказался Сталин, в первые годы редко упоминавшийся среди самых важных деятелей прошлого. После прихода к власти Путина началась тихая, но упорная ресталинизация, и к 2012 году

Таблица 10

КТО ИЗ ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС НАИБОЛЬШУЮ СИМПАТИЮ? (ответы ранжированы по первому за-
меру)

	1990 октябрь	1997 октябрь	2002 октябрь	2007 октябрь	2017 март
В. Ленин	67	28	36	27	26
Ф. Дзержинский	45	25	28	21	16
Н. Бухарин	21	13	9	7	10
Л. Троцкий	15	5	8	4	4
Н. Махно	8	3	4	6	2
И. Сталин	8	15	22	15	24
Николай II	4	17	18	11	16
А. Керенский	3	4	4	3	2
А. Колчак	3	8	8	7	16
П. Миллюков	2	1	1	1	2
Затруднились ответить	12	26	19	37	38

N=1600.

Таблица 11

КТО ИЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС НАИБОЛЬШУЮ АНТИПАТИЮ, НЕПРИЯТИЕ? (ответы ран-
жированы по первому замеру)

	1990 октябрь	1997 октябрь	2002 октябрь	2007 октябрь	2017 март
Сталин	49	36	30	29	21
Колчак	22	12	15	9	7
Махно	19	22	26	11	21
Керенский	19	12	10	8	9
Троцкий	10	13	10	13	17
Николай II	10	7	6	4	5
Ленин	5	12	11	11	13
Миллюков	5	3	3	2	3
Дзержинский	4	6	6	7	6
Бухарин	3	4	3	3	5
Затруднились ответить	25	25	26	42	39

Сталин возглавил список самых значимых великих людей России, конкурируя лишь с Путиным. Речь, разумеется, идет не об исторически реальной личности Сталина, а о возрождении и переработке державного мифа: Сталин — победитель во Второй мировой войне и «эффективный менеджер», обеспечивший суровыми методами быструю индустриализацию аграрной и отсталой России.

Изменились не только ранги значимости имен знаменитых в прошлом исторических фигур, изменился и знак отношения к деятелям революционной эпохи, оценка их в общественном мнении (табл. 10 и 11). Симпатии ко всем деятелям революции (кроме Сталина) уменьшились¹, и напротив, выросли антипатия и негативные оценки их роли (опять-таки исключая Сталина). В годы перестройки Бухарин, Троцкий и другие ключевые фигуры времен революции, гражданской войны и утверждения советской власти отчасти выделялись как умеренная социалистическая альтернатива сталинскому террору и индустриализации за счет разорения крестьянства, но утратили вместе с идеей социализма всякую привлекательность. Не только Ленин, но и они сохраняют большую значимость лишь в среде очень пожилых людей, идеологический импринтинг которых пришелся на середину 1960-х, когда среди образованного чиновничества была популярна идея реформ и «социализма с человеческим лицом», умершая вместе с подавлением Пражской весны. То же самое произошло не только с Дзержинским², но также, по другим данным и материалам, и с расстрелянными в 1930-е Тухачевским, Блюхером, Якиром и прочими командующими Красной Армией в гражданской войне, к которым первоначально общество испытывало явное сочувствие, но отвернулось по мере распространения знаний об их роли карателей крестьянских восстаний в 1920-е.

¹ К Ленину с 67% до 26% (доля людей, неприязненно воспринимающих его, напротив, стала более высокой: с 5 до 13%); к Троцкому — с 15% позитивно оценивающих его в перестроечные годы до 4%, к Бухарину — с 21 до 7-10%, негативные оценки, соответственно, стали более распространенными: к Троцкому — с 10 до 17%, к Бухарину с 3 до 5% и т.д.

² Популярность Ф. Дзержинского объясняется последовательной практикой «очеловечивания», «гуманизацией», «утеплением» фанатичного и жестокого руководителя ВЧК, борца с детской беспризорностью, образом, созданным уже после его смерти советской пропагандой, кинематографом, вошедшим в школьные учебники и популярную литературу. Поэтому отношение к нему всегда было позитивным, симпатию к нему высказывали 45% опрошенных, но к 2017 году доля таких мнений сократилась до 16%, правда, показатели антипатии не изменились. Это указывает на устойчивую, хотя и незначительную группу людей, более или менее знакомых с литературой о деятельности репрессивных органов большевистской власти.

За 27 лет — с 1990-го по 2017-й — заметно выросла доля затрудняющихся с оценками революционных деятелей (с 12 и 25 до 38–39%). Это объясняется не только тем, что пришло поколение, равнодушное к старым идеологическим спорам о катастрофе 1917 года, но и сменой акцентов в идеологической работе репродуктивных институтов (в массовой школе, в университетах) и в установках кремлевской пропаганды и зависимых от власти СМИ. Эти изменения можно назвать «консервативным поворотом», во многом нейтрализовавшим или подавившим прежние советские стандарты легитимации власти (революция и социализм) и открывшим путь для реставрации имперских и антиреволюционных представлений, заимствованных из антибольшевистской среды. Об эффективности этой политики можно судить по росту симпатий к Николаю II и генералам, возглавлявшим антибольшевистское движение после революции (диагностическим именем здесь оказывается адмирал Александр Колчак, Верховный главнокомандующий русской армией, боровшийся против советской власти и казненный в 1920 году)³. Но одновременно нужно говорить и о смене акцентов в отношении к символическим фигурам советского пантеона: Сталин (и стоящий за ним комплекс представлений о победе в войне, Великой державе, «эффективной» модернизации) постепенно оттеснил Ленина (основателя первого в мире пролетарского государства, лидера революционной партии большевиков, теоретика марксизма). Нейтрализованными в данном случае оказались именно значения, связанные с массовыми репрессиями, государственным на-

³ Как видно из табл. 10, доля симпатизирующих и сочувствующих Николаю II выросла с 4% в 1989 г. до 17–18% в конце 1990-х (и одновременно снизилось выражение презрения и антипатии, характерных для всего советского времени). Этот эффект следует отнести не только к его прославлению РПЦ (в 2000 году царь был причислен к лику святых и признан мучеником и страстотерпцем), но и к изменению отношения к императорской фамилии российских властей. Еще при правлении Б. Ельцина власть и Церковь начали пытаться установить преемственность постсоветской России с дореволюционной, «найти в этом национальную идею». Об А. Колчаке снят художественный фильм, получивший весьма одобрительные отзывы и хорошую аудиторию. В центре фильма были годы Первой мировой и Гражданской войн, хотя Колчак стал известен до этого прежде всего как океанограф и полярный исследователь, а также как удачный флотоводец, военный и морской министр. То, что такое отношение к антибольшевистским деятелям не случайность, а отражение определенных сдвигов в общественном сознании, происходящих в ходе поисков новой легитимности российской власти, подтверждают и данные опроса 2005 года, свидетельствующие о росте позитивного отношения к генералу А. Деникину — одному из организаторов Белого движения, рисуемому советскими пропагандистами, писателями, кинорежиссерами и т.п. в самых черных красках. (ОМ. 2005. С. 181, табл. 23.47).

Таблица 12

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДУТ ВСПОМИНАТЬ ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ ЛЕТ ЧЕРЕЗ 40–50? (респонденту предлагалась карточка; множественный выбор)

	1995 IV	2000 IV	2005 IV	2006 IV	2010 IV	2011 IV	2013 III	2017 III
Никто, кроме историков, не будет о нем вспоминать	25	36	41	32	45	39	31	35
Как об основателе советского государства	30	34	26	29	30	27	28	25
Как о вожде, для которого на первом месте стояли интересы трудящихся	17	18	20	18	16	19	17	20
Как о великом мыслителе, верно предвидевшем будущее	10	11	12	13	9	12	13	12
Как о расчетливом политике, сумевшем навязать свою волю огромной стране	19	13	14	12	9	10	9	8
Как об удачливом политическом авантюристе	12	6	6	8	8	6	7	6
Как о жестоком диктаторе, готовом жертвовать жизнями миллионов	12	7	9	8	6	5	5	5
Как о человеке, который не понимал и не любил Россию	5	2	5	4	3	3	2	3
Затруднились ответить	14	8	5	7	7	8	9	10

N=1600.

силием, истреблением крестьянства, гибелью людей от голода и нужды и ценой победы и форсированной модернизации.

Наиболее характерные и частые повторяющиеся в опросах представления о Ленине и его роли в истории XX века сводятся к следующим социальным стереотипам:

1) основатель советского государства (в среднем за последние 20 лет такое определение давали 29%, в общей структуре представлений о Ленине доля таких мнений снижается, но незначительно);

2) вождь пролетариата (18%, и эта цифра не меняется со временем), великий мыслитель (11%);

3) расчетливый и циничный политик, рвущийся к власти, политический авантюрист (удельный вес таких мнений снижается с 19 до 6%);

4) жестокий диктатор (снижение с 12 до 6%); политик, проводящий антирусский курс, не понимающий России и не любящий ее народ (устойчивые 3–5%) (табл. 12).

То, что негативные установки по отношению к лидеру партии большевиков и первому председателю советского правительства снижаются, означает, что уходит поколение диссидентов и близких к ним образованных кругов, часть которого было держателем антисовет-

ских, антимарксистских установок и представлений. Такого рода взгляды составляли тот фактический результат (при всей его мизерности) работы по продумыванию и осмыслению советского прошлого, который только и стал возможным в послесталинские годы. Но оказалось, что эти итоги не смогли быть переданы другим группам в 1990-е и, что особенно важно, современной молодежи, которая абсолютно равнодушна к этой тематике.

Общее отношение к Ленину во все большей степени становится безразличным. Сказывается отсутствие интереса к советской истории и значимости революции. На вопрос «как вы в целом относитесь к Ленину?» доля позитивных ответов (с уважением, симпатией, восхищением) снизилась за последние 16 лет (2001–2017) с 60 до 44%, доля негативных ответов (с неприязнью, со страхом, с отвращением) не изменилась и составила в среднем 12%, однако число индифферентных увеличилось с 30 до 46%, даже превысив удельный вес «уважающих» его. У людей 20–40 лет (то есть родившихся или вошедших в жизнь уже после краха СССР) это отношение оказывается преобладающим, оно составляет основу восприятия прошлого: 53–54% говорят, что Ленин их не интересует, он им безразличен. В Москве (чуть меньше в других мегаполисах) об этом

заявляют 50%, в провинции — примерно 40%¹. Доминирующее отношение к Ленину сводится к следующему: «Память о Ленине сохранится в истории, но никто уже не пойдет по его пути» (в среднем удельный вес таких мнений составляет 35–36%). Или: «Никто, кроме историков, не будет вспоминать о нем» (это мнение разделяют 25–35% (в среднем — 26%, пик приходится на 2005–2007 годы). Чем старше опрошенные, тем более уважительным является их отношение к Ленину (у людей в возрасте 18–40 лет — 36–34%, у людей старше 55 лет — 57%). Негативизм не растет: и среди молодых, и среди пожилых людей доля антипатий к Ленину составляет 9–11% (максимум негативных суждений приходится на перестроечное поколение, россиян 40–55 лет, но и здесь этот показатель не поднимается выше 15%). Традиционное почитание Ленина намного чаще встречается в провинции, в селе или малых городах, чем в столицах (соответственно 54 и 25%), а негативное отношение фиксируется скорее в Москве (25%) и других крупных городах, а не в провинции (7% в малых городах, 2% в селах). Советская идеологическая конструкция истории медленно размывается, но не исчезает окончательно. Тоталитарная (революционистская) идентичность сохраняется в группах, обладающих наименьшими интеллектуальными и смысловыми ресурсами для рационализации своего состояния, более жестко определяемых инерционностью прежних институциональных рамок. Социальная периферия, бедная во всех отношениях, гораздо сильнее и прочнее удерживает прежние определения реальности и истории.

Слом советских символов приходится на конец 1990-х. Это время разочарования в возможностях быстрой модернизации страны и интеграции с Европой, надежд на резкое повышение материального благосостояния после отказа от советской власти и одновременно окончательное расставание с социалистическими идеалами и марксистской идеологией. При этом сомнения в моральности ленинской политики или в силе догматической веры в правиль-

¹ Напротив, позитивное отношение к Николаю II в январе 2017 г. высказывали 46% (максимум, в провинциальных городах, — 57%), а негативные установки проявляли лишь 6%, преобладало индифферентное отношение у 50% (главным образом в селе и малых городах, куда еще не дошли «новые идеологические веяния» — неотрадиционализм, «духовные скрепы» и православие как «основа русской государственности и культуры»). Переобладающими группами в данном отношении оказались московское и провинциальное чиновничество, более образованные люди, ориентирующиеся на начальство, на то, что «нынче носят наверху».

ность его курса у россиян не возникает. Мнения (более характерные прежде всего для сторонников компартии) «Ленин пытался опираться на лучшие помыслы и надежды людей, чтобы вести их к светлому будущему» в 1998 году в целом разделяли 28% (в 2017-м — 19%). Они отчасти оправдываются инерцией полученного образования и убеждением в том, что именно Ленин — основоположник советского государства — «вывел нашу страну на путь прогресса и справедливости» (в среднем за эти годы так считают 20%). Если принимать это отношение к Ленину за символ значимости советской идеологии, то можно сказать, что к настоящему времени в явной форме советский комплекс представлений о революции и последующем развитии сохранился у не более чем 20–25% населения, став лишь одним из идеологических потоков, определяющих коллективную идентичность.

Чистых фанатиков коммунистической идеологии, верующих в Ленина как в пророка грядущей победы коммунизма во всем мире или мессию светлого будущего, считающих, что идеи Ленина всегда будут освещать людям дорогу к лучшей жизни, с течением времени становится все меньше; они превращаются в маргинальную партию или догматическую секту (их численность в последние годы не превышает 6–7%). Перспектив у них нет, поскольку характерная для 1960-х апологетика Ленина разрушается гораздо быстрее (число тех, кто полагает, что «идеи Ленина были искажены его последователями», снизилось с 37% в середине 1990-х до 21% в 2017-м). Резидуумы революционно-романтического оправдания Ленина («Ленин ошибался в своих ожиданиях относительно революции и коммунизма») точно так же сократились с 21 до 10–11%.

Но и критическое неприятие утопии Ленина («Ленин повел нашу страну по ложному пути, и это стало причиной многих несчастий и бед») в среднем за эти годы не увеличилось (такие суждения о нем высказывают 15–19%), что указывает на слабость либеральных или даже демократических позиций. Трактовка Ленина как диктатора, подчеркивание аморальности его политики тоже становятся все менее распространенными (доля поддерживающих мнение «Ленин был жестоким человеком, который с помощью насилия пытался преобразовать страну» снизилась с 14 до 7%)².

² Из немногочисленных новейших работ или дискуссий о фигуре В. Ленина можно привести сборник *Котеленец Е.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017.

Общественное сознание пытается не столько «осмыслить», сколько избавиться от соблазнов коммунизма (равно как и от оппортунистического нежелания ничего не менять, когда не менять уже невозможно). Такой путь можно описать как движение от преклонения и обожествления лидеров революции, сакрализации власти к начавшемуся уже в эпоху застоя ерничеству и циническому снижению идей революции, освобождению без расколдовывания прежних смыслов, плебейской игре с символами и ценностями, занимавшими в прошлом место «высоких идеалов». Не случайно в среде молодежной субкультуры оказывается столь популярной версия Сергея Курехина «Ленин – гриб»¹. Поэтому мы можем говорить об уходе или эрозии идеологических систем тоталитарного государства 1930–1960-х, но не об осмыслении самих процессов, приведших к формированию тоталитарного господства и «советского человека». Для рационализации и извлечения уроков из истории (если такое вообще возможно) не оказалось ни интеллектуальных средств, ни социальных сил – моральных, концептуальных, политических². Поэтому наиболее адекватным тому состоянию, в котором находилось и находится российское общество, можно считать рутинизацию, вытеснение прошлого и забывание того, что еще вчера считалось высоким, значимым, «святым». Но, так как картина исторической реальности, причин, мотивов социального действия прошлого остается непонятой и неосмысленной, она бессознательно воспроизводится в установках к базовым институтам, прежде всего к институтам власти и к самим себе.

Итог – примитивизация представлений об обществе и иммунитет по отношению к обвинениям советской власти в насилии и произволе, неэффективности, колхозном рабстве,

¹ «Ленин – гриб» – это телевизионный сюжет-мистификация, подготовленный музыкантом Сергеем Курехиным и журналистом Сергеем Шолоховым и впервые показанный в январе 1991 года в телевизионной передаче «Пятое колесо» Ленинградского телевидения.

² О роли научного сообщества у А. Медушевского: «В новейшей историографии революции констатируется общее недоверие к теории, стремление уклониться от решения общих вопросов... (с. 12)... В результате в современной российской историографии мы имеем постоянный «конфликт интерпретаций»: доказательное знание подменяется идеологическими схемами интерпретаций... эта историография не предлагает новой методологии, во многих отношениях остается в плену старых советских стереотипов, воспроизводя их с помощью иного понятийного инструментария (с. 14)... Автор убедился в консерватизме и практической неререформируемости российской академической бюрократии... (с. 27) // Медушевский А. Политическая история русской революции. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

квазиморальное оправдание безальтернативного тоталитарного режима. Невозможность для основной части населения признать этот внутренний конфликт оборачивается резким ограничением умственного (исторического) горизонта и отсутствием средств для понимания настоящего. А значит, подавлением мотивации к изменениям, осознанием того, что вообще нельзя ничего сделать и остается один путь, одна жизненная стратегия – приспособляться и терпеть, стараясь выжить или дожить до лучших времен. Нагляднее всего эту готовность к оппортунистической пассивности показывают распределения ответов на проективный вопрос, как бы себя повели нынешние респонденты в условиях 1917 года (табл. 13).

Относительное большинство опрошенных в 1990 году в той или иной мере поддержали бы большевиков (в 1990-м «активно» – всего четверть респондентов) или пошли бы с ними на сотрудничество. Через 27 лет удельный вес лояльных коммунистам граждан сократился почти вдвое (с 49 до 28%). Доминантной формой поведения оказалась пассивная тактика *выжидания и неучастия* (с 12% доля таких ответов выросла до 33%, а если добавить к ним тех, кто «затрудняется с ответом» или уходит таким образом от выбора позиции, мы получим в 2017 году абсолютное большинство – 51%) или *эскапизм* как наиболее рациональная стратегия поведения. Правильнее было бы называть такое поведение «стратегией физического выживания». Признаки активного выбора или политического поведения (как «за большевиков», так и «против них») демонстрируют очень незначительные группы (12 и 6–8% соответственно). Иначе говоря, преобладают установки на пассивную адаптацию (пусть неприятности будут у кого-то другого, меня это не касается, я-то против властей не бунтую и не «выступаю»).

Политика стерилизации истории, идущая «сверху», так или иначе принимается и поддерживается населением, получая в «низах» собственные оправдания.

Подводя итоги нашему анализу, приведем мнения опрошенных относительно пользы и важности знания о революции 1917 года. Они фактически разделились на две части: одни заявляли, что «нужно двигаться вперед и не ворошить старое», надо «забыть то, что происходило в годы революции и Гражданской войны», поскольку «вреда от изучения истории тех лет нет, но и нужды в этом тоже не ощущается» (так думают 56%). Другие все-таки считают,

что нужно больше знать об этом периоде, «чтобы не повторять ошибок прошлого» (44%). Но существенно, что среди молодых и более приспособившихся, успешных и обеспеченных групп преобладает нежелание что-либо знать о прошлом страны, а это значит, что история в ее худших вариантах может повторяться.

В результате такого самоограничения исчезает представление о начале времени действующей политической системы, в том числе и путинского режима. Нет реперной точки отсчета (даты основания общественного порядка), а значит, нет и системы референции и определения настоящего на карте времен. Дискредитация революции и большевиков вместе с уси-

лением неотрадиционализма сдвигает начало истории России в мифологическое безвременье («испокон веков», «с незапамятных времен») или к не менее туманному времени Киевской Руси (в сумме такие ответы составляют 69% в 2003 году, 74% в 2017-м) (табл. 14).

На этом фоне самый символически значимый период – революция 1917 года и становление *советского* государства – полностью утратил свое значение. Сегодня о своем интересе к истории революции говорят лишь 13% опрошенных. В основном это бывшая интеллигенция из крупных провинциальных городов, в меньшей степени из Москвы, люди зрелого возраста, часто пенсионеры, пытающиеся по-

Таблица 13

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПРОИСХОДИТ НА ВАШИХ ГЛАЗАХ. ЧТО БЫ ВЫ СДЕЛАЛИ?

(в %, ответы ранжированы по первому замеру; все замеры в октябре соответствующего года, в 2017-м – январь)

	1990	1997	2001	2002	2003	2004	2005	2007	2011	2017
Активно поддержал бы большевиков	23	15	22	23	19	15	17	17	14	12
Кое в чем сотрудничал бы с большевиками	26	16	19	20	16	18	17	13	17	16
Боролся бы против большевиков	5	7	6	8	9	8	7	6	6	8
Постарался бы переждать это время, не участвовать в событиях	12	27	24	28	22	26	28	23	24	33
Уехал бы за рубеж	7	15	13	16	14	15	14	18	14	14
Затруднились ответить	26	18	15	5	21	19	17	24	25	18
Поддерживающие большевиков	49	31	41	43	38	33	34	30	31	28
ПАССИВНЫЕ	19	42	37	44	36	41	42	41	38	47
+/-	2.6	0.7	1.1	1.0	1.0	0.8	0.8	0.7	0.8	0.6

N=1600.

Таблица 14

С КАКОЙ ДАТЫ, ЭПОХИ, СОБЫТИЯ НАЧИНАЕТСЯ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ИСТОРИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ?

	2003	2017
С незапамятных времен, испокон веков	39	36
С Киевской Руси	19	26
С крещения Руси	11	12
С царствования Петра I	10	5
С образования русских княжеств	3	6
С Октябрьской революции 1917 года	4	3
С создания Московского царства	2	2
С распада СССР и создания суверенной РФ (1991)	1	2
С избрания президентом В. Путина	1	2
С принятия Декларации о суверенитете РФ (1990)	0	0.8
Затрудняюсь ответить	10	5
Число опрошенных	2000	1600

нять корни и природу советского тоталитаризма и его последствия для нынешней России. Они же больше, чем кто-либо, заинтересованы периодом 1930–1950-х годов – временем Большого террора, массовых репрессий, сталинской индустриализацией и превращением СССР в одну из двух супердержав. Среди них много представителей государственной бюрократии и предпринимателей, служащих, но очень мало молодежи. Поэтому неизбежным в таких ситуациях оказывается появление идеи прошлого как мифа непрерывности или бесконечности существования системы господства в виде своего рода идеи мистического тела «тысячелетней России», а стало быть, исчезновение специфических представлений о социальной системе прошлого, настоящего и будущего, понимание особенностей ее социальной структуры и изменений, плюрализма сословных или групповых различий и интересов. Другими словами, воспроизводится сознание гомогенизации общества («Единой России»), одномерности социального состава страны, объединенной лишь властью (тотальным по своей природе «государством»). Это представление не было характерным для советских учебников истории – там были понятия формации, сословий, различия классовых интересов, специфика российской государственности на разных фазах ее исторического существования. Сегодня все это стерлось, оставив по существу лишь тоталитарное представление об обществе и истории. Истоки государства уходят в мифологическое прошлое, становящееся полем вечной борьбы с врагами (включая бывшие «братские» народы вроде Прибалтики, Польши или теперь Украины, с которой идет война, в прямом и переносном смысле, за Киев как «мать городов русских», где имело место крещение Руси и откуда берет «сакральное» начало русская история).

Апелляция к мифологическому прошлому с социологической точки зрения равнозначна признанию безальтернативной значимости вертикальной структуры общества, то есть конститутивной функции власти, иерархического устройства социума, признанию приоритет-

ности коллективных значений целого, символически представленного в фигуре властителя (монарха, деспота, вождя, президента и т.п.) и малоценности и факультативности, зависимости подданных – отдельного человека или меньшинства, социальной группы и т.п. Кроме того, образуется представление о социальной однородности и тотальном единстве страны, лишённой идеи социальной сложности, дифференцированности, групп с собственными интересами и культурной автономией. Поэтому нынешняя смазанность субъективных маркеров социального статуса, групп, социального положения (80–83% опрошенных относят себя к «среднему классу») не случайна, а обусловлена отсутствием сознания самодостаточности, самооценности, основания для самоуважения и требований учитывать собственное достоинство. Подобная примитивность культуры (образов социального целого, отсутствия влиятельных функциональных элит) – производное от идеологии «единства нации», одной Родины, одного «народа».

Осознание значения истории и интерес к ней возникают только из духа сложного общества, в конфликтах и борьбе разных групп, из потребности гражданского общества в самопонимании, из поиска ответов на вопросы: кто и откуда мы, почему дело обстоит так, а не иначе. Но ни таких вопросов, ни тем более ответов на них не возникло. За 25 лет постсоветской жизни в российском обществе не появилось ни одной новой идеи, касающейся политической или культурной жизни. То же самое можно повторить и о сфере массовых исторических представлений¹. Никаких новых взглядов на свое прошлое, на революцию или сталинский период здесь не возникло. Подобное состояние, безусловно, является результатом систематического подавления публичной жизни, происходящего при путинском правлении, «институционализации кризиса», возникшего после распада СССР и конца советской системы. Уничтожение истории – условие восстановления авторитарной системы.

¹ Гудков Л., Дубин Б. Невозможность истории // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М.: Три квадрата, 2005. С. 302–355.

ВЫСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ ЮРИЯ ЛЕВАДЫ¹

Анастасия КАЗУН

Откуда берется повестка дня?

Роль СМИ в конструировании значимости событий

Журналистика — это когда сообщают: «Лорд Джон умер», — людям, которые и не знали, что лорд Джон жил.

Гилберт Честертон

Введение

В сатирической книге Ивлины Во «Сенсация», напутствуя журналиста перед отправкой в качестве специального корреспондента в охваченную гражданской войной Эсмаилию, его коллега говорит, что главному редактору нужны репортажи про победы патриотов. В целом описание ситуации в терминах борьбы между «патриотами» и «предателями» не вызывает большого удивления и кажется смутно знакомым. Однако смущает тот факт, что воюющие стороны имеют различные мнения о том, кто есть кто в этом конфликте. Впрочем, для хорошего репортера это не проблема, а простор для маневра. Ведь в данных условиях корректно называть патриотом любого, кто одержит победу. И уже не важно, что в действительности гражданской войны в стране не наблюдается и что воображаемый лагерь повстанцев находится в местечке, где даже местные жители не бывают. Еще меньшее значение имеет то, что до недавнего времени о существовании Эсмаилии почти никто не знал. Конвейер запущен, и весь мир с замиранием сердца следит за новостями.

Разумеется, описание, предложенное Ивлиной Во, несколько утрировано. Однако нельзя не отметить, что в дискуссии относительно возможностей СМИ конструировать пробле-

мы исследователи давно достигли консенсуса². Факты, которые есть в новостях, воспринимаются как важные, обсуждаются и запоминаются. События, обделенные вниманием СМИ, реальны только для непосредственных участников и скоро будут преданы забвению. Можно долго спорить о пропагандистском потенциале средств массовой информации, их возможностях влиять на взгляды людей. Можно даже доказать, что СМИ не обладают достаточной властью, чтобы заставить людей кардинально изменить свою точку зрения. Однако идея о том, что «СМИ не могут говорить людям, что им думать, но могут преуспеть в том, чтобы говорить им, о чем им думать»³, не вызывает большого недоверия исследователей.

Наши знания о большинстве событий, происходящих в мире, опосредованы теми или иными каналами массовой коммуникации. Соответственно, у нас не было бы шансов получить информацию о многих сторонах реальности, не имея мы доступа к СМИ. Логично, что восприятие события как значимого требует как минимум осведомленности в том, что оно произошло. Опираясь на эту логическую цепочку, мы предполагаем, что существует взаимосвязь между представлениями людей о важности тех или иных событий и интенсивностью дис-

¹ IX Научная конференция молодых социологов памяти Юрия Левады «Современное российское общество и социология», 25 апреля 2017 г. Москва, Высшая школа экономики, департамент социологии, Левада-Центр.

² Например, *Blumer G. Social Problems as Collective Behaviour // Social Problems. 1971. № 18. P. 298–306; Spector M., Kitsuse J.I. Constructing Social Problems. New York: Aldine de Gruyter, 1987.*

³ *Cohen B. The Press and Foreign Policy. New York: Harcourt, 1963.*

куссии по данному вопросу в СМИ. Проверке данной гипотезы и будет посвящено настоящее исследование.

Теория установления информационной повестки дня

Теория установления информационной повестки дня (agenda-setting theory), согласно которой интенсивность дискуссии в СМИ может оказывать влияние на представления людей о важности тех или иных событий, появилась давно и сразу завоевала значительную популярность среди исследователей массовых коммуникаций¹. Так, к своему сорокалетию теория послужила основой уже более чем для четырехсот эмпирических работ, посвященных СМИ и общественному мнению². Впервые данная концепция была сформулирована на основе данных президентской избирательной кампании в США в 1968 году, когда исследователи выявили наличие связи между представлениями людей о наиболее значимых проблемах в программах кандидатов и частотой упоминаний этих проблем в СМИ³. В дальнейшем идея получила подтверждение на многочисленных и разнообразных эмпирических примерах: война в Персидском заливе⁴, Уотергейтский скандал⁵, загрязнение окружающей среды⁶ и даже донорство органов⁷.

Впрочем, гипотезы agenda-setting не только проверялись на разнообразных эмпирических объектах, но и изменялись содержательно. Так, в качестве дополнения идеи о влиянии дискуссии в СМИ на представления населения о важности проблем было предложено обратить внимание на то, как акцент на определенных характеристиках ситуации или человека формирует общественное мнение. Такое развитие теории получило название agenda-setting вто-

рого уровня. Например, если исследование влияния дискуссии в американских СМИ об иностранных государствах показывает, что широко обсуждаемые зарубежные страны воспринимаются как значимые для интересов США, то мы имеем дело с классической теоретической моделью — agenda-setting первого уровня. Тогда как наблюдение, состоящее в том, что большему числу негативных статей соответствуют более критические оценки страны респондентами, будет относиться к agenda-setting второго уровня⁸. Позднее была также разработана сетевая модель установления повестки дня (network agenda-setting model), допускающая возможность объединения разных повесток дня в «связки»⁹. То есть внимание исследователей привлекают уже не некоторые отдельные вопросы (информация о которых рассматривается как независимая), а их взаимосвязи. Таким образом теория установления повестки дня развивалась, ее инструментарий усложнялся, а в фокусе внимания исследователей оказывались все новые и новые объекты.

В действительности идея об объединении отдельных проблем в «связки» не лишена смысла и находит отражение в российской действительности. Например, такие вопросы, как экономические санкции, курс рубля и присоединение Крыма, тесно переплетались в медийной дискуссии в России 2014–2015 годов¹⁰. Так, в марте 2014 года более 50% статей об экономических санкциях в российской прессе одновременно упоминали также присоединение Крыма. Соответственно, можно предположить, что оба вопроса проблематизировались одновременно, в результате оказываясь связанными и в сознании людей (о том, что россияне не разделяют западные санкции и российское продовольственное эмбарго, так называемые «анти-санкции», воспринимая эти события как одно, даже и говорить не нужно).

Однако повестка дня СМИ и общественная повестка далеко не всегда совпадают. Если в отношении некоторых событий единственным источником информации для населения являются СМИ, то для других превалирует личный

¹ *Dearing J.W., Rogers E.* Agenda-setting. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996.

² *McCombs M.* Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. Cambridge, UK: Polity Press, 2004.

³ *McCombs M., Shaw D.* The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. № 2. P. 176–87.

⁴ *Iyengar S., Simon A.* News Coverage of the Gulf Crisis and Public Opinion a Study of Agenda-Setting, Priming, and Framing // *Communication Research*. 1993. № 3. P. 365–83.

⁵ *Weaver D. H., McCombs M.E., Spellman Ch.* Watergate and the Media: A Case Study of Agenda-Setting // *American Politics Quarterly*. 1975. № 4. P. 458–472.

⁶ *Ader C.R.* A Longitudinal Study of Agenda Setting for the Issue of Environmental Pollution // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 1995. № 2. P. 300–311.

⁷ *Feeley T.H., O'Mally A.K., Covert J.M.* A Content Analysis of Organ Donation Stories Printed in U.S. Newspapers: Application of Newsworthiness // *Health Communication*. 2016. № 4. P. 495–503.

⁸ *Wanta W., Golan G., Lee Ch.* Agenda Setting and International News: Media Influence on Public Perceptions of Foreign Nations // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2004. № 2. P. 364–377.

⁹ *Vu H.T., Guo L., McCombs M.E.* Exploring "the World Outside and the Pictures in Our Heads": A Network Agenda-Setting // *Study Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2014. № 91. P. 669–686.

¹⁰ *Казун А.Д.* Почему россияне не боятся экономических санкций? Контрриторические стратегии печатных СМИ // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 1. С. 256–271.

опыт¹. Последние были обозначены исследователями как «навязчивые» (obtrusive). В отношении таких вопросов влияние дискуссии в СМИ на представления людей о важности события является незначительным. Например, внимание населения к ЕГЭ, возрастающее в мае-июне каждого года, обуславливается не растущим числом публикаций по данному вопросу, а трудностями, с которыми непосредственно сталкиваются выпускники и их семьи. В случае таких вопросов объяснительная сила теории установления повестки дня оказывается крайне низкой. Не случайно значительная часть исследователей, работающих «в данной логике», фокусируется на политических событиях, ведь у людей фактически нет возможности узнать о кандидатах в президенты или о процессах, происходящих в политической сфере, не используя СМИ². Обобщая вышесказанное, мы можем предположить, что публичная повестка является результатом медиадискуссии, преломленной через призму личного опыта³. Например, общественное мнение о таком «не навязчивом» вопросе, как вступление России в ВТО, в значительной степени повторяло риторику СМИ. Однако население также высказывало опасения, которые прямо противоречили тому, что писалось в газетах, ориентируясь на негативный опыт пережитых экономических реформ⁴.

Методология исследования

В данной работе мы выполняем сопоставление открытых данных Левада-Центра⁵ о наиболее запомнившихся россиянам событиях предыдущего месяца и числа публикаций об этих событиях в российской прессе. Исследование Левада-Центра проводится ежемесячно, обычно в третью пятницу текущего месяца. Традиционно вопрос задается в следующей формулировке: «Какие события последних четырех недель запомнились вам более всего?». При этом варианты ответов респондентам не предлагаются. Результат представлен в формате таблицы, содержащей перечень событий прошед-

шего месяца и долю опрошенных, назвавших их в качестве запомнившихся.

Эти данные мы сопоставляем с числом публикаций по каждому из вопросов в прессе, согласно базе «Интегрум», которая содержит материалы около 500 российских журналов, более 250 центральных и более 1000 региональных газет. В исследовании мы используем данные о числе статей по теме, опубликованных в течение четырех недель и одной недели до даты проведения опроса. Несмотря на то что респондентов спрашивают о событиях последнего месяца, логично предположить, что наиболее свежи в их памяти происшествия последней недели, поэтому данный показатель также является важным для исследования. Для каждого события, упомянутого в опросе Левада-Центра, был составлен запрос, позволяющий оценить количество статей в прессе, упоминающих его.

В фокусе нашего внимания находятся события за три года: с января 2014-го по декабрь 2016-го. Собранный базой данных включает 894 события, причем часть из них упоминается однократно, тогда как отдельные происшествия выделяются в качестве наиболее важных на протяжении многих месяцев подряд. К таким стабильно привлекающим внимание событиям можно отнести колебания курса рубля, рост цен, военные действия в Сирии, изменения стоимости нефти, конфликт на востоке Украины и ситуацию с экономическими санкциями и российским продовольственным эмбарго. Поскольку события, которые называются однократно или же упоминаются в качестве запомнившихся систематически, могут привлекать неодинаковое внимание граждан, мы вводим в анализ также этот параметр.

Поскольку число наблюдений и здравый смысл не позволяют нам использовать в регрессионном анализе контроль на месяц проведения опроса, в качестве контрольной переменной мы будем использовать такой показатель, как коэффициент монополизации общественного внимания. Вопросы публичной повестки дня конкурируют между собой за внимание аудитории⁶. Таким образом, значение имеет не только то, сколько писали про данное событие и в какой момент дискуссия была наиболее интенсивной, но и то, про что еще писали в это же время. Следуя данной логике, мы создаем дополнительную переменную, которая позволит нам добавить контроль на общий фон дискуссии в каждый рассматриваемый месяц.

¹ *McCombs M., Graber D., Weaver D. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. NY: Praeger Scientific, 1981.*

² *Дьякова Е. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффе́кта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–119.*

³ *Neuman W.R., Just M.R., Crigler A.N. Common Knowledge: News and the Construction of Political Meaning. University of Chicago Press, 1992.*

⁴ *Казун А. Отношение населения к вступлению России в ВТО // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. Т. 124. № 6. С. 98–111.*

⁵ Веб-сайт Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/>.

⁶ *Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73–94.*

Коэффициент монополизации общественного внимания рассчитывается по аналогии с индексом Херфиндаля – Хиршмана, используемым экономистами для определения концентрации рынка. В настоящем исследовании мы рассчитываем данный коэффициент как сумму квадратов долей респондентов, назвавших событие в качестве запомнившегося. Расчеты производятся для десяти событий, которые в каждом конкретном месяце были названы наиболее часто. Таким образом мы получаем возможность использовать в качестве контрольной одну количественную переменную вместо серии дихотомических (месяц-год).

В настоящем исследовании предполагается проверить следующие гипотезы:

1) число публикаций в прессе по тому или иному вопросу влияет на его запоминаемость;

2) большее влияние на внимание респондентов к тому или иному событию последнего месяца будет оказывать дискуссия в СМИ, непосредственно предшествующая опросу (протекающая в течение предшествующей ему недели), а не происходящая в течение всего месяца;

3) события, в отношении которых дискуссия протекала не равномерно в течение всего месяца, а интенсифицировалась незадолго до момента опроса, лучше запоминаются респондентам;

4) если событие называлось в качестве запомнившегося в опросах предшествующих месяцев, оно будет лучше запоминаться респондентам.

В настоящем исследовании мы исходим из конструкционистской посылки, что проблемы являются результатом деятельности по их конструированию¹. Как не существует ситуаций, которые автоматически являются проблемными², так не существует и новостей, которые по определению являются важными. Нет таких критериев, которые позволили бы определить, что является более важным: колебания курса рубля, вооруженный конфликт на Донбассе или теракт в Париже. Значимость тех или иных событий субъективна.

Также следует отметить, что анализ дискуссии в СМИ не позволяет полностью объяснить процесс формирования общественного мнения. Отметим несколько основных фактов, которые мы не принимаем во внимание в данном исследовании. Процесс получения

информации может быть многоступенчатым. Таким образом, часть россиян получает информацию не напрямую из СМИ, а от «лидеров мнений» в ходе межличностной коммуникации. Соответственно, окружение человека имеет не меньшее значение, чем информационный поток СМИ. Кроме того, люди могут в первую очередь обращать внимание на ту информацию, которая наиболее актуальна для них или соотносится с их взглядами. Очевидно, что некоторые события (например, рок-фестиваль «Нашествие») запоминались только определенным группам граждан. В данном случае мы не учитываем индивидуальные характеристики респондентов и особенности их круга общения, так как цель исследования состоит в выявлении некоторых общих тенденций. Однако, поскольку мы имеем дело с данными репрезентативного на уровне России опроса и говорим о проблеме на уровне общества в целом, значительных смещений возникать не должно.

Анализ взаимосвязи дискуссии в СМИ и внимания населения к различным событиям

1. Какие события привлекали внимание россиян в 2014–2016 годах?

Как известно, лучше всего запоминаются те события, которые вызвали интерес и привлекли внимание, а также широко обсуждались в обществе и провоцировали споры. Поэтому не вызывает большого удивления тот факт, что практически половина событий, запомнившихся россиянам в 2014–2016 годах, относится к категории экономических или политических (рис. 1)³.

В действительности события в области экономики и политики были наиболее обсуждаемыми сюжетами прошедшего года: присоединение Крыма, экономические санкции, продовольственное эмбарго, цены на нефть и курс рубля стали поистине знаковыми темами последних лет. Впрочем, разного рода спортивные и культурные мероприятия (например, Олимпийские игры, допинговый скандал в конце 2015-го – начале 2016 года, отдельные футбольные матчи, конкурс «Евровидение», Нобелевская премия Светланы Алексиевич и т.д.) также привлекли значительное внимание

¹ Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. New York: Aldine de Gruyter, 1987.

² Fuller R.C., Myers R.R. The Natural History of a Social Problem // American Sociological Review. 1941. № 6. P. 320–326.

³ Проводить разделение между происшествными в области экономики и политики в данном случае не представляется возможным, поскольку в последнее время эти две сферы существенным образом переплелись. Так, мы не можем определенно сказать, относились ли экономические санкции к сфере экономики или же в большей степени к политическим решениям. Истина где-то посередине.

граждан. Существенно меньшее место среди запомнившихся россиянам событий занимают трагедии и катастрофы, что, впрочем, не означает, что интерес к подобным происшествиям не высок. Например, теракты в Париже (нападение на редакцию «Шарли Эбдо» и трагедия ноября 2015 года) и Ницце привлекли значительное внимание россиян. Однако такие события происходят реже, чем футбольные матчи, встречи глав государств и т.д., поэтому их доля в составе запомнившихся происшествий невелика. При этом среди событий 2014–2016 годов, обративших на себя внимание россиян, только 7% являются историями, относящимися к отдельным людям, как, например, санкции Евросоюза по отношению к Иосифу Кобзону, болезнь и смерть Жанны Фриске. В основном подобные новости относились к знаменитым россиянам. Однако в некоторых случаях запоминались и события, относящиеся к обычным людям (например, скандал в связи с обвинени-

Рисунок 1

ЗАПОМНИВШИЕСЯ СОБЫТИЯ: ТИП И МАСШТАБ

Источник: построено автором по итогам агрегирования результатов опросов Левада-Центра за 2014–2016 гг.

Таблица 1

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРА ЗАПОМНИВШЕГОСЯ СОБЫТИЯ И ЕГО МАСШТАБА

		Масштаб события			
		город или регион России	Россия	другие страны	другие страны и Россия
Характер новости	трагедии и катастрофы	N 32	14	76	9
		% 24%	11%	58%	7%
	экономика и политика	N 9	132	114	208
		% 2%	28%	25%	45%
	культура, спорт, массовые акции и природные явления	N 15	122	22	80
		% 6%	51%	9%	34%

Источник: построено автором по итогам агрегирования результатов опросов Левада-Центра за 2014–2016 гг. Жирным шрифтом выделены статистически значимые (на 5-процентном уровне) положительные связи между определенной строкой и определенным столбцом таблицы, серым фоном – значимые отрицательные связи.

ем женщины-блокадницы в краже масла в магазине сети «Магнит» в Кронштадте), а также к зарубежным знаменитостям (например, Нобелевская премия Боба Дилана).

Также следует отметить, что наибольшее внимание населения закономерно привлекали происшествия всероссийского масштаба и международные события с непосредственным участием России. Тогда как международные события, относящиеся только к зарубежным странам, и происшествия на уровне субъектов Федерации занимают меньшее место в составе наиболее запомнившихся гражданам событий. Таким образом, внимание аудитории оказывается сфокусированным на новостях макроуровня, имеющих непосредственное отношение к стране. При этом на уровне России наилучшим образом гражданам запомнились события, относящиеся к сфере культуры и спорта, а также новости, связанные с отдельными личностями (табл. 1), а большая часть запомнившихся со-

бытий из сферы экономики и политики являются международными. В действительности подобные закономерности во многом могут быть объяснены спецификой отношений России с западными странами в последние годы. Проблемы геополитики и мировой экономики заняли существенное место в повестке дня 2014 года, сохранив и упрочив это положение в 2015 и 2016 годах. Что касается событий, происходивших за пределами России, наибольшее внимание населения привлекали трагедии и катастрофы (теракты, авиакатастрофы, землетрясения и т.д.).

Анализ наиболее запомнившихся респондентам событий также подтверждает идею о существовании «навязчивых» и «ненавязчивых» вопросов¹, то есть событий, представления о которых сильнее связаны с личным опытом («навязчивые») или дискуссией в СМИ («ненавязчивые»). С одной стороны, в течение анализируемого периода в качестве наиболее запомнившихся событий месяца назывались экономические санкции, конфликт на востоке Украины, военные действия в Сирии, теракты в Париже, Брюсселе, Ницце и пр., то есть те события, относительно которых граждане не имеют личного опыта и руководствуются в оценках информацией СМИ. Причем некоторые из этих событий упоминаются только в одном опросе, другие же находятся в топе по запоминаемости многие месяцы. С другой стороны, не меньшее внимание населения привлекали такие «навязчивые» вопросы, как праздники (Новый год, Пасха, Масленица, выпускные вечера в школах) и премьеры кинофильмов, телесериалов, шоу («Хоббит», «Ленинград-46», шоу «Голос»). Разумеется, эти события запомнились населению благодаря личному опыту, а не дискуссии в СМИ. Впрочем, доля «навязчивых» событий среди наиболее запомнившихся населению эпизодов последнего месяца относительно невелика: в рассматриваемый период она составляла около 10%. Соответственно, основная часть происшествий, названных в качестве наи-

более запомнившихся событий, привлекла внимание общественности по итогам дискуссии в СМИ, а не в результате личного опыта людей.

2. Запомнившиеся события и дискуссия в СМИ

Значит ли это, что можно говорить о влиянии дискуссии в СМИ на общественное мнение? Отнюдь, большая часть получаемой нами информации опосредована медиа, однако гипотеза о связи интенсивности дискуссии в СМИ с вниманием, которое привлекает событие, нуждается в дополнительной проверке. Прежде всего это связано с тем, что общественное мнение испытывает влияние многих других факторов, не связанных с массовыми коммуникациями. Так, на позиции людей накладываются отпечаток личные убеждения и интересы, межличностная коммуникация и круг общения, сама история развития дискуссии по рассматриваемому вопросу и т.д. Подчас эти факторы влияют на общественное мнение разнонаправленно. Например, событие, занимающее значительное место в повестке дня в течение длительного времени, с одной стороны, лучше запоминается (и, соответственно, может быть названо в качестве запомнившегося в опросе общественного мнения), с другой — такое событие может наскучить и перестать обращать на себя внимание (начать восприниматься людьми как данность).

Таким образом, дискуссия в СМИ не может полностью объяснить представления людей о тех или иных происшествиях. Однако коэффициент корреляции между числом публикаций о проблеме в СМИ и долей людей, назвавших эту проблему в качестве важной, достаточно велик (табл. 2). Соответственно, некоторая взаимосвязь между двумя этими параметрами имеется. Причем корреляция является более сильной в случае использования в анализе числа публикаций за неделю до даты проведения опроса, чем за четыре недели. Таким образом, мы можем предположить, что, несмотря на формулировку вопроса, предполагающую, что респондент

Таблица 2

КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ЧИСЛОМ ПУБЛИКАЦИЙ О СОБЫТИИ В СМИ ЗА 2014–2016 гг. И ДОЛЕЙ РЕСПОНДЕНТОВ, НАЗВАВШИХ ЕГО В КАЧЕСТВЕ НАИБОЛЕЕ ЗАПОМНИВШЕГОСЯ

	Число публикаций	
	за 4 недели	за 1 неделю
Доля людей, запомнивших событие (все события)	0,500	0,538
Sign.	0,000	0,000

¹ McCombs M., Graber D., Weaver D. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. NY: Praeger Scientific, 1981.

припомнит значимые события последнего месяца, наиболее актуальным является то, что активно обсуждалось непосредственно перед опросом.

Впрочем, интенсивность — далеко не единственная характеристика дискуссии, влияющая на «запоминаемость» события. Регрессионный анализ подтверждает нашу гипотезу о наличии влияния числа статей в прессе на внимание к событию (табл. 3), одновременно демонстрируя воздействие других факторов. Так, модель позволяет нам сделать вывод о том, что респонденты лучше запоминают новости, дискуссия о которых возникла (или интенсифицировалась) непосредственно перед опросом. Соответственно, чем выше доля статей о проблеме, приходящихся на последнюю неделю перед исследованием (по отношению к общему числу статей за месяц), тем лучше запоминается событие. Та-

ким образом, происшествия, которые активно обсуждались в начале месяца, а впоследствии были вытеснены из медиаповестки более свежими новостями, на момент опроса вспоминались значительно реже, чем события, которые, возможно, обсуждались менее активно, но еще не успели забыться. Следовательно, хотя СМИ и привлекают внимание к отдельным вопросам, этот эффект является весьма неустойчивым, и то, что еще вчера казалось важным и интересным, сегодня оказывается вытесненным из публичной дискуссии и из памяти.

Существенное влияние на внимание населения к тем или иным вопросам имеет также факт упоминания данного события в качестве важного в опросах, проведенных в предшествующие месяцы. Если событие активно обсуждалось и было признано важным в предыдущие периоды, то даже при снижении интенсивно-

Таблица 3

РЕГРЕССИОННЫЕ МОДЕЛИ (ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ – ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, НАЗВАВШИХ СОБЫТИЕ В КАЧЕСТВЕ НАИБОЛЕЕ ЗАПОМНИВШЕГОСЯ)¹

Переменная	Все события		Только «ненавязчивые» события	
	Модель			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Константа	1,948* [1,083]	3,269*** [1,061]	1,502 [1,141]	2,793** [1,128]
Число статей за 4 недели до даты опроса	0,002*** [0,000]		0,002*** [0,000]	
Число статей за 1 неделю до даты опроса		0,008*** [0,001]		0,009*** [0,001]
Доля новостей по теме, пришедших на последнюю неделю перед опросом	0,098*** [0,015]	0,060*** [0,014]	0,091*** [0,015]	0,057*** [0,015]
Преобладание центральных изданий над региональными	-3,653*** [0,703]	-3,565*** [0,692]	-3,589*** [0,721]	-3,529*** [1,229]
Упоминания события в качестве важного в предыдущих опросах	5,136*** [0,697]	5,038*** [0,686]	4,910*** [0,752]	5,176*** [0,736]
Контроль на коэффициент монополизации общественного внимания	0,001*** [0,000]	0,001*** [0,000]	0,001*** [0,000]	0,001*** [0,000]
Число наблюдений	884	884	790	790
R2	0,344	0,362	0,358	0,371

Примечание: в квадратных скобках даны стандартные ошибки.

*** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1.

¹ Для проверки результатов на устойчивость мы строим регрессионные модели не только на полной выборке, но и на выборке, из которой исключены «навязчивые» события, в их отношении влияние СМИ на общественное мнение теоретически должно отсутствовать. Удаление «навязчивых» событий из выборки значимо не меняет результатов анализа.

сти дискуссии по данному вопросу в дальнейшем возможно сохранение общественного внимания к нему. Таким образом, события могут запоминаться людям не только как результат медиадискуссии в текущем периоде, но и под

влиянием своеобразного «эха» их предыдущей популярности. Например, трагедия с гибелью школьников на Сямозере в Карелии, произошедшая в середине июня 2016 года и привлекавшая огромное внимание общественности, была упомянута в числе наиболее запомнившихся событий месяца в июле, августе и сентябре. Примечательно, что, хотя в августе-сентябре про эту трагедию СМИ практически не писали¹, событие называли в качестве наиболее запомнившегося 11–12% опрошенных. Подобный эффект эха может быть значительным в том числе и вследствие того, что респондентам сложно четко соотнести события с датой, в которую они произошли, и ограничить свой ответ только событиями последних четырех недель, как указано в формулировке вопроса.

Также следует отметить, что респондентами лучше запоминаются события, в отношении которых число публикаций в региональных СМИ существенно превышает число статей в центральной прессе. На первый взгляд данный вывод выглядит неожиданным, поскольку мы имеем дело с всероссийским опросом общественного мнения. В этом случае было бы логично предположить, что дискуссия в центральной прессе является приоритетной. Однако следует вспомнить, что число региональных изданий, включенных в используемую нами базу «Интегрум», существенно превышает число изданий российского уровня. Соответственно, для актуального вопроса логично ожидать преобладания дискуссии в региональных СМИ. Большое число статей в центральной прессе в данном случае означает отсутствие своего рода «вирусного эффекта». Так происходит, когда проблема, попав в крупнейшие издания и информационные агентства, не привлекла внима-

ния редакций более мелких газет. Как правило, подобное наблюдается в отношении вопросов, которые не оказывают непосредственного влияния на жизнь граждан. Примером могут служить Международный экономический форум в Давосе или лишение российской делегации права голоса в ПАСЕ. При всей значимости для страны в целом данные новости не являются актуальными для большей части граждан и, соответственно, не тиражируются региональными изданиями, предпочитающими фокусироваться на более насущных вопросах.

Заключение

Основная часть наших знаний о современном мире опосредована массовыми коммуникациями. Большинство событий, проигнорированных СМИ, для нас фактически не существует. В этой связи логично предположить, что интенсивность дискуссии в СМИ оказывает влияние на внимание общественности к тем или иным вопросам, как утверждают сторонники теории установления повестки дня. Проведенный нами анализ подтверждает это предположение. Причем, даже если респондентов спрашивают о наиболее запомнившихся событиях прошедшего месяца, большее значение имеет число статей, опубликованных за неделю до проведения исследования. Таким образом, память респондентов на новости достаточно коротка, наиболее важным воспринимается происходящее прямо сейчас. Мы можем также утверждать, что длительное сохранение проблемы в информационной повестке привлекает к ней внимание, кроме того, значимой оказывается интенсивность дискуссии по этому вопросу непосредственно перед опросом.

¹ В августе-сентябре газеты федерального и регионального уровня публиковали около 50–60 статей в месяц по данному вопросу. При этом по некоторым другим вопросам, названным в тот период запомнившимися и важными, было опубликовано несколько тысяч статей.

Проблемы повседневной жизни трансгендера в России

В современной России любая тема, относящаяся к ЛГБТ-сообществу, табуирована. Законы о гей-пропаганде, консервативные общественные взгляды, советское воспитание – вот факторы влияния на отношение общества к любым сексуальным меньшинствам. В аббревиатуру ЛГБТ (от англ. LGBT) входят четыре группы: лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры. Немногие осознают, что четвертая группа во многом отличается от остальных, а именно выделяют категорию людей не по их сексуальной ориентации, а исходя из гендерной идентичности, которая отличается от биологического пола. В современной России постулируется равенство в правах представителей любых социальных групп, вне зависимости от сексуальной ориентации человека или гендерной идентичности. Однако существует небезосновательное мнение, что трансгендеры, как и другие представители ЛГБТ-группы, подвергаются бытовой дискриминации, ущемлены в правах, сталкиваются с целым рядом повседневных проблем. В своей работе я ставлю целью описать основные проблемы повседневной жизни трансгендерного человека в России. Прежде чем приступить к описанию методологии исследования и его результатов, необходимо ввести и раскрыть ряд ключевых для данной работы понятий.

Основные понятия

Итак, как было упомянуто, трансгендерностью называют несовпадение гендерной идентичности с биологическим полом¹. В одной из популярных научных работ *Transgender 101: A simple guide to a complex issue*, написанной американским трансгендером Николасом М. Тейчем, досконально разбираются два основных понятия: трансгендерность и транссексуальность, которые зачастую несложно спутать. Разница, как пишет автор, состоит в том, что транссексуальность подразумевает самоопределение себя как человека с прямо противоположной приписанному при рождении полу гендерной идентичностью, а трансгендер-

ность также вмещает в себя любые другие существующие и выявленные на данный момент идентичности. «Все транссексуальные люди являются трансгендерами, однако не все трансгендеры – транссексуалы», – пишет автор². Транссексуальность в России, по состоянию на 2016 год, включена в список болезней МКБ-10 (Международная классификация болезней 10-го пересмотра) в раздел F64 «Расстройства половой идентификации». Определение этой болезни по МКБ звучит следующим образом: «Желание жить и восприниматься окружающими как лицо противоположного пола, обычно сопровождаемое ощущением дискомфорта от своего анатомического пола или чувством неуместности своей половой принадлежности. Желание подвергнуться хирургическому вмешательству или получить гормональное лечение с тем, чтобы достичь, насколько это возможно, соответствия предпочитаемому полу»³. Поэтому в России, чтобы подтвердить свой статус как трансгендера, необходимо официально получить медицинскую справку о наличии данного диагноза. В рамках моего исследования я рассматриваю трансгендерных транссексуальных людей, а именно группу МТФ (male-to-female), или трансгендерных женщин, как зачастую их называют.

На сегодняшний день в России не существует ни одной верной и полной статистики по трансгендерному вопросу, в отличие, например, от США, где проводятся регулярные исследования в этой сфере. По данным американских исследований, к 2016 году на территории США существует около 1,4 млн трансгендерных людей, это примерно 0,6% всего взрослого населения США⁴. О ситуации в мире можно судить исходя из статистики по людям, стремящимся делать операцию по смене пола.

¹ *Altilio T., Otis-Green Sh.* Oxford textbook of Palliative Social Work. Oxford University Press, 2011. P. 380.

² *Teich N.M.* Transgender 101 A simple guide to a complex issue. Columbia University Press, 2012. P. 3.

³ Международная классификация болезней 10-го пересмотра. URL: <http://mkb-10.com/index.php?pid=4352>.

⁴ *Flores A.R., Herman J.L., Gates G.J.* How many adults identify as transgender in the United States? / The Williams institute. URL: <http://williamsinstitute.law.ucla.edu/wp-content/uploads/How-Many-Adults-Identify-as-Transgender-in-the-United-States.pdf>.

На данный момент это 1 из 30 000 трансгендерных взрослых мужчин (у которых гендерная идентичность полностью соответствует биологическому полу¹) и 1 из 100 000 трансгендерных взрослых женщин². Ситуация в России остается загадкой, а, учитывая сложность вычисления количества представителей данной категории, перспектив на появление точной статистики крайне мало. Кроме того, тема трансгендерности, так же как и гомосексуальности представителей российского общества, обострена и в огромной степени табуирована в публичном пространстве. Трансгендеры в России — это «квир» (другие, непохожие), не вписывающиеся в гендерно-нормативные роли, заданные в этой стране, а квир всегда есть идентичность, находящаяся в процессе конструирования³. И это находит отклик в знаменитой квир-теории и работах Джудит Батлер, которая обосновала социальное конструирование гендера в обществе и влияние существующего политического курса на формирование гендерных ролей в обществе⁴. Идеологи квир-теории ставили своей основной задачей борьбу со стереотипизацией гендерных ролей в обществе, трансгендеры в современной России олицетворяют эту борьбу. В российском обществе преобладают традиционные взгляды, и места «квирам» здесь почти нет. Во многом это обусловлено политическим курсом страны: власть окружает нас со всех сторон и навязывает нам то, как мы должны себя определять и как в итоге определяем⁵. В связи с этим в России возникает целый ряд проблем, с которыми сталкиваются трансгендерные люди на протяжении всей жизни. Отвержение этой социальной группы обществом приводит, к примеру, к такой серьезной проблеме, как появление суицидальных наклонностей у трансгендерных людей. Статистика суицидов трансгендеров недоступна и неизмерима, однако, по оценкам самих представителей данной категории, сводит счеты с жизнью каждый третий.

Научных работ, затрагивающих данную тему, чрезвычайно мало, особенно по сравнению с западным научным сообществом, что

подчеркивает актуальность данного исследования. С учетом социальной значимости проблемы жизни трансгендеров в России появление большого количества научных работ, раскрывающих, описывающих и объясняющих различные составляющие жизненного пути трансгендерного человека, поможет найти ответы на многочисленные вопросы, связанные с данным феноменом и этой социальной группой в целом.

Методология

В качестве методики данного исследования мною было выбрано глубинное нарративное интервью с очень мягким форматом путеводителя. С помощью него мне удалось раскрыть изучаемую тему и вывести информантов на открытый и искренний диалог. Выборка информантов осуществлялась методом «снежного кома», это во многом обосновало попадание в выборку исключительно трансгендерных женщин. В трансгендерном сообществе есть определенного рода «комьюнити» с прочными внутренними связями и сетями. При этом сообщества МТФ (male-to-female) и ФТМ (female-to-male) практически не пересекаются. Мне удалось пообщаться с очень активными представителями сообщества МТФ, которые проявили ко мне как к исследователю и интервьюеру доверие, что помогло быстро обрести большое количество связей.

Место для проведения интервью выбиралось исходя из предпочтений информантов, чтобы создать максимально комфортные для них условия. Ни с одним из информантов я не была знакома, до встречи наше общение проходило в социальных сетях. Информация о проводимом мною исследовании распространилась внутри сообщества МТФ, некоторые информанты проявили собственную заинтересованность в участии в исследовании.

Всего было проведено пять интервью с трансгендерными женщинами, находившимися на самых разных стадиях перехода и имеющих разные сексуальные ориентации. Все опрошенные проживают в Москве или Санкт-Петербурге, все имена изменены из этических соображений:

- 1) Василиса, 22 года, 4 месяца гормональной терапии, бисексуалка;
- 2) Анастасия, 35 лет, 1 год гормональной терапии, лесбиянка;
- 3) Евгения, 21 год, 2 года гормональной терапии, лесбиянка;
- 4) Стелла, 30–40 лет (приблизительно), 2 года гормональной терапии, лесбиянка;

¹ Schilt K., Westbrook L. Doing Gender, Doing Heteronormativity: 'Gender Normals,' Transgender People, and the Social Maintenance of Heterosexuality // *Gender & Society*. 2009. August. P. 461.

² Hales R.E., Yudofsky S.C. The American Psychiatric Publishing Textbook of Psychiatry. Sixth Edition. 2014. P. 686.

³ *Анна Мари Д.* Введение в квир-теорию / пер. М. Кукарцевой; отв. ред. В. Кашаев. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. С. 189.

⁴ Butler J. Gender trouble. Routledge: Chapman & Hall, 1990. 172 p.

⁵ Мартынов К. Гендер и политика в работах Джудит Батлер. URL: <https://postnauka.ru/video/54963>.

5) Эльвира, 27 лет, 10 лет гормональной терапии, пансексуалка.

Гайд интервью содержал несколько основных тематических блоков, в рамках которых и были заданы вопросы: детство и этап взросления, переходный этап, медицинская сфера, работа и трудоустройство, личная/семейная жизнь, круг друзей и родственники, армия и военная обязанность, особенности жизни в России, основные трудности переходного этапа, планы на будущее.

Исследовательский вопрос и структура работы

Основной исследовательский вопрос для данной работы: с какими повседневными проблемами и в каких сферах сталкиваются трансгендерные люди, живя в России? Вся собранная информация была структурирована исходя из перечисленных интересовавших меня сфер, изначально включенных в гайд, а также возникших в ходе разговора новых ключевых тем. В итоге стало возможным выделить следующие тематические блоки: детство и первое осознание своей гендерной идентичности, возраст начала гормональной терапии и ее мотивы, медицинская сфера, работа и трудоустройство, личная и семейная жизнь, суицидальные настроения, отношения с обществом, отношение к жизни в России, отношение трансгендера к трансгендерности.

Жизнь трансгендерных женщин протекает почти по одинаковому сценарию, однако, как верно замечает одна из информанток, «каждая история удивительно уникальна и удивительно при этом похожая, это так странно... ничего подобного не знаю».

Детство и первое осознание

Разговор с каждым информантом начинался с просьбы рассказать о себе, о своей личной истории. Практически все выбирали хронологический порядок повествования и начинали с детских воспоминаний. В данном блоке выделяются следующие ключевые подтемы: ненависть к себе, гендерная дисфория (невозможность принятия и определения своего гендерного статуса), дискомфорт, отношения с родителями, различие полов, депрессия, суицидальные настроения. Говоря о детстве, информанты вспоминают о моментах первого осознания того, что «что-то не так», и отмечают следующее:

«Всю свою сознательную жизнь я себя ненавидела... наверное, начиная лет с 7, когда я пошла в школу, я поняла, что совсем не чувствую себя парнем»;

«...*Ненависть* она такая... пассивная что ли, она вроде как из «ниоткуда»... потом понимаешь просто, что *себя не любишь*»;

«Раньше такого не происходило, просто потому, что я вела достаточно аутичный образ жизни, ни с кем не общалась... а тут, когда пошла школа, я понимаю, что *мне и раньше было некомфортно, а так совсем*»;

«Живешь одна, ни с кем толком не общаешься, вроде все как обычно... проблем не было. А потом, когда я начала чувствовать разницу между полами, *дискомфорт* сильнее стал»;

«...В школе я училась отлично, в 5-м классе отлично, в 6-м классе *начались половые роли*, и я тут же стала *изгоем*. Я никогда не знала, что со мной, я решила, что я просто в каком-то *безумном* мире живу, с какими-то дебилами учусь. Как только дети узнали слово п**р, оно сразу же прикрепилось ко мне, *я стала вот этим*»;

«В 14 где-то примерно... Ну в 14–15... я осознаю, что что-то конкретно не так. То есть я понимаю, что блин, а вот *парнем как-то не очень быть*, не просто потому, что там какие-то плюшки девочкам в обществе даются или еще что-то, а просто потому, что *мне не нравится быть собой*».

Из этих отрывков видно, что одна из основных и первостепенных проблем, с которыми сталкиваются трансгендерные люди в самом раннем возрасте, — это конфронтация с обществом на важнейшем этапе социализации, как правило, внутри школы. Непринятие и непонимание со стороны ближайшего окружения и невозможность исправить проблему сопровождают трансгендерного ребенка с самого раннего возраста. Зачастую это приводит к неспособности учиться, взаимодействовать с социумом. Как замечает информант, «среди МТФ невероятно много «айтишников», программистов или любителей компьютерных игр». Это способ ограничить себя от внешнего мира и уйти в виртуальный, дистанцироваться от общества и тем самым обезопасить себя. В мир одиночества и виртуальности трансгендеры зачастую погружаются с детства:

«...Я пришла [в колледж] просто в унисексе, в серой обтягивающей водолазке, и все: за 3 дня меня *перевели на домашнее обучение*. Это было замечательно на самом деле, потому что дома не надо ходить на учебу. Впервые после 5-го класса у меня была пятёрка в триместре по алгебре»;

«... Просто *общество меня не любило*, это стало для меня загадкой... стала играть в компьютерные игры, так и стала геймдизайнером».

В раннем подростковом возрасте 13–16 лет обладатели гендерной дисфории ощущают себя как в капкане из-за невозможности обратиться со своей проблемой к кому-то компетентному, а также из-за невозможности осознать корень проблемы. Нередко доходит «до *физических проявлений...* в общем грустно» (со слов информанта). На вопрос, какие именно физические проявления имеются в виду, информант отвечает: «Я предпочту промолчать... ну из такого более или менее адекватного – это пирсинг и татуировка».

Чем взрослее становится подросток с гендерной дисфорией, тем чаще проявляются у него именно суицидальные настроения: «Да... я помню, что в детстве я постоянно... не помню, показательно или серьезно, но я помню, что я *вешалась...*»

Информант рассказывает о случае в колледже: «Со мной весь «директориат» (администрация) провел беседу: «Ты за две недели все хвосты сдаешь, почему ты не можешь просто учиться?» И меня это просто настолько *в слезы убило*, я просто рыдала в кабинете, потому что я на тот момент уже понимала, мне было 16 лет. Меня это просто полностью убило, нет, я все-таки не призналась тогда, но для себя я уже все понимала, что *я просто не могу учиться в обществе*».

О первом осознании и эмоциональном фоне информант рассказывает следующее:

«...Стало появляться желание... *нежности*. Не знаю, ну это сложно описать... я просто не знаю, как показать пальцем на это... наверное, это то *желание, которое побуждает носить красивые платья...* но поскольку оно было для меня абсолютно незнакомо, и я просто не знала, что с ним делать, я просто иногда лежала на диване и фантазировала какие-то глупости».

16 лет, как отмечают многие трансгендеры, – это идеальный возраст для того, чтобы начать гормональную терапию. Это пубертатный период, когда внешность еще не окончательно сформировалась, это тот сложный момент, когда даже обычный ребенок еле справляется со своими эмоциями и перепадами настроений. У трансгендерных детей сводящая с ума гендерная дисфория может привести к худшим последствиям. Чтобы начать гормональную терапию в таком возрасте в официальном порядке, необходимо разрешение родителей, а после разрешение врача. И то, и то получить в нашей стране, как отмечают информанты, почти невозможно:

«У нас средний возраст, наверное, 20+, но последнее время я вижу, что появляются как бы

в сообществе некотором люди, которым *каким-то чудом* удалось это начать в 16 и так далее, и это считается у нас очень рано, и прямо вообще. И, соответственно, у них внешность абсолютно женская, и никогда не догадаетесь, что на самом деле это был когда-то парень биологически».

Была рассказана также история о подруге информанта, девочке 16 лет, которая начала сама принимать гормоны втайне от родителей. Ее внешность начала меняться. Родители отбрали гормоны. «Сейчас она *в откате* – внешность начала меняться в обратную сторону, что порождает *уродство*».

Возраст начала гормональной терапии. Мотивы

Вследствие общения с информантами выявились разные моменты принятия решения о начале процесса трансгендерного перехода. Это нервные срывы, неудачные попытки суицида, которые заставляют срочно сделать решительный шаг:

«...и у меня случается *попытка суицида* неудачная. Вот... неудачная, потому что я была не совсем в адекватном состоянии в тот момент, и у меня просто не получилось этого сделать. И это очень хорошо, я считаю. Где-то примерно через месяц я начинаю *гормональную терапию*. Ну и дальше ничего особенного: терапия, поход к врачам, постановление *диагноза*. Вот... Это началось все в 21 уже»;

«...однажды *нервный срыв* или еще что-то в этом роде было (случилось), и я поняла, что все... ..Как только деньги появились, я начала сразу же принимать».

Иногда это решение принимается и в более спокойном и уравновешенном состоянии:

«...в 16 лет [произошло] знакомство с первой т-ской (транссексуалкой), и мне понадобился целый год на то, чтобы познакомиться с этим всем, *изучить серьезность происходящего* [со мной]».

Бывают случаи, когда для принятия решения человеку требуется далеко не один год. Однако даже в последнем случае информант отмечает, что «на ровном месте нарвалась на драку... даже шрам есть как напоминание». Мы снова видим, что ситуация дошла до края, после чего ждать уже было невозможно:

«...Я вообще узнала, как это называется и что со мной происходит, в 25... 8 лет я пыталась себе рассказать, что *это все придумала, все пройдет...* ну, потому что какой выбор по сути: быть мужиком *или быть дважды извращенцем*, пото-

му что мне еще и женщины нравятся. ...Были периоды, когда я что-то узнавала, становилось *страшно*, и я такая «нет, нет, нет, все, надо пойти в качалку покататься»...

...К вопросу выбор или не выбор: с одной стороны, все равно выбор, потому что в какой-то момент я вот выбрала, а с другой стороны, абсолютно не выбор, потому что *идентичность* *свою я не выбирала*.

...Год назад, в ноябре я первый раз сказала, что да, я трансженщина. Было абсолютно непонятно: как отреагируют на работе, примет ли меня жена, примет ли такие отношения. Но я поняла, что готова делать выбор, потому что выбора нет».

Здесь затрагивается важная тема выбора в ситуации, когда выбора нет. Рассматривая этот аспект с точки зрения квир-теории, мы говорим о том, что каждый волен сам выбирать свою гендерную идентичность. Об этом и писала, и неоднократно говорила сама Джудит Батлер. При этом точно так же мы принимаем во внимание, что гендер невозможно придумать, хотя и существуют в обществе, например, гендер-флюидные люди или квиры, которые способны менять свою идентичность с течением времени. Но даже это нельзя назвать выбором, так как все исходит из самоощущения. Меняется самоощущение – меняется идентичность, но решить, что «сегодня я буду мальчиком, а завтра девочкой», практически невозможно. Потому и получается, что трансгендерный человек стоит перед выбором, так как конструирование идентичности для него связано с рядом действий (например, с терапией, а впоследствии с хирургией), которые можно совершить или не совершить – это социальный выбор, перед которым человека ставит общество. Но, так как жить в прежнем состоянии не представляется возможным, в силу вступает биология и психология человека как биопсихосоциального существа. Говоря об истинном выборе, информант передает его характер:

«...Гендерная дисфория, она *сводит с ума*, она просто невероятно *гадкая штука*. И люди просто начинают сразу же: просто *либо веревка, либо гормоны*, нет времени на какие-то там обследования, люди сразу же начинают, и потом уже после первых изменений такая хватка этой змеи на шею уже ослабевает... после этого люди уже решают... идти до конца».

После начала терапии жизнь трансгендера меняется кардинально:

«...ну честно, количество ненависти уменьшилось с “вот так вот” (показывает, отмеряя

руками пространство примерно в 30 см) до “вот так вот” (показывает примерно 5 см)».

Медицинская сфера

Медицина, врачи, поликлиники постоянно присутствуют в жизни трансгендера.

Сам трансгендерный переход подразумевает сильнейшее медицинское вмешательство и состоит из двух основных этапов – гормональной терапии и хирургической операции по смене полового органа. Через первый этап, как правило, проходят все трансгендерные люди. Гормоны меняют черты лица, тело, корректируют внешность и делают ее, в случае с МТФ, более женственной. Второй этап связан с огромным количеством проблем, в первую очередь это высокая стоимость операций и отсутствие профессиональных хирургов в данной области в нашей стране. Следует отметить, что и в мировом сообществе пока не достигли абсолютных высот в данной области. Немногие трансгендерные люди психологически и финансово оказываются готовы к этому этапу.

Со слов информантов можно выделить следующие существующие в России проблемы: тотальное недоверие к врачам, страх перед ними, отвращение к государственным медицинским учреждениям (трансгендеры чаще всего имеют дело с психоневрологическими диспансерами (ПНД)), необразованность врачей и хирургов в данной области, консервативное отношение к трансгендерам со стороны врачей. Информант рассказывает:

«По-хорошему, если все официально и с государственными клиниками делать, ты идешь в районный ПНД к районному врачу, объясняешь ситуацию, и скорее всего тебя направляют к сексологу и параллельно к врачу, скорее всего к психиатру. Там будут проведены тесты на твою *адекватность*, на способность мыслить на всякий случай... ну, что у тебя нет какого-то сдвига просто по фазе. Вот. Постараются исключить максимально шизофрению, потому что это противопоказание к смене пола абсолютное, вот. Проходятся эти тесты, разговоры с сексологом, и после этого *выставляется какой-то диагноз*. Как бы если не шиза, все замечательно. Но там тоже есть свои моменты. В этом же отделе вместе с транссексуализмом рядом там и трансвестизм всяких ролей, там.. (задумывается и немного отвлекается), там и расстройства из детства есть... но это МКБ-10. И вроде как в следующей версии, в МКБ-11, да, которая уже во всем цивилизованном более или менее мире принята, это уже все исключи-

ли, и по сути это не считается расстройством. Вот. То есть такой болезни уже официально и нету. У нас просто пока еще старая ревизия, и не знаю, когда введется новая. Обещали... обещали в 2017 году. Не знаю, не уверена, что так. Вот. Если делать все неофициально, сейчас есть несколько контор... вот... которые реально помогают, я считаю, что их наличие — это реально хорошо, потому что *идти не так страшно реально*. Потому что там люди, которые занимаются конкретно этой тематикой. В одной из контор в Москве, например, хозяин-директор этой конторы — это, собственно, сам транссексуал тот же самый, и поэтому там вроде как понимающий, и ты знаешь, что никакой агрессии в отношении тебя не будет, и все замечательно. Но там тоже остается под вопросом, что, возможно, там справки просто получают купленными. То есть тебе *в любом случае там поставят транссексуализм*, и все. А может, его и нету. И это тоже несет за собой некоторые проблемы. И в ПНД плохо, что тебя могут послать, грубо говоря, потому что там, грубо говоря, совок, и п****ов не любят. Вот... и специально [могут] вклеить какую-нибудь шизу. И в этом тебя могут не продиагностировать правильно и вклеить тоже неправильный диагноз, но вроде который ты хочешь, а потом через несколько лет ты осознаешь свою ошибку и фатальность, если еще и была проведена какая-то операция».

О разном отношении врачей к транссексуализму говорят не только информанты, но и знаменитый российский психиатр, психотерапевт, сексолог, занимающийся вопросами гендерной идентичности, Дмитрий Исаев: «Если конкретный врач-психиатр считает какое-то явление нормой, то он ни подо что его подводить не будет. Если же он заранее убежден, что перед ним сидит человек, который с его точки зрения чем-то болен, он просто будет выбирать ему удобный диагноз. И гомосексуальность он будет проводить по ведомству, например, «психопатии», а про человека, который скажет ему, «я хочу сменить пол», напишет не «хочет сделать коррекцию пола», а «хроническое бредовое расстройство»¹.

На данный момент эта проблема является одной из самых острых для России. Придя со своей проблемой в государственную клинику, трансгендер зачастую встречает реакцию: «Зачем вам это надо», «Это все ерунда, пройдет».

«...Я хотела пойти в ПНД к психотерапевту, но я не знаю... там сидят *старые бабули*, кото-

рые и слова «гендер»-то не знают», — говорит информант.

Все информанты, с которыми мне довелось пообщаться, рассказывают на своем опыте и опыте своего окружения, что гормональную терапию, как правило, все начинают самостоятельно:

«Я у С. (подруги-трансгендерной девушки) спросила схему ее, потом начала ее корректировать и начала ее принимать»;

«Я не доверяю врачам, поэтому я сама изучу химию, изучу эту технологию... и я все поняла в принципе, потом я даже стала советовать многим [гормональную терапию другим трансгендерам]... распространено недоверие к врачам. Часто боятся признаться, боятся выйти публично, прийти к врачу и сказать: «я ощущаю себя девушкой».

Жизнь вынуждает трансгендерных людей становиться экспертами, оценивать собственное состояние, назначать себе дозировку (она может различаться в зависимости от индивидуальных качеств), добывать необходимые гормоны в нужном количестве. Отмечают, что «МТФ-гормонотерапия не очень сложная, у ФТМ гораздо сложнее с этим... [у МТФ] побочных эффектов мало бывает».

О врачах отзываются следующим образом:

«В этой тематике нет абсолютно, это все *врачи-самоучки*. Кто-то просто хорош действительно, а кто-то нет. Хороших врачей по этой теме, конкретно по операции на гениталиях, я могу назвать только двоих. Остальные — это конкретно мясники, несмотря на то что они берут очень много денег, как за неплохую машину, не в кредит, а сразу просто за налик (наличные)».

Однако есть и положительные отзывы, и рассказы про адекватное отношение, встречается такое исключительно в частных клиниках. Проблема здесь заключается в том, что прием у таких врачей стоит дорого:

«Когда я недавно ходила в *частную клинику*, я планировала орхиоптомию... *нормально отнеслись*, сходили пообщались. Я думала, на меня будут пальцем показывать, но нет. Там люди *помоложе сидят*... посовременнее».

На гормоны необходимо иметь «порядка пяти тысяч рублей в месяц». Стоит отметить, что гормональная терапия у трансгендеров длится всю жизнь, поэтому постоянный доход необходим. Рассуждая об операциях, называют другие суммы:

«...У нас [в России] и операции эти все очень дорогие, их позволить себе мало кто мо-

¹ Стигматы пола. Интервью с Дмитрием Исаевым. URL: <http://katab.asia/2016/06/23/isaev-interview/>.

жет. Даже мне, например, очень сложно, несмотря на то что у меня профессия достаточно приличная, так что выше среднего сильно заработок. Но все равно очень сложно. И я просто не представляю, что там если ну такая обычная работа менеджером, да, или каким-то консультантом... чем обычно большинство людей зарабатывают, такие деньги невозможно заработать просто»;

«Ну... если ты МТФ и хочешь себе сделать что-то хорошо, то... приготовься сделать тысяч за семьсот (рублей) минимум – у нас. Поедешь в какую-то другую страну, где делают действительно хорошо и врачи с опытом, – это еще больше. Там, например, полная пластика лица у тех врачей, она стоит порядка тысяч пятьдесят, наверное, долларов. У нас это будет все стоить... ну где-то, наверное, в районе миллиона, но, опять же, вопрос качества, потому что опыта у врачей нету, по сути это реально мясники. Они учатся на этих бедных людях, которые пробуют их».

Работа. Трудоустройство

Вопрос трудоустройства для трансгендеров крайне важен и актуален. Из-за непростых отношений трансгендерных людей с семьей случаев, когда семья может финансово поддержать и таким образом обеспечить хотя бы постоянный непрерывный прием гормонов, крайне мало. Не говоря уже об операциях, которые стоят огромных денег:

«Я работала в «Макдоналдсе», чтобы заработать на гормоны», – рассказывает информант. И таких историй много. Однако перед трансгендерным человеком, помимо самой проблемы необходимого самообеспечения, возникает и другой, гораздо более острый и социально значимый вопрос трудоустройства.

В октябре 2017 года на интернет-ресурсе The Village вышла статья, посвященная вопросу трудоустройства трансгендеров в России¹. Истории «успеха» информантов из этой статьи в целом схожи с историями моих информантов, что позволяет сделать вывод о реальной ситуации в России.

Вопрос трудоустройства тесно связан с проблемами дискриминации. Ранее в других тематических блоках не раз упоминалось ущемление трансгендерных людей в правах, трудности восприятия ближайшим окружением и другие

признаки прямой дискриминации. Однако именно процесс поиска работы крайне показателен с точки зрения принятия совершенно нерациональных решений со стороны работодателя исключительно в связи с трансгендерностью сотрудника, речь идет об увольнении или отказе в приеме на работу в ситуации, когда сотрудник полностью подходит по всем параметрам вакансии. Такая ситуация достаточно распространена, особенно если должность требует постоянного общения с рабочим коллективом и присутствия в офисе.

Одна из моих информантов рассказывала, как в течение 4–5 месяцев не могла найти работу, притом что была специалистом в сфере IT и пыталась устроиться на вакансию, критериям которой соответствовала полностью. Она публиковала резюме в женском роде, с ней связывались, но, как только дело доходило до личного разговора или собеседования и работодатель слышал низкий голос и получал на руки документы, с информантом обрывалась всякая связь, и она получала постоянные отказы «без объяснения причины»:

«Вот чисто из-за этого отказывают... вот у кого реально работа удаленная, они стараются как-то удаленно работать, там что-то получается. Но в основном очень большая проблема. Вот девочка недавно, к сожалению, оказалась в борделе, и сейчас вообще неизвестно, где она даже... ну она нигде не нужна. Куда ей еще идти?»

Рабочий коллектив о трансгендерном переходе узнает по-разному, зачастую это приводит к косым взглядам и неприятной атмосфере внутри:

«...Как-то я вот сказала на работе паре человек, потом это разошлось, ну косые взгляды были...»;

«Люди часто на работе поглядывают».

При этом один кейс не похож на другой. Коллективы бывают разные, и более спокойная и адекватная реакция также встречается:

«...Гендиректор рассказал одной девочке, а девочка рассказала все это всей компании. Так узнали, что... но там при этом все было замечательно, на меня косились только реально первый день, потом все забили, все замечательно, и общались хорошо, вот... Кто-то там даже признаки симпатии подавал, но в форме не именно «может, там чего-то замутим» или еще что-то, а именно просто как «приятно общаться». Вот, и все отлично было. Но все-таки напрягало, что периодически случайно там обращались в мужском роде или что-то такое...»

¹ Верещагина Е. Подошли трое и спросили: «Ты что, пол меняешь?» Кем и как работают трансгендеры // The Village. 28.10.2016. URL: <http://www.the-village.ru/village/business/opyt/248413-kem-i-kak-rabotayut-transgendery>.

Еще одна проблема внутри рабочего коллектива — невозможность мгновенной адаптации к новой гендерной идентичности коллеги. Проскальзывающая неверная идентификация — это в большой степени мучение для переживающего важный этап перехода и социализации в новой роли человека. Это приводит к желанию сменить место работы, чтобы появилась возможность начать с чистого листа:

«...Это коллектив, который не будет знать, знает реально только HR и по сути тимлид, потому что у меня с ними были собеседования и они видели мои документы».

Во многом вопрос трудоустройства зависит от сферы работы и степени квалификации:

«...На рынке я достаточно ценный специалист. И на всякие мои приколы там — подобное люди считают, как какие-то приколы — все закрывают глаза в IT-компаниях. Но, опять же, говоря о крупных. В любой мелкой конторе я сейчас пойду прособеседуюсь, и я не буду там, просто, ну реально новой звездой какой-то, могу заменить старых лидов и так далее, но при этом меня не возьмут даже на какие-то смешные деньги, просто из-за того что... «ну блин, ну у тебя же мужские документы, а ты выглядишь, как девушка, — нет, вообще не катит».

Диссонанс у работодателя, возникающий при восприятии сотрудника, заключается в несоответствии внешних характеристик паспортным или заставляет испытывать растерянность и дискомфорт от внешнего вида человека на стадии перехода.

Личная и семейная жизнь

В данной блоке я буду рассматривать личную и семейную жизнь трансгендеров, используя разные примеры: взаимодействие с родителями и ближайшими родственниками, членами семьи (если у информанта она есть), любимым человеком и детьми.

Первое столкновение трансгендера с собственными родителями и другими родственниками, а также первые серьезные конфликты и непонимания возникают в возрасте, когда человек осознает, что с ним не так, когда он способен это сформулировать, когда он решает поделиться с ближайшими в его кругу людьми:

«Родители, мне кажется, не особо были удивлены. Они, конечно, поругались, мол «как, как, *потеряли сына...*» Через месяц поняли, и... как-то живем... ругаемся иногда»;

«Мама в принципе не приняла сразу же, безусловно, она это не понимала, но мне пришлось сильно постараться и *подказывать свою*

серьезность, очень сильно. В общем в итоге, конечно, она все поняла и приняла, увидев мой настрой, увидев, *на что я готова*. Конечно, ее это очень расстроило, просто потому, что *здоровый ребенок лучше, чем больной*. И ей было тяжело это принять, потому что *это не видно как болезнь, это видно как прихоть*, это видно как какая-то странность, как желание, которое возникло, что я начиталась чего-то в интернете и вот просто решила сменить пол, [как будто] ребенок свихнулся.... моей маме понадобилось много времени, чтобы прийти к этому [к принятию ситуации]»;

«...С МТФ отцы еще сильнее настроены, потому что *«будь мужиком»*... у меня отца не было, мне не с чем сравнивать».

При разговоре о родительской реакции на транссексуальность ребенка всплывают гендерные нормативы, существующие в обществе, где живет семья. Концепция квир-теории хорошо объясняет навязанные социумом (а во многом и политическим курсом) ожидания по отношению к ребенку: если родился мальчик, он «должен быть мужиком», вести себя по-мужски, «не быть тряпкой». Для детей, подростков, ощущающих транссексуальность, невозможность объяснить собственное состояние и его искренность с родителями — настоящая трагедия. Ближайшие люди перестают оказывать помощь, и на фоне этого, опять же, возникают крайне депрессивные и суицидальные настроения. Влияние именно российского общества на сложившиеся гендерные нормативы или стереотипы заметно:

«Ближайшие родители, как мама и папа, чаще принимают, особенно мамы... а вот дальним родственникам сложнее принять. У меня так случилось, что больше родственников в Израиле... ну а в *Израиле с этим все здорово*, они там мне звонят, сочувствуют, прям сразу приняли»;

«Например, моя хорошая подруга, она из Сибири... и у нее там большая семья, и все этому *очень не рады*. Поэтому *она не была в родном городе уже 6 лет*».

Ситуации, когда дети уходят из дома, не найдя понимания, нередки. Это особенно вероятно при наличии прямой агрессии со стороны членов семьи:

«Моя тетушка сказала, что поможет, мой отец сказал, что я п**р, и все. Ну и там были скандалы чуть ли не до драк, обещания нанять пацанов с района, чтобы меня *избили* за все это. Вот... [чтобы] проучили, *сделали мужиком нормальным*, чтоб *в армию* отправить, денег даст

специально, чтоб меня забрали. Вот... тетушка через пару месяцев тоже встала в подобную позицию, и мне просто *пришлось съехать от них*».

Такая агрессия со стороны родителей — следствие превалирующих консервативных и традиционных общественных взглядов на распределение гендерных ролей в обществе и резкое неприятие любых отклонений, с этим связанных. По тем же причинам в России огромное количество людей испытывают чувство ненависти и отвращения по отношению к любым представителям ЛГБТ-сообщества. Хотя понятия сексуальной ориентации и гендерной идентичности не связаны, это происходит от чрезмерных ожиданий от соответствия членов общества предписанным им стереотипам, как было сказано выше. Тема необразованности общества отмечается информантами крайне часто: людей шокирует сама ситуация, они воспринимают ребенка как сумасшедшего. Вдобавок закон о пропаганде гомосексуализма среди несовершеннолетних, принятый в 2013 году, еще сильнее выделяет представителей ЛГБТ-сообщества как девиантную и опасную группу.

Затрагивая тему построения собственной семьи или просто личной жизни трансгендером, в первую очередь стоит отметить, что идентичность транс-человека не связана с его сексуальными предпочтениями, никак не обусловлена этим. В мою выборку попали представители самых разных сексуальных ориентаций: одна информантка отметила, что всю жизнь была пансексуальна (пансексуальность подразумевает влечение к людям вне зависимости от их биологического пола и гендерной идентичности), однако последнее время начала ощущать изменение ориентации в сторону гетеросексуальности.

Трансгендерный переход практически не имеет возрастных ограничений и может произойти не только в подростковом возрасте, но и значительно позже, когда человек уже успел обзавестись семьей, родить ребенка, прожить в браке несколько лет. Отношения внутри сложившейся семьи строить крайне сложно, когда один из ее членов решает изменить гендерную идентичность. Прежде всего проблема вырастет из отсутствия у партнера какого-либо выбора кроме принятия сложившейся ситуации (если стоит цель сохранить семью). Один из информантов рассказывает о взаимоотношениях с женой после осуществления перехода:

«Ну, естественно, все непросто, но пока мы вместе и разводиться не собираемся. Ко-

нечно же все непросто, с одной стороны, она меня приняла. Ну вот есть такой, и что, какие варианты? Убежать от меня или рассказать, что я не права. Но при этом *она-то свою идентичность тоже поменять не может...* в этом есть определенный камень преткновения, и пазл не складывается. Мы очень близкие люди, можем говорить обо всем... мы 16 лет вместе... ну поменяла [я] пол, ну, окей, такова жизнь».

А так информант рассказывает о разговоре с сыном по поводу намерений изменить свою идентичность:

«На самом деле очень интересная тема... в 13–14 лет у него [сына] пока нет сексуального интереса и, соответственно, установок, связанных с этим...»

...Я очень долго к этому готовилась. Перед переходом мы перестали почти разговаривать, это было из-за меня... ...У меня была сложность, как вот вытянуть его на разговор, но так получилось, что прямо перед переходом мы совсем отделились...

...Я сделала берлогу такую из матрасов... Это все было на каникулах, чтобы не было школы... мы это все заранее спланировали. Мы поехали в магазин, и я сказала: «Выбирай, что хочешь, у нас сегодня праздник»... в общем, было можно все, ему потом было плохо, но он оторвался (смеется).

Мы залезли в берлогу, он что-то там трескал, устроили такой нездоровый завтрак. Я долго к этому подводила, говорили о семье, о доверии, о тайнах... мурыжила, мурыжила его... при этом он не очень понимал, о чем я говорю. Ну он мне отвечал. Потом чувствую, что все нормально вроде. И сказала, что вот у *меня есть тайна... я чувствую себя женщиной*, это психологический пол не совпадает с биологическим. Я вот решила, я буду меняться: меня зовут Катя, мне нравится это имя, я его выбрала. При этом я в любом случае остаюсь *твоим родителем, папой*, как угодно... ...Ну, он такой: «Ну, ок». Я его еще потом грузила-грузила гендерными заморочками, так что, как называется, немножко перегрузила...

...Собственно все. Он побродил, помыслил эту мысль, я радостно встречала его в юбке, он в какой-то момент спросил: «Пап, а ты всегда будешь в юбке?»...

...Сейчас он просто называет меня Катей, иначе это просто неудобно».

Информант рассказывает счастливую историю семьи, где каждый постарался понять и принять ситуацию. При этом виден чрезмерно ответственный подход к разговору на данную

тому, насколько большое значение информант уделяет образованию сына.

Мы наблюдаем случай, который является скорее исключением из правил. Альтернативная история другого информанта прямо противоположна: жена после решения мужа начать процесс по смене идентичности забрала маленького ребенка, подала на развод и не позволяет больше видеться с сыном, так как опасается вышеупомянутой пропаганды. Быть непонятым и непринятым ближайшими людьми – вечный страх и глубокая трагедия трансгендерных людей.

Суицидальные настроения

Этот блок сформировался стихийно, вопросы на данную тему отсутствовали в гайде. С первого до последнего интервью всплывала тема суицидов среди трансгендеров. Информанты не всегда делились личным опытом, однако рассказывали об этой катастрофической проблеме, существующей по нескольким основным причинам:

1) из-за отсутствия психологической поддержки со стороны близких;

2) из-за отсутствия компетентных и профессиональных людей, готовых постоянно следить за начальной стадией перехода, консультировать и наблюдать за состояниями пациента;

3) из-за неизбежного наличия самой гендерной дисфории, которая сводит с ума.

Через депрессивные настроения проходит каждый трансгендер в период подросткового возраста (метания, ощущения дискомфорта, неосознанность истинной причины), первого осознания проблемы и страха перед возможностями ее решения, в период начала гормональной терапии в связи с действием гормонов на нервную систему и психику (эстроген в случае с МТФ сильно повышает уровень эмоциональности человека¹). Информанты отмечают, что гендерная дисфория – ни на что непохожее чувство. Дисфория сводит с ума, из-за нее невозможно смотреть на себя в зеркало, человек ощущает, что ему перманентно плохо, и не может никуда деться от этого чувства. Все это приводит к попыткам уйти от реальности любыми способами:

«Я же еще пила последние три года очень много, потом марихуану курила...»;

«Первые два месяца [после начала гормональной терапии] у меня была вообще эйфория, страшная *эстрогеновая эйфория*, было очень хо-

рошо... потом началась *депрессия*... у меня сейчас в принципе *асексуальность* полная».

Зачастую депрессивные состояния накладываются на сложные отношения в личной жизни, на конфликты с родителями или партнерами, и жизнь становится невыносимой:

«У меня не один этот эпизод, у меня был еще этот эпизод в 17 лет... оба в 17 лет. Во времена, когда мы ругались как раз таки с первой девушкой, которая была изначально не девушкой. Вот... у меня ехала совсем крыша, и я пробовала там и на шоссе выйти с закрытыми глазами, и прыгнуть под поезд в метро. Под поезд в метро – она меня вытащила, собственно, не дала упасть, а на шоссе мне просто почему-то повезло (усмехается). Я перешла сквозь шоссе короче, и все нормально стало. Я сейчас просто понимаю, насколько это антисоциально и ужасно. Если бы что-то случилось, то бедные водители... но как бы тогда просто *мозг отключался, и ни о чем не думаешь*».

На попытки суицидов напрямую влияет и давление со стороны общества, эта тема будет затронута в следующем блоке. На вопрос, в чем причина суицидов, информант отвечает:

«В *отсутствии психологической помощи* во время. Просто потому, что очень часто не замечают, а человек там уже года два в *глубокой депрессии* и ужасно себя *ненавидит* в зеркале. У меня, когда я только сорвалась на терапию самостоятельную и так далее... Я проходила мимо зеркала, и мне *хотелось рыдать*, потому что я вижу это отражение, я понимаю, что это не я, и хочется себя ненавидеть. Не хочется себя ненавидеть, а ты себя уже ненавидишь. Вот... и желаешь только смерти, чтобы это просто закончилось. Поэтому все *суициды*. Ну, и плюс давление общества, да. Если бы не было такого давления общества, люди бы решались на подобные попытки по смене пола и так далее, им бы становилось легче жить, они бы переставали себя ненавидеть и так далее».

Отношения с обществом

Следует отметить, что все перечисленные сферы в той или иной степени связаны с конфронтацией с обществом, с реакцией общества на существующий феномен трансгендерности. В любом социуме существуют изначальные нормы, которые определяют, что есть социально одобряемое и неодобряемое поведение, каковы границы «нормального». Эти нормы реформируются в зависимости от многих факторов, прежде всего с течением времени, с изменением политического курса государства,

¹ Teich N.M. Transgender 101 A simple guide to a complex issue. Columbia University Press, 2012. P. 49.

с появлением новых массовых идеологий и течений. В российском обществе зачастую отмечают ненависть к меньшинствам, которые выходят за грань «нормальности». Это порождает страхи и фобии у их представителей, в том числе и трансгендеров:

«Я, честно говоря, не знаю, как я буду выходить первый раз на улицу... я совершенно не понимаю... у меня еще после болезни голос посажен... я не знаю, как я все одену и просто выйду. Люди тоже бывают неадекватные... у нас и так могут просто взять и побить... здесь дело сложное, таких людей мало, и *никто ж не объясняет, как это, что это*, что это в принципе нормально. Люди зачастую бывают крайне религиозные. Я к религиозным людям отношусь в принципе нормально... но если религия начинает докучать другим людям, то это уже какой-то фанатизм. А некоторые люди доходят до физических проявлений, и... короче, *я боюсь, что меня просто банально убьют... банальная боязнь за жизнь*».

Общество относится к сексуальным меньшинствам предвзято, не разбираясь в деталях. Об этой проблеме информанты высказываются следующим образом:

«Люди думают: что мы пытаемся быть девушками, чтобы нравиться парням, из-за этого какая-то ненависть»;

«*Надо в принципе все общество менять*, все отношение. Это не единственная проблема, которая в обществе есть. У нас вместо того, чтобы помогать наркоманам, их просто отгораживают от общества, сажают в тюрьмы. Человеку нужна помощь, ему нужны связи и контакты, а его отгораживают. Тут та же самая ситуация»;

«Какое-то *безразличие, необразованность, непонимание*»;

«У нас считают, что это гейство какое-то, а гейство у нас презирается просто в обществе».

При этом яркую агрессию отмечают не все:

«Общество, конечно, не принимает, но я бы не сказала, что прямо какая-то вопиющая агрессия. Смело настроенные мужчины, наверное, будут проявлять агрессию, но в целом общество скорее либо предпочитает игнорировать, либо предпочитает придумать какое-то объяснение типа “*пройдет*”... некоторые действительно принимают, есть такое. Даже какие-то 50-летние люди *иногда это понимают довольно легко*».

Конфронтация между трансгендерами и обществом в целом сильно влияет на скорость адаптации человека к новой социальной роли и заставляет его перейти через серьезный вну-

тренный барьер, который конструировался годами:

«...я поняла, что я женского пола. И очень сложно об этом заявить: *сто процентов мира тебе кричат о том, что ты мужчина*. Сказать открыто, что: «*весь мир, вы все не правы*», все равно что Земля плоская. Это примерно так ощущается. Должна быть огромная *уверенность в себе*».

Отношение к жизни в России

В России существует огромное количество специфических проблем: невозможность защитить свои права, консервативное отношение к меньшинствам, отсутствие механизмов социальной адаптации для «непохожих на всех» людей, отсутствие возможностей для специализации врачей в сфере транссексуализма (в особенности это касается хирургии), отсутствие большого количества врачей-профессионалов, специализирующихся на трансгендерности, отсутствие постоянной психологической помощи на протяжении трансгендерного перехода, существующая и принятая в обществе бинарная система гендерного распределения, риск попасть в армию.

Жизнь в России – это испытание для трансгендеров, однако немногие могут позволить себе действительно спланировать переезд в другую страну. Из пяти информантов желания уехать из страны не имел только один. На вопрос о стране назначения информанты называли Канаду, Японию, США:

«У меня просто, скажем так, есть хотелка со временем куда-то переехать, потому что *здесь намного тяжелее* и понимаешь, что люди-то моей профессии живут там, где трава зеленее и намного лучше, чем я здесь»;

«Отношение к себе самого общества там не только по этому вопросу. Там я знаю, что мне... я понимаю, что и здесь мне, конечно, помогут, если что-то со мной случится на улице... да, я упаду, мне помогут. Но *там поможет мне первый человек, а здесь десятый* в лучшем случае. Я хочу жить в стране, где все более или менее друг друга больше уважают, чем здесь. И менее наплевательское отношение. Я была в Японии, три месяца жила, и вот после того, как ты пробуешь что-то другое, да, в стране, где прогресс какой-то есть, то все, ты не можешь просто вернуться и жить здесь спокойно, чтобы у тебя шило в одном месте не кололось. *Хочется жить, как белый человек, грубо говоря*»;

«Облегчение исключительно в *принятии общества*... программа сама смены более логич-

ная: сначала у них принято, что меняют документы, и потом человек пробует жить в новой роли» (речь идет о США);

«У них, конечно, здорово там все. В частности, в Канаде здорово, у них там и гормоны за счет ОМС, и операции частично компенсируются».

При этом иллюзий об идеальной жизни за границей информанты не испытывают; одна рассказывает про высокую статистику убийств транссексуалок в США:

«Я слышала от т-ски (транссексуалки) американской, что она боится быть убитой... статистически больше принятия общества, но те, кто не принимают... они еще и с оружием».

Отдельным пунктом необходимо отметить риск оказаться в армии на стадии перехода или после:

«Я недавно познакомилась с т-ской, и у нее подруга ее *забирают [в армию]*, и мы с ней плакали просто от того, что у нее данные хорошие и ей бы милой девочкой быть, но ее забирают, и, наверное, она *пополнит статистику суицидов* в военной части... жестокая Россия».

В целом стоит отметить, что Россия на данный момент остается страной, не адаптированной для жизни трансгендерных людей.

Отношение трансгендера к трансгендерности

Заключительный блок посвящен интересному факту, с которым я столкнулась во время проведения интервью и беседуя на тему трансгендерности и транссексуальности в целом как явлений.

До начала изучения данной темы у меня было представление, что сами представители трансгендерного сообщества, наподобие представителей гей-сообществ, борются за признание своего состояния нормальным и естественным, за исключение его из списка болезней. Однако все до единого информанта высказали совершенно противоположное мнение:

«Гомосексуальность и транссексуальность — это все-таки *ненормально*, я считаю. И это не должно исключаться из книг и описания болезней. Это все-таки *какие-то болезни*, реально *нарушение психики*, и неважно, какие причины»;

«Конечно, это нарушение, это точно ненормально, потому что это *противоестественно*. Но толкают на Западе, грубо говоря, либеральность, свободу и что мы все нормальные. Я считаю, что это ненормально»;

«Транссексуальность — это совершенно *несравнимая болезнь*, я это *считаю болезнью*... Это

определенное *уродство*, я считаю, очень серьезное... Просто его нужно лечить физическим изменением тела, и это сразу проходит... У меня вызывали негодование порывы исключить это из МКБ».

Одна из информанток предложила собственную теорию: есть основания полагать, что «вместе с т-сностью (транссексуальностью) часто идет какая-то еще *нестабильность головная*». Информант выделяет три причины этого:

1) вместе с транссексуальностью может развиться «какая-то еще болячка, чисто органическая»;

2) гендерная дисфория сводит с ума, и происходит больше девиаций;

3) сама жизнь трансгендера в обществе — это «*круговорот боли*», и «само дохождение до транзишена и до какого-то стабильного состояния расширяет сознание, и для человека многие вещи кажутся проще, чем раньше, потому что после *такого* жизненные цели выглядят проще. И, может быть, даже уровень интеллекта от этого вырастает, потому что пришлось много думать и переживать это все».

Такая рефлексия, по моему мнению, не случайна. Многими учеными доказано, что с транссексуальностью рождаются и это отклонение происходит во время вынашивания плода. Однако вполне возможно, что мы также имеем дело с серьезнейшим давлением общества на трансгендерных людей в такой степени, что с детства ощущение себя ненормальным приравнивается психологически к ощущению себя больным. Действительно, как замечает информант, трансгендерный человек проходит через «круговорот боли», после которого невозможно не закалиться и не стать внутренне сильнее. Недостаточная изученность феномена трансгендерности во всех научных сферах сказывается на огромном количестве интуитивных выводов, которые заключают о себе сами транссексуалы. Все это выводит нас на ядро еще одной проблемы, глубоко психологической, — это внутренняя борьба, конфронтация трансгендерного человека и его «болезни»:

«Вот можно было бы излечиться, я бы с удовольствием излечилась, потому что это реально очень большие *проблемы*. Они реально мешают жить, ухудшают качество жизни и так далее. Вот были бы *волшебные пилюли*, от которых ты не станешь овощем, но при этом все это пропадет, я бы с удовольствием приняла бы их...

...все-таки жить со своим биологическим полом намного проще. Потому что все-таки это [трансгендерный переход] *опасно для здоровья*,

оно в любом случае ухудшается. И если просто мне уберут дисфорию каким-то образом и если я абсолютно буду чувствовать себя нормально, то я абсолютно спокойно на это соглашусь. Это намного лучше».

Рефлексия сопровождает трансгендера всю жизнь. Одна из информанток отмечает, что в ее жизни настал очень особый и неожиданный период новой активной фазы транссексуальной социализации:

«Принятие себя как трансгендерной женщины позволяет мне жить... (задумывается)... Нет. Наверное, все-таки не очень позволяет. Моя гендерная дисфория последнее время что-то с этим не согласна».

Существует глубокая трагедия в желании трансгендерной женщины быть биологической женщиной, настоящей от рождения, со всеми плюсами и минусами женского бытия. У трансгендерного человека всегда будет яркое и осознанное желание победить свою «болезнь», при этом на данный момент можно с уверенностью сказать, что это невозможно:

«Даже плохие части *бытия женщины* я готова принять. Все эти мучения с месячными... Я готова их принять, это часть бытия женщины. Я готова *заплатить эту цену*... Но, к сожалению, *возможности у меня такой нет*».

Заключение

Подводя итоги, я бы хотела выделить все упомянутые контексты, в которых трансгендеры в России сталкиваются с основными проблемами, оказывающими влияние на образ их жизни, эмоциональное состояние, социальное развитие:

1) школа в подростковом возрасте: проблема непринятия окружением в важный этап социализации и детской адаптации;

2) личное пространство: проблема ненависти к себе, отсутствия понимания о происходящих процессах, достаточного количества информации;

3) семейная жизнь: трудности близкого контакта с ближайшими родственниками, с членами семьи, проблема непонимания и непринятия;

4) медицинская сфера, прием и консультация у врача: проблема необразованности врачей, отсутствия профессиональных хирургов — специалистов по трансгендерному переходу,

консервативное и хамское отношение к пациентам-трансгендерам, высокие и неподъемные цены на необходимые и желанные услуги для перехода;

5) рабочий коллектив и процесс трудоустройства: проблема дискриминации, трудности с устройством на работу, вне зависимости от уровня квалификации, трудности в общении с рабочим коллективом, который застал процесс перехода;

6) конфронтация с обществом: проблема консервативных и традиционных взглядов общества на трансгендерность, необразованность общества, непринятие;

7) конфронтация самосознания и болезни внутри: проблема недостижимости конечной цели и полного перевоплощения, соответствующего биологическому полу;

8) депрессивные настроения: проблема возникающих суицидальных настроений и самих суицидов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что группа трансгендерных людей в современной России является одной из наиболее уязвимых, подверженных дискриминации. Трансгендеры — это люди, ежедневно борющиеся за жизнь в социуме, за право на счастливую жизнь. Однако в России на данный момент не существует необходимых для комфортной и безопасной жизни трансгендерных людей условий, что создает опасность для жизни многих.

Необходимо повышать уровень образованности населения России и заниматься подобной тематикой углубленно, ориентируясь на опыт западных стран. Это, по моему мнению, не только поможет внести серьезный вклад в науку, но и повлияет на развитие необходимых институтов для жизни трансгендеров (в частности, медицинских) за счет более полного представления о группе в целом, составления портрета ее представителей, анализа их внутреннего мира и окружения.

Свою работу я бы хотела заключить цитатой одной из информанток:

«Мир меняют не очень ненормальные люди... вот Стивена Хокинга тоже сложно назвать нормальным, при этом он очень крут. Ну и все, называйте как хотите — я это я, прежде всего человек со своими правами и правом на свою идентичность, а что дальше — вопрос десятый».

Нина АРТЕМЬЕВА
Михаил БОГДАНОВ
Даниил ЛЕБЕДЕВ
Алина НАЗИМОВА

Факторы, определяющие тип потребления алкоголя среди студентов

Как потребители алкоголя молодежь в целом и студенты в частности имеют несколько особенностей, которые обуславливают актуальность темы и постановку исследовательской проблемы. Во-первых, это «стартующая» в потреблении алкоголя группа. В силу этого потребление алкоголя после окончания школы обычно сильно возрастает, однако у молодых людей еще не сформирована зависимость (хотя алкоголь — аддиктивное благо). Во-вторых, структура потребления алкоголя населением меняется вместе с поколениями, соответственно, то, как пьют студенты сейчас, во многом определяет общее потребление алкоголя в будущем.

Факторы, влияющие на потребление спиртных напитков студентами в западных странах, широко изучены, однако в России данная тема проработана слабо. Кроме того, большинство статей, посвященных проблеме потребления алкоголя, имеют экономическую или медицинскую, но не социологическую направленность. В большинстве случаев в исследованиях потребления алкоголя студентами в России акцент делался на том, сколько и как часто пьют студенты, но не на выделении групп по более широкому набору практик потребления алкоголя.

Поскольку в России молодые люди в возрасте 16–24 лет (типичный возраст студенчества) являются одной из самых малопьющих возрастных групп¹, резонно предположить, что различия в потреблении будут заключаться не столько в количестве выпиваемого, сколько в практиках потребления алкоголя (объем, частота, условия потребления), на чем и будет строиться типология. Но, как уже было сказано, теории общества постмодерна и «постклассового» общества утверждают главенство

фрагментации: стиль жизни становится все менее зависимым от социального статуса, индивиды реализуют абсолютно несвязные опыты потребления (в том числе и алкоголя)². В этой связи необходимо узнать, во-первых, в чем заключаются различия в практиках потребления алкоголя внутри такой достаточно однородной группы, как студенты, и, во-вторых, какими факторами определяются эти различия. Ответ на эти вопросы и представляет собой **проблему исследования**.

Факторы, влияющие на потребление алкоголя

Тема потребления алкоголя и факторов, влияющих на него, достаточно изучена как в России, так и в мире. Неудивительным кажется факт, что на потребление алкоголя влияют гендер, возраст и место жительства³.

По нашему мнению, главная особенность исследований о влиянии различных факторов на потребление алкоголя заключается в том, что в большинстве своем они концентрируются на изучении влияния именно социально-демографических и экономических факторов. Например, эмпирически установлено, что потребление алкоголя увеличивается с ростом доходов и снижается с повышением цен⁴.

Исходя из результатов работы Бекера и Мерфи, можно сделать вывод, что индивиды с более высоким уровнем образования менее склонны к потреблению алкоголя, так как они лучше прогнозируют свое будущее⁵. Однако по последним данным в России «доля пьющих

¹ Рощина Я. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2012. № 2. С. 238–258.

² Beck U. Risk society: Towards a new modernity. Sage, 1992. Т. 17.

³ Мартыненко П.А., Рощина Я.М. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 20–38.

⁴ Andrienko Y., Nemtsov A. Estimation of Individual Demand for Alcohol // Economics Education and Research Consortium Working Paper Series. 2005. № 05/10.

⁵ Becker G., Murphy K. A Theory of Rational Addiction // Journal of Political Economy. 1988. № 96 (4). P. 675–700.

среди высокообразованных как мужчин, так и женщин выше, однако пьют они в меньших объемах (а также другие напитки — больше вина вместо самогона)¹.

В уже упомянутой работе Я. Рошиной и П. Мартыненко были выявлены различия в потреблении алкоголя в зависимости от семейного положения индивида: доля пьющих выше среди состоящих в браке (в том числе незарегистрированном)².

Факторы, влияющие на потребление алкоголя среди молодежи

Если рассматривать конкретно студентов, то в данной социальной группе потребление алкоголя зависит от таких социально-демографических характеристик, как пол³, место проживания (причем как тип самого населенного пункта, так и проживание совместно с семьей / отдельно от семьи)⁴, тип учебного заведения, в котором обучается студент, успеваемость⁵.

Начиная обзор исследований факторов, в той или иной степени детерминирующих потребление алкоголя студентами, стоит отметить, что в данных работах потребление измерялось различными способами, соответственно, и значение факторов отчасти обуславливается выбранным методом измерения самого потребления. Потребление алкоголя может быть измерено как прямым вопросом об употреблении алкоголя⁶, так и измерением частоты случаев потребления и количества раз, когда респондент выпивал, за последний год⁷. Интересно, что измерение потребления алкоголя может

производиться также и по некоторым медицинским данным, таким как данные заболеваемости алкоголизмом и психозами, связанными с алкоголем, и количество случаев употребления алкоголя с вредными последствиями. Кроме того, могут использоваться и экономические показатели, например показатели розничной продажи определенных видов алкогольных напитков в выражении чистого алкоголя, содержащегося в них⁸. Это одно из главных ограничений, не позволяющих скомпоновать результаты исследований воедино.

В нашей же работе будет рассматриваться влияние различных факторов на вероятность принадлежности к определенному типу потребления, которые будут выделяться на основе практик потребления спиртных напитков студентами, в которых будет фигурировать и объем.

Мы предполагаем, что московское студенчество является более или менее однородной по социально-демографическим параметрам группой: семейное положение (студенты в подавляющем большинстве не состоят в браке), возраст (16–24 года), собственные доходы (малая часть студентов живет на личные доходы), уровень образования. В некоторых исследованиях (в том числе в обширном исследовании ВОЗ), посвященных изучению подросткового потребления алкоголя, отмечается отсутствие связи между потреблением алкоголя (включая практики) и социоэкономическим статусом семьи⁹.

То есть, если различия в типах потребления алкоголя студентами и существуют, то в меньшей степени на них будут влиять демографические и экономические факторы, а в большей — другие социальные детерминанты, которые будут подробно рассмотрены ниже. В качестве основных социальных факторов, влияющих на типы потребления в зарубежных исследованиях, выступают семья, сверстники, вовлеченность в спорт, успеваемость, вовлеченность в академическую деятельность, а также нормы, распространенные в социокультурной среде.

Так, фактором, имеющим отрицательное влияние на потребление алкоголя, называют наличие постоянного партнера¹⁰. Кроме того, влияние на потребление алкоголя среди студен-

¹ Beck U. Risk society: Towards a new modernity. Sage, 1992. Т. 17.

² Мартыненко П.А., Рошина Я.М. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 20–38.

³ Tartaglia S. Alcohol consumption among young adults in Italy: The interplay of individual and social factors // Drugs: education, prevention and policy. 2014. № 21 (1). P. 68.

⁴ Гордеева С., Петухов К. Социально-экономические макрофакторы потребления алкоголя молодежью регионов России // Здоровье семьи – 21 век. 2014. № 2. С. 77.

⁵ Разинский Г. Социальная среда как комплекс факторов приобщения/неприобщения к субкультуре потребления молодежью психоактивных веществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 32–37.

⁶ Разинский Г.В. Социальная среда как комплекс факторов приобщения/неприобщения к субкультуре потребления молодежью психоактивных веществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 32–37.

⁷ Tartaglia S. Alcohol consumption among young adults in Italy: The interplay of individual and social factors // Drugs: education, prevention and policy. 2014. № 21 (1). P. 65–71.

⁸ Гордеева С., Петухов К. Социально-экономические макрофакторы потребления алкоголя молодежью регионов России // Здоровье семьи – 21 век. 2014. № 2. С. 70–83.

⁹ Young People and Alcohol: The Role of Cultural Influences / Roche A.M., Bywood P.T., Borlagdan J., Lunnay B., Freeman T., Lawton L., Tovell A. & Nicholas R. Adelaide: NCETA, 2007. P. 92.

¹⁰ Tartaglia S. Alcohol consumption among young adults in Italy: The interplay of individual and social factors // Drugs: education, prevention and policy. 2014. № 21 (1). P. 68.

тов оказывает досуг — его насыщенность и проведение его совместно с семьей или раздельно¹.

Переходя к описанию влияния семьи, стоит отметить, что это один из главных факторов, определяющих потребление алкоголя молодежью, так как семья — первичная группа, в которой индивид социализируется и усваивает определенные установки, нормы и модели поведения.

На первый взгляд очевидное предположение, что в семьях с одним родителем дети будут больше пить, не подтверждается некоторыми западными исследованиями². Но отмечается, что дети в только что разведенных семьях склонны к большему потреблению алкоголя. Родительская вседозволенность увеличивает шансы пробы алкоголя и дальнейшего потребления, а также избыточное потребление алкоголя. Однако отношения внутри семьи влияют на пристрастие к алкоголю сильнее, чем структура семьи³. «Родительские проблемы и поведение могут оказывать серьезное и устойчивое влияние на детей. Возможным последствием развода родителей может стать ослабление семейных связей и контроля над детьми и установление более тесных отношений ребенка с ровесниками, в том числе с теми, кто также имеет меньше контактов с родителями и более вовлечен в потребление алкоголя»⁴.

Говоря о влиянии семьи на потребление алкоголя, нельзя ограничиваться только родителями, хоть они и играют важную роль в формировании пристрастий к спиртным напиткам, влияние братьев и сестер также может быть очень велико⁵, особенно когда между старшим братом/сестрой и младшим ребенком есть сходство по возрасту и полу⁶. Однако сложно определить, где происходит прямое влияние братьев

и сестер, а где косвенное влияние всей семьи, в частности родителей, так как братья и сестры социализировались в одной семейной среде⁷.

Помимо состава семьи, ее благополучия и отношений внутри нее на потребление алкоголя также влияют установки, нормы и модели поведения в отношении алкоголя, которые существуют или существовали в семье. Факторы социализации в семье, связанные с подростковым и последующим потреблением алкоголя, включают родительский контроль и модели поведения родителей в отношении алкоголя⁸. Так, дети, чьи родители пьют алкоголь и при этом говорят о воздержании от него, склонны пить, нежели прислушиваться к наставлениям.

Кроме того, дети, регулярно наблюдающие родителей пьющими, более склонны воспринимать алкоголь как нечто безобидное. Еще стоит отметить, что влияние родителей снижается, когда дети покидают дом, например уезжают учиться в другой город⁹, что особенно актуально для студентов московских вузов.

Также влияние семьи и родителей ослабевает с возрастом, поскольку молодые люди начинают проводить больше времени со сверстниками¹⁰. Все большую роль в потреблении алкоголя играют существующие среди сверстников нормы. Но, как показывают западные исследования студенческого потребления алкоголя, влияние норм на модели потребления происходит в два этапа. Во-первых, личное потребление алкоголя и установки по отношению к нему сравниваются с нормами (воспринимаемыми самими индивидом). Как показывает практика, зачастую нормы потребления переоцениваются, то есть студенты склонны считать, что их ровесники потребляют больше алкоголя и более одобрительно относятся к нему, чем на самом деле¹¹.

Вторым этапом оказывается влияние преувеличенных норм на собственное потребление. Студенты стараются вести себя таким

¹ Разинский Г.В. Социальная среда как комплекс факторов приобщения/неприобщения к субкультуре потребления молодежью психоактивных веществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 32–37.

² Donovan R., Pettigrew S. A Literature Review of the Factors that Influence Alcohol Consumption and the Effectiveness of Past Interventions. Perth: Curtin University of Technology, 2003. P. 22.

³ Гордеева С.С., Петухов К.А. Социально-экономические макрофакторы потребления алкоголя молодежью регионов России // Здоровье семьи — 21 век. 2014. № 2. С. 70–83.

⁴ Miller P. Family structure, personality, drinking, smoking and illicit drug use: A study of UK teenagers. *Drug and Alcohol Dependence*, 1997. P. 128.

⁵ Fagan A.A. & Najman J.M. The relative contributions of parental and sibling substance use to adolescent tobacco, alcohol, and other drug use // *Journal of Drug Issues*. 2005. № 35(4). P. 869–883.

⁶ Trim R.S., Leuthe E. & Chassin L. Sibling influence on alcohol use in a young adult, high-risk sample // *Journal of Studies on Alcohol*. 2006. № 67(3). P. 391–398.

⁷ Young People and Alcohol: The Role of Cultural Influences / Roche A.M., Bywood P.T., Borlagdan J., Lunnay B., Freeman T., Lawton L., Tovell A. & Nicholas R. Adelaide: NCETA, 2007. P. 102.

⁸ Young People and Alcohol: The Role of Cultural Influences / Roche A.M., Bywood P.T., Borlagdan J., Lunnay B., Freeman T., Lawton L., Tovell A. & Nicholas R. Adelaide: NCETA, 2007. P. 99.

⁹ Donovan R., Pettigrew S. A Literature Review of the Factors that Influence Alcohol Consumption and the Effectiveness of Past Interventions. Perth: Curtin University of Technology, 2003. P. 24.

¹⁰ Tartaglia S. Alcohol and social factors among young adults in Italy: The interplay of individual and social factors // *Drugs: education, prevention and policy*. 2014. № 21 (1). P. 65–71.

¹¹ Borsari B., Carey K.B. Peer influences on college drinking: A review of the research // *Journal of Substance Abuse*. 2001. № 13. P. 410.

образом, чтобы соответствовать воспринимаемым групповым нормам, нежели собственным взглядам¹. Например, те, кто воспринимают окружающих как «сильно пьющих», могут пить в схожей манере². Таким образом, влияние норм является сложным и реципрокным процессом. Также стоит отметить, что потребление сверстников сильно влияет на модели поведения в отношении алкоголя, то есть на то, что, сколько и где пьют³.

Необходимость утверждения среди ровесников и желание избежать насмешек являются серьезными стимулами как для инициации в школьном возрасте, так и для дальнейшего потребления алкоголя в студенчестве⁴. Поэтому фактором, влияющим на тип потребления алкоголя студентами, является возраст начала употребления алкоголя. Зарубежными исследователями отмечается, что чем раньше начинается потребление алкоголя, тем больше вероятность того, что подростковое потребление перерастет в проблемное⁵. И наоборот, чем позже молодые люди выпивают свой первый напиток, тем меньше шансов, что они станут регулярными потребителями алкоголя и тем меньше вероятность их питья «на высоком уровне»⁶.

Вовлеченность в спорт неоднозначно влияет на потребление алкоголя молодежью, может выступать усилителем потребления или наоборот. Молодежь, занимающаяся спортом, имеет меньше времени на алкоголь, но может быть включена в культуру питья своих товарищей по спорту, например, после матчей и соревнований или отмечая победы. Таким образом, в среднем студенты, занимающиеся спортом, потребляют меньше алкоголя, чем их сверстники, не занимающиеся им, но первым могут быть присущи другие модели и практики потребления⁷. Однако резонно предположить, что в России влияние спорта может не иметь такого характера, так как в западных странах существует особая культура студенческого спорта, не похожая на отечественную.

Также необходимо отметить значительную роль социокультурной среды, которая является важным фактором, устанавливающим мо-

дели поведения, усваиваемые молодежью как «нормальные». Во многих культурах алкоголь не считается чем-то вредным и опасным, а воспринимается как напиток, ассоциирующийся с весельем, праздниками и достижениями⁸.

Одной из главных задач нашего исследования является построение типологии потребителей алкоголя среди студентов, поэтому необходимо обратить внимание на основу типологий различных авторов (как отечественных, так и зарубежных), чтобы ознакомиться с апробированным инструментарием, на котором основывались классификации в проведенных исследованиях.

Типологии потребления алкоголя

Если говорить о детальности проработки основания классификации, то следует обратить внимание на статью Development and validity of drinking pattern classification: binge, episodic, sporadic, and steady drinkers in treatment for alcohol problems⁹ за авторством Э. Эпштейн и др. Данное исследование посвящено выявлению различий в типах потребления среди взрослых в Нью-Джерси. Типология строится на основе количества дней, когда человек потреблял алкоголь, причем учитываются и те дни, когда респондент воздерживался от потребления. Кроме того, в основе типологии лежит количество дней, когда были употреблены различные виды алкоголя (по степени их крепости) в период 180 дней.

Из-за того, что респонденты сразу же отмечали количество потребленного алкоголя, такие данные в меньшей степени страдают от субъективности, связанной с невозможностью помнить даты потребления алкоголя на протяжении шести месяцев и отметить их в одном опроснике. Таким образом, классификация потребителей алкоголя, приведенная в рамках описанного выше исследования, предоставляет более четкую картину частоты потребления. Однако в собственном исследовании, как уже отмечалось, нас интересуют не количественные данные об объеме потребляемого алкоголя, а скорее практики потребления.

Именно о них идет речь в исследовании З. Котельниковой «Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России». Работа фокусируется на

¹ Borsari B., Carey K.B. Peer influences on college drinking: A review of the research // Journal of Substance Abuse. 2001. № 13. P. 411.

² Donovan R., Pettigrew S. Op. cit. P. 24

³ Donovan R., Pettigrew S. Op. cit. P. 14.

⁴ Ibid. P. 25.

⁵ Donovan R., Pettigrew S. Op. cit. P. 30–31.

⁶ Young People and Alcohol: The Role of Cultural Influences / Roche A.M., Bywood P.T., Borlagdan J., Lunnay B., Freeman T., Lawton L., Tovell A. & Nicholas R. Adelaide: NCETA, 2007. P. 101.

⁷ Donovan R., Pettigrew S. Op. cit. P. 16.

⁸ Donovan R., Pettigrew S. Op. cit. P. 32.

⁹ Epstein E., Labouvie E., McCrady B., Swingle J., Wern J. Development and validity of drinking pattern classification: Binge, episodic, sporadic, and steady drinkers in treatment for alcohol problems // Addictive Behaviors. 2004. № 29. P. 1745–1761.

выделении практик потребления, то есть определении того, что и как пьют, а не на количестве потребляемого алкоголя.

Автор акцентирует внимание на том, что социальные группы и социальная стратификация играют важную роль в изменении культуры потребления алкоголя. Практики в статье понимаются по Бурдые как «схемы привычного поведения, которые служат естественным продолжением образа жизни некоей группы в целом» и были измерены на основе 18 переменных: «виды алкогольных напитков, употребляемых за последние 30 дней; места, где употребляется алкоголь; частота потребления алкоголя за последние 30 дней; связь употребления алкогольных напитков и приема пищи; принадлежность к группе проблемных потребителей алкоголя; принадлежность к группе домашних хозяйств, в которых производятся алкогольные напитки»¹.

Факторный анализ позволил выделить шесть практик потребления алкоголя: к первой относится практически ежедневное потребление пива «до еды и без еды в общественных местах», ко второй — «употребление таких напитков, как коньяк, виски, сухое вино и шампанское в ресторанах и барах, на рабочем месте и в гостях, во время еды»; далее — «ежедневное употребление самогона и крепленого вина в публичных местах и на работе»; четвертая практика характеризуется потреблением водки; к пятой относится самостоятельное изготовление и потребление вина; последняя — потребление алкоголя ежедневно.

В результате кластерного анализа выделились шесть групп, для которых характерны определенные практики потребления алкоголя.

Говоря о типах потребления алкоголя американскими студентами, стоит выделить статью В. Ноерпнер и др. *Daily College Student Drinking Patterns Across the First Year of College*². Исследование, описанное в статье, было направлено на выявление специфических групп по потреблению алкоголя среди студентов и сравнение их между собой во время и после первого учебного года в колледже.

Данные о потреблении исследователи получали с помощью прохождения опроса одними и теми же 588 студентами каждые две недели

и прохождения ими же опросов перед первым учебным годом и после него.

Основой для построения классификации студентов по типам потребления алкоголя являлась информация о количестве выпитых напитков за каждые семь дней; количестве дней, проведенных в колледже до первого дня потребления алкоголя; проценте дней, в которые студент потреблял алкогольные напитки; максимальное количество алкогольных напитков, выпитых в один день. В данном исследовании брались в расчеты только дни, проведенные в колледже, но не за его пределами (например, дома с семьей), так как потребление в колледже и вне его отличается. В результате среди студентов были выделены пять групп по потреблению алкоголя.

Если же говорить о таком способе построения классификации студентов по потреблению алкоголя, то, естественно, частота получения данных от студентов помогает получить результаты, наиболее приближенные к реальности. Однако стоит отметить, что для более качественной классификации требуется большее количество респондентов, так как, по словам самих авторов, некоторые выделенные группы были представлены малым количеством студентов, что «негативно сказалось на статистической значимости групповых сравнений»³.

Еще одним зарубежным исследованием, посвященным классификации студентов в зависимости от особенностей потребления алкоголя, стала работа Ли Странина, Розы Диаз-Мартинез и др. *Drinking Patterns and Victimization among Male and Female Students in Mexico*⁴. В фокусе исследователей были студенты 17–20 лет, обучающиеся на первом курсе университета в Мехико.

Итак, авторы статьи выделили пять групп студентов в зависимости от частоты потребления, количества выпиваемого за день, частоты выпивания более пяти напитков за один день/вечер и последствий, связанных с потреблением алкоголя. Названия групп содержат сочетание частоты потребления алкоголя с привязанным к ней количеством последствий от этого потребления: 1) отсутствие потребления/ред-

¹ Котельникова З. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. Т. 4. № 4. С. 105–112.

² Hoepfner B., Barnett N., Jackson K., Colby S., Kahler C., Monti P., Read J., Tevyaw T., Wood M., Corriveau D., Fingeret A. *Daily College Student Drinking Patterns Across the First Year of College* // J Stud Alcohol Drugs. 2012. № 73(4). P. 613–624.

³ Donovan R., Pettigrew S. *A Literature Review of the Factors that Influence Alcohol Consumption and the Effectiveness of Past Interventions*. Perth: Curtin University of Technology, 2003. P. 32.

⁴ Strunin L., Díaz-Martínez L., Alejandro Di az-Martínez A., Heeren T., Winter M., Kuranz S., Hernández-Ávila C., Fernández-Varela H., Solís-Torres C. *Drinking Patterns and Victimization among Male and Female Students in Mexico* // Alcohol and Alcoholism. 2015. Vol. 50. № 2. P. 226–235.

кое потребление — без последствий; 2) случайное потребление — мало последствий; 3) нормальное потребление — немного последствий; 4) чрезмерное потребление — много последствий; 5) крайне чрезмерное потребление — много последствий.

Данное исследование показывает, что типологию алкогольного потребления можно выстраивать, связывая потребление с определенными последствиями, которые могут за ним последовать, — такая классификация будет полезна и при изучении московских студентов.

Стоит также отметить, что в качестве основания для разделения молодежи по потреблению алкоголя могут являться мотивы и причины его потребления. В статье *Who drinks and why? A review of socio-demographic, personality, and contextual issues behind the drinking motives in young people*¹ Э. Кунтше и соавторы утверждают, что мотивы представляют собой своеобразный каркас потребления алкоголя, основанный на личном опыте, ситуации и ожидании.

Статья является обзором эмпирических исследований, проведенных за последние 15 лет, о причинах потребления алкоголя молодыми людьми (10–25 лет).

Авторы выделили три категории факторов, влияющих на потребление: социально-демографические (пол, возраст), персональные (поиск каких-либо ощущений, низкий уровень самоконтроля, противоречивость, добросовестность, нервозность, конформность, чувство беспокойства) и контекстуальные (культура, особенности ситуации потребления алкоголя).

Исследования показали, что при рассмотрении потребления алкоголя выделяются два типа подростков и молодых людей. Те, кто пьют для усиления мотивов, то есть проявляют с выпивкой черты собственного характера еще более интенсивно, оказались экстравертами, агрессивными и импульсивными личностями. Они более склонны находиться в поиске определенных ощущений, имеют слабый самоконтроль и низкий уровень чувства ответственности. Более того, в такую группу в основном входят лица мужского пола, потребляющие алкоголь в больших количествах, но по конкретным случаям. Судя по всему, утверждают авторы, людям такого типа нравится находиться в состоянии алкогольного опьянения, чего они и пытаются добиться.

¹ Kuntsche E., Knibbe R., Gmel G., Engels R. Who drinks and why? A review of socio-demographic, personality, and contextual issues behind the drinking motives in young people // *Science Direct: Addictive Behaviors*. 2006. № 31. P. 1844–1857.

Те же, кто пьют с целью ослабления мотивов, то есть маскируют черты своего характера при помощи алкоголя, оказались более нервными, менее конформными и имеющими заниженную самооценку. Представители данной группы имеют сложности с идентификацией и описанием собственных эмоций. В основном к данному типу относятся представительницы женского пола с повышенной чувствительностью и тревожностью, с которой и пытаются бороться с помощью алкоголя.

Данная работа демонстрирует, что в качестве основания выделения групп молодых людей по потреблению алкоголя можно использовать мотивы и причины потребления. Тем не менее маловероятно, что данный подход будет заимствован для нашего исследования в связи с невозможностью получения такой подробной и полной информации о личных характеристиках респондентов (черты характера, уровень конформности, добросовестности и пр.).

Далее необходимо сказать, что предполагалось сравнение выделяемых групп по потреблению в России и других странах, однако мы столкнулись с тем, что большинство статей, посвященных проблеме потребления алкоголя, имеют экономическую или медицинскую, но не социологическую направленность. В большинстве случаев в исследованиях потребления алкоголя студентами в России акцент делался на факторах, влияющих на потребление алкоголя, причинах и мотивах его вызывающих, но не на выделении групп по потреблению.

Во многих российских исследованиях не ставилась задача выявить группы потребления алкоголя среди молодежи и, соответственно, не строились классификации студентов по их потреблению алкоголя. В некоторой степени это было рассмотрено в статье П. Зотовой «Факторы, влияющие на потребление алкоголя личностью современного российского общества»². Целью данного исследования было проследить влияние определенных социальных и психологических факторов на потребление алкоголя представителями группы студентов. Кроме прочего, в процессе исследования была также построена типология студентов по потреблению алкогольных напитков.

Разделение студентов на группы было основано на следующих характеристиках: отношение к алкогольным напиткам, частота употребле-

² Зотова П. Факторы, влияющие на потребление алкоголя личностью современного российского общества // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2011. № 9. С. 81–85.

ния алкогольных напитков, причины и мотивы их потребления. Важно отметить, что основание типологии, в том числе на таких характеристиках, как причины и мотивы потребления алкоголя, перекликается с описанной выше статьей Э. Кунтше¹, что показывает распространенность такого способа классификации.

Говоря о способе разделения студентов по группам, стоит отметить неполное, детализированное описание самих исследуемых характеристик, а именно способа их измерения. Однако измерение было основано на закрытых и открытых вопросах, что хорошо показывает мотивы и причины потребления, но может упускать из виду количественный аспект. Таким образом, необходимо отметить, что данная классификация студентов скорее подходит для выделения групп по причинам и мотивам потребления алкоголя, нежели по его потреблению в целом.

Практики потребления алкоголя студентами как основание типологии

Типология студентов в нашем исследовании будет строиться на выделении практик потребления алкоголя. Под практиками по Бурдьё мы будем понимать «схемы привычного поведения, которые служат естественным продолжением образа жизни некой группы в целом»².

В австралийском докладе *Young people and alcohol: the role of cultural influences* потребление алкоголя молодыми людьми в возрасте 14–24 лет рассматривается с точки зрения культуры. Для австралийцев употребление алкогольных напитков является важным элементом их процесса социализации. Это символический знак, дающий возможность создавать и поддерживать различия и образ жизни в пределах установленных социальных границ. Употребление алкогольных напитков как часть культурной жизни молодежи используется для разделения в- и аут-групп, дифференциации своих сверстников и укрепления собственных позиций среди них³.

Одна из наиболее опасных, но довольно распространенных практик употребления алкоголя молодежью Австралии, — «рискован-

ное распитие», которое определяется большим размером группы, наличием людей в сильном алкогольном опьянении, употреблением незаконных наркотиков, намеренной интоксикацией, употреблением заранее принесенного собственного алкоголя и предварительным распитием алкогольных напитков (чтобы быть «навеселе» до планируемого события)⁴.

Авторы отмечают, что, рассматривая практики употребления алкоголя, необходимо сосредоточиться непосредственно на социальном контексте, в котором пьют молодые люди, и на том, как они организуют данную практику в соответствии с социальной средой⁵. Важно не просто знать, что, когда, где и сколько пьют молодые люди, — важно выделить культурные контексты, в которых это происходит. Роль социальных групп и социальных взаимодействий, которые придают смысл социальным контекстам, является ключевой⁶.

Говоря о месте употребления алкоголя, стоит сказать, что молодые люди наиболее часто употребляют алкоголь дома (30%), на вечеринках (33%), в домах друзей (15%). Молодые люди старше 18 лет с меньшей вероятностью будут употреблять алкоголь в общественном месте, например в парке (8,9% против 5,5%, $p < 0,01$)⁷.

Выделяются следующие места употребления алкоголя: собственный дом, дом друга, вечеринка в чьем-нибудь доме, дискотека, ресторан/кафе, паб/клуб, школа/университет, место работы, общественное место (например, парк), автомобиль или другое транспортное средство. Представленная типология будет полезна для составления анкеты исследования.

Молодые люди, которые употребляют алкоголь на рискованном уровне (по крайней мере, еженедельно), как правило, указывали более широкий спектр местоположений. Для них характерно наиболее частое употребление алкоголя в барах, клубах, ресторанах, кафе, в то время как люди, реже употребляющие алкоголь, скорее склонны пить дома или дома у друзей⁸.

Время, когда употребляется алкоголь, также имеет значение: молодые люди чаще употребляют алкоголь в уик-энд, хотя процент потребляющих алкоголь начинает существенно возрастать с четверга⁹.

¹ Kuntsche E., Knibbe R., Gmel G., Engels R. Who drinks and why? A review of socio-demographic, personality, and contextual issues behind the drinking motives in young people // *Science Direct: Addictive Behaviors*. 2006. № 31. P. 1844–1857.

² Котельникова З. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // *Социологические исследования*. 2015. Т. 4. №. 4. С. 105–112.

³ Roche A. et al. *Young people and alcohol: the role of cultural influences* // Adelaide: National Centre for Education and Training on Addiction. 2007. P. 5.

⁴ Op. cit. P. 8.

⁵ Ibid. P. 14.

⁶ Ibid. P. 13.

⁷ Ibid. P. 53.

⁸ Ibid. P. 54.

⁹ Ibid. P. 57.

Таким образом, в нашем исследовании под практиками, на основе которых и будет построена типология, понимаются частота употребления алкоголя, вид употребляемых алкогольных напитков, объем, место, время (день недели) и условия употребления алкоголя (роль социальных групп и социальных взаимодействий).

Цель и задачи исследования

Цель работы: выявить факторы, определяющие тип потребления алкоголя среди студентов.

Задачи.

1. Построение единой типологии студентов по практикам потребления алкоголя (места употребления, употребляемые напитки, с кем чаще пьют, по каким дням недели, чрезмерность потребления, а также частота и объем потребления за раз).

2. Оценка влияния экономических, социальных и демографических факторов на вероятность принадлежности студента к определенному типу потребления алкоголя.

Гипотезы.

1. Мы предполагаем, что на основе практик потребления алкоголя будут выделены следующие типы¹:

- 1) потребление слабоалкогольных напитков дома в одиночестве;
- 2) употребление крепких алкогольных напитков в компании в заведении по выходным;
- 3) нечастое употребление алкоголя в компании дома или в гостях;
- 4) употребление алкоголя в компании вне помещения;
- 5) регулярное потребление слабоалкогольных напитков вне зависимости от дня недели;
- 6) непьющий тип;
- 7) частое потребление алкоголя в большом объеме.

2. Мы предполагаем, что уровень образования не влияет на вероятность студентов принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя.

3. Мы предполагаем, что личный доход не влияет на вероятность студентов принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя.

4. Мы предполагаем, что материальное положение семьи не оказывает влияния на вероятность студентов принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя.

¹ Котельникова З. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. Т. 4. №. 4. С. 109.

5. Мы предполагаем, что пол² влияет на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя:

- 1) вероятность принадлежать к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя, у мужчин будет выше, чем у женщин;
- 2) вероятность принадлежать к типам «Потребление слабоалкогольных напитков дома в одиночестве» и «Нечастое употребление алкоголя в компании дома или в гостях» у женщин будет выше, чем у мужчин.

6. Мы предполагаем, что место проживания³ влияет на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя:

- 1) у студентов, проживающих с родителями, вероятность принадлежать к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя, меньше, чем у студентов, проживающих самостоятельно или в общежитии.

7. Мы предполагаем, что нормы потребления алкоголя в группе друзей влияют на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя:

- 1) вероятность принадлежать к «непьющему типу» потребления меньше, если твои друзья употребляют алкоголь⁴.

8. Мы предполагаем, что структура семьи и внутрисемейные отношения влияют на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя:

- 1) вероятность принадлежать к типу потребления алкоголя, характеризующемуся высокой частотой и объемом потребления, выше у студентов из неполных семей;
- 2) вероятность принадлежать к типу потребления алкоголя, характеризующемуся высокой частотой и объемом потребления, выше у студентов из семей с плохими отношениями между их членами⁵.

9. Мы предполагаем, что активность досуговой жизни влияет на вероятность принадле-

² Tartaglia S. Alcohol consumption among young adults in Italy: The interplay of individual and social factors // Drugs: education, prevention and policy. 2014. № 21 (1). P. 68.

³ Гордеева С., Петухов К. Социально-экономические макрофакторы потребления алкоголя молодежью регионов России // Здоровье семьи – 21 век. 2014. № 2. С. 77.

⁴ Borsari B., Carey K.B. Peer influences on college drinking: A review of the research // Journal of Substance Abuse. 2001. № 13. P. 411.

⁵ Miller P. Family structure, personality, drinking, smoking and illicit drug use: A study of UK teenagers. Drug and Alcohol Dependence. 1997. P. 128.

жать к тому или иному типу потребления алкоголя:

- 1) вероятность принадлежать к типу потребления алкоголя, характеризующемуся высокой частотой и объемом потребления, ниже у студентов с высокой активностью досуговой жизни¹.

10. Мы предполагаем, что субъективные представления о нормах потребления алкоголя в обществе влияют на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя:

- 1) вероятность принадлежать к типу потребления алкоголя, характеризующемуся высокой частотой и объемом потребления, выше у тех студентов, в чьих субъективных представлениях потребление алкоголя в обществе является нормой.

Теоретическая основа исследования

В первую очередь ключевое понятие нашей работы – практики, понимаемые, как уже упоминалось, по П. Бурдье, так как объяснение не нацелено на выделение инструментальных или ценностных причин употребления алкоголя.

«Возможность прогнозировать практики обеспечивается тем, что под действием габитуса (системы предрасположенностей к практике) акторы, которые им обладают, ведут себя определенным образом в определенных обстоятельствах»².

Также были рассмотрены различные факторы, оказывающие воздействие на потребление алкоголя. Отдельно были подробно изучены основные факторы, влияющие на потребление алкоголя молодежью, и их взаимосвязь. Таким образом, все факторы были классифицированы на три группы: демографические (пол, курс обучения, место проживания, тип семьи), экономические (материальное положение семьи, личный доход) и социальные (характер употребления алкоголя среди ближайшего окружения, характер взаимоотношений внутри семьи, способ проведения досуга, наличие опыта проблем, вызванных потреблением алкоголя, убеждение о нормальности потребления алкоголя в обществе).

¹ Разинский Г. Социальная среда как комплекс факторов приобщения/неприобщения к субкультуре потребления молодежью психоактивных веществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 32–37.

² Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 147.

Выборка

Цель и задачи нашего исследования подразумевают использование количественной методологии. Изначально генеральную совокупность исследования составляли все студенты, обучающиеся по образовательным программам высшего образования (бакалавриата, специалитета, магистратуры) в Москве и являющиеся при этом пользователями сети интернет.

Согласно данным сборника «Образование в Российской Федерации: 2014» численность студентов в Москве, обучающихся по образовательным программам высшего образования, равна 887,1 тыс. (2013/14 уч. год)³. По данным TNS, 97% учащихся в Москве хотя бы раз в месяц пользуются интернетом, тогда как доля учащихся, являющихся пользователями социальной сети «ВКонтакте», среди тех, кто пользуется интернетом, равна 95,2%⁴. Таким образом, объем генеральной совокупности равен примерно 817 462 человека (887,1x0,97x0,952).

Учитывая специфику эмпирического объекта, а именно то, что среди студентов московских вузов высока доля проникновения в интернет и социальную сеть «ВКонтакте», а также финансовые и временные рамки, использовался метод онлайн-опроса по потоковой выборке (river sampling)⁵. Главное ограничение данного метода – неслучайность выборки. Это не позволяет генерализировать результаты на всю совокупность московских студентов. Но, учитывая используемые в анализе данных методы и те задачи, которые мы решали, случайность выборки не является необходимым условием.

Распространение онлайн-анкеты происходило во всех доступных группах (где существует возможность оставлять комментарии и записи на стене сообщества) московских вузов в социальной сети «ВКонтакте» в разное время суток и в разные дни недели. Это позволило нам избежать смещения выборки, которое могло быть вызвано тем, что студенты имеют разный распорядок дня и их время использования интернета, а именно посещения социальной сети «ВКонтакте», может различаться. В числе групп, где происходило распространение анкеты,

³ Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. С. 404.

⁴ По данным TNS Web Index. URL: http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2015&set_filter=%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y.

⁵ Разновидность стихийной выборки, когда люди отбираются к участию в опросе посредством таргетированной рекламы или ссылкой на анкету на тех ресурсах в интернете, где обитает целевая группа.

оказались официальные группы вузов, а также различные популярные сообщества, такие как «Подслушано», имеющиеся у большинства вузов. Всего анкета была размещена в 110 сообществах, посвященных московским вузам и студенческой тематике. Они отбирались при помощи поиска по сообществам сети «ВКонтакте», названия вузов являлись ключевыми в процессе поиска.

Сбор данных происходил в течение восьми дней (с 9.04.16 по 16.04.16), были опрошены 3325 респондентов, из которых 2300 подошли под критерии нашей выборки, а 1627 заполнили анкету полностью. Между частично (573) и полностью (1627) заполненными анкетами мы обнаружили значительные различия: по полу (53% девушек среди частично заполненных и 63% среди полностью заполненных), по потреблению алкоголя (9% частично заполнивших анкету респондентов не пьют алкоголь вообще, тогда как среди полностью заполнивших не пьют 16%). Поэтому использовалась база данных, содержащая только полностью заполненные анкеты, что также было обусловлено используемыми при анализе данных методами: кластерный, факторный и регрессионный методы анализа.

Кроме того, произошло смещение выборки в сторону студентов очных отделений вузов. На этапе построения выборки и планирования поля исследования предполагалось, что подобное смещение выборки возможно, соответственно, подразумевалось перевешивание выборки по таким важным характеристикам, как пол респондента и форма обучения. Однако доля обучающихся по очной форме в финальной выборке составила более 95%, тогда как по статистике в Москве только 53,9% студентов учатся на очных отделениях. Перевешивание по форме обучения видится неразумным и несет в себе серьезные изменения в структуре данных, из-за чего было решено исследовать только студентов очных форм обучения. Таким образом, с учетом исследования только студентов очных форм обучения генеральная совокупность составила 440 612 человек.

Также было обнаружено смещение респондентов по полу: 62,6% представительниц женского пола и 37,4% представителей мужского пола, тогда как в генеральной совокупности распределение имеет следующий вид: 50,4% девушек и 49,6% молодых людей. Таким образом, после перевешивания получились следующие веса: $W_{ж} = 0,81$ и $W_{м} = 1,33$.

Анализ данных

Вводная часть

Московское студенчество предположительно является в значительной степени однородной по некоторым социально-демографическим параметрам группой: семейное положение (студенты в подавляющем большинстве не состоят в браке), возраст (16–24 года), уровень собственных доходов (малая часть студентов живет на личные доходы), уровень образования. Исходя из этого можно предположить, что различия в потреблении алкоголя будут заключаться не столько в количестве выпиваемого, сколько в практиках потребления алкоголя (объем, частота, условия потребления).

В этой связи необходимо узнать, какие факторы влияют на различия в практиках употребления алкогольных напитков среди однородной по демографическим показателям социальной группы. Ответ на этот вопрос и представляет собой проблему исследования.

Работа посвящена изучению потребления алкоголя студентами московских вузов очной формы обучения. Данный эмпирический объект был выбран в связи с тем, что студенты имеют некоторые особенности, которые выделяют данную группу в контексте потребления алкоголя среди других: они являются «стартующей» в потреблении алкоголя группой, а также, поскольку структура потребления алкоголя населением меняется вместе со сменой поколений, то, как пьют студенты сейчас, во многом определяет общее потребление алкоголя в будущем.

Целью исследования является выявление факторов, которые влияют на типы потребления алкоголя студентами высших учебных заведений. Соответственно, в ходе анализа данных решались следующие задачи.

1. Построение единой типологии студентов по практикам потребления алкоголя (места употребления, употребляемые напитки, с кем чаще пьют, по каким дням недели, напиваются ли, а также частота и объем потребления за раз).

2. Выявление различных факторов, влияющих на принадлежность к тому или иному типу потребления алкоголя.

Решаемые нами задачи предполагают использование количественной методологии.

В итоговой выборке оказались представители 85 московских вузов, сильного смещения в сторону наиболее крупных учебных заведений не было, что можно увидеть по табл. 1.

В исследовании приняли участие представители как государственных, так и частных вузов. Вузами с наибольшим числом респон-

дентов оказались МГСУ (Московский государственный строительный университет), ГУУ (Государственный университет управления) и РГСУ (Российский государственный социальный университет).

Так же как и с вузами, обнаружилось распределение без серьезных смещений в сторо-

ну отдельных направлений (табл. 2). При этом самым популярным направлением обучения среди ответивших оказались технические науки (584 человека; 35,9%), за ними следуют обучающиеся на экономике, менеджменте и праве (320 человек; 19,7%), затем представители гуманитарных направлений (200 человек; 12,3%).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ ПО ВУЗАМ (с перевзвешиванием по полу)

№	Название	Кол-во	%
1	Московский государственный строительный университет	146	9%
2	Государственный университет управления	98	6%
3	Российский государственный социальный университет	95	6%
4	Российский государственный гуманитарный университет	94	6%
5	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	82	5%
6	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	74	5%
7	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	70	4%
8	Российская таможенная академия	58	4%
9	Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»	58	4%
10	Московский архитектурный институт (государственная академия)	58	4%
11	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	53	3%
12	Московский авиационный институт	51	3%
13	Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова	49	3%
14	Московский физико-технический институт	43	3%
15	Московский энергетический институт	42	3%
16	Московский технический университет связи и информатики	41	3%
	Другие (69 вузов)	482	30%
	Пропущенные	33	2%
	Всего	1627	100%

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ОБУЧЕНИЯ (с перевзвешиванием по полу)

№	Направление	Кол-во	%
1	Технические науки	584	35,9%
2	Экономика, менеджмент, право	320	19,7%
3	Гуманитарные науки	200	12,3%
4	Социальные науки	142	8,7%
5	Естественно-научные	110	6,8%
6	Дизайн и архитектура	85	5,2%
7	Театр, музыка, кино, изобразительные искусства	76	4,7%
8	Медицина, фармацевтика	39	2,4%
9	Сервис, туризм, реклама	36	2,2%
	Другое	36	2,2%
	Всего	1627	100%

При создании анкеты и сборе данных необходимо было учесть особенность темы исследования и вероятность смещения выборки в сторону тех, кто употребляет алкоголь, и игнорировании анкеты непьющими людьми. В связи с этим в анкете было специально указано, что исследуется не только само потребление алкоголя, но и отношение к алкоголю. В результате получилось следующее распределение (табл. 3).

Таблица 3 демонстрирует, что в нашу выборку попали не только употребляющие алкоголь студенты, но и те, кто алкоголь не употребляет, без сильного смещения в сторону пьющих.

Что касается курсов обучения респондентов, то можно увидеть в табл. 4, что, несмотря на заметное большинство представителей 1-го, 2-го и 3-го курсов бакалавриата/ специалитета (467, 368 и 365 человек соответственно), в выборку также попали и обучающиеся на 1-м и 2-м курсах магистратуры, а также 5-м курсе специалитета, то есть анализировались представители всех степеней обучения в вузах. Такое распределение в целом соответствует реальному:

по статистическим данным на 1 октября 2014 года, количество студентов бакалавриата/ специалитета очной формы в государственных и негосударственных вузах составляло 399 169 человек, магистратуры – 35 188 человек. То есть студенты магистратуры составляют около 8,8% от общего числа обучающихся в вузах, их количество в нашей выборке приближено к реальности (6,1% выборки).

Методы подготовки и анализа данных

Типологический анализ практик потребления алкоголя

Для решения задачи построения типологии студентов по практикам потребления алкоголя (задача 1) использовался иерархический кластерный анализ.

Практики потребления изучались при помощи семи вопросов (около 40 переменных в базе данных), измеряющих разные составляющие практик потребления: частота, объем за раз, потребление по дням недели, употребляемые напитки, частота потребления в различных местах, с кем происходит потребление, факт наличия/отсутствия чрезмерного потребления.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ЧАСТОТЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ (с перевзвешиванием по полу)

№	Частота	Кол-во	%
1	2–3 раза в месяц	292	17,9%
2	Примерно раз в неделю	286	17,6%
3	Не употребляют	269	16,6%
4	Несколько раз в год	266	16,3%
5	Примерно раз в месяц	246	15,1%
6	2–3 раза в неделю	132	8,1%
7	Раз в год и реже	79	4,9%
8	Практически каждый день	57	3,5%
9	Всего	1627	100%

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КУРСУ ОБУЧЕНИЯ (с перевзвешиванием по полу)

№	Курс	Кол-во	%
1	1-й курс (бакалавриат/ специалитет)	467	29,0%
2	2-й курс (бакалавриат/ специалитет)	368	22,9%
3	3-й курс (бакалавриат/ специалитет)	365	22,7%
4	4-й курс (бакалавриат/ специалитет)	283	17,6%
5	1-й курс (магистратура)	75	4,6%
6	2-й курс (магистратура)	24	1,5%
7	5-й курс (специалитет)	27	1,7%
	Всего	1610	100%

В силу этого было принято решение в первую очередь оценить несколько небольших кластерных моделей по разным основаниям, а именно:

- 1) употребляемые напитки;
- 2) частота потребления в различных местах;
- 3) частота потребления и объем за один раз;
- 4) окружение при потреблении алкоголя (с кем, в какой компании).

Предполагалось проанализировать сопряженность данных кластерных моделей и вручную построить единую типологию. Однако анализ таблиц сопряженности не дал содержательных и насыщенных для интерпретации результатов. Это можно объяснить тем, что данные модели отражают разные компоненты потребления и классифицируют людей не столько по общим практикам потребления алкоголя, сколько выделяют типологии по микроаспектам различных практик потребления. Такие аспекты совершенно необязательно при анализе пересечений моделей могут вылиться в единую типологию практик потребления.

В силу результатов этого предварительного анализа были построены варианты типологий по всем аспектам практик потребления одновременно. Построение типологии по 40 имеющимся переменным не представлялось разумным в силу сложностей как построения (разный вклад переменных), так и интерпретируемости полученных кластеров, поэтому предварительно было реализовано снижение размерности, то есть уменьшение количества переменных. При этом мы старались уменьшить количество анализируемых переменных с минимальной потерей изначальной информации. Для этого мы воспользовались результатами мини-кластерных моделей, которые были построены по разным составляющим потребления, они позволили выделить наиболее информативные переменные.

В итоге было решено не использовать некоторые переменные, которые не несли глубокой содержательной нагрузки и никак не влияли на принадлежность к типам потребления, то есть не являлись дифференцирующими критериями при кластеризации. В числе исключенных из анализа переменных оказались:

- 1) потребление с друзьями;
- 2) потребление с незнакомыми людьми;
- 3) потребление напитков собственного приготовления;
- 4) потребление крепких вин и ликеров;

5) потребление коктейлей промышленного производства.

Кроме того, некоторые переменные были сгруппированы: например, потребление рома, коньяка, виски, текилы, абсента было сгруппировано в переменную «крепкий алкоголь (кроме водки)», потребление вина и шампанского — в «легкий алкоголь», пива и сидра — в «пивные напитки».

Таким образом, мы смогли уменьшить количество переменных, по которым строилась типология, в два раза (19 вместо 40).

Общая кластерная модель включила следующие переменные: виды употребляемых напитков; частота употребления в различных местах; частота потребления и количество напитков, выпиваемых за один раз; с кем потребляется алкоголь; наличие/отсутствие потребления алкоголя в определенные дни недели (пятница и выходные); факт наличия/отсутствия чрезмерного потребления. В процессе подготовки данных все переменные (как порядковые, так и количественные) были стандартизированы путем приведения к диапазону от 0 до 1, что позволило использовать их одновременно в рамках одной кластерной модели.

После расчетов нескольких вариантов кластеризации мы остановились на наиболее насыщенной и интерпретируемой модели, состоящей из пяти кластеров (также вручную был добавлен отдельный кластер «Непьющие»). Эта модель, по нашему мнению, выявила наиболее содержательные для анализа группы по практикам потребления алкоголя.

Выбор данной модели, кроме того, был обусловлен ограничениями мультиномиальной логистической регрессии, которая использовалась для выявления факторов, влияющих на принадлежность к тому или иному кластеру. Большое количество мало наполненных категорий в зависимой переменной означает риск плохих результатов модели. Другие рассчитанные нами кластерные модели, с большим количеством кластеров, имели слишком маленькую наполненность некоторых групп и характеризовались менее существенными различиями между ними. Выбранная модель строилась методом внутригрупповых связей, а мерой дистанции был выбран квадрат Евклидова расстояния. В итоговой модели все же есть два относительно мало наполненных кластера (3 и 4) в относительном выражении, однако объем нашей выборки (1627 респондентов) и количественная наполненность этих кластеров в абсолютном выражении позволяют использовать данную модель.

Для решения задачи выявления влияния различных факторов на вероятность принадлежать к определенному типу потребления алкоголя (задача 2) необходимо было отобрать независимые переменные. Для этого было оценено несколько факторных моделей методом главных компонент для снижения размерности у некоторых предикторов, а именно форма проведения досуга, восприятие нормальности потребления алкоголя в обществе, характер отношений внутри семьи и потребление алкоголя окружением респондента.

Факторный анализ досугового поведения

Из факторного анализа была исключена переменная «пассивный отдых», так как она плохо объяснялась факторной моделью – процент объясненной дисперсии данной переменной в модели был $< 0,2$. Остальные переменные хорошо объяснились моделью: их процент объясненной дисперсии $> 0,45$.

Критерий Кайзера – Мейера – Олкина (0,829) утверждает, что есть компактное скопление коррелирующих переменных и их взаимосвязь объясняется латентными признаками. Статистическая значимость ($\text{sig}=0,000$) теста сферичности Бартлетта указывает, что совместное распределение данных переменных не является сферичным. Таким образом, проверочные тесты позволяют говорить о том, что использование факторного анализа на этих переменных допустимо.

Всего было выявлено шесть факторов, которые в сумме объясняют 54% вариации выбранных переменных (табл. 12 Приложения).

Было применено ортогональное вращение факторных осей методом *varimax*. Это позволило улучшить интерпретируемость факторов и повысить некоторые факторные нагрузки. Необходимо заметить, что было применено именно ортогональное вращение, без смещения осей друг к другу, так как нет никаких теоретических предпосылок полагать, что факторы являются взаимосвязанными.

Факторы можно проинтерпретировать следующим образом.

Фактор 1. «Досуг, связанный с посещением массово-развлекательных мест» – потребительское свойство проведения досуга, то есть посещение различных заведений (бары, рестораны, кафе) и массово-развлекательных мест (кино, встречи с друзьями, массовые мероприятия).

Фактор 2. «Культурный досуг» – отражает культурное свойство проведения досуга: посе-

щение музеев и театров, чтение книг и занятие хобби.

Фактор 3. «Активный спортивный досуг» – активное свойство проведения досуга, выражающееся в спортивной деятельности, причем как самостоятельном занятии спортом или активным досугом, так и посещении спортивных мероприятий.

Фактор 4. «Спокойный досуг» – свойство спокойного проведения досуга. Он характеризуется домашним просмотром фильмов и сериалов, встречами с друзьями, прогулками в парках, чтением книг и проведением досуга в интернете.

Фактор 5. «Визуальный досуг» – свойство, характеризующееся посещением кинотеатров, просмотром ТВ и шопингом.

Фактор 6. «Компьютерные игры» – свойство проведения досуга за компьютерными играми.

В силу наличия большого количества предикторов в регрессионных моделях было принято решение использовать в качестве предикторов только первые четыре фактора, так как именно они являются наиболее содержательно значимыми и потенциально влияющими на принадлежность к тому или иному кластеру; кроме того, 5-й и 6-й факторы объясняют наименьшую долю дисперсии.

Факторная модель восприятия потребления алкоголя в обществе как нормы

Восприятие алкоголя в обществе измерялось через согласие или несогласие с набором пяти суждений по шкале от -2 (совершенно не согласен) до 2 (совершенно согласен). Использование нескольких суждений, а не одного позволило обеспечить более высокую надежность и устойчивость выявленного отношения респондентов. Однако для формирования одной переменной необходимо было снизить размерность, для чего был использован метод главных компонент.

Значение критерия КМО (0,801) показывает, что наблюдается скопление коррелирующих переменных, корреляцию которых можно объяснить с помощью латентных признаков. А значимость теста сферичности Бартлетта ($\text{sig}=0,000$) показывает, что мы не можем принять гипотезу о сферичности совместного распределения переменных. Проверочные тесты указывают на то, что применение факторного анализа возможно.

Итоговая модель хорошо описывает вариацию каждой изначальной переменной, по всем

переменным процент объясненной дисперсии $> 0,5$.

В результате был выявлен один фактор, который объясняет 56% общей вариации анализируемых переменных. Данный фактор можно проинтерпретировать как «убеждение об общепринятости потребления алкоголя в обществе».

Индекс взаимоотношений в семье

Также был построен индекс по вопросам-оценкам: «взаимоотношения внутри семьи» и «отношение родителей/опекунов к респонденту», шкала от -2 (очень холодные) до 2 (очень теплые). Мы полагаем, что данная переменная описывает именно характер внутрисемейных отношений. В результате были просуммированы оценки по обоим переменным и получилась порядковая переменная с градациями от -4 до 4, где -4 – крайне холодные семейные отношения, а 4 – очень теплые.

Факторный анализ по типам потребления алкоголя окружением респондента

Кроме того, был реализован факторный анализ на дихотомических переменных по характеру потребления алкоголя окружением респондента (друзья-девушки, друзья-юноши, партнер, отец (или опекун мужского пола) и мать (или опекун женского пола). По каждому объекту окружения были созданы четыре дихотомические переменные (описано значение, соответствующее единице): 1) у респондента есть данный объект окружения; 2) этот объект потребляет больше алкоголя, чем респондент; 3) этот объект потребляет алкоголь чаще, чем респондент; 4) этот объект предпочитает крепкие напитки. В итоге были сформированы 20 переменных.

Проверочные тесты показали, что применение факторного анализа допустимо на данных переменных: КМО = 0,765, а тест сферичности Бартлетта статистически значим на уровне 0,000. Модель объясняет больше 0,4 дисперсии отдельно каждой взятой в анализ переменной, а доля общей объясненной дисперсии равна 64%.

Кроме того, было применено ортогональное вращение факторных осей методом varimax. Это позволило значительным образом улучшить интерпретируемость факторов и повысить многие факторные нагрузки. Было применено именно ортогональное вращение, без смещения осей друг к другу, так как нет никаких теоретических предпосылок полагать, что факторы являются взаимосвязанными (табл. 13).

Фактор 1. «Сильное потребление друзей-юношей» – потребление алкоголя большинством друзей-юношей чаще и больше, в том числе и крепких алкогольных напитков.

Фактор 2. «Сильное потребление отца» – потребление алкоголя отцом больше и чаще, в том числе и крепких алкогольных напитков.

Фактор 3. «Сильное потребление партнера» – потребление алкоголя партнером чаще и больше, в том числе и крепких алкогольных напитков.

Фактор 4. «Интенсивное потребление друзей и подруг» – подруги чаще и больше употребляют алкоголь, также юноши употребляют его чаще и больше.

Фактор 5. «Сильное потребление матери» – потребление алкоголя матерью чаще и больше, в том числе крепких напитков.

Фактор 6. «Потребление крепких напитков большинством подруг» – большинство подруг употребляют алкоголь и предпочитают крепкие напитки.

Регрессионный анализ факторов, влияющих на тип потребления алкоголя

Далее нами была оценена мультиномиальная логистическая регрессионная модель, целью которой было выявить наличие, силу и направленность влияния определенных факторов на вероятность принадлежности к тому или иному типу потребления алкоголя.

В качестве зависимой переменной выступала полученная в ходе кластерного анализа номинальная переменная, соответствующая шести кластерам – типам потребления алкоголя (включая кластер «Непьющие»).

С целью определения наиболее подходящего набора регрессоров сначала были выявлены наименее влияющие предикторы (статистическая значимость которых ни для одного типа потребления не превышала 0,1): время, затрачиваемое на учебу, наличие работы, тип населенного пункта, в котором студент вырос, уровень дохода семьи, фактор сильного потребления алкоголя матерью и место проживания.

Затем нами были оценены 56 регрессионных моделей, в которых мы поочередно убрали эти переменные (по одной и в комбинациях) и чередовали переменные «проживание с родителями» и «проживание в общежитии». Для каждой модели была определена доля статистически значимых предикторов (уровень доверительной вероятности = 0,9) в их общем количестве, и в результате была выбрана модель, в которой процент таких предикторов был наибольшим,

так как важнее было показать все разнообразие статистически значимых факторов.

Результаты эмпирического анализа типов и факторов потребления алкоголя студентами вузов Москвы

Описательная статистика

Рассмотрим распределение основных характеристик опрошенных студентов. Далее везде представлены результаты с учетом перевзвешивания выборки по полу.

В итоговой выборке представлены студенты разного возраста, возраст которых варьируется от 17 до 33 лет. Модальным значением является 20 лет, медиана – 20 лет, средний возраст – 19,9 года.

В выборку попали примерно в равных долях респонденты, отметившие в анкете наличие партнера, то есть парня/девушки (50,5%), и те, у кого партнер отсутствует (45,8%). В выборке оказались и состоящие в браке студенты, но в табл. 5 видно, что их немного (3,7%), что подтверждает наше исходное утверждение о том, что студенты являются достаточно однородной группой по социально-демографическим показателям (в том числе и по семейному положению).

Таблица 5
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО НАЛИЧИЮ ПАРТНЕРА (в том числе супруга/супруги)

№	Наличие партнера	%
1	Да, парень/ девушка	50,5
2	Нет	45,8
3	Да, супруг/супруга	3,7
Total		100

N = 1627.

Большая часть респондентов выросла в полной семье (77,3%), в выборке оказались так-

Таблица 8
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО УРОВНЮ ЛИЧНОГО ДОХОДА

№	Уровень личного дохода	Кол-во	%
1	До 5000 рублей	415	25,5%
2	Не было личного дохода	302	18,6%
3	От 5001 рублей до 10 000 рублей	277	17,0%
4	От 10 001 до 15 000 рублей	213	13,1%
5	Более 30 000	163	10,0%
6	От 15 001 до 20 000 рублей	134	8,3%
7	От 20 001 до 30 000 рублей	123	7,5%
Всего		1627	100%

же и представители других типов семьи, включая неполную семью с отцом (0,7%) и сирот, выросших в детских домах (0,5%) (табл. 6).

Таблица 6
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТИПУ СЕМЬИ, В КОТОРОЙ ВЫРОС РЕСПОНДЕНТ

№	Тип семьи	%
1	Полная	77,3
2	В неполной семье с матерью	19,2
3	С другими родственниками	2,2
4	В неполной семье с отцом	0,7
5	Сирота, вырос в детском доме	0,5
Всего		100

В выборку вошли и те, кто занимается фрилансом или проектной деятельностью, работающие неполный и полный рабочие дни, при этом превалирует доля неработающих (61,5%) (табл. 7).

Таблица 7
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО НАЛИЧИЮ РАБОТЫ

№	Наличие работы	%
1	Нет, не работаю	61,5
2	Фриланс или проектная занятость	16,3
3	Да, неполный рабочий день	15,9
4	Да, полный рабочий день	6,3
Всего		100

В выборку вошли студенты с разным уровнем дохода (табл. 8). При этом выше всего доля респондентов с доходом до 5000 рублей (25,5%), а ниже всего – с доходом от 20 001 до 30 000 рублей в месяц (7,5%).

Примерно половина респондентов выросла в Москве или Санкт-Петербурге (49,9%), наименьшая часть росла в сельской местности или закрытом городе (2,2 и 1,1% соответственно) (табл. 9).

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТИПУ НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА, ГДЕ ВЫРОС РЕСПОНДЕНТ

№	Населенный пункт	Кол-во	%
1	Москва или Санкт-Петербург	812	49,9
2	Город от 100 тыс. до 500 тыс. жителей	257	15,8
3	Город 100 тыс. жителей и менее	187	11,5
4	Город от 500 тыс. до 1 млн жителей	118	7,3
5	Поселок городского типа	116	7,1
6	Город более 1 млн жителей	85	5,2
6	Сельская местность	36	2,2
7	Закрытый город	17	1,1
Total		1627	100,0

N = 1627.

Наиболее распространенный возраст начала потребления алкоголя по нашей выборке – 17 лет (17,9%), 16 лет (16,8%) и 18 лет (16,5%).

Решение поставленных задач

Задача 1. Построение единой типологии студентов по практикам потребления алкоголя (места употребления, употребляемые напитки, с кем чаще пьют, по каким дням недели, чрезмерность потребления, а также частота и объем потребления за раз). Полученные в ходе кластерного анализа группы по практикам потребления алкоголя можно охарактеризовать следующим образом (центры кластеров приведены в табл. 13 Приложения).

Неаву-любители выпить все и со всеми – 27% в выборке. Представители этой группы пьют примерно раз в неделю (медианное значение). За один раз в среднем выпивают 4–5 стандартных порций напитка. Большинство (57%) предпочитают потреблять по пятницам и выходным, остальные (43%) вне зависимости от дня недели. Две трети хотя бы изредка напиваются. Что касается мест употребления, чаще всего (медианное значение «1–2 раза в месяц») эта группа пьет дома, в гостях и в заведениях и изредка (один-два раза в год) в общественных местах. В числе тех, с кем чаще всего пьют (максимум – три ответа), однокурсников отметили 51%, знакомых и соседей – 33%, партнера – 29%, родителей и родственников – 17%. То есть группа характеризуется широким разбросом состава окружения при потреблении. Кроме того, данная группа характеризуется широким набором напитков, которые потребляли ее представители за последние полгода: вино и/или шампанское – 88%, пиво и/или сидр – 94%, водка – 80%, крепкий алкоголь – 92%, барные коктейли – 73%, ликеры и/или

крепленые вина – 80%. Средний возраст начала употребления алкоголя – 16 лет. Социально-демографический портрет группы: 58% мужчин, средний возраст – 19,8 года.

Потребители легкого алкоголя – 33% в выборке. Эта группа характеризуется нечастым потреблением алкоголя (медианное значение – «примерно раз в месяц») и небольшим количеством выпиваемых за раз порций – три напитка. Основная часть (62%) пьет по пятницам и выходным, небольшая часть (19%) изредка напивается. Представители группы предпочитают пить дома, в гостях и в заведениях – в этих местах они потребляют алкоголь один-два раза в год. В числе тех, с кем респондент предпочитает пить, родителей указали 44% представитель группы, однокурсников – 23%. Наибольшая доля представителей группы пьет вино и/или шампанское (78%), несколько меньше – пивные напитки (41%) и крепкий алкоголь (47%). Средний возраст начала употребления алкоголя – 16,5 года. Социально-демографический портрет группы: 61% женщин, средний возраст – 19,8 года.

Любители пригубить с близкими – 8% в выборке. Представители этой группы нечасто потребляют алкоголь (медианное значение – «примерно раз в месяц») и выпивают в среднем два-четыре напитка за один раз. Основная часть (62%) пьет по пятницам и выходным, и лишь четверть членов группы хотя бы изредка напивается. Дома и в гостях представители кластера пьют примерно два-три раза в полгода, а в заведениях только один-два раза в год. Эта группа ярко характеризуется тем, что 100% ее состава пьют с партнером и 55% с родителями и родственниками. Что касается употребляемых напитков, то 92% пили вино и/или шампанское за последние полгода, 47% – пив-

ные напитки и 42% – крепкий алкоголь (кроме водки). Средний возраст начала употребления алкоголя – 16,5 года. Социально-демографический портрет группы: 79% женщин, средний возраст – 20,3 года.

Одинокие heavy-потребители – 6% в выборке. Эта группа характеризуется очень частым потреблением алкоголя – два-три раза в неделю и большим количеством выпиваемых за один раз напитков – четыре-пять. Две трети группы пьют вне зависимости от дня недели, при этом 84% представителей группы хотя бы изредка напиваются. Потребление алкоголя происходит во всех местах: дома, в гостях и заведениях – один-два раза в месяц, в общественных местах – раз в пару месяцев (наибольший показатель среди всех групп). Почти все (92%) в кругу тех, с кем обычно пьют (три ответа), отметили, что пьют одни, 37% отметили однокурсников. Что касается напитков, которые потреблялись за последние полгода, то тут наблюдается широкий охват: вино и/или шампанское – 81%, пиво и/или сидр – 99%, водка – 89%, крепкий алкоголь – 100%, барные коктейли – 41%, ликеры и/или крепленые вина – 77%. Средний возраст начала употребления алкоголя – 15 лет. Социально-демографический портрет группы: 79% мужчин, средний возраст – 20 лет.

Любители напиться по выходным на «хате» – 10% в выборке. В среднем пьют два-три раза в месяц и выпивают по три-четыре напитка. Большинство (72%) пьют по пятницам и выходным, и 75% хотя бы иногда напиваются. Дома и в гостях пьют один-два раза в месяц, в заведениях пьют два-три раза в полгода. В числе тех, с кем пьют (максимум – три ответа), 49% отметили однокурсников, 29% – знакомых/соседей, 25% – родителей и родственников. За последние полгода респонденты данной группы пили: вино и/или шампанское – 79%, пиво и/или сидр – 98%, водку – 71%, крепкий алкоголь – 89% и практически не пили барные коктейли (только 14%) и ликеры и крепленые вина (7% представителей группы). Средний возраст начала употребления алкоголя – 15,9 года. Социально-демографический портрет группы: 67% мужчин, средний возраст – 19,8 года.

Непьющие – 16,5% в выборке. Те, кто на вопрос о частоте потребления алкоголя ответил, что вообще не потребляет алкоголь. Социально-демографический портрет группы: 51% мужчин, средний возраст – 19,9 года.

Таким образом, **гипотеза 1 подтвердилась частично: только по некоторым составляющим**

практик употребления алкоголя предполагаемые типы соотносятся с получившимися.

Например, предполагаемая группа «употребление крепких алкогольных напитков в компании в заведениях по выходным» по таким основаниям, как «с кем», «где» и «когда», в целом соотносится с получившимся кластером «heavy-любители выпить все и со всеми», но не соотносится по части напитков, а предполагаемый тип «не очень частое потребление алкоголя в компании (дома или в гостях)» похож на «любители напиться по выходным на “хате”» по части мест употребления, «с кем» и частоты. Тип «регулярное потребление слабоалкогольных напитков вне зависимости от дня недели» по типу напитков и месту употребления частично соотносится с группами «любители пригубить с близкими» и «потребители легкого алкоголя».

Частота употребления алкоголя в различных местах не является дифференцирующим признаком между кластерами. Если человек часто употребляет алкоголь, он одинаково часто делает это как дома, так и в гостях и/или заведениях. Схожая ситуация наблюдается и с напитками: у групп, характеризующихся высоким уровнем потребления алкоголя, наблюдается фрагментарное потребление напитков. Это может быть связано с тем, что респонденты отмечали все употребляемые ими напитки за последние полгода. Так, в анализ могли попасть как наиболее, так и наименее часто употребляемые напитки.

Задача 2. Оценка влияния экономических, социальных и демографических факторов на вероятность принадлежности студента к определенному типу потребления алкоголя.

Стоит сказать, что по критерию отношения правдоподобия полученная модель является качественной (значимость $>0,1$, табл. 17 Приложения). Кроме того, критерий согласия с использованием корреляции Пирсона показывает, что модель подходит данным (значимость $>0,1$, табл. 18 Приложения).

Исследование фокусировалось на выборе алкогольных напитков и практики их употребления в однородной по определенным демографическим показателям социальной группе: возраст (16–24 года), относительно низкий уровень собственных доходов, схожий уровень образования. Так как возраст студента сильно коррелирует с курсом его обучения (статистически значимый коэффициент корреляции Пирсона равен 0,708), в качестве предиктора в регрессионном уравнении было решено оставить именно курс обучения.

Мы предполагали, что курс обучения и личный доход не оказывают влияния на вероятность студентов принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя (*гипотеза 2, гипотеза 3*).

Гипотеза 2 об отсутствии влияния курса обучения на вероятность студентов принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя не подтвердилась: при увеличении курса обучения на единицу вероятность принадлежать к группе «Неаву-любители выпить все и со всеми» по сравнению с группой «Непьющие» снижается на 20%. При увеличении курса обучения на единицу вероятность принадлежать к группе «Потребители легкого алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие» снижается на 17%. При увеличении курса обучения на единицу вероятность принадлежать к группе «Одиноким heavy-потребителям алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие» снижается на 23%.

Иными словами, при прочих равных, чем выше курс обучения, тем менее вероятно студент принадлежит к группам «Неаву-любители выпить все и со всеми», «Потребители легкого алкоголя» и «Одиноким heavy-потребителям». То есть с увеличением курса обучения вероятнее, что студент употребляет меньше алкоголя и не делает это в чрезмерной форме. Можно предположить, что это связано со все большей вовлеченностью студентов в учебный и рабочий процессы. А также, возможно, с тем, что происходит эффект «насыщения», то есть с возрастом «интерес» к потреблению алкоголя снижается.

Гипотеза 3 об отсутствии влияния личного дохода на вероятность студентов принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя не подтвердилась: при увеличении личного дохода студента на единицу градации вероятность принадлежать к группе «Неаву-любители выпить со всеми» по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается на 16%. При увеличении личного дохода студента вероятность принадлежать к группе «Любители пригубить с близкими» по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается на 18%.

Иными словами, при прочих равных условиях, чем больше у студента личный доход, тем более вероятно студент принадлежит к группам «Неаву-потребители» и «Любители пригубить с близкими». То есть увеличение личного дохода студента делает более вероятным heavy-потребление и/или легкое потребление в кругу близких. Это подтверждается предыдущими исследованиями, где было эмпирически установ-

лено, что потребление алкоголя увеличивается с ростом доходов¹.

В других исследованиях (в том числе в обширном исследовании ВОЗ), которые были посвящены изучению подросткового потребления алкоголя, было выявлено отсутствие связи между потреблением алкоголя (включая практики) и социоэкономическим статусом семьи². В связи с этим предполагалось, что материальное положение студента (учитывая личный доход, помощь родителей и иные финансовые поступления) не оказывает влияния на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя (*гипотеза 4*).

Гипотеза 4 о том, что материальное положение не оказывает влияния на вероятность студентов принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя, подтвердилась: влияние экономического статуса семьи оказалось статистически незначимым для каждого из выявленных типов потребления алкоголя. Иными словами, при прочих равных, материальное положение студента не влияет на то, как он потребляет алкоголь.

В изученных нами зарубежных и российских исследованиях было установлено, что среди студентов потребление алкоголя зависит в первую очередь от таких социально-демографических характеристик, как пол³ и место проживания⁴. Так, мы предполагали, что пол влияет на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя: вероятность мужчин принадлежать к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя, будет выше, чем у женщин⁵ (*гипотеза 5*).

Гипотеза 5 о том, что пол влияет на вероятность принадлежности к тому или иному типу потребления алкоголя (вероятность мужчин принадлежать к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя, будет выше, чем у женщин), подтвердилась частично: влияние пола

¹ Andrienko Y., Nemtsov A. Estimation of Individual Demand for Alcohol. Economics Education and Research Consortium Working Paper Series. 2005. № 05/10.

² Young People and Alcohol: The Role of Cultural Influences / Roche A.M., Bywood P.T., Borlagdan J., Lunnay B., Freeman T., Lawton L., Tovell A. & Nicholas R. Adelaide: NCETA, 2007. P. 92.

³ Tartaglia S. Alcohol consumption among young adults in Italy: The interplay of individual and social factors // Drugs: education, prevention and policy. 2014. № 21 (1). P. 68.

⁴ Гордеева С., Петухов К. Социально-экономические макрофакторы потребления алкоголя молодежью регионов России // Здоровье семьи – 21 век. 2014. № 2. С. 77.

⁵ Котельникова З. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. Т. 4. № 4. С. 109.

оказалось статистически незначимым для типа «Heavy-любители выпить со всеми». Однако, если студент мужского пола, вероятность принадлежать к группе «Потребители легкого алкоголя» и к группе «Любители пригубить с близкими» по сравнению с группой «Непьющие» уменьшается на 64 и 63% соответственно.

Так, при прочих равных, пол не влияет на вероятность принадлежать к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя. То есть и девушки-студенты, и юноши-студенты могут принадлежать к группе «Heavy» с равной вероятностью. В то же время пол оказывает существенное влияние на принадлежность к таким типам потребления, как «Потребители легкого алкоголя» и «Потребители с близкими». Таким образом, данные типы потребления алкоголя можно характеризовать как «женские».

Также мы предполагали, что вероятность того, что студенты, проживающие с родителями, будут принадлежать к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя, меньше, чем у студентов, проживающих самостоятельно или в общежитии¹ (*гипотеза б*).

Гипотеза б о том, что вероятность студентов, проживающих с родителями, принадлежать к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя, меньше, чем у студентов, проживающих самостоятельно или в общежитии, подтвердилась частично: влияние места проживания оказалось статистически незначимым для типов, характеризующихся высоким потреблением алкоголя. Однако если студент проживает с родителями, то вероятность того, что он будет принадлежать к группе «Любители пригубить с близкими» по сравнению с группой «Непьющие», уменьшается на 47%. Иными словами, при прочих равных, и студенты, проживающие с родителями, и студенты, проживающие в общежитии, с равной долей вероятности могут принадлежать к группам «heavy-потребителей». Но проживание студента с родителями уменьшает вероятность попадания его в группу «Потребители в кругу близких».

В литературе отмечено, что наличие постоянного партнера отрицательно влияет на потребление алкоголя². Модели поведения родителей в отношении алкоголя тоже влияют на подростковое и последующее потребление алко-

го: дети, чьи родители пьют алкоголь, склонны следовать их примеру³. Аналогичная ситуация и с близким окружением: студенты стараются вести себя таким образом, чтобы больше соответствовать воспринимаемым групповым нормам, нежели собственным взглядам⁴.

На основе этого мы пришли к выводу, что на поведение индивида оказывает влияние его окружение: партнер, родители, близкие друзья. Предполагалось, что характер потребления алкоголя среди близкого окружения студента оказывает влияние на вероятность его принадлежности к тому или иному типу потребления алкоголя: чем более интенсивный характер имеет употребление алкоголя близким окружением студента, тем более вероятно он принадлежит к типам, характеризующимся высоким потреблением алкоголя (*гипотеза 7*).

Гипотеза 7 о том, что характер потребления алкоголя среди близкого окружения студента оказывает влияние на вероятность его принадлежности к тому или иному типу потребления алкоголя, подтвердилась частично: при увеличении выраженности фактора интенсивного потребления алкоголя партнером на единицу вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Любители пригубить с близкими» по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается в 2,2 раза; к группе «Heavy-любители выпить со всеми» – увеличивается на 44%. Иными словами, при прочих равных, чем больше и чаще пьет партнер студента, тем вероятнее студент будет принадлежать к типам «Потребители с близкими» и «Heavy-любители выпить все и со всеми».

При увеличении выраженности фактора интенсивного характера потребления алкоголя матерью на единицу вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие» уменьшается на 34%; к группе «Любители напиток по выходным на “хате”» – уменьшается на 32%; к группе «Heavy-любители выпить все и со всеми» – уменьшается на 30%; к группе «Семейные потребители легкого алкоголя» – уменьшается на 16%. Таким образом, при прочих равных, чем больше и чаще пьет мать студента (по сравнению с респондентом), тем менее вероятно он будет принадлежать к типам, характеризующимся высо-

¹ Гордеева С., Петухов К. Социально-экономические макрофакторы потребления алкоголя молодежью регионов России // *Здоровье семьи* – 21 век. 2014. № 2. С. 77

² Tartaglia S. Alcohol consumption among young adults in Italy: The interplay of individual and social factors // *Drugs: education, prevention and policy*. 2014. № 21 (1). P. 68.

³ Young People and Alcohol: The Role of Cultural Influences / Roche A., Bywood P., Borlagdan J., Lunnay B., Freeman T., Lawton L., Tovell A. & Nicholas R. Adelaide: NCETA, 2007. P. 99.

⁴ Borsari B., Carey K. Peer influences on college drinking: A review of the research // *Journal of Substance Abuse*. 2001. № 13. P. 411.

ким потреблением алкоголя. Иными словами, употребление алкоголя матерью делает менее вероятным активное потребление алкоголя студентом. Хотя стоит оговориться, что это может быть обусловлено тем, что те, кто в принципе мало пьет, могли оценивать потребление матери как «выше нормы». При этом совсем не обязательно, что ее потребление носит чрезмерный и активный характер.

При увеличении выраженности фактора интенсивного характера потребления алкоголя отцом на один пункт вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Потребители легкого алкоголя», по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается на 21%. Так, при прочих равных, чем больше и чаще пьет отец, тем вероятнее, что студент будет употреблять легкий алкоголь с семьей. Интересно, что влияние потребления алкоголя матерью чаще является статистически значимым, чем отцом. Но, опять же, это может быть результатом того, что мужчины старшего возраста в принципе пьют больше, чем респонденты, при этом это не значит, что их отцы являются heavy-потребителями.

При увеличении выраженности фактора интенсивного характера потребления алкоголя близкими друзьями-юношами на один пункт вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Любители напиться по выходным на “хате”», по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается в 2,8 раза; к группе «Heavy-любители выпить все и со всеми» — увеличивается в 1,8 раза; к группам «Любители пригубить в кругу близких» и «Одинокие heavy-потребители алкоголя» — увеличивается на 59%; к группе «Семейные потребители легкого алкоголя» — увеличивается на 49%. Иными словами, при прочих равных, чем больше и чаще пьют близкие друзья-юноши студента, тем вероятнее, что он сам будет употреблять алкоголь в принципе, причем делать это часто и в компании.

При увеличении выраженности фактора интенсивного характера потребления алкоголя близкими друзьями-девушками на один пункт, вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Любители напиться по выходным на “хате”» по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается в 3,7 раза; к группе «Heavy-любители выпить все и со всеми» — увеличивается в 3,2 раза; к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие» — увеличивается в 2,8 раза; к группе «Любители пригубить с близкими» — увеличивается в 2,6 раза; к группе «По-

требители легкого алкоголя» — увеличивается в 2 раза. Иными словами, при прочих равных, чем больше и чаще пьют близкие друзья-девушки студента, тем больше он сам будет употреблять алкоголь. Причем интересно, что влияние друзей-девушек сильнее, чем друзей-юношей. Можно предположить, что это связано с установкой о нормальности употребления алкоголя юношами.

Исследователи отмечают, что «родительские проблемы и поведение могут оказывать серьезное и устойчивое влияние на детей»¹ и что отношения внутри семьи влияют на пристрастие к алкоголю даже больше, чем структура семьи. Таким образом, мы предполагали, что структура семьи и характер внутрисемейных отношений влияют на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя: вероятность принадлежать к типу, характеризующемуся высоким потреблением алкоголя, выше у студентов из неполных семей и у студентов из семей с плохими отношениями между их членами (*гипотеза 8*).

Гипотеза 8 о том, что структура семьи и характер внутрисемейных отношений влияют на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя, подтвердилась частично: при увеличении индекса теплоты взаимоотношений в семье на один пункт вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Любители пригубить с близкими» по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается на 23%. То есть, при прочих равных, чем лучше взаимоотношения между всеми членами семьи студента, тем вероятнее он будет потреблять легкий алкоголь в компании близких людей («Потребители легкого алкоголя» и «Любители пригубить с близкими»).

Если студент вырос в полной семье, вероятность принадлежать к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие» снижается на 68%. Иными словами, при прочих равных, студенты из неполных семей вероятнее будут употреблять крепкий алкоголь в больших количествах в одиночестве.

Нами также было установлено, что если кто-то из окружения студента сталкивался с проблемами, вызванными алкоголем (зависимость, проблемы со здоровьем, учебой, работой и т.п.), то вероятность принадлежать к группе «Потребители легкого алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие» снижается на 45%. Интересно, что, при прочих равных, опыт взаимо-

¹ Miller P. Family structure, personality, drinking, smoking and illicit drug use: A study of UK teenagers. *Drug and Alcohol Dependence*. 1997. P. 128.

действия с людьми, которые имели/имеют проблемы с употреблением алкоголя, не влияет на принадлежность к типам потребления, характеризующимся высоким уровнем потребления алкоголя, но снижает вероятность употреблять легкий алкоголь дома.

Кроме того, влияние на потребление алкоголя среди студентов оказывает досуг, а именно его насыщенность¹. Мы предполагали, что активность досуговой жизни студента влияет на его вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя: вероятность принадлежать к типу, характеризующемуся низким потреблением алкоголя, выше у студентов с высокой активностью досуговой жизни (*гипотеза 9*).

Гипотеза 9 о том, что активность досуговой жизни студента влияет на его вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления, подтвердилась частично: в первую очередь нужно отметить, что влияние обнаружено именно от типа проведения досуга. При увеличении выраженности фактора проведения досуга, связанного с посещением массово-развлекательных мест, на единицу, вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Heavy-любителей выпить все и со всеми» по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается в 2,5 раза; к группе «Любители напитки по выходным на “хате”» – увеличивается на 85%; к группе «Потребители легкого алкоголя» – увеличивается на 24%; к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя» – на 69%; к группе «Потребители легкого алкоголя» – увеличивается на 20%. Таким образом, при прочих равных, чем чаще студент проводит досуг, посещая различные заведения (бары, рестораны, кафе) и массово-развлекательные места (кино, встречи с друзьями, массовые мероприятия), тем вероятнее он будет употреблять алкоголь в принципе.

При увеличении выраженности фактора проведения «спокойного» досуга на единицу вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие», увеличивается на 93%. Иными словами, при прочих равных, чем чаще студент проводит досуг за домашним просмотром фильмов и сериалов, встречами с друзьями, прогулками в парках, чтением книг и в интернете, тем веро-

¹ Разинский Г. Социальная среда как комплекс факторов приобщения/неприобщения к субкультуре потребления молодежью психоактивных веществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 32–37.

ятнее он будет принадлежать к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя».

При увеличении выраженности фактора проведения культурного досуга на единицу вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Любители напитки по выходным на “хате”» по сравнению с группой «Непьющие» уменьшается на 27%. Иными словами, при прочих равных, чем чаще студент проводит досуг за посещением музеев и театров, чтением книг и занятием хобби, тем меньше вероятность того, что он будет принадлежать к группе, характеризующейся сильным потреблением алкоголя по выходным в квартирах.

Также в изученных исследованиях была отмечена роль социокультурной среды, устанавливающей модели поведения, которые усваиваются молодежью как нормальные. Во многих культурах алкоголь не считается чем-то вредным, а воспринимается как напиток, ассоциирующийся с весельем, праздниками и достижениями². Поэтому мы предполагали, что субъективные представления студента о нормальности употребления алкоголя среди студентов и в обществе влияют на его вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя. Так, вероятность принадлежать к типу, характеризующемуся высоким потреблением алкоголя, выше у студентов, в чьих субъективных представлениях потребление алкоголя в обществе является нормой (*гипотеза 10*).

Гипотеза 10 о том, что субъективные представления студента об общепринятости употребления алкоголя среди студентов и в обществе влияют на вероятность принадлежать к тому или иному типу потребления алкоголя, подтвердилась: при увеличении выраженности фактора представления о нормальности потребления алкоголя среди студентов и в обществе на один пункт вероятность того, что студент будет принадлежать к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя» по сравнению с группой «Непьющие» увеличивается на 64%. Иными словами, при прочих равных, чем больше студент считает нормальным потребление алкоголя в российском студенчестве и в российском обществе в целом, тем вероятнее он будет принадлежать к группе «Одинокие heavy-потребители алкоголя».

В качестве объясняющих переменных в модели также были использованы такие показатели, как число часов в день, затраченных на обу-

² Donovan R., Pettigrew S. A Literature Review of the Factors that Influence Alcohol Consumption and the Effectiveness of Past Interventions. Perth: Curtin University of Technology, 2003. P. 32

чение, наличие работы и тип города, в котором вырос студент. Влияние этих показателей оказалось статистически незначимым для каждого из выявленных типов потребления алкоголя. Иными словами, при прочих равных, время, затрачиваемое на обучение, наличие работы и тип города, где вырос студент, не влияют на то, как он употребляет алкоголь.

Дискуссия

Нами были выявлены различные типы потребления алкоголя, характеризующиеся разной степенью интенсивности потребления алкоголя: «Неаву-любители выпить все и со всеми» (27%), «Потребители легкого алкоголя» (33%), «Любители пригубить с близкими» (8%), «Одинокие heavy-потребители» (6%), «Любители напиться по выходным на “хате”» (10%), «Непьющие» (16,5%). Сами группы по практикам потребления являются достаточно разнородными по различным характеристикам потребления. Употребление алкоголя связано не только и не столько с частотой и объемом, сколько с практиками потребления, которые в сумме формируют единый стиль потребления алкоголя. Таким образом, потребление алкоголя фрагментарно по набору выделяемых типов, при этом сами типы характеризуются разнообразностью практик потребления алкоголя. То есть не существует групп потребителей алкоголя среди студентов, которые бы, например, характеризовались исключительно потреблением одного типа напитков, в конкретном месте, с определенными людьми. Выявленные группы разнородны, при этом практики потребления алкоголя внутри самих групп также оказались разнообразными.

Получившаяся типология практик потребления алкоголя подтверждает теорию о фрагментарности потребления и воспроизводстве разнообразных, независимых от экономического положения стилей жизни в современном обществе. Принадлежность к тому или иному типу зачастую не определяется экономическим статусом студента. Хотя и наблюдается зависимость от его личных доходов, это может быть объяснено при помощи теории множественных денег В. Зелизер¹: студенты готовы тратить на алкоголь заработанные лично, но не родительские деньги.

Что касается неэкономических факторов, в первую очередь наиболее сильно выделяется

фактор потребления алкоголя окружением студента. Высокое потребление алкоголя близкими друзьями-юношами и близкими друзьями-девушками положительно влияет на потребление алкоголя студентом. Интересно, что сильно дифференцируется влияние родителей: потребление алкоголя отцом не оказывает значимого влияния, в то время как потребление матерью отрицательно влияет на потребление алкоголя. Стоит отметить, что потребление алкоголя отцом, возможно, воспринимается как общепринятая норма, поэтому факт его интенсивного потребления не оказывает значительного влияния на потребление студента.

Также стоит отметить, что образ жизни студента, в частности то, каким образом он проводит досуг, влияет на тип потребления. Студенты, которые чаще проводят досуг в культурных местах, менее склонны к интенсивному чрезмерному потреблению. Посещение заведений и развлекательных мест делает более вероятным потребление алкоголя в принципе. Однако тут возникает проблема каузальности связи, то есть сложно сказать, что именно является причиной, а что следствием. Неизвестно, что именно оказывает влияние: досуг на потребление алкоголя, или практики потребления алкоголя определяют то, как человек проводит свой досуг.

Кроме того, восприятие потребления алкоголя в обществе как нормы влияет на определенный тип потребления алкоголя, условно названный «Одинокие-heavy потребители». Студенты, принадлежащие к данному типу, судя по всему, при потреблении ориентируются не на близких, а на принятые в обществе нормы.

Оказалось, и девушки-студенты, и юноши-студенты с одинаковой вероятностью могут принадлежать к группе «Неаву». В то же время пол оказывает существенное влияние на принадлежность к таким типам потребления, как «Потребители легкого алкоголя» и «Потребители с близкими», которые, таким образом, можно характеризовать как «женские».

Таким образом, можно сказать, что практики потребления алкоголя студентами в большей степени детерминируются социальными факторами (взаимоотношения в семье и потребление алкоголя близким окружением, способы проведения досуга и восприятие потребления алкоголя как общественной нормы).

¹ Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология. 2002. № 4. С. 63–64.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 10

ОБЪЯСНЕННАЯ СОВОКУПНАЯ ДИСПЕРСИЯ ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ПО ЧАСТОТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУГА

Всего	Начальные собственные значения			Суммы квадратов загрузок вращения		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
«Досуг, связанный с посещением массово-развлекательных мест»	4,279	21,393	21,393	2,525	12,623	12,623
«Культурный досуг»	1,530	7,649	29,041	1,972	9,860	22,483
«Активный спортивный досуг»	1,491	7,456	36,497	1,889	9,444	31,928
«Спокойный досуг»	1,371	6,856	43,353	1,725	8,625	40,552
«Визуальный досуг»	1,250	6,250	49,603	1,542	7,711	48,263
«Компьютерные игры»	1,012	5,059	54,662	1,280	6,399	54,662

Таблица 11

ИСХОДНЫЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРЕМЕННЫХ ДЛЯ ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ПО ОЦЕНКЕ ОБЩЕПРИНЯТОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ

(в % по столбцу)

Оценка	В России потребление алкоголя является одной из формой проведения досуга	В России досуг чаще всего сопровождается потреблением алкоголя	В России потребление алкоголя является общепринятым	В России потребление алкоголя является общепринятым среди студентов	Потребление алкоголя является общепринятым среди тех, с кем вы учитесь
Полностью не согласен	4,4	4,3	1,6	2,4	0,7
Скорее не согласен	8,9	13,9	4,5	12,3	3,3
И согласен, и не согласен	23,7	27,5	22,3	27,8	16,2
Скорее согласен	40,5	39,1	52,4	40,5	51,4
Полностью согласен	22,5	15,2	19,2	16,9	28,3
Всего	100	100	100	100	100

Таблица 12
ИСХОДНЫЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРЕМЕННЫХ ДЛЯ ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ПО ДОСУГУ (в % по столбцу)

Частота	прогулки по городу, в парках	домашний просмотр фильмов	просмотр ТВ	спорт, фитнес	секции, кружки	книги	кинотеатр	театр	рестораны	кафе	бары	массовые мероприятия	музеи, выставки	спортивные мероприятия (зритель)	интернет	компьютерные игры	хобби	шопинг	активный отдых	встречи с друзьями	пассивный отдых
Никогда	2,8	3,1	36,8	12,3	49	5,3	5,6	27,3	24,9	7,5	36,1	16,7	11,8	51	0,8	39,6	23	13	9,3	2,1	18,9
1–2 раза в год	3,2	3,5	12,2	8,2	11,8	7,2	16,2	37,9	25,1	9,9	18,3	35,7	23	23,2	0,6	13,5	10,2	19,5	16,8	2,5	11,4
2–3 раза в полгода	13,8	9,6	10,3	10,4	8,6	12,8	32,7	22,5	23	20,9	20,6	29,5	33	14,4	2	8,7	14,3	34,5	29,2	10,1	13,8
1–2 раза в месяц	36,5	27,1	15,1	19	10,1	25,4	38,8	9,7	19,6	38,5	19,8	14,7	26,5	7,7	4,5	13,3	20,5	29,1	30,9	31,3	27,3
1–2 раза в неделю и чаще	43,7	56,7	25,6	50,2	20,4	49,2	6,6	2,6	7,4	23,2	5,2	3,4	5,7	3,7	92	24,8	32	3,9	13,8	54	28,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

КЛАСТЕРНАЯ МОДЕЛЬ ПО ТИПАМ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ

Метод средней связи (между группами) по всем переменным	Частота	Количество выпиваемых порций	Потребление в дни недели	Напиваются ли	Места потребления алкоголя				С кем употребляют алкоголь						Напитки, которые употребляют				
					Место проживания	В гостях	Заведения	Общественные места	Один	Однокурсники	Знакомые, соседи	Родители, родственники	Партнер	Легкие напитки (вино, шампанское)	Пивные напитки (пиво, сидр)	Водка	Крепкий алкоголь (виски, коньяк, ром, джин, текила, абсент)	Барные коктейли	Ликеры, крепленые вина
Неау- любители выпить все и со всеми	Среднее	4,89	,4341	,6548	4	4	4	2	,09	,51	,33	,17	,29	,88	,94	,80	,92	,73	,80
Потребители легкого алкоголя	Медиана	3,09	,3843	,1887	2	2	2	1	,07	,23	,14	,44	,08	,78	,41	,23	,47	,19	,20
Любители пригубить с близкими	Среднее	2,41	,3747	,2467	3	3	2	1	,06	,08	,04	,55	1,00	,92	,47	,12	,42	,25	,24
Одинокие неау-потребители	Медиана	5,50	,6397	,8419	4	4	4	3,62	,92	,37	,11	,08	,09	,81	,99	,89	1,00	,41	,77
Любители напиться по выходным на «хате»	Среднее	4,56	,2833	,7561	4	4	3	2	,12	,49	,29	,25	,18	,79	,98	,71	,89	,14	,07
Всего	Медиана	3,94	,4048	,4570	3	3	3	1	,14	,34	,21	,32	,25	,83	,69	,50	,69	,38	,42

Примечания.

Частота – порядковая переменная (1 – «Раз в год и реже», 2 – «Несколько раз в год», 3 – «Примерно раз в месяц», 4 – «2–3 раза в месяц», 5 – «Примерно раз в неделю», 6 – «2–3 раза в неделю», 7 – «Практически каждый день»).

Количество выпиваемых порций – количественная переменная, которая обозначает, сколько примерно респондент выпивает «стандартных» напитков за раз.

Потребление в дни недели – дихотомическая переменная, которая обозначает, в какие дни респондент предпочитает потреблять алкоголь (0 – «По пятницам и выходным»; 1 – «Вне зависимости от дня недели»). Соответственно, если среднее значение этой переменной по какому-либо кластеру ближе к нулю, то значит, представители этого кластера предпочитают потреблять алкоголь по выходным.

Напиваются ли – дихотомическая переменная, где 0 – «Никогда не напиваются», 1 – «Да, напиваются».

Места потребления алкоголя:

Место проживания – порядковая переменная, частота потребления алкоголя в месте проживания (1 – «Никогда», 2 – «1–2 раза в год», 3 – «2–3 раза в полгода», 4 – «1–2 раза в месяц», 5 – «1–2 раза в неделю и чаще»).

В гостях – порядковая переменная, частота потребления алкоголя в гостях (1 – «Никогда», 2 – «1–2 раза в год», 3 – «2–3 раза в полгода», 4 – «1–2 раза в месяц», 5 – «1–2 раза в неделю и чаще»).

Заведения – порядковая переменная, частота потребления алкоголя в заведениях (1 – «Никогда», 2 – «1–2 раза в год», 3 – «2–3 раза в полгода», 4 – «1–2 раза в месяц», 5 – «1–2 раза в неделю и чаще»).

Общественные места – порядковая переменная, частота потребления алкоголя в общественных местах (1 – «Никогда», 2 – «1–2 раза

в год», 3 – «2–3 раза в полгода», 4 – «1–2 раза в месяц», 5 – «1–2 раза в неделю и чаще»).

С кем употребляют алкоголь:

Один – дихотомическая переменная, факт одиночного потребления (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Однокурсники – дихотомическая переменная, факт потребления алкоголя с однокурсниками (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Знакомые, соседи – дихотомическая переменная, факт потребления алкоголя с знакомыми, соседями (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Родители, родственники – дихотомическая переменная, факт потребления алкоголя с родителями, родственниками (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Партнер – дихотомическая переменная, факт потребления алкоголя с партнером (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Типы алкогольных напитков, которые потребляют:

Легкие напитки (вино, шампанское) – дихотомическая переменная, факт потребления легких напитков (вино, шампанское) (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Пивные напитки (пиво, сидр) – дихотомическая переменная, факт потребления пивных напитков (пиво, сидр) (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Водка – дихотомическая переменная, факт потребления водки (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Крепкий алкоголь (виски, коньяк, ром, джин, текила, абсент) – дихотомическая переменная, факт потребления крепкого алкоголя (виски, коньяк, ром, джин, текила, абсент) (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Барные коктейли – дихотомическая переменная, факт потребления барных коктейлей (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Ликеры, крепленые вина – дихотомическая переменная, факт потребления ликеров, крепленых вин (0 – «Нет», 1 – «Да»).

Таблица 14

ПОВЕРНУТАЯ МАТРИЦА КОМПОНЕНТОВ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ПО ЧАСТОТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУГА

	Компонента					
	«Досуг, связанный с посещением массово-развлекательных мест»	«Культурный досуг»	«Активный спортивный досуг»	«Спокойный досуг»	«Визуальный досуг»	«Компьютерные игры»
Бары	,741					
Рестораны	,677					
Кафе	,663					
Встречи с друзьями	,472			,548		
Кинотеатр	,441				,429	
Массовые мероприятия	,410	,465				
Хобби		,649				
Книги		,605		,402		
Музеи, выставки		,596				
Театр		,595				
Спорт, фитнес			,733			
Секции, кружки			,690			
Активный отдых			,609			
Спортивные мероприятия (зритель)			,533			
Прогулки по городу, в парках				,561		
Домашний просмотр фильмов, сериалов				,445		
Просмотр ТВ					,784	
Интернет				,686		
Компьютерные игры						,798
Шопинг					,561	
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера						
а. Вращение сошлось за 9 итераций						

Таблица 15

МАТРИЦА КОМПОНЕНТ ДЛЯ ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В ОБЩЕСТВЕ КАК НОРМЫ

Вопросы-суждения	Компонента	
	«Убеждение об общепринятости потребления алкоголя в обществе»	
Потребление алкоголя является общепринятым		,819
Потребление алкоголя является общепринятым среди тех, с кем вы учитесь		,783
В России потребление алкоголя является одной из форм проведения досуга		,718
Потребление алкоголя является общепринятым среди студентов		,715
В России досуг чаще всего сопровождается потреблением алкоголя		,712
Метод выделения факторов: метод главных компонент		
а. Извлечено компонентов – 6		

Таблица 16

ОБЪЯСНЕННАЯ СОВОКУПНАЯ ДИСПЕРСИЯ ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ПО ПОТРЕБЛЕНИЮ АЛКОГОЛЯ ОКРУЖЕНИЕМ

Компонента	Начальные собственные значения			Суммы квадратов загрузок вращения		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
«Сильное потребление друзей-юношей»	4,120	18,726	18,726	2,803	12,741	12,741
«Сильное потребление отца»	2,810	12,775	31,501	2,586	11,755	24,496
«Сильное потребление партнера»	2,158	9,808	41,310	2,470	11,227	35,723
«Интенсивное потребление друзей и подруг»	1,977	8,988	50,298	2,190	9,956	45,679
«Сильное потребление матери»	1,427	6,485	56,783	2,048	9,310	54,989
«Потребление крепких напитков большинством подруг»	1,367	6,215	62,997	1,762	8,008	62,997
Метод выделения факторов: метод главных компонент						

Таблица 17

ИНФОРМАЦИЯ ПОДГОНКИ РЕГРЕССИОННОЙ МОДЕЛИ

Модель	Критерии подгонки модели			Критерии отношения правдоподобия		
	AIC	BIC	-2 Log-правдоподобие	Chi-квадрат	Ст.св.	Знач.
Только свободный член	2977,445	3001,540	2967,445			
Окончательная	2479,009	2936,810	2289,009	678,436	90	,000

Таблица 18

КРИТЕРИЙ СОГЛАСИЯ РЕГРЕССИОННОЙ МОДЕЛИ

	Chi-квадрат	Ст.св.	Знач.
Пирсона	4442,867	4565	,900
Отклонение	2289,009	4565	1,000

Таблица 19

ПОВЕРНУТАЯ МАТРИЦА КОМПОНЕНТОВ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ПО ПОТРЕБЛЕНИЮ АЛКОГОЛЯ ОКРУЖЕНИЕМ

	Компонента					
	«Сильное потребление друзей- юношей»	«Сильное потребление отца»	«Сильное потребление партнера»	«Интенсивное потребление друзей и подруг»	«Сильное потребление матери»	«Потребление крепких напитков большинством подруг»
Употребление алкоголя партнером			,770			
Партнер пьет чаще			,812			
Партнер пьет больше			,818			
Партнер предпочитает крепкие напитки			,700			
Употребление алкоголя подругами						,665
Большинство подруг пьет						,663
Подруги пьют чаще				,779		
Подруги пьют больше				,801		
Подруги предпочитают крепкие напитки						,619
Употребление алкоголя друзьями	,800					
Большинство друзей пьет	,756					
Друзья пьют чаще	,726			,418		
Друзья пьют больше	,699			,433		
Друзья предпочитают крепкие напитки	,663					
Употребление алкоголя матерью (опекуном)					,636	
Мать пьет чаще					,793	
Мать пьет больше					,781	
Мать предпочитает крепкие напитки					,546	
Употребление алкоголя отцом (опекуном)		,743				
Отец пьет чаще		,788				
Отец пьет больше		,836				
Отец предпочитает крепкие напитки		,764				

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера

а. Вращение сошлось за 7 итераций

Исходные распределения переменных для факторной модели по потреблению алкоголя окружением (в % по столбцу)

Таблица 20

ИСХОДНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕМЕННОЙ «УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ»

Употребление алкоголя	Партнер	Друзья-девушки	Друзья-юноши	Мать	Отец
Да	39,1	88,3	88,6	67,2	71,8
Нет	15,2	5,6	3,2	26,9	14,9
Всего	54,4	93,8	91,8	94,1	86,7
Пропущенные	45,6	6,2	8,2	5,9	13,3
Всего	100	100	100	100	100

IN MEMORIAM

Памяти Алексея Гражданкина

(10.10.1959 – 07.07.2017)

Не стало нашего коллеги и товарища Алексея Ивановича Гражданкина. Его уход стал огромной потерей для центра, в котором он работал с момента его основания, равно как и для всей сферы социологии общественного мнения, изучению которой он посвятил всю свою жизнь.

Он был одним из тех, кто составил исследовательскую команду, создавшую первый Всесоюзный (с 1991 года – Всероссийский) центр изучения общественного мнения. В 2003 году вместе с коллегами ушел в Левада-Центр, в котором и проработал до последних дней.

Его авторитет и профессионализм в социологическом и поллстерском сообществе неоспорим. Без его знаний, умений и тонкого человеческого понимания центр бы не достиг той научной и общественной репутации, которой он сейчас обладает.

Память об Алексее Ивановиче навсегда остается с нами.

Коллектив Левада-Центра

Авторы номера:

Макаренко Борис Игоревич — кандидат политических наук, председатель правления Центра политических технологий, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук, НИУ ВШЭ)

Чижов Георгий Львович — руководитель исследовательских программ Центра содействия реформам (Киев)

Рябов Андрей Виленович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения»

Кынев Александр Владимирович — кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (департамент политических наук, НИУ ВШЭ)

Берелович Алексис — социолог, историк (Париж)

Волков Денис Александрович — Левада-Центр

Гончаров Степан Владимирович — Левада-Центр

Пипия Карина Джаниеровна — Левада-Центр

Кочергина Екатерина Владимировна — Левада-Центр

Гудков Лев Дмитриевич — Левада-Центр

Зоркая Наталья Андреевна — Левада-Центр

Казун Анастасия Дмитриевна — мнс лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Гольдман Ольга Эмильевна — директор, АНО «Проект Содействие».

Бердышева Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, снс лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Студенты и аспиранты факультета социальных наук департамента социологии НИУ ВШЭ

Корси Элизабетта

Артемьева Нина Михайловна

Богданов Михаил Богданович

Лебедев Даниил Вадимович

Назимова Алина Сергеевна

SUMMARY

Populism and Political Institutions: A Comparative Perspective (by Boris Makarenko).

The article builds an institutional framework for the study of populism. It starts by defining populism not as an ideology or political doctrine but rather as a distinctive feature of political forces and doctrines which accent confrontation between privileged elites and masses, and stress unity over equality, populism is also defined as a method and style of social mobilization in support of such doctrines. Populism is interpreted as a symptom of inadequate representation of public interests in the domain of politics. The author argues that populism may thrive in both democratic and non-democratic political regimes. In democracies, it erodes the quality of democratic governance, in non-democracies, populism checks the development of pluralism, institutional development and civic culture.

Looking at the rising wave of populism in Europe and the USA, the article explains its reasons (primarily, aftereffects of the economic crisis and controversies of postmodernist values) and distinguishes between three different models of populism: «old European» – mostly right-wing populism; «mediterranean» – left-wing populism, and «postcommunist». The article looks at criteria of «success» of various types of populism and finds the scope of success relatively moderate; however, the author warns against simplistic assumptions that populist rulers will soon be voted out of government due to their economic failures. Predicting that populism will remain a significant phenomenon of Western politics, the author suggests that «the way out of populism» requires an adequate response of mainstream political forces to problems that provoked the populist wave (economic crisis, jobs, migration).

Populism in Western Europe and Russia: common traces and peculiarities in the comparative perspective (by Andrey Medushevsky). Populism reveals itself in Western Europe and Russia as a dynamic social phenomenon of the current

historical period demonstrating some important common features in different countries of the region. The idea of this article is to reconsider this phenomenon, to understand its comparative impact on social and political transformation and to find possible ways to overcome it. The author debates the following questions: the definition of populism and its most typical characteristics in past and present; the populist cognitive construction of social reality – system of myths, attitudes and frames of political behaviour; the impact of the current right-wing turn in the European social consciousness on the development of conservative nationalism and the role of the liberal mainstream mistakes in the rise of right-wing populism. In this comparative context the author analyses the phenomenon of the Russian populism – its social backgrounds, theoretical constructions and peculiarities, implications in different areas of the national cultural and legal development and the general impact on Post-Soviet political regime transformation.

Paradoxes of modern day populism. The causes of its upsurge in developed democracies and lack thereof in the former USSR (by Andrey Ryabov).

The article focuses on the populist parties, leaders and movements in the developed Western countries and the post-Soviet countries that actually influence on the domestic policy progress in their countries. Two traits important for understanding the essence of populism are determined: firstly, upon their foundation and during their rise to power populist movements and parties are always set against the current establishment. Secondly, challenging the ruling elites in the attempt to get the protest electoral votes, populists usually offer solutions based on simplified notions existing in mass consciousness which can rarely be realized without disorganizing the country's economic, social and political life.

The rise of populism does not hinge on the country's socio-economic or political development level, while the most important condition for the growth of populist influence is high levels of civic

and political activity of the populace. It is present in Europe and is absent in the post-Soviet countries. In developed Western countries it takes place during a development crisis that signifies a shift from the socio-liberal capitalism of the second half of the 20th century to a different societal model, matching the realities of the new century.

The power of populism in this day and age is not in the kind of ideas it offers which either boil down to simple solutions or face the past, but in the absence of serious projects of the future on the political market. Therefore the current rise of populism in developed democracies will most likely be short-lived.

In post-soviet countries, amidst a different kind of crisis, – that of stagnation and decline – that the region's countries are going through, there are no conditions for the development of populism. The elites here are autonomous from society and have no need for mass political mobilizations, while the masses are passive and at best only rarely demonstrate high levels of political involvement.

Ukraine. Embraced by populism: Preconditions of political populism in the Ukraine (by Georgiy Chizhov). The article focuses on the origins of continuously noticeable role that populism plays in Ukraine's domestic policy and party construction processes from the moment of foundation (or reinstatement) of the Ukrainian nationhood late in the XX century. Populism's transformation into political mainstream is explained by the strong paternalistic demand subsisting in Ukrainian society since the 1990-es, the lack of a public demand for a clearly phrased crisis recovery roadmap, the long institutional crisis when a large part of public demands remains unsatisfied, as well as the illusion retained by a large social group that independence in and of itself is capable of insuring a decent and comfortable existence for the country and its citizens.

The author analyzes the existing paradox: despite the long tradition of competitive elections in the Ukraine, the party system in the country hasn't really formed: the most influential political parties with rare exceptions are nothing but «support clubs» for their leaders, most political powers ranging from nationalists to liberals place their stakes on loud slogans instead of a meaningful and responsible discussion about the country's development. A phenomenon new for the country comes into being – democratic populism.

Lessening of the role populism plays in politics is associated with the formation of a public demand for responsible political powers prepared to offer

balanced and instrumental solutions, as well as with the accelerated formation of a system of state and social institutions capable of satisfying pressing public demands.

Electoral populism on Russian elections (by Alexander Kynev). The article analyzes electoral populism in Russia as an electoral technology element. In this case the focus is not on populism as a discourse but rather on populist practices. Despite this distinction, populism as a discourse and populism as practices (of electoral populism) have traits in common as well. Both are based on the desire to exploit mass (popular) myths, fears, misconceptions and phobias using them to set one's self off against the demonized «other» (elite, part of society), to simplify and primitivize problems and notions about the solutions thereto, often creating fake hopes and illusions and even fears.

Electoral populism on Russian elections is divided by the author into populism of the authorities and that of the opposition based on the technologies, ideas and slogans used. Populism of the authorities is usually in turn divided into threat populism, promises populism and demonstrative play act populism. Populism of the opposition in Russia unlike that of the authorities is almost always one of promises and is limited by the dependence of the Russian opposition on the authorities both legal, financial and organizational. Thus it almost never is anti-elitist in nature, since in that case the party or particular citizen quickly lose the ability to participate in elections.

One of the popular oppositional technologies in Russia is collecting signatures during the election campaign, often to effect the resignation of this or that official or to demand a referendum which a priori cannot be held, or the ideas of which cannot be realized. One of the key lines of oppositional populism in Russia is introduction of flagrantly impracticable or unacceptable law initiatives, guaranteeing only a mention in the media and making the scandalous news.

Besides the above scale, the examples of electoral populism listed in the article have a certain time and frequency of use localization as well.

Putin – the populist in comparison to European leaders (by Alexis Berelowitch). The author highlights common features and differences of the three European politicians from different political system – authoritarian regime in Russia, parliamentary republic in Italy and president republic in France – Vladimir Putin, Silvio Berlusconi and Nicolas Sarkozy. The comparison

is built on three dimensions: 1) authenticity, identity and protection from enemies; 2) language; 3) culture; 4) body image; 5) biography, personal myth; 6) image of people's defender «the people and I»; 7) representation in media – TV broadcast. All three leaders share the same desire for public approval; this explains the constant interest from three leaders towards public opinion polls. Whereas Vladimir Putin masterly uses the image of a populist politician he differs from his counterparts in economical terms, hence he could not be determined as a populist politician in comparison to Silvio Berlusconi and Nicolas Sarkozy.

Peculiarities of Russian populism (by Lev Gudkov). The author views populism as a reaction to the dysfunctions or discovered incompetence of state and political institutions. Most often it's the populist reactions of the masses to dysfunctions that are taken into account, in more rare cases - populism of the upper classes attempting to escape the increasing difficulties of governance, most often of their own creation. Such crisis situations mark the limits of large-scale ideologies or the exhaustion of faith therein. Such institutional dysfunctions (real or perceived) are seen by the public as serious social-political or social-economical defects of a sclerotic social system which has lost the ability to react adequately to external or internal, economical, environmental, social, military or other negative factors. The peculiarity of Russia's current populism has to do with the appearance of Alexey Navalny on the political arena – a nonparty activist not connected to any organized political structure. The fact of his mass popularity meant that the existing party structure is experiencing a serious crisis and is not as solid as it was before the mass protests of 2011–2013.

Russian Media-Landscape: Main Trends in Media-Consumption (by Denis Volkov and Stepan Goncharov). The article explores the main trends in news consumption in Russia. The assessment of the size of the audience of the main TV channels, radio stations, newspapers and source in the internet is calculated. Trust in different media sources is measured. The authors try to assess the size and main characteristics of the audience of «independent media» in Russia compared to the characteristics of the audience of the mainstream TV-channels. Special attention is paid to the trends in the news-consumption in the internet and social network usage. The authors conducted semantic analysis of the main government Russian TV channels to single out images, attitude models rooted in public

opinion. The authors disclose public attitude to censorship and interest in receiving information from different sources.

The structure of migrant's image in the Russian public opinion (by Karina Pipiia). This work provides the results of national polls and focus groups, which were devoted to the problem of negativism of Russian population toward labor migrants from Northern Caucasia, Central Asia, Southern Caucasia, Ukraine, Belarus and migrants from other regions that are predominantly Russian. The negative perception of migrants dominates in public opinion (especially towards Northern Caucasia and Central Asia migrants). Nonetheless the level of negativism varies across respondents which feel a repulsion for migrants from one-two outcome region, three-four or five-six.

Labour and cultural parameters prevail in migrant's perception. The presence of friendship contacts with migrants levels down negativist rhetoric toward migrants and their professional level. Whilst the presence of friendship contacts has no influence on cultural perception of migrants. Paternalistic consciousness promotes the high level of negativism towards immigration to Russia and the perception of migrants as burden to economy and labor competition.

How Russian society responds to the neo-traditionalist politics of Russian state: attitudes towards abortions (by Ekaterina Kochergina). There is a substantial turn in recent Russian politics towards conservatism and family values. Top Russian officials and church leaders have spoke several times in favor of abortion ban in Russia, or at least getting it out of general medical insurance plan. The research on reproductive planning and attitudes towards abortions, attitudes and values concerning the reproductive behavior of Russians are scarce. This work was designed to fill some of the gaps in the literature devoted to public opinion on the topic of family planning and attitudes towards abortions.

The paper describes and discusses several paradoxes in public consciousness about abortions and use of contraceptives. The majority of Russians speaks out against the full prohibition of abortion in Russia and suggests that Russian government should not interfere in this issue; instead these are women who should make such decisions. Among reasons that influence women's decision to have an abortion are poverty, if pregnancy has a potential health risk for women, health anomalies in fetus, and if pregnancy is a result of rape. Almost quarter of respondents think that the best way to prevent

abortion is to not have sexual contacts before marriage. Thus, there is a strong belief among Russians that a) there are no a hundred percent contraception methods preventing pregnancy and b) children should be born in marriage, there is a strong image of nuclear family in Russian public consciousness. If Russian government shall take any steps to lower the number of abortions Russians want them to be economical and educational measures: rise of childcare allowance and an implementation of state sex education programme in schools.

Abortion is not perceived as a human right or as political issue; it serves a very basic and utilitarian function. Russian families tend to plan the appearance of children in their life. Abortion is seen as immoral step and a potentially hard and even life threatening invasion, but lack of knowledge of contraceptive methods makes abortion an instrument of birth regulation.

Anticancer Care in Russia: Some Results of Moscow Cancer Patients' Survey (by Olga Goldman and Elena Berdysheva). The article describes the results of a mass target-group survey among Muscovites with an oncologic diagnosis, undertaken as part of public control procedures over the implementation of the President of Russia May Orders targeted at improvement of cancer statistics in Russia. The study focuses on certain aspects of oncologic assistance in Russia, namely: the level of alertness in regards to oncology demonstrated by Russian citizens and their readiness for prophylactic oncologic self-monitoring; levels of awareness among patients diagnosed with cancer about oncologic diseases and methods of treatment thereof guaranteed by the public healthcare system; transparency of treatment logistics in oncologic early treatment centers and specialized hospitals as well as certain issues of interaction between patients and their attending doctors.

The poll results received are discussed on the basis of a number of meetings with experts that practicing oncologists, medical officials, patient organizations representatives, medical lawyers and sociologists participated in as part of the research project. The main conclusion of the study is that the system of oncologic assistance in Russia, reviewed with the city of Moscow as a successful case-study – demonstrates positive change, however capitalizing on it requires that priorities be set in regards to the measures undertaken by the state. The first and furthestmost of them is improving people's awareness of cancer predictors and ways to postpone getting it together with stressing their personal responsibility for their health.

The wiping out of history: what is left of the revolutionary myth? (by Lev Gudkov and Natalia Zorkaya). The article analyzes the process of systematic stamping out in the post-soviet society of the meaning and value of the revolutionary events of 1917 and their social, political consequences for society which brought about the rise of the totalitarian Soviet state. In the short period of Perestroika, when attempts to gauge the price of the revolution, totalitarian dictatorship were made, Russians by and large couldn't resolve themselves to making a fundamentally different evaluation of the events of 1917 as a radical revolt and the source of national catastrophe. After the collapse of the USSR Russia's new leadership, the reformers, tried to distance itself from the Soviet system and destroy the ideological basis legitimizing the totalitarian state, starting with the very idea of revolution. But the choice to undertake economic reforms «from the top» without deep change to the basic social institutions ran into the persistent Soviet mass notions and state paternalism of the populace.

With Vladimir Putin's ascent to power extrusion of the importance of historical knowledge went hand in hand with mythologizing the country's past and discrediting the very idea of reforms. Mass consciousness is moving towards the «stability» and «strong state», typical for Putin's rhetoric (but in their negative form – paranoia and fear of color revolutions)

It seems inevitable that the idea of the past as a myth of the continuous and endless existence of the domination system as a kind of mystical body of the «Thousand-year-long Russia» concept will appear. In other words the idea of homogenizing society («Russia united») and the one-dimensional social make up of the country that is united only by the authorities (the «state» that is total by nature) is reproduced.

Where does agenda come from? The role of the media in setting the importance of events (by Anastasia Kazun). The paper tests the theory of agenda-setting, according to which the media have a great influence on which events are considered important by the people. We compare the results of Levada-Center polls regarding the most memorable events of the month with the number of mentions thereabout in the media. We focused on the period between January 2014 and December 2016. The results of the study confirm the influence of the intensity of discussion in the media on people's attention to the issue. Also, the greater importance of media discussion a week prior to the poll than during the entire month before that

is demonstrated. People remember the events that took place not long before the poll as well as those most intensely discussed in this period better. The importance of regional press in attracting society's attention to various issues has to be noted as well. Issues reported on by central publications and news agencies but ignored by the regional press (like the Davos Economic Forum or the disenfranchisement of the Russian delegation in PACE) are much less memorable for the populace.

Daily life problems of a transgender person in Russia (by Elisabetta Corsi). In the following article I describe the phenomenon of transgenderism in Russia, using the results of a recently made research about main problems that transgender people face in their everyday life. The research consisted of 5 interviews with transgender women who live in Russia and brings out problems in the spheres such as: childhood, personal life, medical care, provision of employment.

Factors determining the type of alcohol consumption among students (by Nina Artemieva, Mikhail Bogdanov, Daniil Lebedev and Alina Nazimova). The youth including college students being a group starting to consume alcohol is of special interest to researchers. This paper examines the types of alcohol consumption demonstrated by Moscow college students and the factors

determining said types. The research focuses not on the amount of alcohol consumed as is the case with the majority of existing works, but actual practices, understood according to Bourdieu as learned behavior schemes, disclosing the key ways of social existence of a group. The typology is based on frequency of alcohol consumption, type of alcohol drinks consumed, volume, place and time (day of the week), indulgence levels and conditions of alcohol consumption (the role of social interactions).

The study was aimed at discovering which factors determine the differences in alcohol consumption practices in a social group homogenous by certain demographical indexes. Typological analysis of student alcohol consumption showed that alcohol consumption practices are to a larger degree determined by social factors than economic or demographic ones. Such social factors as: intense consumption of alcohol by the student's social circle (partner, friends, father), nature of relations in the family, leisure activity type (mass entertainment) and the notion that public alcohol consumption is normal – have a positive influence. Having experience of problems caused by alcohol consumption, «cultured» type of leisure activity and intense alcohol consumption by the student's mother have a negative influence on the intensity of student alcohol consumption.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2017 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное подчеркнуть)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 250 руб. (включая НДС 10% и пересылку почтой)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на журнал

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

платежным поручением № _____ от _____

на расчетный счет **40703810100010000119** в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу:

Куда: _____

Кому: _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Доставка почтой (заказной бандеролью)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 109012, Москва, ул. Никольская, д. 17, или на электронный адрес arysova@levada.ru

ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ

Редакция осуществляет подписку на электронную версию журнала (в формате PDF).

Стоимость подписки на один номер — 165 рублей (включая НДС 18%).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (499) 755-40-39 или пишите на arysova@levada.ru

SUBSCRIPTION

Foreign readers may subscribe for the e-version of our magazine via e-mail arysova@levada.ru

One year subscription costs 25€